

Шестая могила

не за

горами

Автор бестселлеров по версии "New York Times"

ДАРИНДА
ДЖОНС

Если что и может встать между ангелом смерти и чашкой кофе, то уж точно умопомрачительно сексапильный сын Сатаны. После того как Рейес Фэрроу сделал ей предложение, Чарли Дэвидсон кажется, что пора больше узнать о его прошлом. Вот только он не горит желанием делиться подробностями. Когда в руки к Чарли попадает официальное дело ФБР о похищении Рейеса в нежном возрасте, она решает выяснить, что тогда произошло. А значит, провести собственное расследование. Что тут плохого? К сожалению, ей приходится заниматься еще одним делом, у которого могут быть опасные последствия. Очень настойчивые люди хотят, чтобы Чарли выследила свидетеля, вынужденного давать показания против их босса — главного игрока в местном преступном синдикате. Если за сорок восемь часов Чарли не найдет нужный адрес, начнут пропадать ее близкие. Добавьте к этому отчаявшегося мужчину, который хочет вернуть проигранную в карты душу, упрямую мать, решившую во что бы то ни стало найти призрак сына, красивого глухого юношу, которого ужасает недавно приобретенная способность видеть мертвых так же ясно, как и живых, — и у Чарли хлопот полон рот. К тому же Рейес быстро понимает, в какую авантюру она ввязалась, и это лишь подливает масла в огонь, которым, по сути, и является Рейес. Хорошо, что Чарли привыкла заниматься всем и сразу и всегда готова принять вызов. Тем более если вызов появляется в лице Рейеса Фэрроу.

Перевод: EuphonyСверка: EuphonyРедактура: Nikitin
(главы 1–5), RuSa (главы 6-24, Бонус)Худ. оформление: RuSa

Даринда Джонс — Шестая могила не за горами

Перевод — Euphony

Редактирование — Nikitina, RuSa

Аннотация

Если что и может встать между ангелом смерти и чашкой кофе, то уж точно умопомрачительно сексапильный сын Сатаны. После того как Рейес Фэрроу сделал ей предложение, Чарли Дэвидсон кажется, что пора больше узнать о его прошлом. Вот только он не горит желанием делиться подробностями. Когда в руки к Чарли попадает официальное дело ФБР о похищении Рейеса в нежном возрасте, она решает выяснить, что тогда произошло. А значит, провести собственное расследование. Что тут плохого?

К сожалению, ей приходится заниматься еще одним делом, у которого могут быть опасные последствия. Очень настойчивые люди хотят, чтобы Чарли выследила свидетеля, вынужденного давать показания против их босса — главного игрока в местном преступном синдикате. Если за сорок восемь часов Чарли не найдет нужный адрес, начнут пропадать ее близкие.

Добавьте к этому отчаявшегося мужчину, который хочет вернуть проигранную в карты душу, упрямую мать, решившую во что бы то ни стало найти призрак сына, красивого глухого юношу, которого ужасает недавно приобретенная способность видеть мертвых так же ясно, как и живых, — и у Чарли хлопот полон рот. К тому же Рейес быстро понимает, в какую авантюру она ввязалась, и это лишь подливает масла в огонь, которым, по сути, и является Рейес. Хорошо, что Чарли привыкла заниматься всем и сразу и всегда готова принять вызов. Тем более если вызов появляется в лице Рейеса Фэрроу.

Благодарности

Во-первых, большое спасибо вам, замечательные читатели, за то, что согласились на очередное приключение в мире Чарли Дэвидсон. Вам предстоит взять очередное препятствие, друзья. Пусть это путешествие подарит вам много радости, смеха, тепла и приятных впечатлений.

Как всегда, особые и бессмертные благодарности моему невероятному агенту Александре «Батарейке» Макинист и великолепному издателю Дженнифер «Гению» Эндерлин, а так же целиком командам «St. Martin's Press», «Macmillan Audio» и «Janklow & Nesbit». Я невыразимо благодарна всем вам за то, что вы есть! Отдельное спасибо мегаталантливой Лорелее Кинг, которая озвучивает аудиокниги. И маленькая записочка Лорену (ЛОРЕНУ!), который бросил меня ради другого писателя. Точнее ради целой кучи других писателей. Но все в порядке, правда *фыркает*. Теперь у меня есть Ник. Ну а тебе, мистер, я желаю всего самого-самого лучшего!

Спасибо Элиани Торрес! Никогда не пойму, как ты выносишь меня и мои вечные заскоки со злоупотреблением кое-какими словами, которые я не стану приводить здесь списком, чтобы не наградить тебя инфарктом. Огромное спасибо за твое потрясающее, по-настоящему бешеное мастерство! А еще благодарю своих бет — Терезу, Кейт и Рианнон. Ваши замечания и идеи бесценны. Тереза, перед тобой я в неоплатном долгу! Спасибо, что раскрасила небесными цветами самый первый, самый шершавый вариант.

Спасибо, спасибо, спасибо моим выдающимся Гримлетам! Ваша отзывчивость не знает границ. Прошу вас, никогда не забывайте, как дороги вы моему сердцу. Отдельное спасибо Джованне, нашей Гримлет-мамочке, которая умеет рассмешить меня в самые подходящие моменты.

Спасибо всем моим родным и друзьям за любовь и поддержку. Что бы я без вас делала? (Лучше не отвечайте!) Огромное спасибо моим подругам по писательству — несравненной Жаклин Фрэнк и суперклассной К.Л. Паркер. И, раз пошла такая пьянка, большущее спасибо Дж. Р. Уорд. Спасибо, что сумела найти правильные слова за считанные секунды до того, как у меня опустились руки. Всех вас обожаю!

И последнюю, но не менее важную благодарность шлю своей помощнице Дане. Ты — бурлящий, кипучий, неудержимый вихрь под моими крыльями. Каждый день ты поражаешь меня и вдохновляешь быть лучше, чем это в моих силах.

*Майклу и Кэти,
благодаря которым субботние вечера
проходят интереснее и веселее, чем в «Камеди-клубе»*

Хорошо рисовать я умею только пустоту.
Надпись на футболке

— Девушка, мокко латте и голый мертвый мужчина заходят в бар, — сказала я, повернувшись к голому мертвому мужчине на пассажирском сиденье.

Пожилой мертвый дядечка катался в моем вишневом джипе «вранглер» по имени Развалюха уже два дня. Мы, так сказать, сидели на посту. Я вела наблюдение за некими мистером и миссис Фостер, так что лично я точно сидела на посту. На чем сидел Голый Мертвый Дядечка, понятия не имею. Учитывая, что на вид ему было лет сто двенадцать, то скорее всего на антикоагулянтах. И препаратах, снижающих степень холестерина. А еще, судя по состоянию хозяйства, которое маячило перед глазами всякий раз, когда я смотрела на дядечку, на «Виагре». Если бы мне надо было придумать хэштег к этому зрелищу, я бы написала нечто вроде «#обалдела».

Показав дядечке большие пальцы, я опять повернулась к дому, радуясь, что Развалюха со мной. Джип, а не какая-нибудь депрессия. Два дня назад я забрала ее из больницы для машинок. Чтобы починить мою девочку, пришлось сделать несколько операций. А все потому, что в нее врезался разъяренный псих. Развалюху он превратил в покореженный кусок металла, а меня, поскольку я сидела за рулем, — в такой же покореженный плюс полубессознательный организм. Мистер Разъяренный Псих успел воспользоваться ситуацией и приволочь меня на всеми забытый мост, где собирался положить конец моему существованию. Ничего у него не получилось, к тому же в процессе он сам помер, а за его грязные намерения пришлось расплачиваться Развалюхе. И почему плохие парни всегда пытаются навредить тем, кого я люблю?

Этот явно преуспел. Развалюхе было больно. Очень. Никто не хотел за нее браться. Все говорили, что спасти ее нельзя. Что надо отвезти ее на свалку. Слава богу, есть у нас друг семьи, который владеет автомастерской. Совершенно случайно у меня оказалась парочка компрометирующих фото с его участием, поэтому, пусть и очень неохотно, он все-таки согласился попробовать.

Нони держал Развалюху у себя долгих две недели. Потом позвонил сообщить, что пару раз чуть ее не потерял, но она чудом выжила. Когда мне разрешили ее забрать, я так быстро выскочила из дома, что подняла столб пыли, в котором чуть не задохнулась моя ошалевшая лучшая подруга. Она как раз рассказывала мне о паре из квартиры 3С. По ее словам, они занимались «этим» всю ночь напролет. Каждый день. Наверное, молодожены. Короче говоря, пришлось за ней вернуться, потому что кто-то же должен был меня подвезти.

Нони пытался описать, какие приложил усилия, чтобы поставить Развалюху на ноги, но

я не дала ему сказать ни слова. Потому что не вынесла бы подробностей. В конце концов, речь шла о Развалюхе, а не о каком-то случайном «вранглере» с улиц. Это был мой «вранглер». Моя лучшая подруга. Моя малышка.

Святой ежик! Мне срочно нужна личная жизнь.

Все-таки надо отдать Нони должное. Развалюха была как новенькая. Даже лучше, чем я сама. С того самого дня у меня начались проблемы со сном. Просыпаясь от жутких кошмаров, я редела, даваясь подушкой, и вздрагивала от каждого звука. Ну хоть с Развалюхой все разрешилось. В смысле она явно была в прекрасной форме. Даже странно. Перестала кашлять. Отвечала бодро и весело, а не лениво, как раньше. По утрам просыпалась по первому зову и не ворчала на меня в знак протеста. Заводилась с первой попытки, не жалуясь и не ругаясь, и мурлыкала, как новорожденный котенок. Понятия не имею, как Нони удалось починить ее не только снаружи, но и внутри, но он определенно молодец. К тому же Нони стал моим новым лучшим другом. После Развалюхи. И после Куки, моей настоящей лучшей подруги. И после Гаррета, который вроде как тоже лучший друг. И после Рейеса, который... который...

Кто же такой Рейес? Кроме того, что он опасный и умопомрачительный сын чистого зла? Мой мальчик для сексуальных утех? Раб моей любви? Каменная стена, доступная двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю?

Нет.

То есть да, но...

Он был всем этим вместе взятым, плюс с недавних пор практически стал моим женихом. Оставалось только ответить «да» на предложение, которое он подсунул мне на стикере, и женихом он станет по-настоящему. А до тех пор официально называть его моим женихом все-таки нельзя.

Может быть, жених в скором будущем?

Нет. Придумала! Мой почти жених.

Да, так лучше.

Сунув в рот пару сырных крекеров, я повернулась к Голому Мертвому Дядечке и созналась:

— Я пошутила. — Жаль, что я вроде как собиралась его подразнить, а смешного финала не знала. — Не знаю я анекдотов о девушках, мокко латте и голых мертвых мужчинах. Извините, что вот так вас обнадежила.

Впрочем, ему, похоже, было наплевать. Он сидел, смотрел в никуда серыми водянистыми от старости глазами и не обращал ни малейшего внимания ни на мое обаяние, ни на остроумие. То есть напрочь меня игнорировал. Что ж, бывает.

— Крекеры не хотите? — предложила я, но никто не ответил. — Ну и ладно. Но вы понятия не имеете, от чего отказываетесь.

Оставалось лишь надеяться, что когда-нибудь он все-таки со мной поговорит. Иначе это будут очень односторонние отношения. Стряхнув крошки от крекеров, я снова принялась за рисунок, над которым работала уже какое-то время. Поскольку мой спутник не разговаривал, выяснить, кто он такой, было невозможно. А я так старалась не смотреть на его гениталии, что пропустила несколько подсказок. Во-первых, у дядечки был длинный шрам от левой подмышки вдоль ребер до самого пупка. Что бы ни оставило такой шрам, наверняка больно было адски. Но сейчас благодаря этому шраму был шанс установить личность дядечки. Во-вторых, на левом бицепсе у него была татуировка. Такие делали в

армии давным-давно. Татушка выцвела, чернила поблекли, но мне все же удалось разглядеть орла с американским флагом в когтях. И в-третьих, прямо под татуировкой была набита фамилия. Предположительно — этого самого Голого Мервого Дядечки. «АНДРУЛИС». Как раз татушку я и зарисовывала в блокноте, потому что еще не нашла фотоаппарата, который мог фотографировать призраков.

Изо всех сил я старалась рисовать, не дать упасть упаковке с крекерами с коробки передач, чтобы потом не тянуться за ней под сиденье, и одновременно следить за домом Фостеров. К сожалению, из трех дел в двух я была натуральным отстоем. Особенно в рисовании. Никогда у меня не было к этому таланта. Даже в детском саду, когда все рисовали пальцами. Наверное, надо было сразу догадаться, что рисование — это не мое, но мне всегда хотелось стать следующим Вермеером, Пикассо или хотя бы следующим Клайдом Брюстером — мальчиком, с которым я училась в школе, и который рисовал взрывающиеся стены и дома. Кстати, та еще загадка — почему его тянуло рисовать именно такое. В общем, увы, но моя судьба заключалась не в точных линиях графита и не в легких взмахих кисточки, а в общении с мертвыми людьми, у которых часто и густо наблюдалось ПТПР — посттравматическое посмертное расстройство.

Ну и ладно, ведь все могло сложиться намного хуже. Клайд Брюстер, например, закончил за решеткой за попытку взорвать продовольственный магазинчик. К счастью, рисовать взрывы у него получалось лучше, чем их устраивать. А еще он пару раз приглашал меня на свидание. #Пронесло.

— Знаю, вы не очень-то в настроении обнажать душу, — я покосилась на обнаженную, очень голую душу мистера Андрулиса, — образно выражаясь, но если вам что-нибудь нужно, то вы обратились по адресу. В основном потому, что увидеть вас могут далеко не все люди на Земле. — Синей ручкой я добавила чуточку тени на лоб орла, стараясь придать птице благородный вид, но не помогло. Глаза его по-прежнему смотрели на клюв. — А те, кто все-таки может, чаще всего на месте призраков видят серый туман. Или чувствуют порыв холодного воздуха, когда вы проходите мимо. Зато я вас вижу, слышу, могу к вам прикоснуться и вообще сделать с вами что угодно. Практически.

Может быть, если добавить на клюв блик, то птица будет больше похожа на орла, чем на утку.

— Меня зовут Чарли.

Вот только рисовала я ручкой и стереть уже ничего не могла. Блин, надо было подумать заранее. Хорошие художники заранее продумывают все до мелочей. Да уж, так мне в Лувр ни за что не попасть.

— Чарли Дэвидсон.

Прижав блокнот к рулю, я попробовала ногтем стереть чернила, в итоге продрала в листке дырку и тихонько выругалась.

— Я ангел смерти, — процедила я сквозь стиснутые зубы, — но не переживайте. Все не так плохо, как кажется на первый взгляд. А еще я частный детектив. И тут тоже все не так плохо, как может показаться. Наверное, не надо было пририсовывать вашему орлу ресницы. Теперь он похож на Даффи Дака под кайфом.

Закончив с художествами, я написала под отдаленно смахивающим на орла рисунком фамилию, достала сотовый, усердно утешая себя тем, что абстрактное искусство — это последний писк моды, и сфотографировала свой шедевр. Несколько раз, пытаясь найти лучший фокус и правильный наклон. Оказалось, что лучше всего орел выглядит, если его

повернуть. Так в нем было больше мужественности и меньше... одомашненности, что ли.

Я сохранила лучший вариант, удалила остальные и заметила, как к дому Фостеров подъезжает машина. В позвоночнике стрельнуло нервное возбуждение. Отложив блокнот с ручкой, я отпила глоток остывшего кофе и, постаравшись успокоиться, стала ждать, когда увижу, кто сидел за рулем золотистого «приуса». Фостеры жили в скромном районе на северо-востоке от Хайтс. Следила я за ними, потому что меня об этом попросила подруга. Она стала специальным агентом ФБР, пойдя по стопам отца, который как раз и занимался делом Фостеров. Однако оно вместе с несколькими другими осталось нераскрытым. Если мои догадки верны (а мне нравится так думать), то у меня была информация, которой не было у ее отца. Мистер Фостер владел страховой компанией, а миссис Фостер работала в приемной местного педиатра. Около тридцати лет назад у них украли сына, и никто его больше никогда не видел. Я была почти на сто процентов уверена, что знаю, какой была его дальнейшая судьба.

Я подалась вперед и прижалась к рулю, чтобы получше рассмотреть водителя «приуса», как вдруг услышала с заднего сиденья голос бабушки Лил:

— И что это за красавчик?

В зеркале заднего вида появились голубые волосы и цветастое гавайское платье. Я обернулась к ней и подмигнула:

— Привет, ба. Как в Бангладеш смоталась?

— Ох, какая там еда! — она с энтузиазмом махнула рукой. — А люди! Чтоб ты знала, я побывала в раю. Не буквально, конечно, — добавила она и рассмеялась над собственной шуткой.

Бабуля Лил умерла в шестидесятых и только недавно об этом узнала. Так что на самом деле она никак не могла наслаждаться едой и общением с населением упомянутой страны. По крайней мере с живым населением. Никогда не задумывалась, что во время своих путешествий она могла встречаться с призраками. Блин, а круто бы было!

Ткнув пальцем в моего нового друга, бабуля Лил поиграла подведенными карандашом бровями:

— Ты нас познакомишь, или как?

Дверь гаража поднялась, и «приус» вкатился внутрь, но опускать дверь водитель не торопился. У меня затеплилась надежда. До смерти хотелось увидеть, кто за рулем. Хоть одним глазком.

— Он не очень общительный, — отозвалась я, щурясь, когда открылась водительская дверь, — но кажется, его фамилия Андрулис. Так написано у него на татуировке.

— У него есть татушки?! — Бабушка Лиллиан наклонилась вперед и, само собой, увидела хозяйство мистера А. Не заметить такое просто невозможно. — Батюшки! — ахнула она с округлившимися от изумления глазами.

По закону подлости дверь гаража начала опускаться.

— Твою дивизию, — пробормотала я, наклоня голову вместе с опускающейся дверью, пока она не закрылась полностью, лишив меня всякой надежды.

Единственное, что я успела увидеть, — это как из машины вылезает женская нога. Вот и все.

— Его явно благословили при рождении, — заявила бабуля Лил.

Уткнувшись лбом в руль, я испустила разочарованный вздох. Ко мне в руки попало дело, которое могло дать ответы на загадку по имени Рейес Александр Фэрроу, который по

совместительству был моим почти женихом. И Фостеры представляли собой большущий кусок этой загадки. Их сына похитили прямо из колыбели, пока он спал. Требований о выкупе не поступало, свидетелей не было, поэтому след остыл почти мгновенно, несмотря на масштабные поиски и множество публичных обращений родителей с мольбами вернуть им ребенка. Но агент ФБР, занимавшийся этим делом, не сдавался. Он всегда считал, что за похищением кроется нечто большее. Его дочь думала точно так же. С ней мы успели вместе поработать над парочкой дел. До нее доходили слухи о том, что я раскрываю сложные дела, поэтому она и попросила меня взглянуть на висяки, не дававшие покоя ее отцу.

Это и был тот день, когда у меня появилось дело о похищении Рейеса Фэрроу. Именно его похитили больше тридцати лет назад. Я глянула на папку, зажатую между моим сиденьем и коробкой передач. Столько сил было вложено! Столько боли в каждой написанной там букве!

— А ты как думаешь?

Я моргнула и обернулась к бабуле Лил:

— О чем?

— О том, что его благословили.

— А, да, согласна. Точно благословили. — Вот совсем не хотела, а не смогла удержаться и снова глянула «туда». — Такое... невозможно не заметить. — Подняв наконец голову, я указала бабуле на татуировку. — В общем, кажется, его звали мистер Андрулис. Ты ничего похожего не слыхала?

— Нет, но могу поразнухивать. Кстати, есть у меня идея. Хотела с тобой поделиться.

Я развернулась, чтобы лучше ее видеть.

— Валяй.

— Думаю, нам надо работать вместе. — Бабуля Лил ободряюще ткнула меня локтем в бок прямо сквозь сиденье.

— Ла-а-адно, — протянула я, тихонько посмеиваясь.

— Ха! Так и знала, что идея клевая. — Ее лицо озарилось, и сероватые тона, присущие жизни после смерти, чуточку посветлели.

А ведь она права. Будем как Бэтмен и Робин, только без костюмов. Хотя жаль. Всегда хотела делать добрые дела в маске и черном плаще. Или хотя бы в лиловом полотенце.

Глотнув теперь уже еле-еле теплого мокко латте (а даже такой все равно лучше, чем вообще никакого), я спросила:

— А на зарплату ты рассчитываешь?

— Думаю, прибыль будем делить пополам.

— Думаешь? — усмехнулась я.

— Ой, и нам, наверное, понадобятся кодовые имена.

Я чуть не подавилась следующим глотком и, закашлявшись, выдавила:

— Кодовые имена?

— И кодовые фразы. Вроде «Солнце на востоке не садится». Это может означать «Переходим к плану Б». Или «Давай перекусим, пока не явились мужики».

— Мужики? — Бабуля Лил явно готовилась к разговору.

— А еще у нас может быть фраза вроде «Как выжать кровь из шелка?». Сама понимаешь, как частным детективам нам просто необходимы такие штуки.

— Ты права, ба, права. — Я снова покосилась на папку, а потом уставилась на дом Фостеров. — Кровь может быть упрямой.

Наверное, надо было просто постучать в дверь. Сказать, что я помогаю другу в расследовании старого дела. Спросить, не было ли новостей, о которых нам не доложили. Можно было бы даже поинтересоваться, не знают ли они, что человек, которого недавно выпустили из тюрьмы, где он провел десять лет за преступление, которого не совершал, их сын. Не догадываются ли, через какой кошмар ему пришлось пройти в руках чудовища, которое его вырастило. Но зачем усугублять чувство вины, которое и так наверняка не дает Фостерам спать по ночам?

— Что с тобой, сладкая тыковка?

Я трянула головой, избавляясь от мыслей.

— Ничего. Только... два часа коту под хвост, а все ради чего? — Я махнула на дом. — Ради ноги в благоразумной туфле, вылезшей из такой же благоразумной машины.

Бабушка Лиллиан глянула через дорогу:

— А что ты хотела увидеть?

Вопрос застал меня врасплох. Я сама не знала, почему здесь торчу. Хотелось ли мне всего-навсего увидеть женщину, которая могла оказаться матерью мужчины моей мечты? Или взглянуть на человека, который мог быть его отцом? Рейес сын Сатаны, выкованный в адском пламени. Но он родился на Земле, чтобы быть со мной. Чтобы вырасти вместе со мной. Тщательно подготовился, выбрал в родители надежную умную пару. Планировал для нас общее будущее. Как мы будем ходить в одну школу, по одним и тем же магазинам, кушать в одних и тех же кафешках. К сожалению, даже самые тщательно продуманные планы иногда идут наперекосяк.

— Ой, бабуля Лил, толком и не знаю.

Что же я хотела увидеть? Частичку прошлого Рейеса? Или кусочек его будущего? Посмотреть, как он будет выглядеть через много-много лет?

Прошло всего несколько дней, с тех пор как один псих пытался меня убить, поэтому я не спешила бежать впереди паровоза и старалась не загадывать на будущее, даже если ситуация казалась совершенно безвредной на первый взгляд. Мало того, я взяла отпуск на недельку. С опрометчивыми поступками придется подождать, пока я не сделаю еще хоть один шаг к цели — окончательно прийти в себя.

— Ну нет, так не пойдет. Нельзя тебе называть меня бабулей Лил направо и налево. Нам срочно нужны кодовые имена. Как тебе Клеопатра?

Я тихонько рассмеялась:

— Идеально!

— Ах да! Плащи! Нам нужны плащи!

— Плащи?

— И шляпы!

Не успела я опять переспросить, как бабушки Лиллиан и след простыл. Она исчезла. Испарилась. Господи, я ее обожаю! Только благодаря ей я поняла истинное значение слова «эксцентричный». Однако меня ждала работа. Часами вести наблюдение за домом Фостеров с самого начала было идиотской затеей. Я завела Развалюху и сунула в рот пригоршню крекеров. Конечно же, именно в этот момент зазвонил телефон. Когда же еще ему звонить?

Перед тем как ответить на звонок лучшей подружки, я стала торопливо пережевывать крекеры. Куки работает задешево. А это, на мой скромный взгляд, делает ее лучшей секретаршей во всем Альбукерке. К тому же в своем деле она настоящий профи. В общем, я поручила ей выяснить о Фостерах все, что только можно. Заинтригована она была не меньше

меня.

Протолкнув по пищеводу остатки крекеров глотком холодного кофе, я наконец ответила:

— Как думаешь, если я буду жить на одних крекерах и кофе, то помру голодной смертью или нет?

— У них еще один сын! — с трепетом воскликнула Куки.

И как, простите, это связано с моим вопросом?

— Он ест сырные крекеры?

— У Фостеров.

Я тут же выпрямилась:

— Можешь повторить?

— У Фостеров есть еще один сын.

— Ни фига себе!

— Фига-фига. — Я услышала, как стучат ее ногти по клавиатуре. Значит, Куки продолжала колдовать. — Очень даже фига.

— После Рейеса?

— Через три года после его похищения.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила я, теперь испытывая такой же трепет, что и она.

— Еще как понимаю.

— Это значит, что у Рейеса Фэрроу...

— ...есть брат.

#Охренеть.

Записка самой себе: «Спасибо, что ты всегда рядом!».

Надпись на футболке

Меня словно громом поразило. Куки тоже. Несколько напряженных секунд мы сидели в полной тишине, прерывающейся только хрустом оставшихся между зубами крекеров.

— Все еще ведешь наблюдение? — наконец спросила Куки.

Я глотнула печеньки:

— Ага. Кажется, миссис Фостер вернулась домой, но гараж закрылся, и я ничего не успела разглядеть. Зато сблизилась с голым мертвым дядечкой, которого катаю на пассажирском сиденье.

— Ну круто, конечно.

— А то. У него татушка есть. Сейчас перешлю тебе фотку.

— Фотку татуировки? — изумилась Куки.

— Фотку рисунка татуировки в моем исполнении. Не вешай трубку. — Я отправила ей снимок с заголовком «Не суди строго». — Готово. Как дела в нашей крепости?

— Заходил мистер Джойс. Настаивал на встрече именно сегодня. Его как будто и правда что-то очень беспокоит. Ни номера, ни других контактов не оставил. Я ему сказала, что ты вернешься после обеда. Это какой-то новый тест Роршаха? — Видимо, речь шла о моих художествах.

— Бокон поверни.

— Ага! Андрулис, значит.

— Ты с ним знакома? — спросила я, окрыленная надеждой.

— Прости, но нет. Хотя знавала как-то одного Андруса. Волосатый был тип.

Я глянула на мистера А.

— Ну-у, этот не так чтобы очень волосатый, зато инструмент что надо.

— Чарли! — обалдела Куки. — Завязывай уже с грязными мыслями.

— Чувиха, но оно же прямо перед глазами. Не заметить невозможно.

— Бедненький! Тебе бы понравилось провести вечность голой?

— Ты только что описала мой худший ночной кошмар.

— А я думала, твой худший кошмар — это в котором ты ешь горячий соленый огурец и обжигашь губы, а потом они выглядят так, будто тебе их обкололи.

— Ага, точно, есть такой. Спасибо, что напомнила. Сегодня буду спать как убитая.

— Ты дяде звонила?

Мой дядя, он же дядя Боб, служит детективом в управлении полиции Альбукерке. Он без ума от Куки, а Куки — от него. Но никому из них не хватает храбрости сделать первый шаг. Мне осточертело смотреть, как они друг по другу тоскуют, поэтому я решила что-нибудь предпринять. И устроила Куки свидание с одним своим другом, чтобы дядя Боб, он же Диби (как я называю его на сеансах психотерапии, пока пытаюсь объяснить мозгоправу, почему зверски боюсь усов), приревновал. Может быть, намек на конкуренцию наконец-то

выпишет ему необходимый пинок под зад. Под тот самый зад, от которого у Куки слюнки текут.

— Звонила, конечно. Как поживает наш план?

— То есть твой план?

— Ла-а-адно, как поживает мой план?

— Даже не знаю, Чарли. Если бы Роберт хотел пригласить меня на свидание, то наверняка бы уже пригласил, разве нет? Не уверена, что спровоцировать его на ревность — хорошая идея.

Вечно я не меньше минуты соображаю, кто такой Роберт.

— Шутишь, что ли? Идея супер! Мы же не о ком-то там говорим, а о дяде Бобе. Ему мотивация нужна.

Глянув напоследок на дом Фостеров, я поехала вперед.

— А если я ему разонравлюсь?

— Кук, тебе когда-нибудь разонравливались туфли, на которые положил глаз кто-то еще?

— Наверное, нет.

— А тебе от этого не хотелось их купить еще сильнее?

— Я бы так не сказала.

Я свернула на проспект Хуана Табо и двинулась к офису.

— Ладно, я уже еду. Пообедаем?

— Я за. Встретимся внизу.

Мой офис занимает второй этаж лучшего бара в столице роллер-дерби. На днях заведение пережило смену владельца — Рейес купил бар у моего отца. Мысль о том, что у Рейеса свой бизнес, согрела мне сердце. Что бы это ни значило.

— У него есть брат, — проговорила я, до сих пор ошеломленная новостью.

— У него есть брат, — согласилась Куки.

Такое однозначно надо увидеть собственными глазами.

Чтобы добраться до Куки, пришлось поплавать между столиками и стульями. К счастью, ей удалось занять нам местечко, до того как набежала толпа. С тех пор как Рейес встал у руля, популярность заведения резко подскочила. Дела у бара всегда шли неплохо, но теперь владельцем стала местная знаменитость. Когда обнаружили, что человек, за убийство которого посадили Рейеса, очень даже жив, Рейеса показывали по всем новостям страны. К тому же в соседнем с баром здании появилась маленькая пивоварня. Количество клиентов выросло втрое. Теперь в баре постоянно толпились мужчины, хотевшие свежего пива, и женщины, хотевшие самого пивовара. Потаскушки.

Расправив плечи, я прошла мимо худшей потаскушки и всех собравшихся. Это была моя бывшая лучшая подруга, которая, очевидно, решила переехать сюда на ПМЖ. Джессика торчала в баре уже две с лишним недели. Причем практически каждый день. Я, конечно, понимаю, что она без ума от моего мужчины, но бли-и-ин!

Видимо, придется сказать Рейесу «да» как можно скорее. Ситуация становилась

попросту нелепой. Его срочно надо было окольцевать. Вряд ли это кого-нибудь остановит, но, может быть, толпа хоть немножко поредет.

Когда я проходила мимо столика Джессики, раздался приглушенный смех. Наверное, она опять рассказывала своим подружкам сказочку о Чарли, которая утверждает, будто разговаривает с мертвыми. Знала бы она правду! В общем, если ей предстоит в скором времени умереть, я не стану обращать на нее внимания. Тогда-то ей точно захочется, чтобы я с ней поговорила.

— Ты принесла мне цветочек? — спросила Куки, когда я плюхнулась на свое место со всем свойственным мне артистическим талантом, который обычно коплю весь день до самого вечера.

Я передала ей ромашку:

— Принесла, ага.

— Бездомный парень, говоришь?

Я кивнула:

— Сидел на углу и перебежал через проезжую часть, чтобы отдать ее мне.

— И сколько? — поинтересовалась Куки со всезнающей ухмылкой.

— Пять баксов.

— Ты заплатила за это пять долларов? Она же пластмассовая. И страшенькая. — Кук тряхнула цветочком, и с него посыпалась грязь. — Тот парень, наверное, спер ее с чьей-то могилы.

— У меня и было-то всего пять баксов.

Она разочарованно покачала головой:

— И как им вечно удается выбирать в толпе неудачников?

— Понятия не имею. Ты уже сделала заказ?

— Еще нет. Хорошо хоть столик удалось занять. Опять приходил мистер Джойс. Все такой же обеспокоенный. И был очень недоволен, что ты не вернулась до часу дня.

— Придется ему попридержать коней. Частным детективам тоже нужно кушать.

— Подружка твоя, смотрю, опять тут торчит.

Я оглянулась на столик Джессики:

— Пора брать с нее квартплату.

— Целиком и полностью согласна.

Пока мы разговаривали, меня медленно обступило тепло. словно дымом, обернуло жаром, который всегда клубился вокруг Рейеса. Я чувствовала, что он рядом. Чувствовала его обжигающий интерес, неумолимый голод. Но не успела поискать его глазами, потому что ощутила еще одну эмоцию. Прохладную, но не менее сильную. Сожаление. Я повернулась и увидела, как к нам подходит папа.

— Привет, пап, — поздоровалась я, ногой выдвигая для него стул.

Он затолкал его обратно под стол.

— Я здесь только последние документы подписать. — Он обвел глазами «Ворону». — Наверное, буду скучать по этому месту.

Я была уверена, что будет, но от него исходила вовсе не ностальгия.

— Может быть, посидите с нами, Лиланд? — предложила Куки.

— Спасибо, но нет. Закончу с парочкой дел и пойду.

— Пап, — выдавила я, едва дыша под тяжестью папиных сожалений и печали, — уезжать ведь совсем необязательно.

Он собирался бросить мою мачеху ради парусной яхты. Винить его трудно. От яхты хоть какая-то польза. Но почему именно сейчас? Спусти столько лет?

— Да нет, потрясающее будет путешествие, — отмахнулся папа. — Всегда хотел научиться ходить под парусом.

— И для начала собираешься пересечь Атлантический океан?

— Не то чтобы пересечь... — хитро улыбнулся он, и мне чуточку полегчало. — Уж точно не до конца.

— Пап...

— Торопиться не буду, обещаю.

— Но почему? Почему так внезапно?

Он грустно вздохнул:

— Не знаю. Моложе я не становлюсь, да и живем только раз. Ну или два, как в моем случае.

— Я тут ни при чем.

— Еще как при чем, — возразил он и положил ладонь на грудь. — Я это знаю. Сердцем чувствую.

Папа божился, что я вылечила его от рака. Но я никогда в жизни никого ни от чего не лечила. В списке моих рабочих обязанностей такого пункта нет. И вообще мои обязанности больше касаются как раз другой стороны жизни. Той стороны, которая сразу после упомянутой жизни.

— Только не бросай ее из-за меня. Пожалуйста.

Если решение уйти от мачехи папа принял из-за меня, то есть из-за того, как она ко мне относилась, то малость опоздал. Надо было это сделать, когда мне было семь, а не двадцать семь. Я научилась ее терпеть. Было нелегко, но все-таки научилась.

Куки притворилась, будто рассматривает меню. Папа нервно переступил с ноги на ногу.

— Все совсем не так, милая.

— Нет, так. — Вместо того чтобы ответить, он уставился на сахарницу, и я добавила: — И если все дело в этом, то причину ты нашел неправильную. Я уже большая девочка, пап.

Когда он снова на меня взглянул, его лицо выражало сплошное отчаяние.

— Ты удивительная. Надо было каждый день тебе это говорить.

Я коснулась его руки:

— Пап, сядь, пожалуйста. Давай поговорим.

Папа проверил часы.

— У меня встреча. Но я вернусь до того, как ты уйдешь. Тогда и поговорим. — Я подозрительно сощурилась, и он поспешил заверить: — Обещаю, милая. Будь осторожна. — Наклонившись, он поцеловал меня в щеку и пошел к задней двери.

— Вид у него очень печальный, — заметила Куки.

— Наверное, просто запутался. И его так и поедают сожаления.

— Ты-то как?

Я глубоко вздохнула:

— Порядок, как всегда.

— Угу.

У нее было такое недоверчивое лицо, что так и подмывало подразнить.

— Лучше скажи, почему ты решила, что малиновые полоски подойдут к желтому?

— Меняешь тему.

— А то. Это ж моя фишка.

— Тоже верно, но серьезно, — Куки расправила плечи, — неужели так ужасно?

Выглядела она суперски, но я не собиралась ей об этом говорить.

Весь разговор с папой я ощущала присутствие Рейеса и наконец заметила его, когда глянула на доску со специальным меню на день. На нем был передник, а в руках — полотенце. Вытирая руки, он оттолкнулся от стойки и двинулся к нам.

Куки его тоже увидела:

— Святая матерь всего сексапильного на свете.

— Полностью солидарна.

— Я когда-нибудь привыкну к этому виду? — спросила она, не смея отвести от него глаз.

— К восхитительному виду Рейеса Фэрроу в переднике?

— К восхитительному виду Рейеса Фэрроу. Точка.

Я рассмеялась:

— Говорят же, повторение — мать учения.

— Точно. Мне нужно много-много повторений.

— Ага, мне тоже.

По пути к нам Рейеса позвали за столик. Там сидели женщины, каждая из которых могла сойти за его бабушку. Он подошел к ним и стал слушать хвалебные оды в адрес своей стряпни, но смотрел только на меня. Я затаила дыхание. Вообще от всего, что с ним связано, захватывает дух. Начиная с полотенца, которым он вытирал руки, и заканчивая густыми ресницами, которые как будто застенчиво опустились, когда бабули забросали его предложениями руки и сердца.

Какого, блин, черта?!

— Честное слово, мы очень гибкие, — проговорила одна из них и потянула за завязку передника. Рейес завязывал их спереди, дважды обернув вокруг талии.

Куки как раз пыталась освежиться глотком холодной воды и сильно поперхнулась от наглости бабульки.

Рейес снова глянул на меня, а я сидела, прибитая к месту, с открытым от изумления ртом. Я мигом захлопнула варежку, надеясь, что не сильно смахивала на корову. Рейес снова повернулся к женщинам с таким видом, будто его страшно заинтересовало их предложение. Ага, так я и поверила.

Пытаясь прийти в себя и успокоить пострадавший пищевод, Куки издавала сдавленные звуки, но у меня не было времени волноваться о ее здоровье. Мне нужно было отбить своего мужчину у стаи седых лисиц. Бога ради, у одной из них была трость! Гибкая? Не смешите мои тапочки!

— Уборщик! — рявкнула я, щелкнув пальцами.

Рейес не обратил на меня ни малейшего внимания, но я заметила, как он ухмыльнулся. И почувствовала удовольствие, вызванное моим вниманием. Оно волнами исходило от самой его сути и шелком гладило мне кожу.

— Уборщик! — повторила я и громче щелкнула пальцами. — Сюда!

В конце концов он извинился перед игривыми лисицами, объяснил, что его сердце принадлежит другой, и подошел к нам.

— Уборщик? — переспросил он, с тревогой глядя на покрасневшую Куки.

Та отпила глоток воды и махнула вместо приветствия.

Я кивнула на передник:

— Ты похож на уборщика.

— Ну раз так, что я могу для вас помыть?

— Свои грязные мыслишки, — огрызнулась я и покосилась на столик с бабульками. —

Развлекаешься, значит?

— Они хвалили мою стряпню. — Рейес наклонился ко мне. Близко-близко. — По их общему мнению, мне отлично удаются блюда с огоньком.

Тут они правы. Если надо зажечь, Рейесу равных нет. В основном это касается лично меня. И моих чувств. И моих отличительных девичьих черт.

— Потрясающе, — сказала я, прикидываясь, будто мне все равно, — но нам надо пообедать.

— Разве ты не слышала? Меня понизили до уборщика. Придется вам позвать официанта. Вряд ли уборщикам разрешается принимать заказы.

Я потянула за завязку передника — точно так же, как и та бабулька.

— Ты примешь у меня заказ, и тебе это понравится.

Тихий глубокий смех Рейеса завибрировал у меня в костях.

— Как скажете, мэм. Могу я предложить вам цыпленка из Санта-Фе с испанским рисом?

— Можешь, конечно, но я возьму маринованного в «Маргарите» с тушеной в красном чили картошкой.

— А я буду цыпленка из Санта-Фе, — выдавила наконец Куки, поддавшись на уловку Рейеса. Наверняка он просто заказал уйму цыплят в Санта-Фе и теперь подсовывает их всем кому не лень. Ну серьезно, разве в Санта-Фе цыплят растят как-то по-особенному?

Рейес улыбнулся Куки. И улыбка была такой красивой, что мое сердце пропустило несколько ударов подряд.

— Значит, цыпленок из Санта-Фе. Чая со льдом не желаете? — спросил он у меня.

Я молчала, пытаюсь решить, что заказать: чай со льдом или все-таки самый большой обезжиренный мокко макиато с карамельным соусом на дне и облаком взбитых сливок сверху, поэтому Рейес добавил:

— Это простой вопрос, на который можно ответить «да» или «нет».

Я чуть не рассмеялась. С тех пор как он сделал мне предложение на стикере, он то и дело заваливает меня вопросами, на которые можно ответить «да» или «нет», намекая, что его предложение из той же оперы.

Я пожала плечами:

— Иногда не все оказывается черным или белым.

— Ерунда.

Куки хорошо понимала, к чему все идет, поэтому снова уставилась в меню.

— Тогда я отвечу «да».

Рейес застыл, ожидая продолжения. Что ж, он слишком хорошо меня знает.

— Да, я возьму к обеду чай, а потом самый большой обезжиренный мокко макиато с карамельным соусом на дне и облаком взбитых сливок сверху.

Не теряя ни секунды, Рейес проговорил:

— Будет тебе чай, — и уже отвернулся, но я поймала его за руку.

— Ты как? — Я понизила голос и уже тише проговорила: — Кажется, ты... теплее, чем обычно.

— Порядок, как всегда, — ответил он, повторив то, что чуть раньше я сказала Куки, поднес мою руку к губам и поцеловал. Его губы были такими горячими, что почти обжигали.

Только когда он ушел, я поняла, что в зале царит тишина. Все глазели на нас. Ну то есть все женщины глазели на нас. Я глянула на Джессику, и на одно неловкое мгновение наши взгляды встретились. Она ревновала, и меня это ни капельки не радовало. С чего ей вдруг ревновать, если она ни разу даже не попыталась обольстить Рейеса? Впрочем, ревность Джессики заслуживала отдельной категории. Где-нибудь между психической нестабильностью и крайней неуверенностью в себе. И эта ревность, будто ногтями, царапала мне кожу.

У ревности Рейеса и ревности других людей разные вкусы, разные текстуры. Человеческая — горячая и грубая. По ощущениям — как натянуть брезентовый комбинезон прямо из сушилки.

— Когда ты ему уже ответишь? — спросила Куки, возвращая меня к действительности.

— Когда он этого заслужит.

— То есть уйму раз спасти тебе жизнь недостаточно?

— Еще как достаточно, но ему об этом знать необязательно.

Уголок ее рта лукаво приподнялся.

— Тоже верно.

Кстати говоря, Куки никогда не ревновала. Рейес нравился ей не меньше, чем всем остальным, но она никогда не завидовала нашим отношениям. Она была за меня рада, а это и есть настоящая дружба. Когда-то я считала Джессику лучшей подругой, но слишком поздно вспомнила, что пару раз в школе чувствовала, как она мне завидует. Тогда-то и надо было догадаться, что к чему, но с догадливостью у меня всегда было не очень.

— Ну ладно, расскажи-ка мне, как ты собираешься его достать.

— Он живет в соседней квартире, так что, наверное, просто буду колотить в стену.

— Не Рейеса. Роберта.

Да кто, блин, такой Роберт? А-а, ну да.

— Из-за тебя я уже начинаю переживать за дядю Боба.

В миллионный раз Куки начинала нервничать, поэтому я опять прошлась по плану от начала до конца. Тем более что мне это нравилось. В основном потому, что план гениальный. А еще потому, что если Куки не подыграет, то все полетит к чертовой бабушке, как и моя самооценка всякий раз, когда я натыкаюсь на Джессику.

— Первое свидание — это как бы подготовка к основному удару. Мы достанем дядю Боба, как только за тобой заедут. Он так офонареет, что не будет знать, как отреагировать и что сказать. — Я захихикала, как отъявленный псих. — Потом я расскажу ему, что ты записалась в службу знакомств.

— Чего? — ахнула Куки. — Он же решит, что я совсем отчаялась!

— Он решит, что ты готова к отношениям.

— К отчаянным отношениям. — Куки обмахивалась меню, каждой порой источая сомнения.

— Кук, куча людей пользуется услугами таких агентств. И ярлыки, которые постоянно вешают на такие службы, очень часто не имеют ничего общего с реальностью.

— Ну а потом?

— А потом ты пойдешь на другое свидание.

— С тем же парнем?

— Не-а, с другим.

Куки пронзило страхом.

— Как это? С кем? Ты же говорила, что все будет быстро и безболезненно.

— Так и будет. И я еще не знаю, с кем ты пойдешь на второе свидание. Видишь ли, у меня не так уж много друзей, которые позволяют себя использовать без зазрения совести.

Куки застонала.

— Все получится, Кук. Если, конечно, ты не хочешь совершить дикий поступок и лично пригласить его на свидание.

— Не могу, — замотала головой она. — А вдруг он откажет? Тогда нам до конца жизни будет неловко в обществе друг друга. Мы будем по-дурацки молчать, а у меня будет потеть лоб.

— О да, ты права, противно будет всем. Так вот. Контрольным выстрелом будет свидание номер три. Если до этого Дибби не разродится приглашением, придется нанять актера.

— Актера?

— Кук, мы ведь уже все это проходили. Зачем ты опять задаешь столько вопросов?

— Наверное, я на стадии отрицания. Понимаешь, теперь это происходит на самом деле, и я чувствую себя, как те люди, которые говорят, что хотят прыгнуть с моста на резинке. А когда оказываются на мосту, реальность отвешивает им смачную пощечину.

— Ага, есть такое дело. Если что, никогда не прыгай. Не только реальность может треснуть тебя по лицу.

— Зато такие прыжки не оставляют шрамов.

— И слава богу. Короче говоря, для третьего свидания нам нужен кто-то очень-очень классный. Сексапильный, остроумный и... — Не успела я договорить, как меня осенило: — Придумала!

Куки подалась ко мне:

— Кто?

— Не переживай, барышня. Если мы так далеко зайдем, ты обо всем узнаешь вовремя. А тем временем мне надо кое с кем поторговаться.

От стен эхом отразился взрыв хохота, и я покосилась на столик Джессики. С ней были все те же три подружки, что и всегда. Вот интересно, чем они на жизнь зарабатывают? Торчат ведь тут почти каждый день. И по вечерам частенько захаживают. Неужели ни у одной из них нет семьи? Обязанностей? Личной жизни?

Я вспомнила нашу с Джессикой школьную ссору. Она наговорила про меня уйму гадостей. Так быстро от меня отвернулась, что у меня самой заболела шея. И сердце. А ей это, похоже, доставило много-много радости. Когда я набралась храбрости и напрямую спросила, почему она не хочет со мной дружить, она ответила, что у меня нет подкупающих качеств. И что, черт возьми, это значило?

Заметив, куда я смотрю, Куки погладила меня по руке.

— Как думаешь, у меня есть подкупающие качества?

Она сжала мои пальцы.

— Сколько угодно! Ты как тридцатипроцентная скидка. Нет! Сорокапроцентная. А я таких слов на ветер не бросаю.

— Спасибо.

И опять я ощутила жар Рейеса раньше, чем его увидела. Он лично нес нам еду, чего

никогда не делал для Джессики и ее свиты. Как и для седых лисиц, хотя им, кажется, было все равно. Они наперебой подмигивали Рейесу, а одна даже облизала губы. Какая гадость!

— Все забываю спросить, — сказала я, когда он поставил перед нами тарелки. — Будь ты столовым прибором, чем бы ты был?

Рейес выпрямился:

— Не понял.

— Столовые приборы. Чем бы ты был?

Сложив на груди руки, он подозрительно уставился на меня:

— Почему ты спрашиваешь?

— Это из теста. Он покажет, подходим мы друг другу или нет. Ну знаешь, для длительных отношений и все такое.

— Серьезно? — Рейес отодвинул стул, развернул его спинкой вперед и уселся сверху. — Тебе нужен тест, чтобы понять, подходим ли мы друг другу?

— Да, — выдавила я, пытаюсь прийти в себя от увиденного. Он был слишком, невероятно, непереносимо сексуальным, сидя вот так верхом на стуле и сложив на спинке сильные руки. — Да. И это не какая-нибудь ерунда, а очень важный тест. Результат гарантирует девяносто девять процентов точности. Там прямо так и написано. — Я достала сотовый, нашла тест и протянула телефон Рейесу. — Вот, сам посмотри.

Но он даже не взглянул. Крайне неуместно ухмыляясь, Куки с головой ушла в растерзание цыпленка.

— Нельзя верить всему, что видишь в интернете.

— Еще как можно, — огрызнулась я.

— А если я где-нибудь напишу, что я арабский принц из Милуоки?

— А ты не считаешься. Ты большой толстый лжец. На папочку своего посмотри. Он патологический лжец номер один в мире. Врать у тебя в крови заложено.

Рейес наклонился ко мне:

— Сейчас у меня вся кровь заложена в одном-единственном месте.

— Ты ответишь на вопрос, или как? Это может быть ключом ко всему нашему будущему.

— Есть у меня один ключик в кармане джинсов. Можешь поискать.

Неужто ему плевать на наше счастье?!

— Тебе двенадцать, что ли?

— Разве что веков.

— Тебе двенадцать веков?!

Рейес встряхнулся:

— Знаешь, как иногда женщины в возрасте утверждают, будто им двадцать девять?

— Ну?

— Со мной примерно та же история.

— Серьезно, сколько тебе лет? Минуточку! — Меня вдруг осенило. Сильно осенило, как обухом по башке. — Сколько мне-то лет?

Раньше я никогда об этом не задумывалась. По идее, я происхожу из древней расы существ, обитающих в другой вселенной, в другом измерении. Так сколько же мне лет?

— Мачете, — сказал Рейес, встав и задвигая стул.

— Чего?

— Будь я столовым прибором, я был бы мачете.

— А он считается столовым прибором?

— В моем мире да, — подмигнул Рейес.

— Ясненько. А я бы... я была бы ложковилкой! Секундочку! И что это значит? Не думаю, что мачете хорошо сочетается с ложковилкой.

Он приподнял мое лицо за подбородок.

— А мне кажется, что мачете с ложковилкой могут прекрасно сработаться.

Не успела я возразить, как он наклонился и прижался ко мне губами. Поначалу меня обожгло жаром, но через мгновение он впитался в меня и разлился по венам теплым медом. Легкий поцелуй закончился слишком быстро. Рейес выпрямился, ошарашил Куки, чмокнув ее в щеку, и ушел обратно в кухню, предоставив мне возможность полюбоваться обалденной задницей.

С отвисшей челюстью Куки прикоснулась к щеке, куда ее поцеловал Рейес. В глазах у нее сияли звезды.

— Я тоже так хочу, — вдруг решительно заявила она.

Я оглянулась на дверь, за которой скрылся Рейес.

— Ну что ж, придется тебя огорчить. Это уже мое.

— Да нет же, я не о нем. — Куки стряхнула оцепенение и уточнила: — То есть я, конечно, с радостью наложила бы на него лапки, но хочется мне именно того, что есть между вами, черт побери. — Она стиснула зубы. — Давай это сделаем. Давай прижмем твоего упертого гадского дядюшку, пока он не начнет умолять меня стать его подружкой.

— Точно, Куки! — Я подняла руку дать ей пять, но она почему-то не торопилась. — Ну же, не заставляй меня зависать в воздухе.

— А если он так и не пригласит меня на свидание?

Чтобы не растерять чувство собственного достоинства, я махнула какой-то незнакомой паре, только что вошедшей в бар, и опустила руку.

— Видишь ли, мне куда важнее знать, подходят ли, по-твоему, друг другу мачете и ложковилка.

— Чарли, прекращай уже искать эти дурацкие тесты.

— Ни за какие коврижки. Мне нужно знать наверняка.

— Ладно. Почему ты выбрала ложковилку?

— Ну я ведь универсальная. Как никто другой, могу заниматься сразу сотней дел. И мне нравится, как звучит это слово. Очень... ложковильно.

Кофе не задает глупых вопросов.

Кофе все понимает.

Наклейка на бампер

Мы и десяти минут не просидели в офисе, когда распахнулась главная дверь. Я уж думала, явился беспокойный мистер Джойс, но ошиблась. Это была Дениз. Моя злая мачеха. Слава богу, за ней по пятам примчался и мистер Джойс, одним своим присутствием давая мне чудесный повод с ней не разговаривать.

Дениз казалась бледной, даже какой-то сероватой. Глаза были красными, какими бывают только от пролитых слез. Ей-богу, понятия не имела, что она умеет плакать.

— Мы можем поговорить? — спросила она.

— У меня клиент, — отозвалась я и для пущей убедительности ткнула пальцем в мужчину у нее за спиной.

С вызовом задрал нос, Дениз процедила:

— У тебя уже две недели клиент за клиентом, а мне нужна всего минута. — Поняв, что сейчас я опять начну спорить, она сменила тон и буквально заумоляла: — Прошу тебя, Шарлотта.

Мистер Джойс мял в руках бейсболку и, кажется, с каждой секундой все больше нервничал.

— Мне очень нужно с вами поговорить, мисс Дэвидсон.

— Видишь? — Я пригвоздила Дениз к месту укоризненным взглядом. — Говорю же, клиент.

Она повернулась к мистеру Джойсу с каменным лицом и резко заявила:

— Это не займет больше минуты.

— Ну тогда забирайте ее. — Он шагнул назад, подняв руки в знак капитуляции, и уселся на стул.

Почувствовав вспышку гнева, я заставила себя успокоиться. Мне уже двадцать семь. Я не обязана отвечать на выпады мачехи. Не обязана реагировать на ее отвращение и жалкие попытки меня уколоть. И уж тем более, черт бы ее побрал, не обязана мириться с тем, что она сует нос в мои дела и запугивает клиентов.

— В этом не было необходимости, — сказала я, когда она снова повернулась ко мне.

— Прошу прощения, — тут же сдалась она и повернулась к мистеру Джойсу. — Простите. Я в крайне отчаянном положении.

— Мне ли не знать! — отмахнулся тот. Да уж, у него, видимо, своих проблем выше крыши.

С энтузиазмом заключенного, которому осталось два метра до петли, я проводила Дениз к себе в кабинет и закрыла дверь. Судя по всему, вспышка гнева вызвала Рейеса — он был в кабинете. Разумеется, в нематериальном виде.

А потом я вспомнила. Дениз ему нравилась не больше, чем мне. Он считал, что она

причинила мне в детстве много боли. И отчасти он прав, но беда в том, что, когда речь идет о моем счастье (или точнее о его недостатке), Рейес становится несколько... вспыльчивым.

— Рассечь ей позвоночник? — спросил он, когда я уселась за столом.

— А можно я подумаю, а потом дам тебе знать? — поддразнила его я. Ну... почти.

Дениз взглянула на стену, у которой он стоял, и к которой я повернулась, но, само собой, ничего не увидела. По идее, она должна была неодобрительно поджать губы, но вместо этого разгладила воротник и села на стул.

— Чего тебе надо? — спросила я таким же холодным, как ее сердце, голосом.

— Уверена, ты уже в курсе, что твой отец от меня ушел.

— Наконец-то.

Она вздрогнула, как будто я отвесила ей пощечину.

— Почему ты говоришь такие ужасные вещи?

— Ты еще спрашиваешь?

— Я люблю твоего отца. — Дениз придвинулась к самому краю стула. Еще чуть-чуть, и точно свалится. — И всегда любила.

Тут она меня подловила. Она и правда была внимательной женой. Ясное дело, в ее понятие о внимательности входили манипуляции, закрытые на мелочи глаза и затаенная злоба. Мне самой с трудом верилось, что человек может так сильно мне не нравиться, но Дениз умела вбить клин в наши с папой отношения. И делала все, что только могла, лишь бы не подпускать нас друг к другу. Ее ревность была нездоровой и инфантильной. Бога ради, кто станет бояться любви отца к ребенку? Я этого никогда не понимала.

В то же время с моей сестрой Джеммой Дениз вела себя совсем иначе. Мало того, они по-настоящему сблизились. Имелось у меня подозрение, что уход папы от мачехи повлиял на Джемму куда больше, чем она готова была признать. Она знала, как я отношусь к Дениз. А тот факт, что Джемма не пришла ко мне, когда ей нужна была поддержка, доказывает, какая я хреновая сестра. Но правда в том, что Джемма не могла ко мне прийти. Для Дениз в моем сердце не было ни капельки тепла. Чего, по всей видимости, и добивалась мачеха с первого дня.

— Я... Мне нужно, чтобы ты с ним поговорила. Он болел и вряд ли сейчас рациональнс мыслит.

— И что, по-твоему, я должна ему сказать?

Дениз наградила меня раздраженным взглядом:

— Я хочу, чтобы ты убедила его вернуться домой, где ему и место. Он все еще слаб, и ему нужна медицинская помощь.

— Прощу прощения, — тихо и невесело рассмеялась я, — то есть ты хочешь, чтобы я уговорила его остаться с тобой? С женщиной, которая отравляла мне жизнь и превратила мое детство в ад? После всего того, через что ты заставила меня пройти, тебе нужна моя помощь? Ты из ума выжила?

Жаль, что Джемма, дипломированный психиатр, укатила на конференцию в Вашингтон. Как только появится возможность, сразу ей позвоню и запишу Дениз на прием.

— Через что я заставила тебя пройти?

Во мне опять вспыхнул гнев, и я прикусила язык (в прямом смысле), чтобы не слететь с катушек. Когда я выхожу из себя, дрожит земля. А от землетрясения в центре Альбукерке никому пользы не будет.

Рейес выпрямился. Кажется, его тоже беспокоило, что я могу напортачить. Я закрыла

глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Это ведь совсем на меня не похоже. Я не испытываю к людям ненависти. Не вынуждаю их платить за проступки. Слишком много мертвых через меня прошло. Слишком много раз я видела, что приходилось переживать людям и почему они перед смертью становились именно такими, а не другими. Пока хотя бы год не побуду в шкуре Дениз, я не имею права ее судить. Иначе буду не лучше, чем она. Я открыла глаза и увидела каменное лицо. Лицо, от которого болела душа и завязывались узлом кишки. Ладно, может быть, года будет мало.

— У меня только один вопрос, — проговорила я, очень стараясь не выдать голосом всей своей злости, чтобы не быть похожей на мачеху. — Почему?

— Почему?

— Да, почему? Почему ты меня сразу возненавидела? Почему обращалась со мной так, будто я мешаю тебе жить? Чем, бога ради, я тебе насолила?

Дениз раздраженно вздохнула, и к ее лицу вернулся привычный цвет. Хорошенько окрашенный нетерпением по поводу всего, что со мной связано.

— Ничего подобного никогда не было, Шарлотта. Я не питаю к тебе ненависти. Ни теперь, ни когда бы то ни было.

Я подалась вперед и широко улыбнулась:

— Вот что я тебе скажу. Когда ты признаешь, что ненавидишь меня всеми фибрами души, я помогу тебе вернуть папу. Как тебе такой уговор?

— Никогда в жизни я не произнесу таких ужасных слов.

Я ее оскорбила. Класс!

— То есть чувство есть, но вслух признаться ты не можешь?

Дениз неосознанно сжимала сумочку, лежавшую у нее на коленях.

— Шарлотта, мы можем поговорить как разумные люди?

— Минуточку, — протянула я, когда меня наконец осенило. — Ты пришла, потому что папа сыт по горло тем, как ты со мной обращаешься, и теперь думаешь, что если мы подружимся, то он вернется?

— Я пришла, потому что хочу, чтобы мы все пошли к семейному психологу. Не только я и Лиланд, а все мы вчетвером, включая твою сестру.

Рейес сложил на груди руки и снова прислонился к стене, а я вскочила на ноги, с трудом сдерживая бурлящее внутри возмущение. Надо отдать Дениз должное — крепкий она орешек.

— А может, сама к психологу сходишь? Побольше о себе узнаешь, научишься жить в мире с самой собой. А когда это случится, когда ты сможешь говорить правду мне в лицо, вернешься, и мы все обсудим. — Ух, какая я злая! Мне хотелось себе поаплодировать.

По природе своей я вовсе не злой человек, поэтому ушло немало сил, чтобы разбудить в себе зверя и не дать ему уснуть целых полминуты. Черт бы побрал СДВ. Но я собой гордилась. Ни за что больше не буду тряпкой, о которую вытирают ноги. Я сама по себе, и никто, кроме меня, вытирать об меня ноги не будет.

— Чарли, — раздался голос Куки по интеркому.

Я ткнула пальцем в кнопку:

— Да, Куки?

— Эм-м, ты закончила? Я хочу кофе.

— Ой, прости! Сейчас принесу.

— Спасибо. И прихвати по дороге пачку вафель, пожалуйста.

— Легко. — Я пошла к Бунну, бросив через плечо Дениз: — Приоритеты. Ради них и живем. — Налила воды в кофейник и насыпала кофе в фильтр. — И ради кофе. Отныне я — свой личный приоритет. — Я вытащила вафлю из упаковки и вгрызлась в нее зубами, чтобы говорить с набитым ртом. — Чалли боьше ни для каво не буит тляпкой. — Ну ладно, не говорить, а шамкать с набитым ртом. Дениз этого терпеть не может. — Чалли, — я глотнула пережеванный кусок, — тряпка Чарли порвалась, а если кому-то надо обо что-то вытереть ноги, милости прошу обзавестись занозами на голом деревянном трухлявом полу. — Ей-богу, метафоры — мой конек.

— Ну что ж, я хотя бы попыталась.

— Да-да, ты попыталась. Какое благородство — потратить столько усилий! — Я указала на дверь, надеясь, что Дениз поймет намек. — Правда, не пойму, к чему так стараться. Ни к какому психологу все равно бы никто не пошел. Скоро папа отправляется в море.

Она повернулась ко мне, всем своим видом выражая изумление, и моргнула. Я почувствовала, как на нее снизошло какое-то озарение. Дениз изобразила фальшивую улыбку, полную жалости и сочащуюся презрением. За двадцать семь лет я вдоволь на такие улыбочки насмотрелась.

— А я-то думала, ты умеешь отличать ложь от правды. — Она подошла к двери и распахнула ее.

— Стой! Какую еще ложь?

— Вот что я тебе скажу, — промурлыкала Дениз, зная, что перехватила инициативу, и упиваясь властью, которую только что обрела. — Когда ты повзрослеешь и сумеешь принять часть ответственности за наши не сложившиеся отношения, я расскажу тебе, что на самом деле задумал твой отец.

Лишив меня дара речи и не сказав больше ни слова, она вышла из кабинета.

Что на самом деле задумал папа? Что имела в виду Дениз? К сожалению, разобраться времени не было, но нам с дядей Бобом предстоит долгий разговор, когда я закончу с мистером Джойсом. Больше скажу, это станет прекрасным предлогом, чтобы заманить Диби вечером ко мне домой. Убью двух зайцев одним выстрелом. Звучит, правда, ужасно. Кому помешали бедные зайчики? Я решила сменить расхожую фразу на «убить одним выстрелом двух плохих парней». Уже лучше. Может быть, этот вариант приживется. Станет известным по всему миру. Мечтать не вредно.

Мистер Джойс уже стоял, с нетерпением ожидая своей очереди. Наверное, с таким же нетерпением воспитатели в детских садах ждут, когда дети днем уснут.

— Проходите, — сказала я ему, указав на стул, и вернулась к Бунну, чтобы выполнить данное Куки обещание. Если я не принесу кофе в ближайшие пару минут, придется делать ей искусственное дыхание. — Чем я могу вам помочь?

Я налила кофе в чашку, прекрасно зная, что Куки вмешалась в нашу с Дениз «встречу», только чтобы меня спасти. Обожаю эту женщину! Куки, само собой. Не Дениз. Отдав ей кофе и упаковку вафель, я уже собиралась закрыть дверь между нашими кабинетами, но

именно в этот момент Куки отпила свеже сваренного эликсира и закатила от удовольствия глаза. На мгновение я увидела одни лишь белки. Жутковато. Все-таки мы с ней родственные души до мозга костей.

— Даже не знаю, с чего начать, — проговорил мистер Джойс, когда я вручила ему чашку, налила себе и села за стол.

Рейес испарился. Как делал всегда, когда исчезала опасность.

— А давайте с самого начала, — предложила я, чувствуя, что внешняя обеспокоенность, которую он показывал, на все сто искренняя. А еще я ощущала страх. Сильный, выворачивающий наизнанку.

— Ну ладно. — Мистер Джойс помял в руках бейсболку, посмотрел мне в глаза, глубоко вздохнул и выпалил: — Я продал душу дьяволу и хочу, чтобы вы мне ее вернули.

Это что-то новенькое.

Я поморгала, неторопливо отпила глоток и поинтересовалась:

— Хоть не прогадали?

— В смысле? — спросил мистер Джойс, пораженный моей реакцией.

— Что вы получили за свою душу?

Он прикусил губу и подался ко мне:

— Мисс Дэвидсон, я не шучу.

— Понимаю.

— Я разговаривал с несколькими... — он оглянулся, словно боялся, что нас подслушают, — ...с несколькими людьми, работающими в вашей сфере деятельности, и все мне советовали нанять вас. Говорили, что если кто и может вернуть мне душу, то только вы.

— Правда? И что за люди работают в моей сфере деятельности?

— Ну... — протянул мистер Джойс, положил бейсболку на стол и, наклонившись вперед, прошептал: — Из сверхъестественного мира.

— А, ну да. Они же на каждом углу стоят. Так этот демон, которому вы продали душу...

— Дьявол, — поправил он, подняв указательный палец. — Это был не демон, а дьявол.

— Понятно. Во-первых, в это время года дьявол в нашем измерении не гостит. Так что если парень, которому вы продали душу, назвался самим боссом, то он соврал.

— Правда? — удивился мистер Джойс. — Ну, может быть, он и не называл себя дьяволом, но у него есть силы, понимаете? Каждый раз, когда он на меня смотрел, я чувствовал в нем что-то особенное. Что-то такое, что могло меня сокрушить само по себе. И у него моя душа. Ее больше нет! Я ее больше не чувствую! — Он похлопал по себе, будто искал бумажник.

Расчудесно. Мистер Джойс оказался психом. Я достала блокнот и ручку.

— Можете детально описать мне душу? Я разошлю на нее ориентировки.

Он раздраженно откинулся на спинку стула. Что ж, бывает и такое.

— Мне казалось, что вы, как никто другой, сумеете понять.

Я положила ручку на стол.

— И почему именно я?

— Я знаю, кто вы. Он мне сказал.

— Дьявол?

— Нет. Тот парень. — Джойс провел рукой по волосам. — У которого моя душа. Кто знает, может, он купил ее для дьявола.

Честное слово, занимательная складывалась беседа, но мне надо было позвонить дяде

Бобу и узнать, что происходит с папой. Самому папе звонить бесполезно. Если он не хотел, чтобы я о чем-то узнала, то от него я уж точно ничего не добьюсь.

— Ну что ж, спасибо, что пришли, мистер Джойс, но...

— Хедеш! — выкрикнул Джойс, вспомнив имя. Имя, которое было мне хорошо знакомо.

— Хедеш мертв, — сказала я, гадая, откуда он знает имя демона, которого послали меня убить.

Хорошо, что мне прикрывали спину сын Сатаны и мертвая ротвейлерша по кличке Артемида, иначе сейчас меня бы здесь не было.

— Ну да, так он мне и сказал. Что Хедеш мертв. Пока мы играли в карты...

— В карты?

— В покер, — уточнил Джойс, волнуясь все больше и больше. — Тогда-то я и проиграл душу.

Я сплела пальцы.

— Давайте-ка уточним. Вы проиграли душу в карты?

— Нет... то есть не совсем. Мне нужны были деньги. Он это знал. И использовал против меня. — Его омыло волной раскаленного добела стыда. — Не поймите превратно, на то были веские причины. А у него самые высокие ставки в городе, вот я и рискнул. Заложил все, что у нас было, чтобы занять место за столом. И потерял все до последней копейки. — Он смущенно потер лоб. — Увидев, как я расстроен, он сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. И в итоге продал ему душу.

— Понимаю. Так что там с Хедеш? — напомнила я.

Джойс прищурился, припоминая подробности:

— Тот парень, дилер, сказал, что в городе орудует ангел смерти, досаждающий его братьям. Сказал, что вам удалось уничтожить одного из главных адских полководцев, которого звали Хедеш.

Откуда, бога ради, какой-то доморощенный крупье, открывший нелегальное казино, обо всем этом знает?

— Почему вы решили, что я и есть этот ангел смерти?

— Потому что мне все так говорили, — ответил Джойс, постепенно повышая голос. — Послушайте, а не можете вы пойти и поговорить с этим парнем? Вернуть мне душу? Я заплачу.

— Разве вы сами не сказали, что у вас нет денег? И именно поэтому вы оказались за игровым столом?

— Ну... деньги я достал. Много денег. Оказалось, что продать душу — весьма прибыльная сделка. — Он поник и захлебнулся в таких душераздирающих страданиях, что у меня защипало глаза. — Но никакие деньги не могут вылечить от рака.

Твою дивизию. Большой Р. Мой самый ненавистный враг.

— Мне нужна моя душа. Я могу все ему вернуть. Я обещал ей, что моя душа будет с ней.

Значит, женщина, которую он любил, умерла, и теперь ему нужно вернуть душу, чтобы быть рядом с ней в ином мире. Что ж, это тоже что-то новенькое.

— Вы единственная, кто осмелился противостоять хоть кому-то из них. Никто даже думать об этом не хочет.

— И тому есть хорошее объяснение. Они весьма смертоносны.

— Я готов на все. Можете все забрать. Деньги. Машины. Все, что пожелаете. Мы с

супругом в невыразимом отчаянии.

И опять меня застали врасплох. А я ведь только-только начала понимать, что вообще происходит.

— С супругом?

— Да, с Полом. Мы поженились в Массачусетсе, как только там узаконили однополые браки.

— Тогда кто эта «она», кому вы обещали провести вместе вечность?

Джойс посмотрел на меня полными слез глазами. И слезы эти были такими горькими, что я перестала дышать и почувствовала, как остановилось сердце.

— Наша дочь. Ей было три года, когда она умерла от нейробластомы. Мы обеспечили ей самое лучшее лечение, какое только можно купить, но все без толку. — Он достал бумажник, вытащил из него две фотографии и передал мне. — Знаете, каково это — смотреть, как умирает от рака трехлетняя девочка? Она была такой храброй! И хотела только одного — чтобы мы пообещали, что когда-нибудь встретимся на небесах. — Его голос надломился, а я не мигая смотрела на снимки.

С первого мне улыбалась прелестная белокурая девочка с огромными голубыми глазами. Второй, видимо, сделали после нескольких курсов химиотерапии. Безволосая макушка все той же красавицы блестела на солнце, пока сама красавица готовилась скатиться с горки. На ее губах играла широкая и ясная, как небо Нью-Мексико, улыбка.

— Мы обещали ей, что снова увидимся. Пол не знает, что я натворил. Не знает, что я не могу сдерживать обещания.

Не знаю, от чего у меня в горле встал ком размером с бейсбольный мяч. От горя Джойса или от моего собственного. Как бы то ни было, я не сумела сдержать слез, глядя на ангела в руках отца.

— Когда ее не стало? — выдавила я, чувствуя, как скорбью сдавливает грудь.

— Вчера. — И Джойс расплакался, уткнувшись лицом в ладони.

Обойдя стол, я обняла Джойса и зарыдала вместе с ним. С этой частью своих обязанностей я всегда справляюсь хреново. С той частью, которая касается оставшихся в живых родственников. Их скорбь, их горе тяжким грузом ложатся мне на сердце.

Я почувствовала Рейеса. Ощутила его жар до того, как он вошел в кабинет. Он не стал вмешиваться. Отступил к стене и смотрел, как смертельная боль стирает меня в пыль.

Мой бойфренд говорит, что я его преследую.

Правда, он не совсем мой бойфренд...

Статус в соцсети

Проводив мистера Джойса к выходу, я пообещала сделать все, что смогу. Понятия не имею, все ли в порядке у него с головой, но уж точно выясню.

— Что там у нас? — осторожно поинтересовалась Куки.

— Клиент, который продал душу дьяволу.

— Еще один? — Она всегда знает, что сказать.

Немного смутившись, я улыбнулась ей так широко, как только сумела в сложившихся обстоятельствах:

— И не говори. Когда уже люди хоть чему-нибудь научатся? — Я оглянулась на Рейеса, который все еще молчал. Он видел, как меня прорвало. Тут уже не до смущения. Мне было стыдно. — Такое вообще возможно?

— Возможно, — ответил он, и я почувствовала излучаемые им искренние сожаления.

— Тогда мне предстоит сыграть в карты.

Я взяла сумку и двинулась к двери. Рейес отлепился от стены и пошел за мной.

— Шутишь?

— Ни капельки. Мои намерения серьезны, как нейробластома.

На этот раз он не ответил. Знал, что ничего не добьется. Прогресс налицо.

Я остановилась у стола Куки:

— Ты же вечером переоденешься?

— А с этой одеждой что не так?

— Ничего, если ты собираешься сбежать с цирковой труппой.

Громко ахнув, она угрожающе сощурилась:

— Надо было запереть тебя в кабинете с мачехой, а не пользоваться этим дурацким интеркомом с кошмарной распродажи, чтобы тебя спасти.

Пришла моя очередь громко ахнуть. Вдобавок я обвиняюще ткнула в нее пальцем со всем присущим мне актерским талантом:

— Распродажа была крутая. Кому не понравятся манатки очень даже неплохого таксидермиста? — Куки вздрогнула, вспомнив подробности, и я добавила: — А интерком и близко не такой дурацкий, как этот наряд.

Выражение ее лица стало суровым, и я почувствовала, как ослабевает тяжелый груз горя. Как хорошо, что у меня есть Куки! Подмигнув ей, я вышла из офиса. Нужно было подготовиться к сегодняшнему вечеру.

Но первым пунктом в списке дел был дядя Боб.

Проходя по стоянке к моему дому, я взяла у какого-то бездомного с морщинистой кожей и без нескольких зубов карточку, на которой было написано «ЖИВИ СВОБОДНО ИЛИ УМРИ». Взамен ссыпала ему всю оставшуюся мелочь. Дом был моим в прямом смысле слова. Его купил мне Рейес. Понятия не имею, что делать с многоквартирным домом, но мысль о том, что он принадлежит мне, приятно грела душу.

— Ты не будешь играть в карты, — заявил Рейес, все еще шагающий за мной.

— Еще как буду.

Меня обступило жаром разрастающегося в нем гнева. Обжигающим, раскаленным добела жаром. Я развернулась к нему лицом:

— Да в чем, блин, проблема?

Он не остановился, пока не оказался в паре сантиметров от меня.

— В тебе. Ты как будто специально ищешь самые хреновые, самые опасные ситуации, а потом не задумываясь лезешь на рожон.

— Я очень даже задумываюсь. — Я отвернулась и снова пошла к дому. — Иногда даже не один раз, а два или три.

Я и двух шагов не успела сделать, как он схватил меня за руку.

— Это не смешно.

Демонстративно уставившись на его руку, я снова посмотрела ему в глаза:

— Верно, не смешно.

Он отпустил меня.

— Нельзя спасать направо и налево каждую отчаявшуюся душу, Датч. — Когда я снова глянула на дом, Рейес преградил мне путь. — В конце концов тебя убьют, а я застряну здесь в одиночестве, потому что влюблен в воплощение чуткости и сочувствия, готовое рискнуть жизнью ради первого встречного, лишь бы не прислушиваться ко мне.

Я переступила с ноги на ногу и подбоченилась.

— Ты в меня влюблен?

Он шагнул ближе и положил ладонь мне на бедро.

— А то ты не знаешь.

— Знаю. Но этот яростный жар сожрет тебя живьем.

Пристально глядя на меня, Рейес облизнулся.

— А может, у меня температура поднялась.

Меня обуяла тревога. Я коснулась его лба. Он был обжигающе горячим. Но ведь он всегда такой, разве нет?

Рейес и сам прижал руку ко лбу.

— Вот видишь? Наверное, меня нужно обтереть губкой, — сказал он игривым тоном.

Ухмылка, игравшая на его губах, была невозможно сексуальной, но я начинала всерьез волноваться и снова потрогала его лоб.

— Ты как будто и правда горишь.

— С тех пор как тебя увидел.

Тут я не удержалась и рассмеялась.

— А теперь серьезно, Рейес. Как ты себя чувствуешь?

— Плохо, когда тебя нет рядом.

— Ты вообще болеешь?

— Каждый раз, когда мы не вместе.

Так я ничего не добьюсь. Он нарочно увиливал от ответа.

— Как скажешь. Но в карты я точно сыграю. У меня уже есть план, — добавила я, пытаюсь обойти Рейеса.

— Ну конечно. — Он вошел со мной в дом и стал подниматься по лестнице. — Твои планы всегда срабатывают на ура.

— Это нечестно.

— Я не шучу, Датч. Ты понятия не имеешь, кто такие дилеры.

— Дилеры? — Я резко остановилась и уставилась на Рейеса с отвисшей челюстью. — Как ты узнал? Или ты давно знаешь, что один из них здесь?

— Не совсем. Но я знаю, что они существуют. И если речь идет о настоящем дилере, то он очень, очень умен. Он может убедить мать продать ребенка в рабство за копейку.

— Поверить не могу, что такие... создания действительно существуют. Значит, можно взаправду продать душу?

Он кивнул:

— И даже не придется идти на перекресток.

— Святой ежик! Как же так вышло, что я ничего об этом не знаю? — Я пошла дальше наверх, попутно копаясь в сумке в поисках ключей.

— Все не совсем так, как ты себе представляешь, — продолжал Рейес. — Ты многого не знаешь. И есть немало вещей, которые тебе знать необязательно. Например, как связываться с дилерами.

— Так кто они такие?

— Демоны. Падшие.

— Как Хедеш?

— Почти. Только они ушли в «самоволку».

— В «самоволку»? — Я остановилась на лестничной площадке. — Это как?

— Сбежали из ада и живут на Земле как люди. В них нет ни капли преданности моему отцу. Они просто-напросто живут здесь и питаются душами.

— Умоляю, скажи, что ты пошутил.

— Если бы. Но и им надо есть, как тебе и мне.

— То есть души — это их пища?

— Совершенно верно. Но душу они могут получить, только если человек добровольно ее отдаст.

— Зачем кому-то добровольно лишаться души?

Рейес пожал плечами:

— Ради власти. Денег. Здоровья.

— Ну... одним словом, я в шоке. — Я вставила ключ в замок и опять застыла, пытаюсь смириться с тем, как все обернулось. — Так как это происходит? Нужно заключить какой-то договор? Как в кино?

— Нет. Никаких договоров. Это голливудская версия. В реальности дилеры куда умнее.

— Тогда как скрепляется сделка?

— Человек дает согласие, и дилер помечает душу. Потом, когда испытывает голод, отзывает ее к себе. Хочешь верь, хочешь нет, но люди могут жить без души. Недолго, конечно, но могут.

— А как насчет мистера Джойса? Душа все еще при нем?

— Нет. Он говорил правду. Души у него нет. Причем уже как минимум пару месяцев. Долго он не протянет. Он так погрузился в заботы о дочери, что не понимал, что с ним

происходит. Все это время он чувствовал себя больным. Так бывает, когда лишаешься души. Тело чахнет.

Черт возьми. Меньше всего на свете меня радуют такие новости.

— Ясно. Ты мне вот что скажи: есть ли шанс вернуть душу, которую уже слопал демон?

— Зависит от того, как долго он владеет этой душой. Осталась ли в ней хоть капля энергии. При необходимости на одной душе они могут прожить несколько месяцев. А на твоей, — сказал Рейес предостерегающим тоном и шагнул ближе для пущего эффекта, — он может протянуть сотни лет. Даже целое тысячелетие. Заполучить твою душу все равно что выиграть пожизненный банкет. Именно поэтому ты ни за какие коврижки к нему не полезешь. Поверь мне, дилер легко обведет тебя вокруг пальца. Глазом моргнуть не успеешь, как лишишься души. Не зря в вашей мифологии их часто называют трикстерами^[1].

— Спасибо, что так в меня веришь.

— Датч, дело вовсе не в том, что мне не хватает веры в тебя. Наоборот. У меня нет ни тени сомнения, что ты пойдешь на что угодно, лишь бы вернуть этому человеку душу. Я на такое уже посмотрелся. Ты рискуешь всем, каждой частичкой себя, ради каких-то незнакомцев. И это... тревожит.

Тут мне нечего было ответить.

Открыв дверь, я вошла к себе в квартиру.

— И все-таки как так вышло, что я ничегошеньки обо всем этом не знаю?

Рейес сложил на груди руки и прислонился плечом к косяку, а я бросила сумку на стол в кухне и пошла к мистру Кофе.

— Потому что ты — это ты, — поддразнил меня Рейес.

— А тебе на работу возвращаться не надо? — огрызнулась я, кивнув куда-то за стенку.

— Твою мать, — процедил он сквозь зубы. — Надо, но задерживаться не буду. Ничего без меня не делай.

— Хорошо, — отозвалась я, скрестив за спиной пальцы.

Он шагнул ко мне:

— Я серьезно, Датч. Не смей даже пытаться его разыскать.

— Не буду. Клянусь на мизинчике. — Я показала ему мизинец. А он мне свой не показал, поэтому клятву верности мне скрепить оказалось нечем. И второй раз за день моя рука зависла в воздухе. — Но, — добавила я, указав на Рейеса мизинцем так угрожающе, как только сумела, — сегодня вечером я точно пойду и сыграю.

Он стиснул зубы так, что заиграли желваки.

— Тогда нужно кое-что посерьезнее, чем твои планы.

— А что не так с моими планами?

— А то, что они всегда подразумевают ныряние с головой в опасность, где тебя могут убить. И на последствия тебе плевать.

— Ну знаешь... в прошлом мои планы всегда срабатывали прекрасно, — напомнила я, наставительно нахмурившись.

— Прошу прощения, — проговорил Рейес, но я нутром чуяла, что ни толики искренности в этих словах нет. — Вечно забываю, как прекрасно все твои планы катятся к чертовой матери, включая и тот, после которого ты оказалась на забытом богом мосту в компании мужика, собиравшегося спалить тебя живьем.

Неужели я не ослышалась?

— Ты до сих пор из-за этого злишься? — Он молча наградил меня сердитым взглядом, и

я вызывающе сложила на груди руки. — Тогда не было никакого плана. Меня застали врасплох. И я уже говорила: я пыталась тебя вызвать, но не смогла. У меня было сотрясение. — Для убедительности я постучала пальцем по виску. На этот раз другим, не мизинцем.

Мгновение спустя Рейес стоял передо мной. Внутри него инстинктивно пробуждался зверь. Он наступал, пока я не вписалась задом в шкафчики под стойкой. Положив руки на стойку, он шагнул еще ближе, окутав меня обжигающим жаром с ног до головы.

— Ты можешь вызвать меня, когда тебе заблагорассудится. — Теплое дыхание спустилось от уха к шее. — Я всего лишь в одной мысли от тебя.

— По-твоему, я тебя нарочно не вызвала?

Он отстранился и заглянул мне в глаза.

— Тебе виднее.

— Я думала, тебе на работу надо.

Снова стиснув зубы, Рейес глянул на часы.

— Учти, я серьезно. Никаких шагов, пока мы не придумаем план получше. Пообещай.

— Да обещаю я, блин, обещаю!

Ну никакой в меня веры, елки-палки.

Я решила действовать по порядку. Нашла телефон и набрала Дибби.

— Привет, милая, — сказал он в трубку.

Настроение у него явно было чудесное. Что ж, я планировала это исправить.

— Приезжай сегодня вечером ко мне.

— Не вопрос. А в чем дело?

— В папе.

— Он у тебя? — удивился дядя Боб.

— Нет. Зато заскакивала Дениз. Похоже, она убеждена, что ни в какие синие дали папа не собирается. Тебе случайно ничего птичка на хвостике не приносила?

— Нет. — Несколько секунд он помолчал, а потом добавил: — Но были подозрения.

— Какие? — встревожилась я. — Что происходит?

— Я уже бегу на встречу. Поговорим, когда буду у тебя. Когда, кстати, мне приехать?

Мне очень хотелось, чтобы он появился как можно скорее. Речь ведь шла о папе. Но нужно было придерживаться плана, который мы с Куки (то есть в основном, конечно, я) выдумали, чтобы заставить Дибби пригласить ее на свидание. Ей-богу, в подобных делах с ним так сложно, будто мы ему зубы клещами выдергиваем.

— Может, к шести? — Тогда у Куки будет время навести марафет, а у ее кавалера — приехать с другого конца города. До пяти ему надо быть на работе, так что... — Да, давай к шести.

— Лады. Ужин привезти? Могу заехать куда-нибудь по дороге.

Наверное, мне стоило бы чувствовать себя хоть чуточку виноватой. В конце концов, я в прямом смысле слова собиралась загнать в угол собственного дядю. Однако никакой вины я не ощущала. Ловушка, которую я организовала, была ложью во благо. Хотя мне больше

правилось называть ее «План по организации интимной жизни Куки». Как правило, Дибби — прямолинейный и уверенный в себе человек, но, когда дело касается Куки, превращается в бесхребетную сардельку. Вряд ли, конечно, у сарделек есть хребет. Но это же Куки. Наша Куки! Что она с ним сделает, ей-богу? Покусает, что ли?

Ладно, с нее станется. Куки вполне хватит на такое наглости. Но не раньше, чем наши усилия принесут плоды.

— Классная мысль, — сказала я, поражаясь собственному актерскому таланту. Надо было двинуть в Голливуд, когда был шанс. Только я как-то не очень поверила старикану, который на заправке у черта на куличках приглашал меня сниматься в кино. А не поверила скорее всего потому, что на заднем сиденье у него валялись веревки, скотч и метровые ленты презервативов. Короче говоря, я так и не узнала, что из этого могло получиться. Как высоко я могла взлететь. Се ля ви. — Люблю, когда ты покупаешь ужин. Как насчет того страшно дорогого итальянского ресторана, куда я никогда не хожу, потому что он страшно дорогой?

Дядя Боб рассмеялся:

— Можно попробовать. Заказать самое дорогое блюдо в меню?

— Ну а то! Увидимся. — И перед тем, как повесить трубку, я успела ляпнуть: — Только не опаздывай!

— Я тебя умоляю! Роберт Дэвидсон никогда не опаздывает.

Какой еще Роберт? А, ну да. И когда я уже привыкну?

— Ладно, Роберт, не опаздывай.

— Постараюсь.

Повесив трубку, я поняла, что мистер Кофе уже готов сделать меня счастливой, и испытала прилив ничем не замутненного восторга. Странно, конечно, но уж как есть. Я бросилась к нему, дерзко подмигнула и налила себе чашку кофейку, добавив туда все возможные заменители того и сего.

Потом уставилась на стены. До меня вдруг дошло, что делать абсолютно нечего. То есть не совсем. Я могла поразмышлять о демоне, который расхаживает по городу и питается душами людей. Или в очередной раз предаться мыслям о том, что рак — хладнокровная тварь, заслуживающая долгой и мучительной смерти. Или опять поудивляться, что у Рейеса есть брат. Самый что ни на есть родной, да еще и человек. Но ни один из вариантов не казался соблазнительным. А поскольку Рейес на корню угробил мои планы по поискам дилера, чье подробное описание дал мне мистер Джойс, я оказалась в тупике. В собственной квартире. И мне совершенно нечего было делать. Жуть как непривычно.

Наверное, я могла бы попялиться на мистера Вонга, моего соседа. «Жил» он здесь еще до моего появления. Висел в углу гостиной носом к стене. Но мне очень понравилась квартира, когда я ее впервые увидела. Точнее мне понравился дом. Он так и манил меня войти, соблазнял изящными линиями и архитектурной атмосферой Старого Света. Или так, или в тот день я перепила «Маргариты».

С мистером Вонгом я разговариваю постоянно, но на самом деле ни разу не пыталась по-настоящему с ним пообщаться. Узнать хоть что-нибудь о нем и о его жизни. Наверное, мне просто не хотелось. Я частенько изо всех сил стараюсь избегать болезненных аспектов жизни, хотя не всегда получается. Как, например, час назад в офисе с мистером Джойсом.

Но вдруг мистер Вонг такой же, как мистер Андрулис с пассажирского сиденья? Может быть, он заблудился где-то внутри себя, хотел перейти, попасть на небеса, но просто-

напросто не знал как. Мне никогда и в голову не приходило присмотреться к мистеру Вонгу и поискать на нем хоть какие-то подсказки. Татуировки, например. Может быть, если бы мне удалось выяснить, кто он такой и какую прожил жизнь, то я сумела бы вытащить его из вечного ступора и помочь перейти на ту сторону. Разве не в этом заключается суть моей работы?

Я приволокла к мистеру Вонгу стул и уселась.

— Я пришла к вам, — тихо сказала я, чтобы не спугнуть соседа. Его спина была ровной, плечи расправлены, короткие седые волосы, которые не мешало бы подстричь, немного спутаны. — Знаете, если хотите перейти, то милости прошу.

Минуточку! А если он действительно перейдет? Что мне без него делать? Я уже привыкла, что он всегда рядом, что в любой момент с ним можно поговорить, пожаловаться на жизнь. Как же я буду здесь жить без него?

— Может, хотя бы скажете, как вас зовут? Наверняка ведь не мистер Вонг. — Так назвала его я сама, потому что... Ну, потому что он выглядел, как мистер Вонг. И это первое, что пришло мне на ум.

Он не ответил. Я поставила чашку на пол и встала рядом с мистером Вонгом. Он парил сантиметрах в тридцати от пола, но его голова все равно не возвышалась над моей. Наверняка ростом он не выше полутора метров. Серая форма напоминала мне о фотографиях китайских концлагерей, где людей морили голодом и заставляли работать, пока они не валились с ног. Буквально.

Может быть, именно поэтому я никогда и не пыталась наладить с ним контакт. Может быть, мне не хотелось знать его историю, не хотелось знать, что ему довелось пережить. Сторонний наблюдатель может счесть это странным, но мне фигово удается справляться с такими вещами. Слишком часто мое сердце обливалось кровью. Каждый раз, когда люди проходят через меня, я вижу трудности, с которыми они сталкивались, чувствую душераздирающую боль, которую им приходилось преодолевать, даже если суждено было прожить долгую и счастливую жизнь. Пора бы уже привыкнуть, но как-то не получается. Все это до сих пор каждый раз разбивает мне сердце. А значит, очень вероятно, что все это время я просто откладывала неизбежное, закрывала глаза на правду. Но не ради мистера Вонга, а ради самой себя.

Да уж. Порой я бываю такой эгоисткой, что сама поражаюсь.

Собравшись с духом, я взяла его за руку. Впервые к нему прикоснулась. Мне всегда было страшно, что он вдруг очнется и испарится. Мертвецы это любят. Но мистер Вонг даже не шелохнулся, давая мне возможность осмотреть его ладонь. Я искала татуировки, пятна, шрамы — хоть какой-нибудь намек на то, кто он такой. Наверное, не стоило и надеяться, что у него окажется татушка с именем, как у мистера Андрулиса.

Я подняла рукав. Ничего. Хотя шрамов было много. Кожу покрывало множество тонких полосок. На обеих руках. Я наклонилась и приподняла потрепанную штанину. Снова шрамы, хотя уже не так много. И больше никаких отметин.

Осматривая правую ногу мистера Вонга, я услышала, как Куки открыла дверь.

— Чем занимаешься? — спросила она, сразу направившись к мистеру Кофе.

Я уже давненько подозревала, что между ними что-то есть. Кажется, Куки очень интересовало, где он находится, что делает, сколько времени ему надо, чтобы закипеть. Сейчас она смотрела на него с тоской и желанием. О да, знаю я этот взгляд. Может быть, это как-то связано с тем, что ее кофеварка приказала долго жить от постоянных перегрузок.

Думаю, у нее не выдержало сердце. И все-таки лучше Куки не паяниться так на моего мужика, если ей дорога жизнь.

— Пристаю к мистеру Вонгу, — ответила я, отпустив штанину и выпрямившись. — Нашла что-нибудь о нашем мистере Андрулисе?

— Еще бы.

Я выглянула из-за мистера Вонга:

— Правда? Ну и?

Помешав кофе и сполоснув ложку, она подошла и вручила мне какую-то бумажку.

— Это он?

Я глянула на газетную вырезку. Это была фотография нескольких ветеранов, членов местного филиала «Ветеранов зарубежных войн»^[2]. Одного из них Куки обвела кружочком, а под фото имелся список имен, среди которых был и Чарльз Андрулис.

Я прищурилась, пытаясь рассмотреть зернистый снимок.

— Очень может быть. Трудно сказать. Сейчас он ужасно голый.

— В некрологе говорится, — начала Куки, усаживаясь на стул, который я притащила к мистеру Вонгу, — что он умер около месяца назад, оставив пятидесятисемилетнюю жену. Правда, со здоровьем у нее не очень.

— Может быть, поэтому он все еще здесь, — заметила я, взяв второй стул и подняв с пола чашку. — Может быть... ну не знаю, может, он ее ждет. — Куки вздохнула, явно предаваясь романтическим мыслям, а меня вдруг осенило: — Минуточку, но почему же он голый?

— Ой, сейчас. — Куки покопалась в сумке и вытащила пачку бумажек. — Итак, я позвонила в дом престарелых, где жили они с женой. Медбрат Джейкоб, который, судя по голосу, очень даже ничего, сказал, что мистеру Андрулису помогали принимать душ, когда он вдруг взял и упал. Умер мгновенно от сердечного приступа.

— Вот блин. Бедняга.

— И не говори. Ужасно печально. Медбрат Джейкоб сказал, что жена мистера Андрулиса не знает, что он скончался. Даже если бы ей сообщили, она бы помнила об этом всего несколько минут, а потом опять начала бы спрашивать о муже. Поэтому они ей постоянно говорят, что он скоро вернется.

— Знаешь что? — Я поднялась и стала мерить шагами комнату. Все полметра. — Я сыта по горло. Не хочу больше иметь дело со смертью. — В одной руке я держала чашку, а другой яростно размахивала. — Хватит с меня грустных историй и рыданий в подушку.

Куки выпрямилась.

— Но ты же ангел смерти. В смысле это ведь твоя работа, разве нет?

— Да. — Я подошла к столу и достала листок бумаги. — Да, и я увольняюсь.

Она расслабилась, отпила глоток кофе и поинтересовалась:

— Ну и что ты собираешься делать?

— Написать заявление об увольнении. Как пишется «самовольноотпостраотрекательство»?

— Во-первых, раз ты пишешь это слово в заявлении об увольнении, то вряд ли знаешь его значение.

Я посмотрела на свои каракули:

— Правда?

— Во-вторых, сомневаюсь, что ты можешь взять и уволиться.

— Да неужели? — Я продолжила строчить, добавив парочку ругательств, чтобы уж точно донести до читателя свою мысль. — Поживем — увидим. — Со всем старанием подписав заявление, я сложила листок втрое и попыталась затолкать его в конверт. Вытащила, развернула, сложила тщательнее, чтобы был потоньше, и опять стала запихивать в конверт. Снова вытащила. — Кошмар какой-то! Как, блин, запихнуть его в чертов...

— А «в-третьих» услышать не хочешь?

Я сдула с лица прядь волос и повернулась к Куки:

— Валяй.

— В-третьих, кому конкретно ты собираешься послать это заявление?

Твою дивизию. Она права. Но додумать я не успела — снова отвлеклась на мистера Вонга. Потому что сквозь поношенную рубашку увидела то, чего раньше не замечала. Уронив конверт, я подошла к мистеру Вонгу, встала на цыпочки и заглянула за воротник серой рубахи.

— Святой ежик! — Вся его спина была покрыта татуировками. — Кажется, мистер Вонг был членом триады.

— Триады? — переспросила Куки, медленно поднимаясь со стула. — Разве они не опасны?

— Насколько мне известно, очень. — Я зашла сбоку и расстегнула пару верхних пуговиц на рубашке. — Простите, мистер Вонг. Я очень, очень, очень, очень сильно извиняюсь.

Расстегнув еще несколько пуговиц, я осторожно стащила рубашку по его плечам и устояла на произведение искусства. Кто бы ни сотворил такое, работа была поразительной. Однако символы не имели ничего общего с тем, что я видела в фильмах, и что могло бы связать мистера Вонга с какой-нибудь китайской или любой другой подпольной преступной группировкой. Передо мной были китайские иероглифы, образующие поперек спины прямую линию, с которой словно падали вниз очередные иероглифы, складывающиеся в вертикальный текст. Вот только прочитать его я не могла.

С самого рождения я знаю все языки, на которых говорили и говорят на Земле. Видимо, это входит в набор необходимых качеств для выполнения моей работы. Это вовсе не значит, что я умею читать и писать на всех этих языках и диалектах, но мандаринский знаю вполне сносно.

Куки отошла подальше и смотрела на меня с нервным любопытством:

— Ну так как? Он из триады?

— Нет. То есть не думаю. Никак не пойму. Это просто слова. Китайские иероглифы. Но я их не узнаю. Не могу прочитать. — Тут я кое-что вспомнила: — А тебе не надо готовиться к липовому свиданию?

Она прикусила губу.

— Даже не знаю, Чарли...

— Кук, — начала я, застегнула на мистере Вонге рубашку на случай, если он все-таки из триады и вдруг восплачет желанием получить мою голову в мусорном пакете, и подошла к Куки, — хорош уже сомневаться. — Взяв за плечи, я ее немного встряхнула. Пощечину решила не давать. Это, наверное, было бы уже чересчур. — Тебе это нужно, помнишь? Ты без ума от моего дяди. Хотя представить не могу почему. Наверное, это знаете только вы с богом.

Глубоко вздохнув, Куки кивнула:

— Ты права. Это для его же собственного блага.

— Именно так, черт его дери. К тому же будет весело понаблюдать, как он начнет изворачиваться. Дождаться не могу, когда увижу выражение его ли...

— Чарли!

— Но это не единственная причина, почему я все это затеяла. Клянусь.

— Не умеешь врать — не берись.

Я рассмеялась и проводила ее до двери.

— Иди уже марафетиться. Дибби приедет где-то к шести. Наверное. С пунктуальностью у него не очень.

Еще раз кивнув и отдав мне чашку, Куки пошла к себе. Я мысленно помолилась о божественном вмешательстве, когда она будет выбирать одежду, и вернулась к мистеру Вонгу. Линии иероглифов уходили по спине вниз за пояс штанов, но туда я точно не полезу. Не лишать же его чувства собственного достоинства окончательно.

Можно было попробовать зарисовать татуировки, как я зарисовала орла мистера А, но на это ушла бы целая вечность, да и с рисованием у меня, прямо скажем, беда. Пришло время убить одним выстрелом двух плохих парней. Я призвала Ангела — тринадцатилетнего мертвого гангстера, который хотел увидеть меня голой, перед тем как стать моим вторым детективом. Рада доложить, что голой он меня так и не видел, но детективом все же стал. Я взяла его шантажом. Такие у меня методы.

— Привет, Чарли, — сказал он, нарисовавшись у меня за спиной. Очень близко.

Пришлось отойти на пару шагов, чтобы смерить его подозрительным взглядом.

— Какой-то ты сегодня вежливый. Что-то задумал?

— В смысле? — Он шагнул к Софи, моему дивану, и с комфортом развалился на мягких подушках. — Нельзя уже поздороваться с моим любимым ангелом смерти?

Ну класс. Он точно что-то задумал. Я подошла ближе, потянулась к его животу и стала щекотать, пока он не заулюлюкал о милосердии, хохоча, как школьник:

— Ладно-ладно! Сдаюсь!

Люблю, когда он смеется.

— Ну и откуда столько вежливости? — спросила я.

Отвечать он не торопился, поэтому я снова взялась за его ребра.

— Ну все, хватит! Скажу тебе, так и быть. Просто я доволен. У мамы все путем.

— Ага, благодаря тому, что я повысила тебе зарплату. Значит, она купилась на историю о мертвом дядюшке, который оставил ей деньги?

Я отпустила Ангела, и он вытер глаза, словно прослезился от смеха.

— Похоже на то. Она теперь счастливее, чем раньше. Что-то изменилось.

— Ангел, может быть, она счастлива, потому что узнала, что ты все еще здесь.

Он в мгновение ока помрачнел:

— Нет. Я тебе говорил. Не хочу, чтобы она знала.

— Да знаю я, знаю. И я ничего ей не рассказывала. Но она что-то подозревает.

Откинувшись на спинку дивана, он потер пушистую щетину.

— Есть такое дело. Но пока она не знает наверняка, у нее все будет в порядке.

— Ну что ж, — сказала я, собираясь подогреть себе кофе, — как бы то ни было, я рада, что у нее все хорошо.

— Ага, я тоже.

— У меня для тебя сразу два задания.

— Лады, но я тут решил, что мне нужны выходные и отпуск.

— Зачем?

— Не знаю, но звучит классно. Хочу весь соцпакет.

Я наградила его своим лучшим бесстрастным взглядом:

— Не поздновато для медицинской страховки?

— Нет, страховка мне не нужна. Мне нужны другие бонусы. Типа увидеть тебя голой.

Но не переживай, не каждый день. Я не жадный.

— Голой ты меня не увидишь. В курс дела тебя вводить, или как?

— Валяй. Я же всего лишь мертвый. Возражать и спорить не мое собачье дело. — Я села рядом с Ангелом на диван, и он положил руку мне на плечи. — Может, чуток пообжимаемся?

— Нет. Ты умеешь рисовать?

Он пожал плечами:

— Когда-то умел, но лет тридцать уже не пробовал.

— Но ты умеешь управлять предметами. Я видела.

— Ага. Тебе нужен портрет в обнаженке?

— Угадал.

Он тут же приподнялся:

— Серьезно?

— Ага. Портрет голой спины мистера Вонга.

На красивом лице Ангела отразилось разочарование.

— Этого сморчка? Не нравится мне идея.

— Почему?

— Не знаю. Какой-то он... escalofriante^[3].

— Ангел Гарса! — нравоучительно процедила я, отодвигаясь. — Мистер Вонг вовсе не жуткий. С чего ты вообще решил, что он жуткий?

— Потому что он жуткий.

— Это невежливо.

— Как скажешь, малышка.

— Не называй меня так. Это неправильно. Я старше тебя.

Его рука все еще лежала у меня на плечах. Ангел игриво ухмыльнулся:

— Ты не старше. Раздевайся, докажу.

Его послушать, так мертвецы могут заниматься сексом. Неужели и правда могут? Даже если и так, проверять эту теорию на тринадцатилетнем парнишке я точно не собиралась.

— Ты не увидишь меня голой. Мне нужно, чтобы ты нарисовал татуировки на спине у мистера Вонга.

— Я, конечно, могу попытаться, но вряд ли ему это понравится. А вдруг он щекотки боится?

Он еще к словам придирается! Я укоризненно поджала губы:

— Больше ничего на ум не идет. Разве что ты его как-то разговоришь и выяснишь, кто он такой.

— Говорил уже: я тебе не медиум. К тому же видела б ты то, что вижу я, сразу бы расхотела выяснять, кто он такой.

Я мигом подскочила:

— Почему? Что ты видишь?

А потом кое-что вспомнила. После того как меня избили и чуть не сожгли, я видела тьму вокруг Рейеса и языки пламени, которые всегда с ним, словно шрамы из прошлого. Он сказал, что я смотрела на него из другого измерения. Теперь оставалось только вспомнить, как это мне удалось.

Я снова уставилась на мистера Вонга и сосредоточилась. Прищурилась. Потом прищурилась еще сильнее, пока он не превратился в размытое серое пятно.

— Ну и как? — усмехнулся Ангел. — Получается?

Я отчаянно вздохнула, признавая безнадежность затеи:

— Нет.

— Ты ангел, блин, смерти. Можешь делать все, что захочешь. Просто до тебя еще не дошло.

— Чувак, откуда ты знаешь больше, чем я? Неужели мои способности входят в базовые знания призраков?

— Нет, — отозвался он, пожав плечами. — После смерти ты вроде как учишься всему на ходу. Типа стажировки на работе.

— Вот-вот, именно так я себя и чувствую. Так это... что я могу такого, о чем еще не знаю?

— Я ж тебе только что сказал. Все, что захочешь.

— Очень познавательно, елки-палки. — И опять мне пришлось признать поражение. —

Что конкретно ты видишь?

Несколько долгих секунд Ангел смотрел на мистера Вонга, а потом ответил:

— Силу.

У меня распахнулись глаза.

— Силу? В смысле? Какую силу?

— Просто силу. Чтобы понять, тебе надо самой увидеть. *Me da mala espina*^[4].

Обалдеть какие полезные сведения.

— Значит, грядет что-то зловещее? Тоже мне новости. Короче говоря, я хочу, чтобы ты попробовал зарисовать татуировки с его спины вот здесь, — я ткнула пальцем в свой блокнот.

— Ладно. Скорее всего карандаш пройдет сквозь пальцы, но могу попытаться прямо сейчас, если хочешь.

— Нет. Сейчас у тебя другая работа.

— О'кей. Внеурочные в пол-оклада?

— Фигушки. Мне надо, чтобы ты выследил одного демона, который прикидывается человеком.

— Не нравятся мне демоны.

— Мне тоже.

— Очень смешно. Ты спишь с одним из них.

— Рейес не демон.

— Повторяй себе это почаще, малышка. Среди них он самый отъявленный демон.

— Ты сядешь на хвост этому чуваку, или как?

— Да не вопрос. Только, когда принц ада сожрет тебя с потрохами и спалит весь мир в геенне огненной, не говори, что я тебя не предупреждал.

— Идет, — фальшиво улыбнулась я.

Я торчу здесь только потому, что мне нужно алиби.

Надпись на футболке

Рассказав Ангелу, где найти дилера, я попросила только прозондировать почву. Может быть, ему удастся узнать, какими силами обладает этот демон.

— Только не лезь на рожон, — добавила я, — а то еще и твоей душенькой оттрапезничает.

Ангел закатил глаза. Ей-богу, звезда с красной дорожки.

В который раз я уставилась на мистера Вонга. Сила, значит. Ну и как же мне ее увидеть? Точно! Дафф!

Дафф — мертвец, с которым мы встретились как-то в баре и который увязался за мной до самого дома. Долго рассказывать. Короче говоря, впервые увидев мистера Вонга, Дафф как будто удивился. Словно узнал его.

Текущая миссия — найти Даффа.

Я решила сходить к нему в гости. Вообще-то он часто переезжает, но, когда мы виделись в последний раз, сказал, что вернулся к миссис Аллен, которая жила чуть дальше по коридору. У миссис Аллен был противный пуделек по кличке Пипи. Впрочем, надо отдать Пипи должное. Как-то он пытался меня отбить у шайки демонов. Чем заработал местечко в моем сердце. Мягкое, как наполнитель в бисквите, местечко, только не такое сладкое.

Я постучала в дверь миссис Аллен, подождала немного и постучала еще раз. Пипи уже надрылся, а у его хозяйки ушло немало времени, чтобы добраться до двери, хотя ее квартирка меньше моей.

Сначала приоткрылась маленькая щелочка, но, увидев меня, миссис Аллен сняла цепочку, распахнула дверь шире и поздоровалась:

— Здравствуй, Чарли.

Ясно, у вставных челюстей выходной где-то на полке.

— Здравствуйте, миссис Аллен, — отозвалась я, пожалев, что не придумала вменяемого предлога для визита. — М-мм, я хотела узнать, как у вас с отоплением. У меня совсем не работает.

— С отоплением? — Она буквально втокнула меня в квартиру. — Ужасно! Работает как попало. А бедненький Пипи, между прочим, очень чувствителен к холоду. Сердце кровью обливается! — Она поплелась к термостату и ткнула в него пальцем: — Видишь? Стоит на двадцати трех градусах, а я точно знаю, что тут не больше двадцати двух.

— Ясно, — протянула я, оглядываясь в поисках Даффа.

Ходят слухи, что я могу призвать призрака в любой момент. С Ангелом номер проходит, но с Даффом я знакома не так близко. Не хотелось отрывать его от дел, чем бы он ни занимался. Кстати о птичках, чем весь день занимаются мертвые?

— Дафф! — прошептала я, обошла рычащего Пипи и быстренько заглянула в спальню.

Никого.

— И плиту никак не починят. А ведь я говорила о плите этому ленивому, ни на что не годному управдому еще несколько месяцев назад.

Я повернулась к миссис Аллен:

— У вас не работает плита? — Я бы подошла ближе, но опять нарвалась на Пипи и злобно зыркнула на него и оставшийся в пасти единственный клык. — А я-то думала, мы друзья.

Он на меня твякнул. Видимо, чтобы до меня уж точно дошло истинное положение вещей. Противный мелкий кусок какашки.

Никто, кроме Куки, Рейеса и нынешнего управдома мистера Зи, не знал, что я новоиспеченный владелец дома. Поэтому миссис Аллен понятия не имела, что говорит с человеком, который несет ответственность за все починки и ремонты.

— Не работает. Видишь? — Она покрутила все вентили, но ни одна конфорка не зажглась. — И как мне теперь, скажите, пожалуйста, готовить жаркое?

— Ну-у, точно не знаю, но обязательно все запишу и потолкую с мистером Зи.

— Говорю же, он ленивый и ни на что не годный. Не станет он ничего делать.

Еще как станет. Лично прослежу.

— Ну что ж, спасибо. Буду держать вас в курсе.

— Спасибо, милочка. Ты всегда нравилась Пипи.

Пипи снова на меня твякнул и на этот раз не затыкался, пока у меня не заболели уши. Я выскочила в коридор и двинулась к Куки. Время от времени Дафф зависал и у нее. Правда, Куки я об этом не рассказывала. Пугать ее всегда весело, но мне не хотелось выслушивать тирады о том, что каждый шорох в углу — это, конечно же, призрак. С воображением у Куки и так порядок, а тут бы точно разыгралось не на шутку.

Вошла я без стука. Под предлогом проведать и узнать, как у нее дела. Куки была у себя в спальне, примеряла наряды один за другим. Судя по разбросанной повсюду одежде, только этим она и занималась, с тех пор как ушла от меня.

— Не знаю, что надеть, — пожаловалась она, выбрасывая симпатичную бордовую блузку.

— Ну вот это же классная штука.

— Нет. Мне не нравится, как она сидит.

— А как она сидит?

— Неправильно. Как тебе это?

— Наверное, на первом свидании не стоит сочетать оранжевое с фиолетовым. Но это я так... просто думаю вслух.

— Свидание-то фальшивое. Кому какая разница? — Взяв стакан, Куки опрокинула в себя как минимум половину, пока я не учуяла запах алкоголя.

— Куки, ты чем, блин, управляешься?

— Сделала «Маргариту» из замороженной смеси в блендере Эмбер. И не надо меня осуждать.

С трудом сдержав смех, я глянула на часы.

— Вот черт! Почти шесть.

— Мамочки! Я на свидания сто лет не ходила. — Убрав стакан, Куки начала опять примерять блузки, а я обошла ее квартиру, но Даффа не оказалось и здесь.

Когда я вернулась в спальню, Куки отбросила пятую по счету блузку.

— А с этой что не так?

— Цвет. Ты же сама сказала, что...

— Да-да, точно. Но такими темпами ты и к январю не соберешься. Пошевеливайся уже, барышня!

Она смерила меня сердитым взглядом. В ней точно алкоголь заговорил. Уж я-то знаю.

— Слушай, — вдруг вспомнила я, — тебе ничего не надо починить? Я составляю список.

— Ой. — Куки выпрямилась и начала загибать пальцы: — Холодильник издает смешные звуки. В ванной протекает кран.

— Притормози. — Я смоталась к себе и вернулась с ручкой и бумажкой. — Итак, холодильник, кран.

— Ага, и пол в гостиной скрипит. А у Эмбер из окна дует. И потолок надо покрасить после той катастрофической вечеринки с бассейном, которую ты пыталась устроить на крыше.

— Я тут ни при чем. Бога ради, бассейн же был детский!

— Ах да! Еще те штуки в шкафу. Их бы перевесить.

— Те шту... ки в шка... фу, — проговорила я вслух, записывая. — Это все?

— Я еще подумаю. Совсем забыла, что теперь все эти дела на тебе. — Куки задумчиво поморгала. — Страшновато даже как-то.

— И не говори.

Я пробежала по всему дому, якобы составляя список того, что нужно починить, для нового владельца. Из всех жильцов я застала приблизительно половину. А еще вычла из списка женщину с первого этажа, которая звала меня Берти и бросалась разваренной лапшой. Итого, у меня был список из семидесяти двух пунктов, которые надо было починить или заменить. Семьдесят два пункта! Вся эта затея с домом в подарок вполне может довести меня до ручки. Хорошо, что у меня есть мужчина, который, видимо, сделан из денег. Он и купил мне этот дом. А раз так, то меньшее, что он может сделать, — это, на мой важный, но скромный взгляд, добавить к подарку бонусы. Правда, ремонтами занимался мистер Зи.

Последней остановкой была его квартира, тоже на первом этаже. Наверное, он и рассказал обо мне той женщине с лапшой. Я ведь ее даже никогда не видела. Может быть, в этом все дело. Может быть, она типа отшельница и не любит, когда лезут на ее территорию. Это я могу понять, но с чего вдруг Берти?

Даффа я так и не нашла и уже начинала переживать, что придется его вызвать, хочет он того или нет, но сначала надо было повидаться с управдомом дефис мастером на все руки. Мистер Самора открыл дверь. На нем были рабочие штаны и серая футболка. Где-то в квартире бубнил телик. Вместо того чтобы поздороваться, мистер Зи раздраженно поджал губы под густыми усищами. Я решила, что мне, видимо, дают шанс заговорить первой.

— Привет, мистер Зи. У меня тут список...

Но закончить не довелось — дверь с грохотом закрылась. Прямо у меня перед носом.

Я так обалдела, что на целую минуту приросла к месту, а потом снова постучала. На этот раз погромче, чтобы он уж точно понял: я никуда не денусь, пока мне не откроют. Мистер Зи опять открыл дверь, смерил меня взглядом с ног до головы и опять собрался захлопнуть дверь, но я успела просунуть в щель ногу в ботинке.

— Смена закончилась, — проворчал мистер Зи и широко распахнул дверь. — Не видишь? Я ужинаю.

Я заглянула в квартиру и, само собой, увидела на столе пир, достойный короля. Если, конечно, король из любителей хот-догов и картофельных чипсов.

— Извините, что беспокою, но у меня тут список того, что нуждается в починке в разных квартирах.

— Да неужели? — Он отобрал у меня список, пробежался по нему глазами, смял в кулаке и бросил в меня. — Без предварительного разрешения я ничего чинить не могу. Иди в управляющую компанию.

Комок бумажки попал мне в грудь. Придя в себя от кошмарной грубости мистера Зи, я решила подать заявление о нападении. Схватила за грудь и согнулась пополам, подвывая от боли.

— Закончила? — спросил он, ни капельки не впечатлившись. — У меня сериал начинается.

Я подпрыгнула, чтобы увидеть телевизор. Мистер Зи собирался смотреть повтор «Во все тяжкие». Ну хоть на сериалы вкус у него что надо.

— Люблю этот сериал, — сказал я, пытаюсь разглядеть, какая шла серия. — Развалюху только на их автомойку вожу.

— То есть с тобой все в порядке? Бумагой не поранилась? «Скорую» не вызывать?

— Ой, ладно. Хамите на здоровье. Только расскажите подробно, что там надо сделать, чтобы одобрили ремонт. — Я подняла скомканную бумажку и разгладила на животе.

— Говорю тебе, шуруй в управляющую компанию. Я теперь на них работаю. А они — на владельца.

— И все-таки сомневаюсь я, что вам стоит так вести себя с жильцами.

— Как — так? — ошалел он.

— Закрывать у них перед носом дверь, например.

— Сказал же, смена кончилась.

— А не важно. Жильцы есть жильцы. Благодаря им вы получаете зарплату. Они заслуживают хоть капельку уважения.

— Знаешь, Чарли, хочешь уважения — прояви сама хоть немного.

— Чего?! — пришла моя очередь ошалеть. — Когда это я относилась к вам неуважительно?

Мистер Зи расправил плечи.

— От тебя много шуму. Ты вечно устраиваешь вечеринки. Приглашаешь странных людей в любое время дня и ночи. И за глаза называешь меня мистер Пушистые Усы. Будто я какой-то драный кот.

— Ничего подобного. Я и в лицо вас так называю не реже, чем за глаза. А вечеринок уже несколько месяцев не устраивала.

Он поджал губы:

— Да плевать. Хочешь, чтобы я хоть что-то починил из этого списка, придется побегать по кабинетам. Но предупреждаю: у нас новый хозяин. Уж не знаю, как ему вот это понравится, — он ткнул пальцем в список.

— И я не знаю. — Вообще ни разу об этом не задумывалась.

Похоже, мне нужен хоть какой-то капитал, который придется пустить в оборот. Значит, мне нужен богатенький «папочка». Или Рейес Фэрроу.

— Ну и ладно, — сказала я, сложила список и затолкала в карман. — Пойду тогда прямиком к владельцу.

— Ты с ним знакома? — удивился мистер Зи.

Естественно, раз он не знал обо мне, то думал, что владелец — это «он». Рейес приобрел здание, а потом переписал его на меня. Подарить мне многоквартирный дом — все равно что подарить двенадцатилетнему ребенку одну из пятисот крупнейших промышленных компаний и сказать «Ну держи, сдувай пылинки».

— Еще как знакома. И собираюсь ему подробненько рассказать о том, как меня сегодня тут приняли.

— Серьезно? А я ему тогда про страуса расскажу.

У меня отвисла челюсть.

— Это было всего один раз! И птичка осталась целой и невредимой!

— Угу. А теперь можно мне закончить с ужином?

— Можно. — Я развернулась и громко зашагала по коридору. Пусть знает, в каком я бешенстве.

Страус, твою дивизию. Птичка живет себе припеваючи, с тех пор как ветеринар снял с нее наряд из пакетов.

Направляясь к квартире Рейеса, я надеялась, что он уже вернулся с работы. По пути на всякий случай пару раз позвала Даффа. Черт бы его побрал! То не избавишься от него ни за какие коврижки, то фиг найдешь. Прямо как призрак, ей-богу.

Я постучала к Рейесу, смеясь над собственной шуткой. Ну кто-то же должен был посмеяться. Чаще всего мои шутки понимает только один человек — я сама. Что тут скажешь? Одиночество — мой удел.

Дверь открылась. На пороге стоял крайне раздраженный на вид Рейес. Что я опять натворила?

— Привет, — сказала я, а через полсекунды дверь захлопнулась у меня перед носом.

Какого...? Я снова постучала. На этот раз со всей дури. Дверь распахнулась. Рейес прислонился плечом к косяку и сложил на груди руки. Нравится ему эта поза, судя по всему. А мне нравится, что она ему нравится.

— Ну и к чему это было? — поинтересовалась я.

— Почему ты не воспользовалась ключом?

— Потому что. — Честно говоря, я об этом подумывала, но мне все еще было не по себе вот так запросто к нему вламываться. Я протянула Рейесу список. — Думала, ты на работе.

— Был. Уже нет.

— Прямо забросал меня словами. Ну что ж, у меня тоже есть для тебя парочка слов. — Пришлось буквально сунуть ему в руки список. — Мне нужен стартовый капитал, который я пушу в оборот.

Рейес глянул на список:

— Ну и что ты сделаешь за новую плиту для миссис Аллен?

— Буду прыгать до потолка и напевать «Оклахому»^[5]. Откуда мне знать? Это же плита.

— Если мне придется отвалить такой куш, то понадобится серьезная поощрительная программа.

Я чуть не расхохоталась:

— Поощрительная программа? И чем же сегодня поощряется плита?

— Зависит от обстоятельств. У тебя есть форма медсестры?

Я лукаво изогнула бровь:

— Нет, но у меня есть рабский костюм принцессы Леи.

В глубине глаз Рейеса вспыхнул горячий голод, от которого тепло разлилось у меня внизу живота. Голод этот был лишь отчасти вызван тем, что Рейес хорошо знал, из чего состоит упомянутый костюм.

— Сойдет. И обо всех проблемах уже позаботились. — Он отдал мне список. — Просто отнеси это в управляющую компанию.

— А они мне от ворот поворот не дадут?

— Нет, если хотят, чтобы ты оставалась их клиентом. — Тут он прав. — Все еще планируешь нанести визит дилеру?

Пока он говорил, я отвлеклась на какую-то тень сбоку. Иногда СДВ приходится очень кстати. Я повернулась и успела заметить, как у моей двери появился и тут же испарился Дафф.

— Запомни, на чем мы остановились, — сказала я Рейесу, осмотрелась в коридоре и крикнула: — Дафф! Покажись сию же секунду!

Он послушался, вот только нарисовался в другом конце коридора.

— Чем это ты занимаешься? — спросила его я.

— Н-ничем, п-просто с-стою, — ответил он, заикаясь сильнее обычного. Однако смотрел он не на меня. Его взгляд был прикован к Рейесу, а сам Дафф смахивал на кролика, готового сбежать в любую секунду.

— Слушай, — я шагнула к нему, — у меня есть парочка вопросов. Хотела с тобой поговорить. Может, подойдешь?

— С-спасибо, н-но лучше я з-здесь п-постою.

Блин, какой он все-таки милый!

— Как тебе угодно. Но серьезно, мне надо с тобой поговорить... — Я уже собиралась пригласить его к себе, как вдруг краем глаза заметила мрачного Рейеса и повернулась к нему: — Ты что творишь?

— В смысле?

— Ты его пугаешь.

— Я просто стою.

— Пугающе стоишь.

Уголок его рта приподнялся в полуулыбке.

— А как мне надо стоять?

— Для начала прекрати так мрачно на него зыркать.

Он снова перевел взгляд на Даффа. Медленно. Угрожающе.

— Но это же весело.

Я решительно двинулась обратно к нему:

— Рейес Александр Фэрроу, можешь ты быть повежливее с призраками или нет?

Он опустил голову, притворяясь, будто раскаивается, а потом взглянул на меня из-под невероятно длинных ресниц:

— Только Дафф не какой-нибудь случайный призрак. Верно, пацан? — Рейес бросил на него очередной холодный взгляд, и Дафф испарился.

— Ну елки-палки! — раздосадовалась я и ткнула Рейеса кулаком в плечо. Правда, еле-еле. — Откуда ты его знаешь?

— Мы с Даффом старые друзья. Время от времени он навещал меня в тюрьме.

— Чего?! — Я оглянулась, но Даффа по-прежнему было. — Зачем?

— Он за мной следил. — Рейес легко провел пальцами по моему животу.

— И зачем ему за тобой следить? — спросила я. Вечно обо всем узнаю последней.

— Он беспокоился о тебе. Похоже, он сражен любовью.

Приплыли. Или он не шутит?

— Он призрак, Рейес. Вряд ли у нас могли бы быть какие-то отношения.

— Если у кого и могут быть отношения с призраком, то точно у тебя. И он это знает. —

Рейес просунул палец в петлю для ремня и потянул меня к себе.

— Рейес, он совершенно безобиден. Будь с ним поласковее.

Он провел рукой по моей спине, и исходящий от него жар стал почти непереносимым — таким горячим, что впитался в мои волосы, просочился сквозь кожу, тут же покрывшуюся мурашками.

— Мне это очень нравится, — проговорил Рейес, подталкивая меня к себе одной рукой, а на палец другой накручивая мой локон. — Ты не способна видеть в людях плохое, пока не станет слишком поздно.

Все, что он делал, ужасно отвлекало. Мне даже пришло в голову, что он пытается сменить тему.

— По-твоему, Дафф плохой человек?

— По-моему, ты для него слишком хороша.

Наконец я прижалась к Рейесу всем телом.

— Для тебя я тоже слишком хороша.

Мне хотелось его всего лишь подразнить, но Рейес почему-то не купился.

— Согласен, — сказал он, а через секунду его губы коснулись моих.

Мы слились воедино, словно нас сплавил вместе огнем. Рейес обнял меня. Крепко. Неумолимо. Жар вдруг стал обжигающим, каким-то фантастическим, и я ощутила его с головы до кончиков пальцев ног.

Оторвавшись от моих губ, он наклонился и прошептал мне на ухо:

— Думаю, это даже хорошо, что у тебя могут быть отношения с призраком.

— Почему?

— Мы сможем видеться, когда я умру.

Мне хотелось отстраниться, чтобы заглянуть ему в глаза, но Рейес вдруг переключился со скорости в пределах города на ультразвуковую — не успела я и глазом моргнуть, как меня распластали по стене. Длинные пальцы одной руки сковали оба мои запястья у меня над головой, а вторая рука поднялась под свитером по спине. Кончики пальцев словно исследовали впадину позвоночника.

— Ищешь слабое место? — мягким тоном поинтересовалась я, хорошо зная любовь Рейеса к рассечению позвоночника.

— Я прекрасно знаю все твои слабые места, — отозвался он.

А через секунду подтвердил слова делом — скользнул рукой под лифчик и накрыл Уилл Робинсон, нежно сжав пальцами вершинку.

Возбуждение разгорелось так быстро, что мир вокруг завертелся.

— И прекрасно знаю, где надо искать, — добавил Рейес, коленом раздвинув мне ноги, и прижался ко мне.

От трения наших джинсов у меня в животе разгорелся настоящий пожар.

Мне удалось освободить одну руку, и я тут же вцепилась в стальную ягодицу, чтобы прижать Рейеса еще крепче. С его губ сорвался хриплый стон. Глубокий звук вибрировал у меня в костях, разливался по ним, как пролитое вино. И точно так же, как вино, этот звук

опьянял.

Кто-то рядом вежливо откашлялся. Кажется, мужчина.

До меня не сразу дошло, что мы не одни. А когда дошло, я мигом отлипла от Рейеса и подскочила от неожиданности.

— Дядя Боб! — Я принялась разглаживать на себе одежду и попыталась изобразить серьезную мину, когда глянула на него. — Что-то ты рановато.

— Вообще-то я опоздал.

На нем был коричневый костюм. Галстук повязан как попало. Вид у Диби был такой, будто ему крайне неловко, но глаза смотрели настороженно.

Я покосилась на часы. Было уже десять минут седьмого.

— Ничего себе! Наверное, потеряла счет времени.

— Наверное, — в тон повторил дядя Боб и поднял пакет, который держал в руках. — Есть хочешь?

— Умираю от голода. — Я посмотрела на Рейеса. Он опять помрачнел. На этот раз из-за Диби. — Хочешь с нами?

— Спасибо, но нет, — ответил он, переступив порог своей квартиры. Как только он отошел, между нами возник поток прохладного воздуха. — Поел в баре.

— Как знаешь. Попозже обсудим наше дело?

Игра не начнется до девяти, а значит, у нас оставалось немного времени, чтобы придумать гениальный план, который поможет нам обоим остаться в живых. И желательно при душах. Как-то мне не очень хотелось, чтобы какой-то демон отужинал моей душой.

Оказалось, что дядя Боб приехал как раз вовремя. Как только мы зашагали к моей двери, по лестнице поднялся кавалер Куки. Кивнув нам обоим, он направился напрямиком к ее квартире и постучал. Дядя Боб застыл, так и не сделав очередного шага, и смерил кавалера взглядом с аккуратно постриженной прически до носков обуви. Наблюдая за этим, я откровенно получала удовольствие. Ну-у, можно так сказать. С одной стороны, мне было жаль Диби. С другой, сам виноват. Куки вечно ждать не будет. Значит, ситуацию нужно было разрешить как можно скорее.

Ожидая, пока Куки откроет, кавалер обернулся к нам. Барри был моим старым другом со времен колледжа. Мы вместе ходили на несколько предметов, включая историю джаза. Сошлись на том, что никому из нас джаз не нравился, но со временем мы оба научились любить эту музыку. А особенно — историю ее возникновения.

Подойдя к своей двери, я медленно повернула ручку — очень хотелось дождаться, когда появится Куки. Она почему-то не торопилась, и я уже начинала волноваться. Но, когда она все-таки открыла дверь, все мои страхи рассеялись. Темно-бордовый брючный костюм, на плечах — кремовый палантин. Если это не привлечет внимание Диби, тогда уж и не знаю, чем вообще его можно зацепить.

Дядя Боб вдруг решил, что самое время заговорить громче, чем надо, и опять спросил, не хочу ли я есть.

Я захихикала и так же громко ответила:

— Очень хочу, дядя Боб. Как уже и сказала. Но спасибо, что переспросил.

— Ой, Куки! Здравствуй, — сказал Диби, прикидываясь, будто только что ее заметил. Можно подумать, я не видела, как его глаза чуть из орбит не вылезли, когда открылась ее дверь. Эх, не бывать ему мастером тонкого флирта.

Пожимая руку Барри, Куки ослепительно улыбнулась дяде Бобу:

— Здравствуй, Роберт. Смотри, ты ужин принес. Жаль, что придется пропустить.

Дибби двинул за мной в квартиру, чуть не вписавшись мне в спину, когда я остановилась на пороге — только для того, чтобы дать ему чуточку времени. Он смущенно откашлялся и проговорил:

— Мне тоже жаль.

Барри повел Куки к лестнице и взял за руку, когда они начали спускаться. Дядя Боб заметил. Ей-богу, он чуть шею не свернул, пытаясь не упустить их из виду до следующей лестничной площадки.

— Так что ты знаешь о папе такого, чего не знаю я?

Дибби достал из пакета две упаковки — со спагетти и с лазаньей. Я тут же наложила лапы на спагетти. Пожав плечами, он забрал свою лазанью и пошел к столу в кухне.

— Вряд ли намного больше, чем ты. Но я заметил, что его поведение существенно изменилось.

Поначалу я пялилась на дядю Боба, потому что не понимала, что он делает. Потом до меня дошло: он собирался воспользоваться обеденным столом по назначению. Жуть какая.

— Ну еще бы. Это я и сама могла тебе сказать. Из-за рака и неожиданной ремиссии его слова о том, что он собирается в путешествие, звучали не так уж странно. Он сказал, что хочет научиться ходить под парусом. Но Дениз, похоже, так не думает. И что же у него может быть на уме?

Я села за стол рядом с Дибби. Как это было... неловко. За обеденным столом я ни разу не ела. Для меня это был совершенно новый опыт.

— Терпеть не могу необоснованных предположений, — дядя Боб начал резать лазанью, — но, если бы пришлось, я бы сказал, что все это как-то связано с тобой.

— Со мной? Это еще почему? — Я накрутила спагетти на вилку.

— А ты не заметила, что после всех попыток вытащить тебя из бизнеса, вплоть до ареста, он как-то быстро бросил эту затею?

— Я заметила, что он пытался меня пристрелить. Все остальное как в тумане.

— По-моему, все, что он делал в последнее время, кажется очень и очень подозрительным. Не знай я твоего отца, сказал бы, что он ведет какое-то расследование. Он стал таким же, как в старые добрые времена. Когда у него срабатывало чутье по поводу чего-то серьезного, он всегда становился скрытным. Будто боялся сглазить. Таким я его давным-давно не видел.

— Но над каким делом он может работать? Что ему расследовать? Он ведь больше не детектив.

Дядя Боб отложил вилку и внимательно посмотрел на меня. Это могло означать лишь одно — он собирался сказать нечто такое, что вряд ли мне понравится.

— Ну, например, он задавал много вопросов о твоём бойфренде.

Я тоже отложила вилку.

— О Рейесе? С чего ему вдруг копать под Рейеса?

— Не знаю, милая. Может быть, я ошибаюсь. Значит, у Куки свидание?

Ну наконец-то. А я все думала, когда же он спросит?

— Ага. Кажется, она зарегистрировалась на каком-то сайте знакомств. Насколько я поняла, пользуется популярностью. На этой неделе у нее свидания каждый день.

— С разными мужиками?! — обалдел Дибби.

— С разными мужиками, — подтвердила я.

Кажется, у него пропал аппетит. Он едва прикоснулся к лазанье и ушел с мрачным выражением лица. Мы явно заставили его призадуматься, чего ему стоит нерешительность по отношению к такому восхитительному существу, как Куки. Для беспокойства оставался лишь один повод — свойственное дяде Бобу стремление докапываться до сути вещей. Если он выяснит, что мы все это подстроили, то откажется от всяких связей со мной. И, очень может быть, продаст меня в цыганский табор.

Иногда я борюсь со своими демонами.

А иногда мы просто дурачимся.

Наклейка на бампер

После ухода дяди Боба наконец-то появился Дафф. Судя по виду, ему было очень неловко. Интересно, слышал ли он, что сказал о нем Рейес? По его словам, Дафф плохой. Но разве такое возможно? Насколько я понимаю, очень плохие люди после смерти сразу отправляются в ад. Значит, что бы там ни говорил Рейес, Дафф не может быть очень уж плохим человеком.

— П-прости, — стыдливо понурился он. — Я н-не хотел от т-тебя убежать. М-мы с Рейесом не очень л-ладим.

— Рейес со многими не очень ладит.

Когда появился Дафф, я как раз наливала себе в чашку свежую порцию кофе. Чтобы встретиться лицом к лицу с дилером, мне понадобятся все силы. Дилер. Классное имечко. А демон, который живет за счет человеческих душ, классного имени не заслуживает. Как и серийные убийцы с террористами, которым СМИ вечно выдумывают крутые прозвища. С моей точки зрения, никто из них не имеет права обладать хоть чем-нибудь крутым. А точек зрения у меня хоть отбавляй.

— Рейес сказал, ты навещал его в тюрьме.

Не знай я, что у Даффа нет ни капли крови, могла бы поклясться, что он покраснел.

— А-а, н-ну... я п-просто за ним с-следил.

— Почему? — спросила я, садясь за обеденный стол. И все-таки тут было весьма неплохо. Очень по-домашнему.

Дафф ссутулился и ответил, не глядя на меня:

— П-потому что. Он же к т-тебе все время з-захаживал.

Тут я всерьез офонарела и ошеломленно уставилась на него:

— В смысле в нематериальном виде?

— Н-ну д-да. А не с-стоило ему этого д-делать.

— И почему же?

— Он н-не очень хороший ч-человек.

Интересненько.

— А знаешь, то же самое он сказал о тебе.

Дафф посмотрел на меня удивленными глазами:

— Он м-меня не з-знает. Его т-там не было.

Чем дальше, тем любопытнее.

— Где — там?

— У м-меня д-дома. Где в-все и п-произошло. Н-но из-за этого м-меня п-повязали. Т-так я и п-познакомился с Рейазиэлем. Т-только т-тогда не з-знал, что он сын д-дьявола. Д-думал, он п-просто заключенный. Как я.

— Ты сидел в тюрьме?! — ошарашенно уточнила я.

У Даффа было такое выражение лица, будто он ждал, — нет, надеялся! — что вот-вот провалится сквозь землю. Его плечи поникли еще больше, а подбородок пристыженно уткнулся в грудь.

— Д-да, Чарли, я сидел в т-тюрьме. Я п-понимал, что Рейзиэль отличается от всех остальных, но не знал н-насколько, п-пока не умер.

Меня так и подмывало спросить, почему он попал в тюрьму, что именно произошло, но если бы Дафф хотел, чтобы я знала, то сам бы все рассказал. Не хотелось на него давить, но кое о чем я все-таки спросила:

— Ты умер в тюрьме?

— Д-да. Т-то есть п-почти. Я п-получил условно-досрочное освобождение, а к-когда это случилось, как раз собирался н-на волю.

Теперь понятно, почему он умер в обычной одежде.

— Хочешь об этом поговорить?

— Н-нет. Все равно н-ничего не изменить. Т-так ты меня искала?

— Ага. Хотела спросить тебя о мистере Вонге. — Я качнула головой на новую тему разговора, парящую в углу. — Пару недель назад, когда ты его впервые увидел, мне показалось, ты его узнал.

— Н-нет. Я его н-не знаю. — Дафф осторожно шагнул назад, словно собирался уходить.

Я подошла и положила руку ему на плечо. Как будто хотела приободрить. Как будто. На самом деле я прикоснулась к нему, чтобы он не испарился. Недавно я узнала, что физический контакт с призраком не дает ему или ей исчезнуть. Клевое, кстати, открытие. Правда, стоит контакту прерваться, и призрак может испариться без следа. По крайней мере я так думала. Ангел божится, что я могу вызвать любого призрака в любое время. Любопытная, надо сказать, теория, и когда-нибудь я обязательно испробую ее на практике, но сейчас мне всего лишь хотелось побольше узнать о мистере Вонге. Понятия не имею, с чего вдруг я так увлеклась этой затеей. Но мне казалось, что это важно. Что его история заслуживает внимания.

— Дафф, я не пытаюсь загнать тебя в угол. Просто хочу узнать, что тебе о нем известно.

Он оглянулся на моего соседа, потом снова посмотрел на меня и пожал плечами:

— Н-ничего, кроме того, что я вижу.

— А что ты видишь?

Сделав глубокий вдох, Дафф медленно выдохнул, глядя на мистера Вонга.

— Вижу силу. К-как непроницаемый щит вокруг н-него. М-много силы. По-настоящему м-могущественной. Он к-как будто сам п-по себе одна сплошная сила.

Твою дивизию, надо срочно научиться этому трюку!

— А ты не видишь? — спросил Дафф.

— Если бы. Я пробовала. Вот только не знаю, что именно надо делать.

Он шагнул ближе:

— Я м-могу п-помочь.

Может быть, Рейес был прав. Может быть, Дафф в меня влюблен. А может быть, действительно сумеет помочь.

— И т-тогда, — продолжал Дафф, одним лицом выражая все надежды мира, — ты увидишь, кто такой Рейес.

Я почувствовала, как нас обступил жар. Дафф мигом отскочил.

— Дафф, — вкрадчиво проговорил материализовавшийся у двери Рейес, — ты пытаешься втянуть меня в неприятности? — У него опять был угрожающий и пугающий вид.

Дафф не ответил, молча опустил глаза. То ли демонстрируя покорность, то ли от страха. Точно не знаю.

— Рейес, — с упреком начала я, — я всего лишь спросила его о мистере Вонге. Похоже, никто ничего о нем не знает, кроме того, что его окружает какая-то сила.

Рейес безразлично глянул на моего соседа:

— Раньше не замечал, но да, вокруг него что-то есть.

Дафф громко рассмеялся.

— Не хочешь поделиться с остальными? — поинтересовался Рейес.

Я уже открыла рот, чтобы снова попросить его быть повежливее, как вдруг Дафф заговорил:

— Это была большая ошибка.

— В смысле? — спросил Рейес.

— Что ты раньше не замечал.

Рейес нахмурился и озадаченно посмотрел на мистера Вонга. Но когда опять перевел взгляд на Даффа, выражение его лица стало подозрительным, настороженным.

Мою голову атаковали тысячи вопросов. И не в последнюю очередь — почему вдруг Дафф перестал заикаться.

Итак, дел у меня было навалом. Голый мертвый дядечка, прописавшийся безбилетником в Развалюхе. Загадочный азиат, парящий в углу и созданный из чего-то очень могущественного, чем бы оно ни было. Еще один мужчина, продавший душу демону, которому оказалось наплевать, что на сделку человека толкнули благие намерения. В список входил и сам демон, которому хватало наглости дурить людей направо и налево и поедать их несчастные души (фу!). Плюс хитрый гадский сосед, сделавший мне предложение и ждущий, что я отвечу когда-то в этом веке. А еще — до сих пор нераскрытое дело о похищении ребенка, в ходе которого я узнала, что у моего мужчины есть брат, о существовании которого он может даже не знать. А может, и знает. Да уж, не умею я заниматься чем-то одним. Вдобавок ко всему, я была в шаге от того, чтобы организовать секс своей лучше подруге и секретарше по совместительству. И не с кем-нибудь, а с моим собственным дядей.

Как-то это неправильно. Но... наплевать. Жизнь прекрасна.

То есть была прекрасна, пока я не проиграла в карты семнадцать миллионов долларов.

Я глянула через стол, стоявший посреди темной задымленной подсобки на складе, и уставилась на Дилера. Он оказался совсем не таким, как я ожидала. А чего, собственно, можно ожидать, когда идешь на встречу с демоном? Парень был кошмарно красивым, чересчур готическим, на мой вкус, и намного моложе, чем я представляла. На вид ему было не больше девятнадцати-двадцати лет, и создавалось впечатление, будто он сошел прямоком со страниц романа про вампиров. Черные волосы до плеч, белоснежная гофрированная рубашка, на макушке — пятнадцатисантиметровый цилиндр, который он пока ни разу не снял. Было в нем нечто ужасно притягательное. Может быть, заметная уверенность в себе.

Идеальная кожа. Длинные бледные пальцы. А может быть, пронизательный взгляд бронзовых глаз — такого богатого, яркого цвета я отродясь не видела. За вечер я несколько раз ловила себя на том, что оказываюсь в плену гипнотического взгляда.

Однако я продолжала напоминать себе, что передо мной не совсем демон, а несчастный человек, в которого вселился демон. Значит, видимая красота была украденной, как и все те души, которыми он питался.

Похоже, не только я была очарована им, но и он — мной. Едва я появилась, бронзовые глаза смотрели только на меня и лишь изредка — куда-то еще. В любое другое время такое пристальное внимание меня бы раздражало, но сегодня казалось интригующим.

Очарование разрушало лишь одно — тьма, которую видела даже я. Она вырывалась из него, стоило ему слишком быстро повернуть голову или слишком резко наклониться вперед. Тьма — демон, сидящий внутри этого тела, — словно задерживалась на долю секунды, оставляя за собой дымчатый след собственной сущности. Как вылезавшие за линии цвета в детской раскраске. Приходилось постоянно вспоминать: за стеной из харизмы и обаяния лежит сердце демона, который крадет души людей.

Рейесу придуманный мной план не понравился, но я не дала ему шанса как следует повозражать. Я пришла сюда за душой своего клиента, ради мистера Джойса. А не ради Рейеса. Насколько мне известно, с его душой все в порядке. Но кое в чем я его все-таки послушалась. Едва оказавшись за столом напротив Дилера, я опустила руку к сиденью стула и призвала ротвейлершу Артемиду — мою хранительницу, которой больше всего на свете нравится перегрызать демонам глотки. Она явилась прямо из-под пола, ткнувшись макушкой мне в ладонь. Как правило, она сразу перекачивается на спину, требуя почесать ей живот, но на этот раз сходу почуяла демона и глаз с него не спускала, ожидая приказа в любой момент.

Я похлопала себя ботинку — Зевс по-прежнему был на месте. Зевс — кинжал, найденный Гарретом Своупсом. По идее, этот ножичек способен убить любого демона, в том числе и Рейеса. Последнее обстоятельство и стало первопричиной того, что Гаррет с энтузиазмом ввязался в поиски кинжала. Оттого, что Зевс так близко, мне было спокойнее. Я хорошо знаю, на что способны демоны. Мне уже довелось почувствовать, как прокалывают кожу колючие, словно иглы, зубы, и разрывают плоть острые как бритва когти. Я знаю, какое ледяное у демонов дыхание, когда они готовятся разорвать кого-то — меня! — на куски. В компании с Зевсом однозначно приятнее. Я снова похлопала себя ботинку.

К нам присоединились еще трое игроков. Все мужчины, все — совершенно отчаявшиеся, и всем им нужно было нечто, чего не получить в карточной игре. Знали ли они, кто такой Дилер? Что он может с ними сделать? И чем это в конце концов им аукнется? Одно дело — умереть. И совсем другое — потерять душу. Прийти к абсолютному концу. Полностью перестать существовать.

Я кивнула, завидев Ангела. Поначалу он держался в тени, но когда началась игра, принялся за работу.

Это была игра удачи с опытом. Требовалось полностью сосредоточиться, а с этим, черт побери, у меня всегда были проблемы. Да и с везением тоже.

Артемиды следила за Дилером, как леопард за своей добычей. Каждый раз, когда он наклонялся к столу раздать или собрать карты и фишки, из ее груди вырывалось гулкое рычание. Само собой, этого никто, кроме демона, не слышал. Но надо отдать ему должное — он ни разу даже не вздрогнул, притворяясь, будто ничего не видит и не слышит. Однако он наверняка видел, кто я такая, и слышал Артемиду и Ангела. Впрочем, похоже, его это ни

капельки не волновало.

Выяснилось, что Ангел такой же профан в картах, как и я. Семнадцать лимонов я прощелкала одним махом. А может, семнадцать сотен. Да, наверное, все-таки тысячу семьсот. В какой-то момент я прекратила считать, потому что запуталась, и теперь ждала, когда демон начнет торговаться, предложит простить долг, если я отдам ему душу. Ничего такого пока не произошло, но ночь только начиналась — мы сыграли всего один круг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ангел ходил вокруг стола и говорил мне, какие карты на руках у других игроков, а я все равно продула. Скорее всего потому, что эта информация была бесполезной. Я понятия не имела, с какой комбинацией карт можно выиграть. Бьют ли две пары тройку. Что выше — фул-хаус или стрит-флэш. Термин «фул-хаус»^[6] всегда ассоциировался у меня с домом, в котором полно народа и всего один туалет. Уж не знаю почему.

— Подучиться бы тебе этому дерьму, малышка, — заявил Ангел. — Ты принесла двести баксов, а прощелкала уже тыщу семьсот. За одну раздачу.

Дилер глянул на меня, и его губы тронул намек на улыбку. Ангела он точно слышал. И скорее всего видел. Оставался вопрос: чувствует ли он Рейеса? Человеческое тело, в котором обитал демон, могло служить барьером и не давать ему ощущать жар, наполнявший помещение от незримого присутствия Рейеса. Так что на этот счет у меня никакой уверенности не было.

— Если уж собираешься послать кого-то за мной следить, пусть этот кто-то хотя бы стоит моего времени.

Так-так, значит, Дилер был готов шуточки пошутить и загадки позагадывать. Что ж, пускай. В ребусах я все равно полный ноль.

Ангел решил оскорбиться. Ну еще бы.

— Ты это обо мне, *pendejo*^[7]?

Дилер полоснул его веселым взглядом:

— Я могу закусить твоей душонкой, карапуз, и все равно останется место для десерта.

Я подалась вперед, снова привлекая к себе его внимание:

— Не выйдет. Ты не можешь забрать душу, пока ее добровольно не отдаст тебе еще живой человек. Я знаю правила, сволочь.

— Очень красноречиво, ангел. И ты подготовилась! Я удивлен. Совсем не в твоём духе.

Мужчины за столом озадаченно переглянулись, не зная, что и когда успели пропустить.

Демон продолжал сверлить меня взглядом:

— Неужели у тебя в ботинке именно то, о чем я думаю? — Моя рука машинально опустилась к кинжалу, но я ничего не ответила, поэтому Дилер восхищенно добавил: — Ты его нашла! Я и не знал, существует ли он на самом деле.

— Очень даже существует. Как ты узнал, что он у меня?

— По сиянию, разумеется. Разве ты не видишь?

— Нет. — Меня уже начинало доставать, что я не вижу того, что видят другие сверхъестественные существа.

С расчетливым выражением лица Дилер обдумал мои слова, а потом, видимо, решил объяснить:

— Скажем так, он производит впечатление.

Он собрал карты, подобравшись поближе ко мне, и из Артемиды исторглось очередное злое рычание. Волосы у меня на затылке встали дыбом. Слава богу, я ей нравлюсь. О

чем думал демон, ума не приложу.

Перетасовав карты, он сказал как ни в чем не бывало:

— Отзови своего пса.

Я погладила Артемиду по голове:

— Ей и тут хорошо.

— Не этого. — Он начал сдавать карты. — Рейазиэля.

Значит, он его чувствовал. И определенно знал, кто такой Рейес.

— Ему тоже хорошо там, где он есть.

Ловкими, как у бывалого профи, длинными пальцами Дилер раздал всем карты. Впрочем, почему «как»? Наверняка он и был профи.

— Покажись, — обратился он к Рейесу.

И Рейес материализовался у меня за спиной. Я глянула на него:

— Как-то не очень мне везет.

— Вижу.

Мужчины за столом совсем растерялись. В конце концов, это был покер. С высокими ставками. А не покер на раздевание, в который я обычно играю, и в котором мне тоже всегда катастрофически не везет. Со стороны наш с Дилером разговор наверняка смахивал на беседу двух сумасшедших. Что ж, так действует на людей покер.

— Рейазиэль, — проговорил Дилер, не поднимая взгляда от карт. — Давно не виделись.

Рейес шагнул в сторону и прислонился к стене.

— Забавно. Я тебя не помню.

Его слова как будто ужалили демона. Тот дернулся — так быстро, что я едва заметила.

— Ты и не должен.

На лице Рейеса отразилось удивление. Он оторвался от стены и посмотрел прямо на Дилера. Хотя скорее — сквозь него. Я тоже посмотрела и... ничего особенного не увидела.

— Ты отмечен, — изумился Рейес. — Ты был рабом.

Уголок рта Дилера дрогнул от намека на улыбку:

— Был.

— Ты даэва, — насмешливо выплюнул Рейес, словно существо перед ним вызывало у него бесконечное отвращение. — Тебя создали из душ моих утраченных братьев. Ты никогда не падал с небес.

Дилер резанул его острым взглядом:

— Как и ты, или ты запомнил?

— Вообще нет. Просто думал, что мне придется попотеть в бою. Но это не займет много времени. — Рейес вышел вперед.

Скрипнув ножками по полу, опрокинулся стул — Дилер встал лицом к лицу с сыном того, кто, судя по всему, создал и его самого. Лицо его озарилось тусклым светом, и демон изобразил широкую, ослепительно-белую улыбку.

Ангел схватил меня за руку и потянул:

— Идем, Чарли.

— Все еще не узнаешь меня? — спросил у Рейеса Дилер.

Мой почти жених тихо рассмеялся, хотя в его смехе не было ни капли веселья. В этом смехе звучало изумление и, я бы даже сказала, капелька почтения.

— Значит, ты сбежал? — спросил Рейес, словно именно это удивляло его больше всего.

Ангел опять дернул меня за руку.

Я подтащила его к себе и обняла одной рукой, готовясь защищать его во что бы то ни стало.

— Пойдем отсюда, — шепнул он мне на ухо.

Дилер горделиво вскинул голову:

— Сбежал. Хотя, в отличие от тебя, у меня не было карты, чтобы пройти сквозь пустошь. — Он показал на татуировки, покрывавшие торс Рейеса и составлявшие карту к вратам ада. — С вратами пришлось повозиться, но все-таки я здесь.

— Где ты и умрешь.

Дилер бесстрастно пожал плечами:

— Подобное приходило мне в голову. Все, что мне нужно, — поговорить с ангелом смерти. Потом мы можем со всем этим покончить.

Рейес мигом оказался рядом со мной и смерил Дилера суровым взглядом:

— Этого не будет.

Ангел сжал мои пальцы. Ему явно хотелось оказаться подальше от Рейеса и утащить меня подальше от неприятностей.

— Ты ее любишь, — без вопросительной интонации проговорил Дилер, и в его голосе звучали удивление и восхищение. Я лично понятия не имела, с чего ему удивляться или восхищаться. Немного поразмыслив, демон добавил: — Теперь все обрело смысл.

— Не забывай, кто я, — резко процедил Рейес. Его тело звенело от напряжения, как у кобры, готовящейся к броску. — Тебе от нее ничего не нужно.

Дилер приподнял бровь, демонстрируя, насколько ему все по барабану:

— Нет, Ваше Высочество. Мне — нет. Зато тебе нужно.

Рейес подвинулся еще ближе ко мне.

— И что же мне от нее нужно?

— Победа. — Рейес промолчал, поэтому демон продолжил: — Если ты помнишь, это моя работа — побеждать. А тебе сейчас, как никогда, необходимо победить.

Гнев Рейеса стал почти осязаемым — от напряжения трещал воздух, рождая вихри обжигающего жара. Рейес шагнул к Дилеру, но я остановила его, коснувшись его руки. Ангел вырвался — я стояла слишком близко к Рейесу, чем заставляла мертвого гангстера нервничать. Впрочем, надо отдать ему должное — он отошел, но не испарился.

Почувствовав мое прикосновение, Рейес остановился и глянул на меня. Приятным этот взгляд назвать было нельзя даже с натяжкой.

— Ты-то нам зачем? — поинтересовалась я у Дилера, напрочь игнорируя мистера Угрюмца.

Демон перевел на меня тяжелый взгляд, и Рейес тут же отреагировал низким рычанием. Отвечая, Дилер снова смотрел на Рейеса:

— Затем, что есть только один способ победить твоего отца. И ключ к нему — у нее, — он кивком указал на меня. — Если она этого не переживет, Земля станет очень неприятным местом.

— Не переживу чего? — спросила я, но на этот раз Дилер на меня даже не взглянул.

Его взгляд был прикован к хищнику — к самой вероятной угрозе.

— Дюжина на свободе, — сказал он Рейесу.

Лично я понятия не имела, о какой Дюжине идет речь, но у Рейеса, похоже, никаких проблем с пониманием не было. Судя по выражению его лица, он был поражен. А поразить Рейеса очень и очень непросто.

— Если они до нее доберутся... — продолжал Дилер, но, к моему величайшему огорчению, Рейес не дал ему договорить:

— Не доберутся.

— Доберутся, — настаивал демон, — если ты хоть на миг упустишь ее из виду. С ней и без Дюжины постоянно приключается беда за бедой. А они разорвут ее на куски у тебя на глазах.

Рейес так сильно стиснул зубы, что я услышала скрежет.

— Пусть попробуют.

— Вам нужна моя помощь, и ты это знаешь.

— Это похоже на пророчества, которые нашел Гаррет, — сказала я Рейесу, поглаживая его по руке, чтобы убедить послушать меня хоть несколько секунд. — Мы с тобой — ключ, помнишь?

Я снова посмотрела на Дилера, но тот не осмелился на меня взглянуть. Однако очередной вопрос я задать не успела, потому что Рейес задал свой:

— Зачем тебе нам помогать?

— А сам как думаешь? Я хочу его смерти не меньше, чем ты. — Демон подался вперед, оскалившись. — Держу пари, дальше больше, чем ты. И если ты хочешь победить эту тварь, то выслушаешь меня. Существует лишь один способ его уничтожить. И нам нельзя рисковать жизнью ангела смерти, идя на поводу у твоей гордыни.

Я вдруг задумалась о том, как пришла сюда. Мое появление, похоже, ни капельки не удивило Дилера. Значит, он знал, кто я такая, с той самой секунды, как я вошла в дверь. Как будто заранее меня ждал.

— Почему я здесь? — спросила его я. — Ты все это подстроил?

Он дернул одним плечом:

— Я всего лишь воспользовался некоторыми своими связями, чтобы подбодрить мистера Джойса и пустить его на твои поиски. Он был в таком отчаянии, что оставалось только подтолкнуть.

Я вытатила Зевса и направила острие кинжала на демона. Как ни старалась я выглядеть уверенно, рука тряслась. Потому что меня саму трясло. К тому же ужасно хотелось писать.

— Ты на моей территории. Ты крадешь души хороших людей. И ты украл тело, в котором живешь.

— Я ничего не крал. Я родился на Земле, как и принц.

У меня отвисла челюсть, и я уставилась на Рейеса:

— Это возможно?

Он ответил не сразу, но в конце концов кивнул:

— Процесс непростой, но да.

— Обалдеть! Ладно. Но ты все равно ворует души.

Демон беспомощно пожал плечами:

— Не хлебом единым жив человек. И я ничего не ворую. Все, что я беру, отдают мне добровольно. За каждую душу я щедро плачу.

— Недостаточно щедро.

— Ты забываешь: они сами ко мне приходят и получают взамен то, чего хотят. Все остаются в выигрыше. — Я молча сверлила его злым взглядом, и Дилер добавил: — Я тебе не враг. У нас одна цель.

— Я хочу, чтобы ты вернул мистеру Джойсу душу.

Демон громко расхохотался, запрокинув голову, и я почувствовала истинное веселье. Я забавляла его, как может забавлять паука муха. И меня это бесило.

— А потом, — продолжила я, терпеливо улыбаясь, — я проткну твое сердце этим кинжалом и буду смотреть, как ты умираешь.

— Ну что ж, это не самый мощный стимул заставить меня сделать то, что ты хочешь.

— Тебя нужно уничтожить. Мне очень жаль, но придется.

— Я тебе верю, — удивленно отозвался он. — Верю, что тебе действительно жаль, даже если совсем чуть-чуть. А если я стану заключать сделки только на души плохих людей? Убийц, например, растлителей малолетних и тех, кто лезет без очереди в театральный буфет?

С этим я могла бы смириться. За минусом тех, которые без очереди в буфете лезут. Но все-таки...

— То бишь станешь демонической версией Декстера^[8]?

— Именно, — согласился Дилер.

— Одна загвоздка: сколько ты успел оторвать за всю свою жизнь? Сколько хороших душ тебе придется компенсировать?

Он примирительно поднял руку ладонью вверх:

— В этом измерении как человек я прожил чуть больше двух столетий. — Я мигом офонарела, а демон продолжал: — Навскидку я бы сказал, что слово «несколько» было бы серьезным преуменьшением. Но ты наверняка не станешь попрекать меня прошлыми ошибками, совершенными по неосмотрительности.

Я шагнула к демону, и его подбородок приподнялся. Глаза следили за Зевсом, как если бы видели ядовитую змею, готовую броситься в атаку.

— Никогда, — начала я тихо, но решительно, — ты больше не заключишь сделку с хорошим человеком. А мистеру Джойсу вернешь душу. Мне плевать, на чем вы сошлись. Сделка отменяется.

— Как пожелаешь. Но я хочу кое-что взамен.

— Не торгуйся с ним, — предупредил Рейес.

Но я, конечно же, его проигнорировала:

— Чего ты хочешь?

Он качнул цилиндром на Зевса:

— Кинжал.

— Шутишь? — фыркнула я. — Ты получишь его только тогда, когда он воткнется тебе в грудь.

— Попытка не пытка, — пожал плечами Дилер. — Тогда, может быть, ты позволишь мне помочь вам с этой досадной неприятностью, связанной с Дюжиной? И душа мистера Джойса в его полном распоряжении.

— Ты правда можешь это сделать?

— Датч, — начал Рейес, но я перебила его, подняв указательный палец. Очень могущественный, судя по всему, палец, потому что он замолчал и позволил мне продолжить.

— Ты можешь вернуть ему душу? И она будет как новенькая?

Дилера передернуло:

— Как новенькая — слишком сильно сказано. Но как только душа вернется, он будет волен распоряжаться ею по собственному усмотрению.

Я снова подняла кинжал, но демон не шелохнулся, разве что настороженно смотрел на

лезвие.

— И ты обещаешь прекратить?

— Обещаю. Буду брать души только плохих людей.

— Тех, что лезут без очереди, трогать тоже запрещается. Плохие должны быть по-настоящему плохими. Опасными для людей и всей человеческой расы в целом.

— Договорились. Чуть дальше по этой же улице живет один насильник. На его душе я протяну пару месяцев.

— Я хочу, чтобы душа мистера Джойса вернулась к нему сейчас же.

— За дурака меня держишь? — фыркнул демон.

— Как по мне, ты готов дурить народ направо и налево. Откуда мне знать, когда явится эта дюжина твоих козырей? И явится ли вообще, если на то пошло.

— Понятно, у тебя очевидные проблемы с доверием. Я верну ему душу, когда получу условленное одолжение в ответ.

— Мое тебе одолжение в том, что я не проткну твоё сердце кинжалом.

Полсекунды он задумчиво молчал, а потом поинтересовался:

— По-твоему, это можно назвать одолжением?

Я не поняла, что именно он имел в виду, поэтому решила не вдаваться в подробности:

— По-моему, уже скучно. Оставь душу мистера Джойса в покое.

С этими словами я развернулась и вышла на улицу, понятия не имея, добилась ли своей цели.

*Девственность я потеряла,
но упаковочка от нее осталась.*

Надпись на футболке

Зарекаться бы я не стала, но было у меня ощущение, что Рейес сердится. Не глядя на меня и стиснув челюсти, он сидел в Развалюхе и сильно смахивал на мраморное изваяние. А ведь все еще был, на секундочку, в нематериальном виде. Вполне мог испариться, но почему-то не стал. Может быть, хотел, чтобы я знала, в каком он бешенстве, а может быть, переживал из-за новостей о какой-то там Дюжине?

Мы ехали домой. Вдруг он повернулся и наградил меня сердитым взглядом. Я ответила точно таким же:

— Ну что еще?

Адреналин по-прежнему зашкаливал, а недоумение — и того хуже. Он не переживал из-за Дюжины. Он злился на меня. На меня! Теперь-то я что натворила?

Покачав головой, Рейес усталился в пассажирское окно и тихо, словно выверяя каждый звук, сказал:

— Ты сделала именно то, о чем я говорил.

— В смысле? Душа при мне. Честь и достоинство тоже. Дилер ничегошеньки не получил.

— Спорное утверждение. Ты заключила с ним сделку.

— Ради спасения человечества, — огрызнулась я. — Ну или типа того. А что такое Дюжина?

С ответом Рейес не торопился. Хорошенько подумал, не спеша отмерил нужную порцию, не обращая ни малейшего внимания на отчаянное нетерпение окружающих. У меня возникла стойкая ассоциация с ребенком, которого поймали на горячем и который не очень-то хочет делиться своими тайнами со взрослыми. Я уже собиралась заполнить неудобную тишину саундтреком из «Острова Гиллигана» в собственном исполнении, как вдруг Рейес, вызвав во мне разочарование из-за профуканного впустую желания, все-таки соизволил ответить:

— В моем мире Дюжиной зовут Двенадцать Зверей Ада. Но здесь, на земле, их чаще всего называют адскими гончими.

— Это которые адские псы? — обалдела я. — Серьезно? Они существуют?

— Существуют. Много веков назад их лишили свободы. Похоже, им удалось сбежать.

Я присвистнула:

— Ничего себе! Самые что ни на есть настоящие адские псы?! Фантастика. А почему их упекли за решетку?

— Ты когда-нибудь видела адского пса? — Желваки на скулах Рейеса заиграли. — Ими невозможно управлять. Они убивают все и всех на своем пути. Они — неудачный эксперимент моего отца.

Я крепче вцепилась пальцами в руль.

— То есть их создал он?

— Да.

— Как и тебя?

— Не совсем. Меня отец создал из собственной плоти, поэтому я и считаюсь его сыном. Таких, как я, больше нет. — Рейес покосился на меня. — Это не имеет отношения к высокомерию или заносчивости. Просто факт. Я этим не горжусь.

Вся полученная за последние часы информация никак не желала укладываться в голове.

— Минуточку. А что же Дилер? Ты сказал, он не падал с небес.

— Он был рабом, одним из миллионов рабов, тоже созданных отцом.

— Ты назвал его даэвой.

— Многие ученые на земле считают, что даэвы и демоны — одно и то же. И ошибаются. Истинные демоны упали с небес. Они — падшие сыны.

— То бишь демоны вроде как чистокровные, а даэвы... даже не знаю... клоны, что ли?

— Они рабы. Точка.

Лично я это слово терпеть не могу. Произношу его только в адрес Куки.

— Видишь ли, принято считать, что рабы — отдельная раса, но все же такие же люди, чьи жизни в свое время несправедливо недооценивали. А значит, они такие же хорошие и достойные, как мы с тобой.

— Даэвы не раса, — отрезал Рейес. — Они создания моего отца.

— Почему ты так враждебно к ним относишься? — поразила я.

— Кто сказал такую чушь?

— Да ладно тебе, Рейес!

— Так просто не объяснить, — ответил он наконец. — Когда Бог впервые создал ангелов, их считали сыновьями Господними, пока у него не появился настоящий сын. Он был призван вести людей, указать им прямой путь в рай. Так же и даэвы. Когда мой отец создал их, они считались сыновьями Сатаны, пока у него не появился настоящий сын. Я. Их перестали считать сыновьями. Они не были падшими и стали просто даэвами. Просто существовали и все. Некоторые ангелы прогневались, сочтя любовь Бога к людям несправедливой по отношению к его собственным созданиям. Так и некоторые даэвы почувствовали себя оскорбленными, когда отец принял решение создать меня. Нелегкие были времена.

— Но ты знал его лично? Дилера?

— Его знали все. Он был чемпионом. Самым быстрым и сильным созданием в аду. Но он был рабом с единственным призванием — служить. И такая судьба его никогда не прельщала.

— Представить не могу, с чего бы, — процедила я, чуть не захлебываясь сарказмом. И тут до меня дошел смысл сказанного Рейесом. — Погоди-ка. То есть он был быстрее тебя?

Не глядя на меня, Рейес кивнул. Я тихонько втянула носом воздух.

— И сильнее?

Помолчав несколько долгих секунд, он ответил:

— Да. Мы никогда не вступали в поединок, но если бы пришлось, он бы победил.

Даже если бы вдруг из ниоткуда появилась арматура и треснула меня по физиономии, я бы так сильно не удивилась, как после этих слов.

— То есть получается, он может тебя одолеть?

— Полагаю, что мог. В аду. В этом мире другие правила. Как знать, на что он здесь способен?

— Но почему тогда ты пытался ему противостоять? Если он так опасен, зачем рисковать? — Рейес молчал, а я с каждой секундой все больше и больше злилась. Как он мог так запросто взять и рискнуть собой?! — Рейес, зачем ты это сделал?

— Я сейчас слишком потрясен, чтобы тебе ответить.

— Чего? Это еще почему?

— Поразительно, что ты вообще об этом спросила.

— Правда, что ли? Неужто ты первый день меня знаешь?

— Что ж, это был день открытий, — сказала я по пути от Развалюхи к дому. Рейес, судя по всему, не собирался оставлять меня одну. — Двенадцать зверюшек, значит. Зуб даю, на вечеринках они отжигают по полной.

— Только если тебе нравятся кровавые побоища, — отозвался Рейес, взглядом сканируя окрестности.

— Не сказала бы. Наверное, не стоит их приглашать на вечеринку по случаю нашей помолвки. — Он наградил меня удивленным взглядом, и я поспешила добавить: — Если, конечно, у нас такая будет.

Я уже поднималась по лестнице. Он не отставал ни на шаг.

— Лучше не стоит.

— Я хочу больше узнать о Дилере, — на секунду обернулась я. — Понятия не имела, что в аду есть рабы. То есть там наверняка хреново и без противного названия бесправных слуг.

— У отца их миллионы. Он создал их из останков павших в боях демонов.

— Вроде как из их ДНК?

— Вроде как.

— Значит, Дилер был чемпионом. А в чем? В волейболе?

— Лучше представь себе целую толпу гладиаторов.

— Серьезно? В аду устраивают гладиаторские игры? — Уму непостижимо!

— У нас там уйма свободного времени.

Я остановилась и повернулась к Рейесу. Он тоже остановился.

— Рейес, я хочу, чтобы ты дал ему шанс. Думаю, он действительно хочет нам помочь. Можешь злиться на меня сколько влезет, но мне и правда кажется, что он на самом деле хочет увидеть, как твоему отцу придет конец.

— Естественно, хочет. А ты бы не хотела увидеть, как падет тот, кто держал тебя в неволе? Но это не значит, что мы можем ему доверять.

— Мне кажется, у тебя предвзятое мнение, — заявила я, отвернулась и шагнула на следующую ступеньку.

— Датч, — взяв за плечо, Рейес развернул меня к себе, — даэвам нельзя верить. Не важно, сколько они тебе помогают. Не важно, что они для тебя делают. Верить им нельзя.

— Я понимаю, правда. Понимаю, что это касается их в общем и целом. Но он другой. Есть в нем нечто особенное. Нутром чую, что однажды мы выясним, в чем дело.

— Если тебе хватит ума, ты не станешь ничего выяснять.

— Я не дура. — Меня начинало доставать, что Рейес подвергает сомнению каждый мой шаг. — И прислушиваюсь к здравому смыслу.

— Чтобы к нему прислушиваться, нужно, чтобы он был.

Я застыла. Он ведь не мог сказать такое вслух.

— Мне сейчас просто послышалось, да?

— Когда дело касается людей, ты слепнешь, Датч. Ради них ты делаешь то, чего не сделал бы ни один живой человек. И если ты хоть на секунду поверишь, что этот даэва тебе поможет, то потеряешь все.

— Ни один живой человек, говоришь? О да, ты прекрасно знаешь людей! Может быть, последние тридцать лет ты и был одним из них, но ты ничего не знаешь о силе их духа. О благородной и щедрой человеческой природе. Все люди разные, но большинство из них добрые и бескорыстные. Мы заботимся друг о друге.

— О людях я знаю достаточно, чтобы понимать: никто на земле не рискнет жизнью, чтобы тебя спасти.

— Ошибаешься. Если мои подозрения насчет Дилера верны, то тебе придется проглотить собственные слова еще до того, как все это кончится. А если все так, как он говорит, то нам, видимо, придется драться с дюжиной крайне мерзких тварей. И я готова поставить последний доллар на то, что в этой битве Дилер будет с нами до самого конца.

— Значит, ты лишишься души, а он растолстеет и доживет до старости.

Отперев свой замок, я встала на пороге, загораживая Рейесу проход.

— Я устала. Увидимся завтра.

Сердито кивнув, Рейес пошел к себе.

Я тихо прикрыла свою дверь. Он с грохотом захлопнул свою.

Куки вернулась домой после меня. Сначала я слышала на лестнице знакомые шаги, потом в дверь тихо постучали, и только после этого Куки заглянула ко мне. Совсем на нее не похоже.

— Еще не спишь? — спросила она.

— Конечно, нет. Как все прошло?

Выглядела она чудесно и словно светила изнутри.

— Минуточку! Ты же не собираешься влюбиться в Барри?

— Еще чего! Но мы отлично провели время. Все-таки приятно было выбраться из дома.

— Рада за тебя.

— А Роберт... о чем-нибудь спрашивал?

— А то как же! — усмехнулась я. — Круто получилось. Его так и подмывало задавать вопросов, но решил он не сразу. Видела выражение его лица, когда он наткнулся на Барри?

— Видела, Чарли, и чувствую себя виноватой.

Я состроила гримасу:

— Кук, я чувствую чужие эмоции, помнишь? К тому же, если кто и виноват, то только он сам.

— Тоже верно, — хихикнула Куки. — Думаю, у нас все получится. Стоило ему увидеть Барри, он дар речи потерял.

— Солнце, — я похлопала ее по плечу, — он дар речи потерял, когда тебя увидел.

— Думаешь?

— Уверена. Вряд ли его волнуют мужики.

Куки махнула рукой:

— Я же не об этом. Ну, ты меня поняла.

Ее глаза сияли. Кажется, я до конца не понимала, как сильно ей нравится Диби. Но это же Диби! Откуда мне было знать, что такое вообще возможно?

— Итак, — начала она, легко переходя к еще одной важной теме текущего вечера, — как прошла игра?

— Я проигралась в пух и прах. Считаю, прощелкала все на свете, даже собственную задницу. А ты мою задницу видела? — Я похлопала себя по упомянутому месту.

Сначала Куки рассмеялась, а потом до нее дошло:

— Минуточку, серьезно? Ты проиграла деньги?

— Не-а. Мне удалось убедить Дилера, что простить этот долг в его интересах.

— Фу-ух, хорошо. Так он и правда демон?

— Ага. Точнее даэва. Демон-раб.

— В аду есть рабы?

— Похоже на то. Дикость какая-то, скажи?

— Даэва. Класное слово.

Все, что там произошло, я объяснила ей в общих чертах. В основном потому, что сама с трудом понимала, что к чему. Когда я закончила, Куки сидела и молчала. И смотрела прямо перед собой. Долго. По-настоящему долго.

Я глянула на мистера Вонга:

— Кажется, я ее поломала.

— Да нет, со мной все путем. Но блин, Чарли! Это все растет, как снежный ком. Когда ты мне сказала, что ты ангел смерти, я подумала: «Дальше ведь уже некуда, правда?», а теперь получается, что есть куда, да еще как есть! Теперь еще и эта Дюжина... Поверить не могу! Ни конца ни края.

— Знаю, и мне очень-очень жаль. На такое ты уж точно не подписывалась.

— Не говори глупости! Обожаю всю эту белиберду. Ни за что в мире не хотела бы жить по-другому. Ну разве что за сам мир. А Дилеру случайно не нужна слегка потрепанная душа тридцати лет с хвостиком и с парочкой вмятин? Мне бы пригодился внушительный особнячок в хорошем районе. И «бентли» бы не помешал. С хромированными дисками и обалденными динамиками.

Я рассмеялась. Отчасти потому, что накатило облегчение.

— Мне казалось, тебе больше нравятся «роллс-ройсы».

— А мне любая из них сойдет.

— Держу пари, он с радостью бы согласился на такую сделку. Кстати, — добавила я, вспоминая лицо Дилера, — он мне понравился.

— Кто? Дилер?

— Ага. Хотя он, конечно, очень молодой. То есть выглядит совсем еще юным.

— Вечно ты на детишек западаешь. Уверена, что не в этом дело?

— Детишек я люблю. С картошечкой и коктейлем — вкуснятина.

Куки прыснула в кулак:

— А Рейес что о нем думает?

— Дай ему волю, голыми руками вырвал бы ему хребет.

Она похлопала меня по колену.

— Ничего другого от сына истинного зла я и не ожидала. Хороший он у тебя парень.

— Точно, — согласилась я. — Хотя имеется у него склонность доводить меня до белого каления. Адская, видимо, привычка. А там, между прочим, нет кофе.

— Зато как шикарно он смотрится в переднике!

— Вот и я о том же.

На несколько секунд мы обе впали в мечтательный транс. Я пришла в себя первой.

— Ладненько, беги уже спать. Завтра у нас дел невпроворот. Нет покоя нечестивым, ну и дальше по сценарию.

Куки была права. Рейес хороший. Он сделал для меня невероятно много. А еще больше из-за меня вытерпел. Правда, мне тоже приходится терпеть. В частности, его подавляющий характер с замашками альфа-самца. Повезло ему, что я умею держать себя в руках. Иначе каждый день надирала бы ему задницу и бросала на полу в позе хнычущего зародыша. И куда бы нас это привело?

Я собиралась лечь спать. Переоделась в удобную футболку и трусы с надписью «Сними обертку — получишь приз», заплела волосы в косу и влезла на свой потрясающий матрас, купленный на распродаже в честь ухода с рынка обанкротившейся фирмы. Укрылась одеялом с кроликами Багз Банни и уткнулась в него носом.

Но даже под одеялом я ощущала жар Рейеса. Он проникал сквозь стену и укутывал меня ласковым теплом. Уже несколько недель Рейес жил в соседней квартире. Время от времени я спрашивала себя, смогу ли когда-нибудь настолько привыкнуть к уютному кокону тепла, что перестану его замечать. Сомневаюсь. Даже просто стоять рядом с Рейесом все равно что стоять у открытого огня. По крайней мере для меня. И, наверное, только для меня. Куки, например, его жара не ощущает вовсе. И я понять не могу почему. Оказываясь рядом с призраками, люди чувствуют их холод. И этот холод, и жар Рейеса имеют сверхъестественную природу. Но как так получается, что одно люди ощущают, а другое — нет?

Однако, впервые заметив, что жар Рейеса проникает сквозь стены, я всерьез удивилась. Наши кровати стояли изголовьями к одной стене. Я точно знала, когда он ложится спать. И не только потому, что в половине случаев находилась в той же постели. Даже у себя я его чувствовала. Горячее всего он был, когда только-только падал на кровать. А когда засыпал, жар словно немного остывал. Даже во сне он оставался неестественно горячим, но еще горячее был, когда не спал. А горячее всего — когда злился. Или когда его пожирала страсть. Хотя в этом случае вместо «горячий» лучше бы подошло слово «обжигающий».

Но жар, который сочился ко мне сейчас, определенно имел консистенцию злости. Я коснулась ладонью разделявшего нас с Рейесом гипсокартона. Горячо. Почти больно.

Да уж, он сердился. Без вариантов.

Рейес лежал в постели и скорее всего обдумывал, как лучше избавиться от Дилера. Значит, мне во что бы не стало придется его убедить, что Дилер не такой, как все остальные даэвы. Он родился на земле и во всех смыслах был человеком. По крайней мере частично. Как, собственно, и сам Рейес.

Так что если Рейесу охота кипеть и пузыриться, ради бога. Я сделала то, что должна была сделать, и ему рано или поздно придется с этим смириться. В конце концов, мы почти помолвлены. А раз так, пускай принимает меня со всеми потрохами — плохими и хорошими. К тому же я могла дать Рейесу Александру Фэрроу куда более интересную пищу для размышлений.

Может ли он чувствовать мои эмоции сквозь стену? Жар, обжигающий пальцы, словно нарочно впитался в кожу и разлился по ладони. Как будто у него — у жара — была какая-то цель. Со своей сущностью Рейес умеет творить удивительные вещи. Может отделить ее от тела. Растереть по моей коже. Войти ею так глубоко внутрь меня, что я начинаю задыхаться и корчиться в экстазе. Интересно, а я так могу?

Я уже выходила из тела. И убила человека. После того случая я узнала: это возможно. Но могу ли я контролировать свою сущность так же, как контролирует свою Рейес? Сотни раз он приходил ко мне. Даже когда мы были детьми. Задолго до того, как я узнала, кто он такой. Факт остается фактом: у меня уже получалось. Моя душа, дух, сущность уже покидали тело. Сумею ли я это повторить? В тот первый раз я была в панике. Сейчас же ничего подобного не испытывала. Может быть, я была немного сбита с толку, даже ошеломлена тем, что произошло у Дилера и что он нам рассказал, но точно не паниковала.

И все-таки я ангел смерти. Значит, должна научиться собой управлять. Разобраться со всем этим дерьмом до того, как меня разорвет на куски адская псина. Должна выяснить, что мне по силам, а что нет, и научиться это контролировать. Разве можно отыскать подопытного лучше, чем тот, кого практически невозможно уничтожить? Я могла бы представить себя в роли сумасшедшего ученого, а Рейес был бы моим экспериментом. И все пройдет как по маслу, ведь правда?

Закрыв глаза, я провела рукой вверх по стене, с каждой секундой все четче и ярче ощущая кончиками пальцев близость огня. Я приняла его. Встретила, поманила ближе, впитала кожей до самых костей и позволила разлиться по руке. Жар лизнул мне шею, легкой лаской коснулся щеки, нарисовал узоры на ключицах и затопил сладким теплом грудь. Футболка натянулась на Угрозе и Уилл, тканью царапая соски, с каждой секундой становившиеся все тверже. Глубоко внутри зажглось вспышкой и рассыпалось теплыми волнами по всему телу удовольствие, подгоняемое вниз, к животу, живым огнем, который за считанные секунды поглотил во мне каждую клеточку.

Но теперь пришла моя очередь. В этом сценарии я была сумасшедшим ученым. Я хотела сделать с Рейесом то же самое. Войти в него самого, в его душу, как только что он вошел в меня. Пришлось бороться с немислимым удовольствием, текущим по венам, но мне все-таки удалось сосредоточиться. Собрав волю в кулак, я тихонько подтолкнула свою энергию. Через нервные окончания она поднялась вверх по руке и, выскользнув наружу, прорвалась сквозь стену. Рейеса я не увидела, зато почувствовала. По-настоящему почувствовала.

Я окутала его своей энергией, дала ей изучить холмы и долины крепких мышц, чувствуя, как они сокращаются и расслабляются от моих прикосновений. Ощутила гладкую кожу, твердые мускулы, сведенный от напряжения живот. Я спускалась все ниже и ниже и наконец получила награду, ощутив мощный прилив не моей крови.

Порывом энергии я туго обвила твердый член, и Рейес шумно вдохнул сквозь стиснутые зубы. От восторга кружилась голова, но мне хотелось большего. Хотелось довести его до оргазма... изнутри. Хотелось, чтобы он корчился в экстазе. Чтобы умолял подарить ему освобождение. Стоило мне об этом подумать, как он тут же отрезал мне путь. Сотворил что-то вроде ментальной преграды. Как всегда, он отказывался впускать меня дальше, чтобы я не увидела чего-то важного.

И по-моему, это очень несправедливо.

Я насытила энергию силой. Разбавила ласку ногтями, впивавшимися в его плоть. Уговаривала и вынуждала отступить, впустить меня. Руки Рейеса лежали над головой. Он сжал кулаки, стиснул зубы и угрожающе процедил:

— Датч.

Я не ответила — не знала, могу ли. Только сделала энергию еще сильнее, гуще, прошла по ногам и разлилась по телу колючими, электрическими волнами. Рейес откинул голову, зарываясь в подушку, вцепился пальцами в простыни...

И снес все свои защитные стены.

В тот же миг я оказалась внутри. В едином порыве чувственного наслаждения наши энергии столкнулись, атомы завихрились, запутались, растянулись, рождая невероятное трение на ядерном уровне. Спина Рейеса изогнулась. Он стал бороться со мной, потому что каждому из нас хотелось взять верх. Мы оба хотели подвести друг друга к пропасти раньше, чем дойдем туда сами.

Каким-то чудом все это время мне удавалось находиться и внутри, и снаружи. Я продолжала ласкать его кожу, а Рейес ласкал мою. Причем поняла я это далеко не сразу. Но внезапно почувствовала, что мою кожу тоже гладят, что внутри меня разгораются мои собственные костры. Его энергия обволакивала, проливалась внутрь жидким дымом, вплеталась в кровь, встраивалась в клетки. Одной только силой воли он распалил во мне такое пламя желаний, что от напряжения внутри все искрило. Между ног я ощутила жгучий голод Рейеса. Горячий, необузданный, неутолимый. Воздух в легких загустел. С каждым ударом сердца нарастали болезненные спазмы, выталкивая меня все дальше и дальше, пока наконец не взорвался ослепительно-белой вспышкой сокрушительный, сметающий все на своем пути, умопомрачительный оргазм.

Я заблудилась в собственном упоении, затмевающим все на свете, но Рейесу, похоже, было достаточно моей экстатической капитуляции, чтобы выпустить на свободу свою опаляющую бурю. Меня со всех сторон стиснуло крепкими мышцами, и я остро ощутила сладкий миг на самой вершине наслаждения, а вслед за ним — теплую влагу на его животе.

Почувствовала, как Рейес вцепился в простыни, переживая сминающий все преграды оргазм, который постепенно пошел на убыль. Но лишь на несколько коротких мгновений — сразу за первым пришел второй. Сердце Рейеса забило так быстро, что мне стало почти больно. Спустя несколько мучительных секунд оргазм начал медленно отступать. Рейес тяжело дышал и все еще держался за простыни. Расцепив наконец пальцы, он провел ладонью по лицу, а потом накрыл его согнутой рукой.

— Приходи ко мне спать, — сказал он хриплым, уставшим голосом.

Я не ответила. Все еще не знала, получится или нет. Рейес ушел в ванную. Теперь я видела его яснее, но от прикосновений все равно получала больше впечатлений, чем от попыток что-то рассмотреть. Наверное, придется над этим поработать. Вдруг получится натренировать такое «зрение», как мышцы.

Я никуда не уходила, пока Рейес не вернулся в постель, небрежно натянув простынь на нижнюю половину тела. Его ладонь легла на стену, глаза закрылись. Перед тем как уйти, я услышала, как он повторил уже шепотом:

— Приходи ко мне спать, — и мгновенно уснул.

Ничего более странного со мной в жизни не случилось. Я чувствовала Рейеса целиком, ощущала его, но при этом не видела собственными глазами. Только внутренним, мысленным взором. И внезапно поняла, почему в детстве он не знал, настоящая я или нет. Тогда он думал, что я ему снюсь. Именно на сон и было все это похоже. По-настоящему и в то же время нет. Материально и одновременно неосяземо, словно, попытайся я к нему прикоснуться на самом деле, он бы просочился сквозь пальцы. Но именно это я и делала — прикасалась, гладила, ласкала, доводила до оргазма.

Я уснула, окруженная его сущностью, вкусом, неповторимым земным ароматом... Уснула, прижав к стене руку и чувствуя, как меньше чем в пятнадцати сантиметрах от моих пальцев меня согревает ладонь Рейеса.

Одежда? — Сойдет.

Ключи? — Нашлись.

Чашка кофе? — Уже взяла.

Здравый смысл? — Какой еще здравый смысл?

Надпись на футболке

Проснулась я с ощущением, будто проспала всего несколько секунд. И не просто проснулась, а от того, что кто-то зажал мне рот рукой. Не самый удачный способ будить людей. Тревога вспыхнула так мощно и быстро, что в комнате тут же оказался нематериальный Рейес, окутанный плащом. Черные складки клубились, разрастались, заполняя пространство, и отчетливо послышался свист освобожденного меча. Вот только я понятия не имела, что происходит. Пытаясь прийти в себя, я подняла руку, молча умоляя Рейеса ничего не делать. Надо мной стоял мужчина в черной лыжной маске. Правой рукой он прижимал к моему виску дуло пистолета. Честно скажу, ситуация не из приятных.

Из груди Рейеса вырвалось низкое рычание. Я чувствовала, как сильно ему хочется перерубить мужика пополам, прикончить его раз и навсегда. Но Рейес совладал с собой, подавил неумолимый, беспощадный порыв. Это было нелегко, и вряд ли он сумеет долго сдерживаться, а значит, времени у меня с гулькин нос.

Вынудив себя расслабиться, я собралась с мыслями и попыталась понять намерения злоумышленника. Если он собирался меня убить, я в мгновение ока дам добро сыну Сатаны как следует надрать ему зад. Но секунду спустя я распознала мотив, заставивший мужика в маске сюда прийти. Он выполнял приказ. Я ощутила, что он связан какими-то обязательствами, но вместе с тем получал от происходящего нездоровое удовольствие. Значит, он принес послание. Вопрос: от кого?

Мужик положил мне на грудь какую-то бумажку, а потом сдавил пальцами горло.

— У тебя сорок восемь часов, чтобы выяснить, где ее держат. Иначе твоему другу не жить. — Он сильнее сжал пальцы, перекрывая доступ кислорода, и больно ткнул дулом в висок. — И никаких копов.

Тряхнув меня напоследок, мужик ушел. И только тогда до меня дошло, что их было двое. Они выскочили за дверь спальни, так и не узнав, что в любую секунду могли стать инвалидами.

Глубоко вдохнув, я закашлялась. Плащ испарился, а Рейес бросился ко мне:

— Кто, на хрен, это был?

Схватившись за шею, я попробовала сглотнуть слюну.

— Понятия не имею. Но со мной все путем.

— Черта с два.

— Подожди, о ком он говорил?!

От страха вены затопило адреналином. Я подскочила и помчалась к Куки. Слава богу, дверь в ее квартиру была заперта. Я принялась бешено стучать, потом вернулась к себе за

запасным ключом, но Куки открыла еще до того, как я успела его найти.

— Чарли! — набегу выкрикнула она. — Что случилось?

— Ты как?

— Порядок. — Куки дико заозиралась, пытаясь понять, почему я спрашиваю.

— Эмбер, — выдохнула я и через секунду ворвалась в их квартиру.

Куки мчалась следом, как и Рейес из плоти и крови, который уже успел натянуть джинсы. Распахнув дверь в комнату Эмбер, я включила свет. Эмбер крепко спала. Темные волосы рассыпались по подушке, как у сказочной принцессы.

— Чарли, — прошептала Куки, — в чем дело?

Я выключила свет и тихонько прикрыла дверь.

— Прости, Кук. Ко мне только что вломились двое мужиков.

— Какого х... — начал Рейес достаточно громко, чтобы разбудить Эмбер.

— Рейес, — зашипела я, не дав ему договорить, — не здесь.

И он опять на меня разозлился. Ох уж эти мужчины и их вечные смены настроения! Женщинам до них далеко.

Я утащила обоих к себе, и, едва закрылась дверь, Рейес сорвался с цепи:

— Какого хрена?!

Он был без футболки, плюс не застегнул пуговицу на джинсах, так что пару секунд пришлось приходить в себя, чтобы ответить:

— Ты еще спрашиваешь? Они угрожали какому-то моему другу. Сказали, если за сорок восемь часов я не найду некую барышню, кому-то из моих друзей конец.

— И что? — рывкнул он, шагнув ближе. Меня обволокло горячей, пульсирующей яростью.

— А то. Если у них кто-то из моих друзей, я не могла позволить тебе переполовинить им позвоночники.

Злобно рыкнув, Рейес отвернулся.

Явно ничего не понимая, Куки стояла, прижав к груди руку, но наконец спросила, оглядываясь:

— Так их было двое?

— Да. Блин! Бумажка! — Я рванула в спальню и нашла бумажку, которую мужик впечатал мне в грудь. Это оказалась фотография женщины с подписанным внизу именем. — Итак, у меня сорок восемь часов, чтобы найти эту женщину. Иначе умрет мой друг. — Я беспомощно пожала плечами. — Можно подумать, у меня только один друг. Ну и кого эти гады имели в виду?

— Не знаю, — отозвалась Куки, падая в кресло. — Может, стоит позвонить всем твоим знакомым? Убедиться, что с ними все в порядке. Как по-твоему, они действительно кого-то похитили?

— Ну вроде бы да. — Я задумалась. — Не знаю. Все случилось очень быстро.

Рейес был занят — ходил из угла в угол, как запертый в клетку зверь. От меня не ускользнуло, что он как будто еще точнее настроился на мои эмоции. Стоило мне встревожиться, как он тут же оказался рядом. Поразительно.

— Солнце, ну прости меня, — сказала я, подходя к Рейесу. — Я не могла рисковать. Нужно было понять, зачем они явились, перед тем как приговорить их к жизни в инвалидном кресле.

Заметив выражение его лица, я замолчала. Он все еще злился, но ожесточившиеся черты

чуточку смягчились.

Я заправила непослушный локон ему за ухо.

— В чем дело?

Он ответил хриплым и каким-то странным, почти незнакомым голосом:

— Ты назвала меня солнцем.

— Это ласковое обращение, — тихонько усмехнулась я.

Рейес моргнул, словно не знал, что и думать.

— Разве тебя никогда раньше не называли солнышком? Зайчиком? Лапочкой?

— Нет.

Я задумалась, как называли его родные родители, когда он был еще совсем-совсем маленьким.

— Держу пари, ты ошибаешься. Просто не помнишь.

— Надо было дать мне порвать их на куски.

— Может быть, еще порвешь, а я, может быть, потом об этом пожалею. Хотя нет, я себя знаю — точно пожалею. Но пока со мной и так все в порядке.

Он провел пальцем вниз по моей руке — наверное, не хотел смущать Куки.

— Может, вызовем полицию? — предложила та.

— Мужик сказал, никаких копов. Если что, утром звякну дяде Бобу и все ему расскажу.

Она кивнула и поднялась с кресла, чтобы вернуться домой.

— Точно, — я проводила ее к двери, — пойди и отдохни хоть немного.

— Отдохнуть?! — Она ткнула пальцем в сторону мистера Кофе: — Вари кофе, а я пойду переоденусь. Сейчас же начнем обзванивать твоих знакомых.

Господи, обожаю эту женщину!

Мы обзвонили всех, кого я знала с самого рождения. Преувеличиваю, конечно, но ощущения были именно такими. Моя подруга Пари, она же тату-мастер, которому строго-настрого запретили приближаться к компьютерам за хакерство, двадцать минут жаловалась, что я ее разбудила. Вечность спустя она наконец сделала паузу, во время которой я успела спросить, не держит ли ее в заложниках группа мужчин в лыжных масках. И еще двадцать минут пришлось выслушивать нагоняй по поводу задавания идиотских вопросов.

— А вот если бы тебя и правда держали в заложниках мужики в лыжных масках, то вопрос не показался бы тебе таким идиотским, — огрызнулась я.

Короче говоря, это был последний раз, когда я позвонила ей в четыре утра. К шести те, кого я могла назвать друзьями, кончились. Дело не в том, что понадобилось так много времени, чтобы всех обзвонить. Просто люди почему-то не торопились отвечать на звонки в такую рань. Некоторым пришлось наяривать снова и снова, чего они явно не оценили по достоинству.

Ну и ладушки. В следующий раз пусть всякие злодеи забирают их куда угодно.

Приблизительно в половине седьмого приехал дядя Боб. Мы все ему рассказали. Он то и дело поглядывал на Куки, беспокоясь из-за случившегося, но его так и подмывало спросить, как прошло свидание. Уж я-то точно не собиралась делиться с ним подробностями.

Кивнув напоследок Дибби, Рейес повернулся ко мне:

— Я в душ заскочу.

— Не надо на скакивать на Джорджа! — нахмурилась я. У Рейеса умопомрачительный душ. Я назвала его Джорджем, потому что на Дика, Тома или Гарри он совсем не похож. — Чем он провинился?

Несмотря на хреновое настроение, губы Рейеса тронула слабая улыбка. Она добралась и до глаз цвета кофе, в которых даже при искусственном освещении мерцали зеленые и золотистые искорки. Легким поцелуем он коснулся моих губ, потом процеловал дорожку по щеке к уху и прошептал, сдув теплым дыханием волосы:

— Джордж по тебе сучает.

Выпрямившись во весь рост, Рейес мне подмигнул. А от того, что он сделал дальше, у всех отвисли челюсти. Наклонившись, он поцеловал Куки в щеку и тоже прошептал ей что-то на ухо. Я остолбенела. За каких-то несколько дней он поцеловал ее уже дважды.

Еще раз кивнув Дибби, Рейес вышел за дверь.

— Ничего не хочешь мне рассказать? — спросила я у Куки.

Ей понадобилось время, чтобы вернуться на Землю. Придя в себя, она слегка порозовела:

— Он поблагодарил меня за то, что я твой верный друг.

Я прижала к груди руку. Ох уж этот Рейес!

— Он может быть милейшим на свете существом, когда не мочит демонов направо и налево.

— Это точно, — отозвалась Кук.

Оказалось, что на Дибби поцелуй произвел еще большее впечатление, чем на Куки. В эмоциях, которые он излучал, я ощутила примесь ревности. А еще неуверенность в себе, беспокойство и сомнения. Бедняга. Пригласил бы Куки на свидание — не мучился бы так. Всего-то и надо, чтобы кто-нибудь из них набрался храбрости и сделал первый шаг. Черт бы побрал этих мямлей!

— В общем, я тоже пойду, — откашлявшись, сказал Дибби и встал. — Пришлю сюда патрульн...

— Нет, дядя Боб. Они сказали, никакой полиции. Выясни все, что сможешь, об этой женщине. Нам тут защиты с головой хватает.

Дибби ругнулся себе под нос, а потом заявил:

— Тогда пришлю кого-нибудь в штатском. Даже точно знаю, кого именно. Сойдет за твоего племянника, Куки. Держи его постоянно при себе. — Он сделал микроскопический шаг в ее сторону. — Пообещай.

— Обещаю, Роберт. Спасибо.

— Вечером заскочу вас проведать.

— Ой, — вспомнила я, — ты, конечно, можешь приехать, но Куки не будет. У нее еще одно свидание. Говорю же, популярная она, — я подмигнула для пущего эффекта.

— Уверены, что стоит? — спросил дядя Боб. — Учитывая обстоятельства.

Куки явно намеревалась меня сглазить, потом изобразила улыбку и повернулась к нему:

— И то верно. Как я могла забыть? Но если хочешь заехать, я могу все отменить.

— Ну что ты! — воскликнула я, махнув рукой. — Дядя Боб не стал бы портить тебе вечер только потому, что хочет заехать и поговорить о деле. Правда, Дибби?

Несколько секунд у него ушло на то, чтобы протолкнуть слова сквозь стиснутые зубы:

— Правда. И вы правы. Повеселись там. — Он шагнул к двери. — Вечером позвоню.

— Ей-богу, не стоит, — сказала я, а едва договорив, пискнула, потому что Куки пнула меня по ноге. Я помахала Дибби и возмущенно воззрилась на нее: — Ты что творишь?

— Что я творю? Это ты что творишь?!

— То есть как это — что я творю? И я первая спросила.

— Он собирался приехать, — Куки указала пальцем на дверь. — Хотел провести со мной время!

— ЧС, Куки. — Я понесла чашку в раковину, сполоснула и налила еще кофе.

— ЧС?

— Ага, чушь собачья. Он постоянно сюда приезжает. А иногда и вовсе неделями тут практически живет. И к чему это привело? Вы хоть немного приблизились к тому, чтобы бегать на свидания? Обжиматься у меня на диване? Заниматься крышесносным животным сексом в туалетной кабинке какой-нибудь забегаловки? Что-то я сомневаюсь.

У Куки поникли плечи. Медленно поникли. Будто кто-то проколол иголкой воздушный шарик, и он тихонько пищит, выпуская воздух. Только Куки не пищала.

— Ты совершенно права.

— Правда? — Я задумчиво застыла. — Нечасто такое случается.

— Знаю. Наслаждайся моментом. — Я громко ахнула, и она тут же отреагировала: — Чего уставилась? Все знают, что мозги тут я.

Она права.

— Ладно. Я в душ. Пора смыть с волос дым третьесортных толчков и запах всяких мужиков в лыжных масках.

Куки подошла к раковине и принялась мыть посуду.

— Нет-нет, ты не обязана это делать. Прекрати, пожалуйста. — Для убедительности я придала голосу чуточку драматизма. — Seriously, Кук.

— Ладно, прекращаю.

— Да шучу я, шучу. Плескайся на здоровье. Кто-то же должен помыть посуду, а от мистера Вонга, видит бог, помощи не дождешься. — Я с упреком взглянула на соседа и направилась в ванную.

— Я как раз успею все перемыть, пока Эмбер наводит марафет.

Эмбер, которая причесывалась за моим кухонным столом, потому что в свете последних событий Куки наотрез отказалась оставлять ее дома одну, недовольно заметила:

— Я могла бы навести марафет и в собственной ванной.

— Поторопись, — велела Куки, не обращая внимания на недовольство отпрыска, — иначе опять опоздаешь в школу. — Она весело изогнула бровь. — Никогда не могла понять, почему учителей так бесят опоздания.

Согласно тряхнув головой, я зашла в ванную и закрыла дверь.

Только сейчас я в полной мере оценила, как меня трясет, как все плывет перед глазами и как бешено бьется сердце всякий раз, когда в голову лезут мысли о тех мужиках в масках и пистолете, прижатом к моему виску. Из зеркала на меня смотрело мое отражение. Я сильная. Я сумею это пережить. И не позволю страху снова меня одолеть. Никогда больше не позволю.

Я выдавила пасту на зубную щетку, но руки так тряслись, что тюбик сорвался. В глаз брызнуло фторсодержащей мятной пастой с твердыми частичками для отбеливания зубов и черт знает чем еще.

Завизжав и прикрыв глаз обеими руками, я отшатнулась и сбила с полки статуэтку Русалочки.

— Глаз! — прорыдала я, пытаюсь проморгать боль. — Мой левый глазик! Печет!

Больше ничего сделать я не успела — дверь в ванную распахнулась. На пороге, тяжело дыша, стоял Рейес. По его венам струились горячие волны адреналина.

— Пресвятая Богородица, — выдохнула Куки, подняв руки в желтых перчатках.

И только сейчас до меня дошло, что Рейес голый. Очень голый, как голый мертвый дядечка из Развалюхи. И очень-очень мокрый.

Он повернулся к Куки, и у той отвисла челюсть.

— Ой! — пискнула я, осознав, что натворила. То есть буквально призвала его, пока орала от боли.

Стоя в дверях, как настоящий бог, и даже не пытаюсь прикрыться, Рейес спокойно объяснил:

— Я был в душе.

— Как дела у Джорджа? — спросила я, но он не ответил, потому что мы все как один уставились на сказочную принцессу, застывшую за спиной матери.

Эмбер замерла, открыв рот и распахнув глаза. Огромные, счастливые глаза. Куки быстро развернулась и попыталась прикрыть упомянутые глаза желтыми перчатками, но Эмбер оказалась проворнее. Чтобы разрушить на корню планы матери, ей пришлось всего лишь сделать шаг в сторону, благодаря чему она оказалась практически лицом к лицу с шедевром под названием «Сын Сатаны: Вид спереди» на добрых двадцать секунд.

А это зрелище опасное по всем понятиям.

Я сорвалась с места, как только сумела отодрать взгляд от идеального телосложения — от широких плеч, стальных ягодиц и впадинок над костями по бокам. Как бы мне ни хотелось провести вечность, любуясь Рейесом, надо было что-то делать. Я метнулась вперед, прикрыв его собой, и успела заметить, как он игриво подмигнул Эмбер, которую Куки волочила в коридор. Порозовевшая Эмбер тихонько хихикала, прикрывая ладошкой рот.

— Твою дивизию, Рейес! — рявкнула я так сердито, как только могла. — Нельзя вот так выставлять себя напоказ перед двенадцатилетними девочками!

Куки вихрем вернулась за вещами, согласно закивала:

— Вот-вот, — и завозилась со списком дел на сегодня, изо всех сил стараясь не смотреть на стройное голое тело, так и притягивающее взгляд.

Закатив глаза, я сорвала с вешалки полотенце и обернула его вокруг талии Рейеса. Он ухмыльнулся, глядя на меня из-под полуопущенных век и совершенно не собираясь помогать.

Признав наконец поражение в неравной борьбе, Куки беспомощно вздохнула и посмотрела на Рейеса:

— Считаю, ты задрал планку до небес. С этим, — она показала на него рукой, — никто не сравнится.

— Мне очень жаль, — сказал он, но я точно знала, что он вовсе не раскаивается.

Напряженное выражение лица Куки смыло широкой улыбкой.

— Ни капельки тебе не жаль, — сказала Кук, с упреком ткнув пальцем в его сторону.

— Ага, — пожал плечами Рейес, — ни капельки.

— Нахал, — буркнула она и, выйдя в коридор, закрыла за собой дверь.

Точнее попыталась. Дверь стукнулась о косяк и распахнулась. Куки попробовала еще

раз — с тем же успехом. И еще раз, и еще...

— Кук, все путем. — Мне чудом удалось отцепить от двери руки в желтой резине. — Беру дверь на себя. — Она кивнула и уже пошла к себе, а я крикнула вдогонку: — И перчатки верни!

Несколько секунд я внимательно осматривала дверь. На вид с ней все было в порядке. Правда, дверная коробка видала и лучшие времена.

— Твоих рук дело? — спросила я у Рейеса. — Ну и как мне запереть дверь, если я даже закрыть ее не могу?

— Что ж, это проблема. — Он подошел сзади и уперся рукой в косяк, блокируя мне все пути отхода. — Наверное, придется тебе пожить у меня.

Я демонстративно захлопала ресницами:

— Или у Куки.

Наградив меня лукавым взглядом, он отдал полотенце и пошел к себе. Голый. Блестящий от капель. Гладкий и сильный.

Да уж, Куки была права. Пресвятая Богородица!

Долго ждать копа в штатском не пришлось. Втроем мы вышли на улицу. Я поплелась к Развалюхе, а Куки с копом — в офис. Я нагрузила ее заданиями на целый день, а у меня самой дел хватило бы на пару минут. Или от силы на полчаса.

Мне был нужен мужчина. Такой, которым я могла бы помыкать и командовать, как армейский командир. Иными словами, мне был нужен Гаррет Своупс. В нашей банде он был единственным, кто побывал в аду. Кроме Рейеса, конечно. Перекопав от и до сумку, я наконец-то нашла ключи. Новенькие, совсем не похожие на старые. И открыла Развалюху кнопкой на брелочке. Еще одно новое обстоятельство в привычном течении жизни. У Развалюхи никогда не было ничего, чем можно было бы управлять на расстоянии. Все в ней было, так сказать, старой школы. Вставить ключ, повернуть. Даже странно, что за все годы постоянных поворачиваний ключей у меня не развился запястный синдром. Зато теперь надо было только нажать на кнопку. Все равно что попасть в научную фантастику. А еще каждый раз, когда мы трогались с места, мне приходилось по-старому рычать за Развалюху.

Открыв дверь, я попыталась влезть в машину. И у меня бы получилось, не сиди за рулем пятидесятикилограммовая ротвейлерша. Увидев меня, она счастливо задышала с высунутым языком и замахала коротким хвостом с такой же скоростью, с какой машет крылышками шмель.

— Артемида, тебе нельзя водить, — напомнила ей я. — Когда в последний раз ты была за рулем, мы чуть не прикончили почтальона.

По-собачьи всхлипнув, она положила лапу на руль и с мольбой уставилась на меня огромными карими глазами. Я сунулась в салон и глянула на мистера Андрулиса. Похоже, присутствие Артемиды его ничуть не беспокоило. Я почесала ей ушки.

— Видишь ли, я в курсе, что твои братья и сестры не особенно жалуют почтальонов, но нельзя же просто так раскатывать их по асфальту прихоти ради.

Артемида вдруг гавкнула, давая понять, что у меня за спиной кто-то стоит. Я обернулась

и увидела, что мы действительно не одни. На нас смотрел мужчина лет тридцати с хвостиком, в серой толстовке и камуфляжных штанах. То есть смотрел он на меня, потому что Артемиду видеть никак не мог.

Дружелюбно кивнув ему, я опять уставилась на Артемиду:

— Ну же, детка, двигайся.

— Я вам ее помою, — сказал чувак, подходя ближе.

Сегодня в меня уже тыкали пистолетом, так что я была не в настроении терпеть очередные издевательства от носителей пенисов. Поэтому с самым беспечным на свете видом сунула руку в боковой карман сумки и крепко вцепилась в Маргарет, то бишь в «глок».

— Простите?

Если парень вел жизнь бездомного, то явно не так давно. Сам он был слишком чистым, а одежда — почти новой.

— Я могу помыть вашу машину. Это у меня вроде подработки. — Он сделал еще один шаг вперед и вручил мне самодельную визитку, распечатанную на обычной бумаге и обрезанную ножницами. Причем ножницами явно орудовал ребенок дошкольного возраста.

— Спасибо, конечно, но думаю, мы обойдемся.

— А у вас случайно не найдется пары баксов? — спросил чувак, чихнув в вязанную перчатку с обрезанными пальцами.

— Отойдите немножко, и я посмотрю.

— Правда? — ободрился он и отошел. — Спасибо.

Пришлось опять копаться в сумке в поисках кошелька, но я не забывала коситься на нового знакомого. В последнее время на меня так и сыплются странные встречи с бездомными. То есть они, эти встречи, все странные. На днях, например, я стояла на светофоре, и какой-то парень размазал по лобовому стеклу бутерброд с горчицей. А я, между прочим, ничего ему не сделала. Зато он все орал и орал, да так, что было слышно даже с закрытыми окнами.

Впрочем, возможно, все эти встречи были знаками от Бога. Может быть, ему хотелось, чтобы я работала с бездомными. А может быть (и тут я проявляю чудеса нешаблонного мышления), все эти столкновения были кем-то подстроены, чтобы нафоткать уйму снимков, где я общаюсь со всеми этими людьми, а потом шантажом вынудить меня сделать что-то незаконное. Как правило, мои умозаключения и близко не такие заковыристые, но в этот раз, видимо, воображение разыгралось не на шутку. Наверное, все дело в том, что чуть дальше по улице в бежевом седане сидел какой-то мужчина и направлял камеру с широкоугольным объективом прямо на меня.

Если, конечно, я не выдумываю, то, кажется, этот седан в последнее время частенько попадался на глаза.

Судя по всему, он вдоволь нафотографировался, потому что опустил камеру и как раз просматривал снимки, когда я постучала по стеклу. Сильно постучала.

Чувак подпрыгнул и удивленно повертел головой.

— Ты кто, блин, такой? — гаркнула я. Уж чего-чего, а ждать спустя рукава, пока меня ведут прямиком в какую-то ловушку, я не собиралась.

Да и кричала не просто так. Криком можно привлечь внимание тех, кто окажется поблизости. И, если чувак решит на меня напасть, у меня будут свидетели.

За пару секунд я хорошенько огляделась. Наверное, это надо было сделать до того, как

провоцировать мужика, в трусах у которого вполне мог оказаться АК-47. Мне повезло — неподалеку в мусоре кафешки по соседству с «Вороной» копался какой-то мужчина. Он сделал перерыв в своем занятии и с легким любопытством поглядывал на нас.

А вот Рейеса не было. Наверное, его призывает только всплеск адреналина. Я старалась не нервничать, чтобы ненароком его не вызвать. Ночка выдалась нелегкая. Сначала этот поразительный инцидент со столкновением наших энергий, потом мужики в масках. А если добавить сюда кошмар с зубной пастой, то наверняка Рейес был таким же измученным, как и я.

Снова уставившись на папарацци, я заорала сквозь стекло:

— За каким хреном ты тут торчишь, чувак?

Он положил камеру на пассажирское сиденье и вставил ключ в замок зажигания. А я ни с того ни с сего (видимо, сработали какие-то инстинкты) попыталась открыть дверь. Причем думала только о том, как вытащу чувака за волосы наружу и выбью из него правду. Слава богу, дверь была заперта. Похоже, за время короткой прогулки от Развалюхи до седана я утратила связь с реальностью. Двигатель заревел, и, не успела я придумать очередное ругательство, машина сорвалась с места, едва не расплющив мне колесами пальцы на ногах.

Не меньше чем на минуту я приросла к месту. Мужик не просто собирался меня подставить. Когда машина проехала мимо, я заметила на заднем сиденье пиджак, к карману которого прикрепили значок. Чувак был копом.

Не знаю, что бы делала без кофе.

Наверное, строгала бы табуретки в федеральной тюрьме.

Наклейка на бампер

Ну просто гадство какое-то!

Неужели меня действительно пытаются подставить копы?

Я побежала к Развалюхе, надеясь перехватить парня с самопальными визитками. Он явно был замешан в происходящем. Но не вышло — чувак испарился. Захлопнув дверь, я выругалась себе под нос, но вдруг заметила сумку. Как говорится, бери — не хочу. Слава Богу за маленькие чудеса. Когда я снова открыла дверь, Артемида перелезла на заднее сиденье, причем с таким довольным видом, как будто с самого начала только и мечтала прокатиться сзади.

— Прости, красавица, — извинилась я, садясь за руль. — И вы меня простите, мистер Андрулис. Обычно я не ору и дверьми не хлопаю. Но как тут не забыть о вежливости, когда кто-то за тобой следит и явно планирует какую-то подставу?

Мистер Андрулис не ответил, а мне все больше и больше становилось его жаль. Наверняка ведь жутко мерзнет в таком виде.

Разбудив Развалюху, я дала ей добрых пять секунд, чтобы прийти в себя (а это на четыре секунды больше, чем раньше), задом выехала со стоянки и помчалась на поиски человека, страдающего комплексом неполноценности.

Первым делом я заскочила в агентство по поимке беглых преступников, где чаще всего зависал Гаррет Своупс. Однако секретарша сообщила, что он на задании — ловит какого-то беглеца. Естественно, я спросила у нее, где его можно найти, попутно удивляясь, как такую юную барышню занесло на работу в подобном месте.

— Простите, мисс Дэвидсон, но ответить я не могу, — отозвалась секретарша, лопнув надутый из жвачки пузырь. — Дядя меня убьет. Прямо так и сказал. Если дам вам хоть какую-нибудь информацию по любому из наших дел, он перережет мне во сне горло.

— Ничего себе! Суровое заявление. Дядя, говорите?

— Ага. Он взял меня на испытательный срок. Посмотреть, впишусь ли я.

— Ну и как? — поинтересовалась я, оглядывая ее с ног до головы. — То есть, по-моему, вы очень даже того.

— В каком смысле «того»?

— Вписались.

— А! — рассмеялась барышня. — Ну да, меня о вас не раз предупреждали. Так что

ничего не могу вам сказать. От меня вы ничего не узнаете.

Она снова принялась надувать пузыри и полировать ногти.

— Сдается мне, — кивнула я, — вы, дорогая моя, прекрасно впишетесь. А Своупс случайно не в здании на углу Жирара и Лид?

У «дорогой» отвисла челюсть:

— Откуда вы...

Мне только того и надо было.

— Спасибо, солнце. Передавайте дяде привет.

Махнув на прощание, я вышла на улицу. Бедняжка. Все подробности лежали перед ней на столе в трех экземплярах. Мне не хватило духу признаться, что я умею читать с перевернутых вверх ногами бумажек.

Надеюсь, в конце концов она сама все поймет. Если хочет работать на дядю, придется быстро учиться. В свое время он был одним из лучших «охотников за головами» и заработал репутацию благодаря тяжелым кулакам и стальной челюсти. К сожалению, нос у него сделан из более податливого материала, поэтому его не раз ломали, отчего теперь он сдвинут чуточку влево. Но в принципе, упомянутый дядя парень неплохой.

И все-таки почему он велел племяннице ничего мне не говорить? Мы же давно дружим. А за тот инцидент с гранатой я извинилась сто лет назад. Честное слово, пора уже об этом забыть. Если долго копить злость, она начнет гнить. А значит, ему грозит язва, если он вовремя не одумается. Впрочем, это вроде как моя специализация — награждать людей язвой. Ну а что? У каждого должна быть своя фишка.

Остановившись прямо за черным пикапом Гаррета, я заглушила Развалюху. Присмотревшись, увидела кошку, Артемида испарилась где-то между Централ и проспектом Хуана Табо.

Своупс стоял у задней двери своей тачки с двумя мужчинами. На шее у каждого висели значки, заявлявшие, что все трое — агенты по поимке беглых преступников. Я быстренько сообразила, что один из троицы — дядя секретарши, Хавьер. Именно он велел ей не давать мне ни крупицы информации. Надеюсь, из-за меня у нее не будет неприятностей.

Они дружно повернулись ко мне. Гаррет Своупс — высокий мужик с кофейной кожей и искристыми серыми глазами. А еще у него обалденный пресс. Никакого особенного интереса у меня к Своупсу нет, но трудно не заметить кубики, когда он постоянно открывает дверь по пояс голый. Может быть, все дело в том, что я вечно заваливаюсь к нему домой посреди ночи. Странно, наверное, но обычно его помощь бывает мне нужна около четырех утра.

Когда я подъехала, он как раз надевал бронежилет. Видимо, чувак, которого они собирались изловить, действительно гад. Просто так Своупс в бронежилет не наряжается.

Хавьер узнал меня не сразу, но потом помрачнел и стал говорить что-то Гаррету, то и дело тыча в меня пальцем. Своупс послушал, покивал и наконец позвал меня жестом подойти. Третьего парня я не знала. Судя по виду, в нем текла какая-то частичка азиатской крови, а сам он, видимо, частенько ввязывался в пьяные потасовки. С другой стороны, кому нужен полный набор зубов? Если хотите знать мое мнение, то, по-моему, это уже серьезное

излишество.

Я вылезла из Развалюхи и поплыла к мужикам, улыбаясь с самым беспечным на свете видом.

— Как ты узнала, где мы? — спросил Хавьер.

— Никак, — ответила я и, глядя на него, похлопала ресницами. — Я узнала, где Своупс, а остальные вроде как бонус.

Хавьер нахмурился:

— Никакую взрывчатку с собой случайно не прихватила?

— Ох, Хавьер, что было, то прошло. Проехали.

Он достал пушку и снял с предохранителя.

— Я тебе покажу проехали!

— Спокойно, спокойно, — запричитал Гаррет, отбирая у него пистолет. — Из-за Чарли в людях пробуждаются худшие стороны. Но она не виновата.

— Точно, — поддакнула я. — Я же больная на голову.

— Что я говорил? — продолжал увещевать начальника Своупс.

По правде говоря, агентством управлял именно Гаррет, и только благодаря ему оно процветало.

— Пора заняться делом, Своупс, — мрачно процедил Хавьер и двинулся прочь.

Я благодарно глянула на Гаррета. В который раз он меня прикрыл. Что бы я без него делала?

— Могу подсобить, — предложила я свои услуги.

Услышав мои слова, Хавьер развернулся и зашагал обратно. Ему явно хотелось поспорить, однако на полпути он передумал. Это по лицу было видно.

— Что ж, — он смерил меня взглядом, — валяй. Иди в тот дом, поднимись в квартиру 504 и постучи. Скажи, тебя прислала Кристал.

Гаррет ухмыльнулся и проверил свой пистолет. На руках так и играли крепкие мышцы. Господи, как же я люблю руки!

— Нельзя ее туда посылать.

— Еще как можно! — затараторила я. — Я ведь и приехала, чтобы всячески помочь. Потому что так поступают друзья. Помогают друг другу и поддерживают в сложные времена.

Опустив оружие, Своупс уставился мне в глаза:

— Ладно, колись. Что ты опять натворила?

— Чего? — всем своим видом оскорбилась я. — Я-то тут причем?

— Так мы идем или нет? — спросил третий парень. — У меня гостят родители жены. Пытаются убедить ее, что я бестолочь. Хотят, чтобы она меня бросила и вернулась с ними Пуэрто-Рико. А значит, мне надо вернуться домой до того, как она поймет, что они правы.

Я рассмеялась и пожала плечами:

— Я могу стать классным отвлекающим маневром. Минуточку, Кристал ведь не какая-нибудь сутенерша?

— Понятия не имею, — отозвался Хавьер. — Наверное, мне чем-то память отшибло.

— Как бы не текилой, — усмехнулась я. — Но я вам помогу. Я готова. Приказывайте, босс.

— Я тебе не босс.

В ответ я мрачно уставилась на Хавьера.

— Ладно, — сказал Гаррет и показал мне фотку какого-то Дэниела, которого они

должны были повязать.

Дальше он подробно рассказал, что нужно делать. К дому мы подходили плечом к плечу, а я изо всех сил молилась, чтобы не появился Рейес. В последнее время (точнее всегда) он особенно вспыльчивый.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил Своупс.

Я опять рассмеялась, когда он взял меня за руку — видимо, нам нужно было сыграть роль влюбленной парочки. В это время Хавьер и не самый лучший на свете муж занимали позиции по бокам здания, готовясь атаковать в любой момент.

— Миллион баксов бы не помешал. Но лучше расскажи, как идут дела с той твоей книжицей.

— С пророчествами? — слегка удивился Гаррет. — Доктор фон Гольштейн все еще работает над переводом, но ему удалось сделать несколько захватывающих открытий.

Каждый раз, когда он произносил имя доктора, мне приходилось сдерживаться, чтобы не расхохотаться вслух. Ужасно смешная фамилия. Надо что-нибудь назвать фон Гольштейном. Жаль, что я уже выбрала имя дивану. Может быть, кресло? Или солонку? Я могла бы назвать ее Толстушка фон Гольштейн.

— Вопросов больше нет? — спросил Своупс, когда вы свернули за угол и пошли к входу.

— И не надейся. Там случайно о Дюжине ничего не сказано?

Он притормозил, совсем чуть-чуть, но я поняла, что наткнулась на золотую жилу.

— Вообще-то, есть немного. В нескольких отрывках говорится о Дюжине и ее роли в грядущей куче дерьма.

У меня екнуло сердце. Как правило, я всеми силами стараюсь избегать стычек с созданиями, которые сбежали из ада с одной-единственной целью — порвать меня на куски и преподнести мое безжизненное тело на блюдечке с голубой каемочкой своему хозяину. Тем более когда упомянутый хозяин представляет собой воплощение истинного зла.

Я подняла руку и храбро заявила:

— Говори как есть, Своупс. Не смягчай удар.

— Я и не собирался.

— Бог не потерпит, если я начну нормально спать по ночам.

— Мы этого не допустим.

— Ну так как? Мы победим? — с надеждой спросила я.

Мы подошли к лифту, казавшемуся на вид таким же надежным и безопасным, как парень, которого я чуть раньше видела на улице, и который продавал синенькие леденцы в маленьких пакетиках.

Гаррет нажал кнопку «Вверх».

— Ты о чем?

— О куче дерьма. О Дюжине. — Я развела руки, намекая на масштабы упомянутых бед. — Сумеет ли порубить всех в винегрет или нет?

Двери открылись. Мы вошли в лифт. Гаррет стукнул по кнопке пятого этажа и глянул на меня каким-то непонимающим взглядом:

— А зачем нам с ними бороться?

— Затем, что им нужна моя голова на блюдечке.

Все еще держа меня за руку (понятия не имею зачем — в лифте никого, кроме нас, не было), Гаррет спросил:

— Зачем им твоя голова?

— Затем, — повторила я, начиная терять терпение, — что они Дюжина. Видимо, это их работа.

— Прекращай смотреть фильмы ужасов, Чарльз. Дюжина — хорошая. Их послали тебя защищать. Защищать дочь.

— Чего? Они же адские псы. Как они могут...

— Адские псы? — переспросил Своупс и, когда я кивнула, добавил: — В прямом смысле?

Я снова кивнула.

— Тогда мы говорим о разных Дюжинах. Дюжина, о которой упоминается в пророчествах, — это двенадцать духовных существ.

— Быть того не может, — сказала я, выходя из лифта.

На полу в убогом коридоре лежал грязный ковер, источавший едкий запах мочи и химикатов. Я прикрыла ладонью нос и рот, чтобы не дышать противным амбре от нелегального производства наркотиков. Интересно, Дэниел сам варит наркоту, или он просто перекупщик? Однако самой худшей деталью сценария был детский плач где-то в конце коридора. Ну почему, почему в таких местах всегда должен плакать ребенок?

По пути к квартире Дэниела на глаза попадались пустые пакеты от еды на вынос, смятые банки из-под колы и пива и даже грязные порванные джинсы. Вытащив пистолет, Гаррет встал за углом, откуда начиналась лестница, и жестом дал мне знать, что пора начинать представление.

Я сунула в рот жвачку и уже подняла руку, чтобы постучать, как вдруг заметила вопрос во взгляде Своупса. Наклонившись к нему, я прошептала:

— А зачем мы держались за руки и разыгрывали из себя парочку, если я вроде как должна явиться сюда одна?

В ответ он так злорадно улыбнулся, что я чуть не рассмеялась.

— Ах ты гадкий паразит! — в шутку отругала его я.

Он подмигнул, а я расправила плечи и постучала в дверь.

— Чего надо? — гаркнул из квартиры мужской голос. Кому-то явно не понравилось, что его отрывают от дел.

Вот только постучала я слишком рано. Потому что забыла: жвачка, которая имелась в моем распоряжении, была из тех термоядерных, от которых первое время постоянно кривишься.

Сморгнув слезы, я постаралась придать глазам нормальный вид и сказала:

— Меня прислала Кристал. — Получилось почему-то с нью-йоркским акцентом.

Не успела я толком перестать жмуриться, как дверь распахнулась, обдав меня горячей смесью кошмарных запахов, от которых сводило щеки. Наверное, это было похлеще, чем если бы меня потрепала по щекам какая-нибудь гиперзаботливая тетушка. С килограммом помады на губах и длинными-предлинными острыми ногтями. Несколько секунд мужик меня разглядывал, а я подмигнула, изо всех сил стараясь не дать векам закрыться и жевать жвачку как можно похабнее. Мужик наконец кивнул. Я успела заметить большую голову на здоровенных плечах, но все это меркло в сравнении с огромным пузом и ботинками приблизительно пятидесятого размера.

Оглядев меня с ног до головы (так же, как и я его), мужик глянул влево и вправо, проверяя, нет ли кого в коридоре. Убедившись, что никто не сидит в засаде за углом (что тут скажешь, Гаррет профи), чувак жестом позвал меня внутрь.

— Маффи уже ждет.

— Маффи? — переспросила я, заходя в квартиру.

Неужели мне придется притворяться, будто я хочу секса с девушкой? С девушкой по имени Маффи? Что это за имя вообще, черт возьми? Будь я проституткой, выбрала бы что-нибудь прикольное и экзотическое. Звездная Пыль, например. Или Венера. На худой конец, Джулия Робертс.

Краем глаза в другом конце коридора я заметила Хавьера, чудом не попавшегося на глаза Крепышу Дэниелу. Гаррет двинулся ближе, когда наш объект начал закрывать дверь, запечатывая мою судьбу, как кусок свежего мяса в вакуумной упаковке. Осталось только молиться, что мое трио прискачет вовремя. Если мне придется целоваться с проституткой, которой хватило глупости назваться Маффи, потребую компенсацию. Вряд ли такая барышня следит за состоянием зубов и десен.

— Шампунь под раковиной, — заявил Дэниел. — И постарайся не забить слив.

Так-так-так, оказывается, все намного извращеннее, чем я ожидала. Когда все это кончится, мне понадобится мозгоправ. Хотя нет, он давно мне нужен. Короче говоря, не важно.

Пока буйное воображение подсовывало всевозможные сценарии, в которых нам с Маффи понадобится шампунь, на меня с кресла твякнул прелестнейший йоркширский терьер.

— И маникюр сделай, — добавил Дэниел, плюхнувшись в скрипучее кресло. — Последняя девка забыла про ее ноготки.

Минуточку. Неужто он серьезно? Я-то думала, надо проституткой прикинуться или еще кем похуже.

Я осмотрелась, но, похоже, кроме нас с Дэниелом, здесь больше никого не было.

— Мне надо скинуть Кристал эсэмэску, что я на месте, лады?

— Да как хочешь.

Он взял пульт и врубил звук. По телику шла какая-то игра. Комната быстро наполнилась криками беснующейся толпы. Супер. Если парни натворят шуму, телик все приглушит.

Взяв Маффи на руки, чтобы ее случайно не затоптали, я описала Гаррету ситуацию: «Мужик один. Плюс йорки. Посчитай до тридцати. Хочу унести Маффи в другую комнату, пока не взломали дверь».

— А я тебя раньше не видел, — подал голос Дэниел. — Давно с Кристал работаешь?

— Типа того, ага.

Он выключил звук. Блин. Неужели я сказала что-то не то?

— И как давно? — Дэниел отлепился от кресла и пришлепал в кухню, как раз когда я отослала сообщение.

Я сунула телефон в карман.

— Пару месяцев. Ей был нужен кто-то на замену Валери.

— Кто такая, на хрен, Валери? — рявкнул он, подбираясь ближе. Только бы не облажаться. Только бы не облажаться! Но не успела я ответить, как он продолжил: — Случайно не та тощая девица, которая сбежала с Мануэлем?

Я хихикнула и пожала плечами:

— Не знаю. Никогда ее не видела.

— Девица чокнутая, точно тебе говорю. Видела б ты, что она сделала с ушками Маффи. Короче, чуток ее подстриги и все, о'кей? Все эти бантики и прочее девчачье дерьмо мне без

надобности. Чертова Валери, сто раз ей это говорил, а она все равно делала Маффи розовое мелирование.

Собаке можно сделать мелирование?!

— Ладненько. Никаких бантиков, никакого мелирования. Будет сделано.

— Хорошо. А пока...

Дверь с треском распахнулась. Я прижала к себе Маффи и свернулась в клубок, ткнувшись носом в шерсть. Честное слово, я не специально, но в голове тут же возникли пошлые образы с участием носов и всякой нательной растительности. А Дэниел оказался не дурак. Ни секунды не колеблясь, он рванул к большому кухонному окну, поднял грязное стекло и вылез наружу башкой вперед, ошарашив меня скрывавшейся в грузном теле прытью.

— Своупс! — крикнула я, поставила Маффи на собачью подушку и сиганула в окно за Дэниелом.

К сожалению, тогда я не понимала, что Дэниел из тех людей, кто ко всему готовится заранее. И кто подозревает всех на свете. Видимо, он прекрасно знал: если кто-то захочет до него добраться, не пользуясь входной дверью, этому кому-то придется подняться по пожарной лестнице. Поэтому Дэниел раскрутил болты. Любой, кто полез бы по лестнице, рухнул бы вместе с ней, и только он один знал, куда надо наступать, чтобы спуститься вниз в целостности и сохранности. Такая себе сигнализация для бедняков.

До меня же, как всегда, все доходит задним числом. Поэтому, когда я вслед за Дэниелом буквально выпала из окна на пожарную лестницу, крепления поддались под нашим весом и отвалились. Лестница повисла на нижних болтах, которыми крепилась к внешней стене. Дэниел вцепился в перекладины, которые, судя по всему, сам и установил на такой вот случай, но без опоры под ногами долго бы не продержался. Лестница раскачивалась, металл со скрежетом терся о металл. Я увидела, как в переулке появился третий парень из нашей компашки. Он поднял голову и смотрел на нас огромными глазами. Дэниел закричал, его руки соскользнули с перекладин, и он всем весом рухнул на качающуюся лестницу, из которой выпал еще один болт.

Вместе с нами лестница опустилась на полметра. Я крепко вцепилась в перекладины и задергала ногами, пытаюсь найти опору. А потом глянула вниз, напрочь забыв главное правило: никогда не смотри вниз. Пять этажей — это офигеть как высоко!

— Чарли!

Из окна прямо надо мной свесился Гаррет.

— Что? — сдавленно пискнула я. — Вытащи меня, пока я не шмякнулась вниз!

Но Своупс исчез. Да что ж это такое?!

— Развлекаешься? — поинтересовался Рейес.

Вспышка адреналина — и он тут как тут. Это классно, ей-богу, но он пришел в нематериальном виде, а значит, не мог мне помочь. Точнее я думала, что не мог. Он сидел на перилах в черном плаще, развевавшемся, как паруса флагманского корабля. Сняв капюшон, Рейес уgomонил черные волны, и плащ исчез.

— Да как-то не очень, — отозвалась я, услышав вдалеке звуки сирен.

— Твою мать! — крикнул Дэниел, стараясь не расшатывать еще больше металлическую конструкцию.

Когда отвалились болты, получилось, что он оказался наверху лестницы, а я внизу, причем держалась буквально на честном слове. Перед глазами запрыгали картинки из детства. С турниками мне никогда не везло. Сразу появлялись мозоли, и я падала в самую

грязную лужу.

— Есть идеи? — спросила я у Рейеса.

— Ты можешь залезть наверх, — сухо ответил он.

Я держалась на одних пальцах. Залезть наверх из такого положения мог только тот, у кого верхняя половина тела намного сильнее, чем моя.

— Ты ведь не давишь весом на лестницу?

— Не думаю. Если хочешь, могу уйти.

— Нет! — тут же крикнула я.

— Чего ты там орешь, сучка? — проворчал Дэниел. — Я тебя пальцем не трогал!

У меня вырвался стон. Как так вышло, что я застряла на рухнувшей пожарной лестнице с мужиком, который вполне мог стать серьезным соперником любому сумоисту?

— Я могу помочь, — сказал Рейес как раз в тот момент, когда у меня начали соскальзывать пальцы. Из-за вспотевших ладоней перекладины стали влажными. — Ты хочешь, чтобы я тебе помог?

Ясненько, опять мы в игры играем. Я наградила его своим лучшим убийственным взглядом.

Рейес ухмыльнулся:

— Это простой вопрос, на который можно ответить «да» или «нет», Датч.

Но ответить я не успела — сверху кто-то спустил простыню.

— Хватайся! — заорал Гаррет, но я не могла. Отпущу перекладину — точно упаду.

Пальцы соскользнули еще на сантиметр, и у самого уха я услышала голос Рейеса, богатый и прекрасный, как он сам:

— Отпусти.

— Не могу, — прошептала я, чувствуя напряжение в каждом атоме.

— Можешь.

Еще раз возразить не получилось. Руки снова соскользнули, и лестница исчезла.

*Раньше я всегда знала, что мне не хватает решительности.
А вот теперь уже не уверена.*

Надпись на футболке

Среагировала я мгновенно. Одной вспышкой по венам разлился адреналин. Звуки стихли. Гравитация исчезла. Время замедлилось и остановилось. Я перестала слышать шум крови в ушах, и возникло странное ощущение плотного давления со всех сторон. Как в вакууме. Я глянула вверх. Над головой развевалась простыня, но будто не падала, а пыталась взмыть к небу. Гаррет, стоя у окна с суровым выражением лица, держал ее за собранный край. Оказалось, у него порезана рука. С ладони капала кровь, но теперь капли летели не вниз, а вверх. Время не просто остановилось, а развернулось в обратную сторону.

Утопая в полнейшем изумлении, я в прямом смысле слова почувствовала смещение силы тяжести. Притяжение земли уже не тянуло вниз, и мягко подталкивало вверх.

Я летела!

Точнее парила. Однако обалдеть от счастья и потерять голову от необъяснимости ситуации не успела. Словно защитным полем, меня обволокло силой Рейеса. Я ухватилась за простыню, а он крепко взял меня за свободную руку и спросил:

— Готова?

Как только вопрос прозвучал, все вернулось на свои места. Время врезалось в меня одной огромной волной. От грохота во всем теле затряслись молекулы. Вновь обретя власть над миром, гравитация рывком дернула меня вниз, и я чуть не выпустила простыню, со всей дури вписавшись в стену дома. Гаррет тащил меня вверх, а я изо всех сил цеплялась за ткань.

— Держись! — выдавил он сквозь стиснутые зубы.

Мог и не просить, ей-богу.

Я засунула непослушные волосы за уши и зло уставилась на Гаррета.

— Какого хрена ты себе думала? — рявкнул он, подливая масла в огонь. — Один из нас уже ждал его внизу. На кой черт ты сиганула в окно?

— Потому что не знала, что внизу его ждут. И понятия не имела, что этот ваш Дэниел окажется таким параноиком и раскрутит болты на пожарной лестнице. Надо было поделиться со мной подробностями вашего плана.

— Сама-то как?

— Порядок. Только ногти болят. Что у тебя с рукой?

— Заживет. Особенно когда приложу к ране чек на десять штук. Так о чем ты хотела со мной поговорить?

— А, ну да. О Дюжине. Если верить моим источникам, Дюжина — это группа озверевших демонов, которых когда-то заключили в темницу. Но им удалось сбежать, и теперь они пытаются пролезть сюда, чтобы порвать меня на ленточки.

Своупс застыл.

— Хотя нет. Разорвать меня на куски. Кажется, выразился он именно так.

Гаррет прислонился спиной к задней двери машины и поправил бинты на руке.

— Доктор фон Гольштейн говорил, что нашел несколько упоминаний о Дюжине. Попрошу его уделить этому особое внимание.

— Хорошая идея. А тем временем будь очень-очень-очень-очень осторожен.

— Ты просто так говоришь, или есть какая-то причина?

— Есть. Ко мне вломились какие-то мужики и велели в течение сорока восьми часов найти вот эту женщину, иначе кому-то из моих друзей крышка. — Я передала ему сделанную Куки ксерокопию фотографии. — Беда в том, что я понятия не имею, о ком из моих друзей идет речь.

— Я и не знал, что у тебя есть друзья.

— У меня есть ты, — сказала я, похлопав его по крепкому бицепсу. — Ее лицо тебе случайно не знакомо?

Гаррет покачал головой:

— Нет, но могу покопаться.

— Спасибо. И, чтоб ты знал, я не собираюсь искать эту женщину. А то еще вляпаюсь куда-нибудь.

— С тебя станется. — Он сложил ксерокопию и засунул в задний карман. — Итак, что произойдет, если Дюжина сюда проберется?

— Ну-у, мы все умрем ужасной и мучительной смертью. Или я могу воспользоваться твоим кинжалом. Думаю, мне удастся уговорить их всех по очереди наткаться на ножичек.

— Все твои планы — полный отстой.

— В последнее время мне часто об этом говорят.

— Мне тут недавно мысль пришла... — сменил тему Гаррет.

— Всего одна? Не напрягался бы ты так.

— Думаю, нам надо работать вместе.

Еще один напарник? Сначала бабуля Лил, а теперь еще и Своупс? Неужели я чего-то не знаю?

— У тебя же есть работа, — заметила я.

— Да, но хотелось бы, как говорится, расширить горизонты.

Ну что ж, бабуля Лил у меня уже есть. Может быть, работать втроем не такая уж плохая идея. Мы могли бы быть Великолепной тройкой. А что? Будет классно.

— Я подумаю. Рекомендации у тебя имеются? — поинтересовалась я.

— Ничего такого, что могло бы тебя впечатлить.

— М-мм, над этим можно поработать.

— Мы можем где-нибудь перекусить. Как раз все и обсудим.

Из-за угла вышла женщина в желтой майке и обрезанных шортах, посмотрела на кучу полицейских машин и «скорую» и тут же зашла обратно за угол. Может быть, это была девушка, которую послала Кристал.

— Что там с Маффи? — спросила я у Гаррета.

— А кто такая Маффи?

— Йорки Дэниела.

— Так и быть. Но съесть смогу только одну. Я пока не так сильно проголодался.

— Ей нужен дом.

Своупс в ужасе отшатнулся:

— Даже не смотри на меня.

— Своупс, я ее взять не могу. Меня же дома днем с огнем не сыщешь.

— А я, по-твоему, образцовый домосед? — Заметив, как сердито я на него гляжу, он неохотно добавил: — Ну ладно. Кажется, я знаю, куда ее пристроить. Но ты будешь мне должна. Опять.

— Ничего я тебе не должна, — фыркнула я. — Тот факт, что из-за меня тебя несколько раз подстрелили и отправили в ад, не делает меня твоей должницей.

Гаррет не ответил. И тут началась игра в гляделки. Итак, мы в тупике. Деваться некуда — я сдалась первой. Ну не умею я долго и нудно смотреть и не моргать.

— Фиг с тобой. Чего ты хочешь?

Своупс осмотрелся вокруг. Все были заняты делом.

— Помнишь Марику — женщину, которая появлялась только ради секса?

— Еще бы. Ты говорил, у нее есть сын. Может быть, от тебя.

— Ну да. Короче говоря, я хочу знать наверняка.

Что ж, вряд ли тут возникнут сложности.

— Хочешь, чтобы я с ней поговорила?

— Нет. В свидетельстве о рождении она записала отцом своего мужа. Так что не скажет правду ни за какие коврижки.

— Так это же моя специальность. Я чую ложь, помнишь?

— Помню, но это не значит, что она скажет тебе имя отца. К тому же я не хочу, чтобы она узнала, что я пытаюсь все разнюхать. Как только пойдут расспросы, она тут же что-то заподозрит.

— Так чего тебе надо?

— Потом скажу, — отмахнулся Своупс, потому что к нам уже подходил Хавьер. — Ты знаешь какие-нибудь хорошие рецепты приготовления йорки?

— Это даже не смешно.

— Немножко смешно. Все равно нам надо перекусить. Обсудить совместное будущее.

— Закатай губу, Своупс. Я почти помолвлена. К тому же если и соглашусь, то только на кофе.

— Видел твой статус в соцсети, — заявил он, — так что я в курсе событий.

Я нахмурилась:

— Если хочешь поесть, могу приготовить на ужин тебя. Пожарю прямо на костре.

Своупс изобразил кривоватую ухмылочку:

— Плавали — знаем.

Меня передернуло. Намек поняла.

Поговорив с копами, мы выслушали показания владельца дома, который через слово

матерился. Оказалось, он очень дорожит пожарными лестницами. Потом я попрощалась с мистером Гарретом Своупсом и в обществе мистера Андрулиса двинулась в центр города. В конце концов мы оказались у давным-давно знакомой психлечебницы. Знакома она мне вовсе не потому, что я когда-то там лечилась. Дурдом забросили еще в пятидесятых, а теперь в нем жил один из моих самых любимых людей на планете — Рокет.

В последнюю нашу встречу я вела себя просто омерзительно и с тех пор ни разу с ним не виделась. Мне хватило ума угрожать расправой его пятилетней сестре, если он не станет отвечать на мои вопросы. И теперь было ужасно стыдно. За прошедшие недели я несколько раз приезжала, но так и не осмелилась войти.

Минут десять я сидела и смотрела на здание, пока не поняла, что и в этот раз не смогу заставить себя даже выйти из машины. К тому же несколько кварталов за мной кто-то ехал, а теперь остановился чуть дальше по улице и делал то же самое. Сидел и ждал.

Сначала я решила, что это тот же парень с фотоаппаратом, которого я видела утром. Но машина была другая, а у водителя оказались темные волосы. Я достала камеру с телеобъективом, которую недавно купила у мужика, продававшего такие камеры и глиняные фигурки с живой травой^[9] прямо из багажника. Купила специально. У каждого уважающего себя частного детектива должна быть такая волшебная штука, чтобы фоткать с большого расстояния, а не мучиться с камерой в телефоне. Слишком часто мне приходилось подбираться поближе, чтобы сделать достойный снимок. А потом меня преследовали всякие мошенники, которые пытались обмануть страховые компании и заставить выплатить компенсацию за выдуманные повреждения позвонков, якобы превративших их в калек. Ну теперь-то эти личности у меня попляшут.

Я сделала несколько снимков прямо через плечо, чтобы не спугнуть чувака в машине. Хотя скорее чтобы не убедить его в необходимости гнаться за мной через весь город. В реальной жизни погони на автомобилях вовсе не такие веселые, как в кино.

Просмотрев получившиеся фотки (в основном это был салон Развалюхи с одного и того же ракурса), я вытащила телефон и набрала номер офиса.

— «Детективное агентство Дэвидсон», — раздался в трубке голос Куки.

Да уж, ее приветствие звучало намного профессиональнее, чем мое, в котором чаще всего упоминаются ароматизированные лубриканты.

— Здравствуй, мэ. Можно заказать пиццу с тонкой корочкой и двойным пепперони?

— Нет.

Ух ты, какая обидчивая!

— Кажется, меня кто-то преследует.

— Он в белом халате и с сачком для бабочек?

И надо было ей сказать такое, когда я сижу прямо напротив дурдома?

— Нет, но я знаю, кто это. И знаю, кто послал того копа, который фоткал меня утром.

— Тебя утром фоткал какой-то коп?

— Ага. Я позировала для десертного календаря, который ежегодно выпускают «Дочери американской революции». Ты бы видела, как круто на мне смотрятся кексики с вишнями!

— Сомневаюсь.

— Дерзкая ты распутница. Короче, думаю, меня пытаются подставить. Поэтому хочу, чтобы ты где-нибудь записала: в чем бы меня ни обвинили, я этого не делала.

— Да уж, никто не посмеет сказать, что с тобой скучно жить.

— И слава богу.

— Есть идеи, кто за этим стоит?

Я снова глянула на экран камеры.

— А то. Он высокий, в характерном костюмчике и вечно появляется прямо из ниоткуда.

— Супермен?

— Капитан Эжерт.

— Капитан? — ахнула Куки. — Но зачем ему это нужно?

— Скоро узнаю. Нанесу ему визит вежливости. Что ты успела накопать?

— В общем, женщина с фотографии — единственная свидетельница убийства, совершенного не кем-то там, а самим Филипом Бринкманом.

— Это который продавец машин? — уточнила я. — У него прикольные рекламы.

— Ходят слухи, что автосалон — всего лишь прикрытие, а сам Бринкман самый настоящий наркобарон.

— Правда? По-моему, об этом есть какой-то сериал.

— Подозревают, что в приступе гнева он забил до смерти какого-то парня. А когда понял, что его подружка все еще в доме и все видела, пытался покончить и с ней. Ей едва удалось унести ноги, и теперь она под программой защиты свидетелей.

— Чего?! Какого черта? Почему эти гады решили, что я могу ее найти? В программу защиты свидетелей влезть сложнее, чем в мои джинсы!

— Не знаю, зато знаю, что этим делом занимается твоя подруга агент Карсон. Похоже, ФБР давно под него копает сразу по нескольким обвинениям. Убедительных доказательств так и не нашли, поэтому рассчитывают взять его за это убийство.

— А в чем проблема?

— Тела нет.

— Ничего себе! Тогда им действительно придется попотеть. Еще что-нибудь выяснила?

— Ага, только не знаю, хочешь ли ты об этом говорить прямо сейчас. Сын Фостеров вернулся домой и сейчас живет с родителями. Вот-вот получит степень магистра в Университете Нью-Мексико.

— Серьезно? Так он здесь? Хоть одну-то фотку нашла?

— Конечно, даже несколько. У него страничка в соцсети.

— Класс! Ну и? — спросила я, сгорая от любопытства. Или так, или я перебрала с кофе.

— Совершенно на него не похож, — разочарованно ответила Куки. — Seriously, ничего общего. Ты уверена, что Фостеры его не усыновили? Видишь ли, он очень... белый.

Я не выдержала и усмехнулась:

— Нет, солнце, мне очень жаль.

— Ты не поняла. Он белый, как альбинос. Причем ничем не болеет. Наверное, это нормально, но все-таки я ожидала, что он будет хоть немножечко похож на Рейеса. А ты фотографий Фостеров не видела?

— Нет, потому-то и хотела посмотреть на них хоть одним глазком.

— Это одно сплошное разочарование, скажу я тебе. В смысле сам-то он ничего, но и близко не такой, как Рейес.

— А давай посмотрим на это так: Рейес живет в нашем доме, так что ты в любой момент можешь его увидеть. Иногда даже полностью голого. Впрочем, не ты одна. Твоей двенадцатилетней дочери тоже время от времени везет.

Куки испустила горестный вздох:

— Тоже верно. Высылаю тебе ссылку на страничку в соцсети.

— Супер, — отозвалась я, пытаюсь сдерживать рвущийся наружу смех. — Спасибо.

— Не за что. Тебе еще что-нибудь нужно?

— Как там твой кавалер?

— Очень милый и очень женатый.

На этот раз я рассмеялась вслух.

— Я, наверное, поеду к специальному агенту Карсон и попробую поднять всю подноготную Скользящего Типа с Тачками.

— Давай. И по поводу пиццы... ты пошутила?

— Ага. Вернусь попозже, так что меня не жди и пообедай сама.

— Ладненько. Рейес готовит свои знаменитые кесадила с курицей и зеленым чили.

Черт бы его побрал.

— Приятного аппетита, — завистливо процедила я, повесила трубку и прошла по ссылке, которую прислала Куки.

Полдень приближался быстро, поэтому моему желудку вздумалось поурчать и побулькать. Пару минут я понаблюдала за капитаном Экертом в зеркало заднего вида. Сомнительное, но все-таки развлечение. Однако нужно было ехать к хорошим парням, чтобы узнать о плохих парнях и выяснить, почему Скользящий Тип с Тачками решил, что я сумею найти ему бывшую подружку, которая, судя по всему, собственными глазами видела, как он совершил убийство. Что ж, придется смириться и отложить обед на потом.

И все же в голове не укладывалось, почему люди в черном решили, что я могу отыскать ту женщину. Единственной связью между мной и этим делом была дружба с агентом Карсон, но даже мне это казалось притянутым за уши. На прогулки мы с ней не ходим, по барам не зависаем. Откуда вообще какие-то чужаки узнали, что мы с ней знакомы?

Набрав ее номер, я попала на голосовую почту, подождала сигнала и со всем старанием сымитировала жутковатый похитительский голос:

— Мы требуем выкупа. — Говорила я хрипло, натурально по-похитительски. — Доставьте сто упаковок сырных крекеров к вишневому джипу «вранглер» без опознавательных знаков, который сегодня в полдень найдете на стоянке. На номера внимания не обращайтесь. — Я покашляла. Притворяться, будто хрипишь, не так уж легко. Пищеvod словно раздирает. — Иначе последствия будут ужасными.

Я повесила трубку. Теперь агент Карсон будет знать, что я нагряну с визитом. Конечно, ее могло не оказаться на месте, но попытаться стоило. Как правило, она не отвечает на звонки, когда у них собрания, а значит, вполне могла находиться в офисе ФБР. По-моему, логика железная. Больше не сомневаясь, я завела Развалюху и двинулась в сторону штаб-квартиры Бюро.

К несказанному удивлению, агент Карсон перезвонила практически сразу же.

— Привет, подружка, — сказала я вместо «алло». А вдруг мы так еще больше сблизимся?

— Учитывая смехотворные требования выкупа, вы, видимо, хотите, чтобы вам заблокировали номер.

— Никакие они не смехотворные. Вы никогда не думали сменить имя на АК? Ну или САК, раз уж вы не просто агент, а специальный агент?

— Чарли...

— Мы бы называли вас ласково Сачок.

— Я тут немного занята.

— Прошу прощения. У меня только один вопрос.

— Слушаю.

— У вас случайно нет друзей в Секретной службе?

Немного помолчав, она ответила:

— Нет.

— Вот гадство. Я надеялась, вы поможете мне успокоить кое-какую бурю. Похоже, я погладила кого-то против шерсти. И этот кто-то, как выяснилось, весьма обидчивый.

Я прямо-таки услышала, как агент Карсон провела рукой по лицу. Когда я рядом, она частенько так делает.

— Что вы опять натворили?

— Ничегошеньки, честное слово! Наверное, люди нервничают, когда кто-то нечаянно звонит задницей президенту. Раз эдак семьдесят восемь. Ну очень узкие у меня джинсы, ей-богу.

— Чарли, вы добратся до сути собираетесь, или как?

— Надеюсь, что да, иначе я зря трачу бензин. Не могли бы мы с вами выпить по чашечке кофе?

— Разумеется. Встретимся в «Парящей звезде» на Пасео.

— Пасео? — переспросила я. — В смысле на Пасео дель Норте^[10]? Как вас туда занесло?

— Я оперативник, Чарли. Если нужно, выезжаю на места преступлений и веду расследования.

— И то правда. — Я мысленно вычеркнула всю свою хваленую логическую цепочку, утверждавшую, что агент Карсон окажется в офисе, и сделала великолепный разворот прямо посреди дороги. Мои восхитительные водительские навыки понравились не всем. Как и то, что из-за меня остановилось движение сразу по нескольким полосам. — Женщине угрожает опасность! — проорала я в окно. Получилось бы эффективнее, конечно, будь стекло опущено.

Оказавшись в кафе, я сделала свой обычный заказ, в котором всегда звучит слово «мокко». К этому добавила паштет из тунца, жареный батат и кусочек карамельного чизкейка (живем-то только раз!) и уселась за столик напротив своей будущей подруги. Нет, не так. Подруги в скором будущем. Нет! Придумала! Почти подруги.

Похоже, в моей жизни все больше и больше людей, отношения с которыми находятся на хрупкой стадии «почти».

Встретиться в общественном месте было удачной идеей. Если за мной следит не только капитан Экерт, то никто не увидит, как я вхожу в здание ФБР. Лучше не придумаешь.

— Привет, Сачок. Можно мне называть вас Сачок?

— Нет.

Агент Карсон пила кофе. Каштановые волосы уложены в идеальное каре, темно-синий деловой костюм идеально отутюжен. Рядом с ней я чувствовала себя как-то не к месту.

А еще она читала газету, так ни разу на меня и не взглянув. Внезапно стало очень и очень не по себе.

— Как дела на работе?

— Замечательно. — Агент Карсон закрыла газету. — Вы дело читали?

Она говорила о похищении ребенка Фостеров. Я так и не набралась смелости сказать ей, что знаю, кто этот ребенок и где он сейчас. Мне нужно было больше информации, перед тем как я швырну этот камень и вызову рябь во вселенной. К тому же, если я скажу, что все это время знала, как сложилась судьба похищенного мальчика, то вобью клин в установившуюся между нами хрупкую связь. А вот если приду к ней с неопровержимыми доказательствами (чем заодно подтвержу догадки ее отца), то наша связь станет крепкой-крепкой, словно нас склеили невидимым клеем. Я знаю, о чем говорю. Когда-то нечаянно склеила себе пальцы суперклеем. Очень познавательная тогда выдалась неделька. Никому не дано по достоинству оценить наличие противопоставленных больших пальцев, пока не потеряешь возможность ими пользоваться.

— А как же, — ответила я, отпив кофе. — Прямо сейчас над ним работаю. У меня даже есть весьма надежная зацепка.

Симпатичное лицо оставалось бесстрастным, но внутри агента Карсон взорвались эмоции. Ей и правда хотелось раскрыть дело, которое не успел раскрыть ее отец. Я тоже хотела, чтобы у нее все получилось, но сейчас были дела поважнее.

Она уже снова потянулась к своей чашке, как я вдруг выпалила:

— Эмили Майклз.

Агент Карсон застыла, посмотрела на меня, но отреагировать не успела — официант принес мой заказ.

— А почему вы не едите? — поинтересовалась я.

— Не знала, что вы собираетесь перекусить.

— Ну теперь знаете. Заказали бы себе чего-нибудь.

— Что вы выбрали?

— Паштет из тунца.

— И как он?

— Эмили Майклз, — напомнила я, подозревая, что она нарочно меняет тему.

— Почему вы хотите о ней узнать?

— Потому что.

Агент поджала губы:

— Почему?

— Не могу сказать. Мужик, который тыкал мне в лоб пистолетом, велел не связываться с копами.

У нее отвисла челюсть. Я всерьез раздумывала, не попробовать ли попасть ей в рот кусочком батата, но решила, что сейчас не самое подходящее время.

— Могу я с ней поговорить? — спросила я.

— Нет.

— А вы можете организовать нам встречу?

— Нет.

— А сказать мне, где она?

— Нет.

Блин, крепкий же она орешек. Наверное, в ФБР специальные курсы, где учат, как не поддаваться допросам. На такую глухую стену я натыкаюсь впервые. Может быть, попросить повежливее?

— Я не собираюсь пользоваться этой информацией, — сказала я, как будто это могло чем-то помочь. — Мне она нужна как запасной план. Те мужики сказали, что если я не найду Эмили Майклз, то они убьют кого-то из моих друзей.

— Ну так дайте им липовый адрес и позвоните мне. Я отправлю на перехват наших ребят. И все в шоколаде.

— А что потом? Отправиться под программу защиты свидетелей вместе с Эмили? Спасибо, конечно, но вынуждена отказаться.

— Что ж, если у вас была хотя бы крошечная надежда, что я дам вам ее адрес, то вы очень ошиблись.

Так я и думала.

— Но почему они выбрали меня? — размышляла я вслух.

— Может быть, им известно о нашей связи.

— О какой еще связи?

— Ну, во-первых, мы дружим, — пожала плечами агент Карсон.

Ура!

— Ну да, конечно. — А я знала, что мы дружим! Теперь можно умереть счастливой. — А во-вторых?

— Вы частный детектив. Они вполне могли решить, что вы позовете меня пообедать и попросите поделиться с вами этой информацией.

— Психи! — фыркнула я. — Да кому такое в голову придет?

— Как знать, — невозмутимо отозвалась она. — Чарли, мне придется об этом доложить.

— Нельзя. Не связываться с копами, помните?

— Мне очень жаль, но угаивать такое я не имею права. Если люди Бринкмана так отчаялись, значит, мы уже близко. И можем использовать это в своих интересах.

— А как насчет моих интересов? И интересов кого-то из моих друзей, кого они обещали убить? Хотя я уже начинаю подозревать, что они понятия не имеют, кто входит в круг моих близких друзей.

Внезапно она кивнула на мою тарелку:

— Доедайте. Отвезу вас в офис для дачи показаний.

— Ни за какие коврижки.

— Выйдем через заднюю дверь. Джип оставите здесь.

Твою дивизию!

— Простите, — сказала я, поднимаясь из-за стола, — но я не могу так рисковать. Если эти люди хотя бы заподозрят, что ведется расследование, все мигом покатится в тартарары.

С лица агента Карсон исчезли всякие эмоции.

— Я надена на вас наручники, Чарли. Арестую по обвинению в препятствовании правосудию и закрою под замок до тех пор, пока вы не начнете сотрудничать.

Я упала на стул.

— А я-то думала, мы друзья.

— Так и есть, и именно поэтому я вытащу из вас все возможные сведения, проведу расследование и закрою это дело. Это моя работа. Дайте же мне хоть раз вам помочь!

Зуб даю, у меня из ушей повалил дым.

— Раньше вы мне доверяли, и я вам раскрыла парочку громких дел. Или все уже забыто? Карсон потеряла лоб:

— Твою ж... Значит, так. Вот как мы поступим. Я напишу предварительный отчет о возможном покушении на жизнь Эмили. У вас сорок восемь часов.

Я не сомневалась, что она даст мне возможность сделать все по-своему. Оставалось только надеяться, что я не облажаюсь.

— Но если облажаетесь, будем действовать так, как скажу я.

Иногда мне кажется, что она читает мои мысли. Мне ли не знать, что хорошим друзьям такое раз плюнуть.

Какой чудесный день!

Пожалуй, сегодня пилюльки принимать не буду.

Есть повод пошалить.

Наклейка на бампер

Убедив одну из своих самых лучших подруг на всем белом свете дать мне немного времени разобраться с людьми в черном, я отправилась к дому Фостеров. Все равно была в этой части города. Теперь мне не меньше, чем Куки, хотелось узнать, как они выглядят. Такие же белокожие, как и их сын? И если да, то почему Рейес такой темный? Такой экзотический?

На ум сразу же пришел один возможный ответ. Может быть, Рейес похож на своего настоящего отца. На Люцифера. Но если так оно и есть, то разве не учел бы Рейес цвет кожи Фостеров, когда выбирал себе семью на земле?

Само собой, учел бы. Слишком он умен, чтобы упускать такие мелочи.

Я остановилась у пустого дома, выставленного на продажу, и прикинулась покупателем, чтобы хорошенько осмотреться. Только после этого уселась обратно в Развалюху и проверила телефон. В паре домов от меня во дворе кто-то устроил распродажу старого барахла, и по улице туда-сюда неторопливо ездили машины, среди которых мы с Развалюхой легко затерялись. Я знала, что миссис Фостер должна скоро вернуться домой, поэтому спокойно сидела, проверяла почту и рассеянно рисовала в блокноте. В конце концов рисунки превратились в слова, а слова — в имена. «Чарли Фэрроу», — написала я и произнесла про себя. Мне понравилось и как это звучит, и как выглядит на бумаге. «Чарли Дэвидсон Фэрроу». Или тут надо было поставить дефис? Как теперь поступают женщины с двойными фамилиями? «Миссис Рейес Фэрроу». Фэрроу. Ей-богу, к этой фамилии привыкнуть проще простого.

Я подняла голову как раз в тот момент, когда в гараж Фостеров заезжал «приус». Как и в прошлый раз, дверь опустилась раньше, чем я успела хоть что-нибудь увидеть. Но это ничего. Очень скоро я увижу миссис Фостер. Руки потянулись к папке, которую дала мне агент Карсон, и в которой хранилась вся информация о похищении, совершенном тридцать лет назад.

Я покосилась на своего безбилетника и мысленно пообещала себе выкроить время на поиски его жены, некоей миссис Андрулис. Надо во что бы то ни стало помочь бедняге завершить дела на земле. Нельзя же оставлять его вот так слоняться по миру в голем виде. Так не делается, и точка.

— Должна признаться, не смотреть на гениталии не так уж просто.

— Мне это часто говорят.

Услышав голос с заднего сиденья, я подскочила от неожиданности и быстро захлопнула блокнот. Там сидел Рейес. Сногсшибательный и... очень материальный. В общем, выглядел он плотнее, чем обычно. То есть все призраки для меня плотные, но на вид их такими не

назовешь. А Рейес в нематериальном виде всегда был более красочным, что ли, чем настоящие мертвецы. Не во плоти, но и не дух в прямом смысле слова. Что-то между тем и другим. Однако в последнее время, дематериализовавшись, он выглядел почти так же, как в физическом теле.

— Чем занимаешься? — поинтересовался он.

— Ничем. Собиралась заскочить на распродажу. Мне позарез нужен... ну надо же! Вон один как раз продается!

Рейес посмотрел прямо на дом Фостеров.

— Ясно, — коротко бросил он, и я ощутила в нем искорку гнева. — И чего же ты ждешь?

— Походящего момента. — Я надеялась, что он мне поверит, но в глубине души знала, что проиграла еще до начала игры.

Раз уж все мои планы и так идут под откос, я решила все-таки сходить на распродажу. Будет знать, как чихвостить мои планы.

Выбравшись из Развалюхи, я закрыла своего почти жениха внутри. Пускай побесится.

Три женщины, которые привлекли мое внимание чуть раньше, продолжали спорить. Разногласия, похоже, касались выставленных на продажу вещей. Две из них были одеты по моде середины двадцатого века и умерли, судя по всему, в пятидесятых или шестидесятых. Третья, самая маленькая из троицы, щеголяла в пушистом розовом халате с вышитой на груди буквой «В» и в домашних тапочках.

— О да, я помню эту музыкальную шкатулку, — сказала она, глядя на девушку, которая держала шкатулку в руках. — Ее папа сам сделал и подарил тебе, Мэдди, на шестнадцатый день рождения.

— Ничего подобного, Вера, — отозвалась самая высокая в призрачном трио. — Он подарил ее Тильде на двенадцатилетие. — Она махнула рукой на третью женщину, и та согласно закивала.

Первая, Вера, так просто сдаваться не собиралась:

— Мэдисон Грейс, я прекрасно помню эту шкатулку и ничуть не хуже помню тот день, когда папа подарил ее тебе.

— На шестнадцать лет он подарил Мэдди рамку для фотографий, — вставила Тильда.

— Рамку для фотографий он подарил мне на пятнадцатый день рождения, — возразила Мэдди.

— Разве? — спросила Тильда, задумчиво глядя в небо. — А по-моему, свой пятнадцатый день рождения ты просидела в комнате за то, что целовалась в чулане с Брэдфордом Кингсли.

— Я никогда не целовалась в чулане с Брэдфордом Кингсли! — оскорбилась Мэдисон Грейс. — Мы всего лишь разговаривали. К тому же ему нравилась Сара Стив.

Все трое одновременно поникли, с любовью вспоминая свою подругу.

— Бедняжка, — сказала Вера, — у нее был такой неприятный запах изо рта!

Все печально закивали, а потом Тильда добавила:

— Если бы только ей удалось тогда сбежать от петуха, они с Брэдфордом могли бы пожениться.

Я смотрела, как они искренне предаются воспоминаниям. Скорее всего крошечная Вера была старшей, за ней — Тильда, и уже потом — Мэдди. Наблюдать за ними было все равно что смотреть ситком. Так уж вышло, что теперь у меня мало времени на телевизор, поэтому

я стояла и молча развлекалась на всю катушку.

Троица снова заспорила по поводу коробки с красками, которую маленькая девочка уже тащила к своей маме.

— Сколько? — спросила мать у мужчины в шезлонге.

— Два с четвертью бакса.

— Два с четвертью?! — завопила Вера, выныривая из печальной ностальгии, и потрясла кулаком в сторону шезлонга. — Да я тебе сейчас в челюсть засвечу за эти краски! Как тебе такое?

Мэдди наградила старшую сестру укоризненным взглядом:

— Не становись на дыбы.

Вера подалась к ней, коснувшись рукой уха:

— Что?

— Бога ради, Вера Дон, ты меня прекрасно слышишь. Мы же покойницы!

— Что?!

Покачав головой, Тильда повернулась ко мне:

— Это она специально, чтобы нас подонимать.

Я тихо рассмеялась и быстренько осмотрелась, чтобы узнать, не обратил ли кто-нибудь на меня внимания.

— Может быть, вы хотите перейти? — спросила я у всех троих.

— Ни за что на свете! — тут же отозвалась Мэдди. — Мы ждем сестру. Хотим перейти все вместе.

Это что-то новенькое.

— Похоже на хороший план. Когда будете готовы, вы знаете, как меня найти.

— Еще бы! — сказала Вера. — Вас сложно не заметить.

Еще раз осмотревшись, я нашла какой-то очень древний на вид прибор, стоявший на самом краю карточного стола, и спросила, чувствуя, как от восхищения горят глаза:

— А что это такое?

— Точно не знаю, — ответил мужчина в шезлонге.

— Что ж, Мэдди, твой внук всегда был гадким негодяем. — Вера посмотрела на меня. — Его бедная мать еще и недели не прожила в доме престарелых, а он уже распродает все ее имущество.

— Все наше имущество, — уточнила Тильда. — А это — детектор лжи. Чтоб вы знали, наш отец работал на Гувера.

— Странный был человек этот Гувер, — неприязненно сморщила нос Вера.

Мэдди нахмурилась:

— И как это к тебе вернулся слух?

Вера снова поднесла к уху ладонь:

— Что?!

Я с трудом не рассмеялась вслух.

— Полиграф, говорите? Взаправду?

— Что? — на этот раз вопрос прозвучал из уст гадкого негодяя.

— Оно работает?

— Понятия не имею, — ответил он и поднес ко рту банку пива.

— Работает? — переспросила Мэдди таким тоном, словно я ее обидела. — Да как часы!

Однажды я использовала детектор на Тильде. Она бегала на свидания с моим парнем у меня

за спиной.

— Это была не я, Мэдди, а Эстер. А поскольку ты понятия не имела, что делаешь, результаты оказались весьма сомнительными.

— Сколько? — спросила я у мужика.

Тот пожал плечами:

— Отдам за двадцатку.

— Продано.

— За двадцатку? За двадцать долларов? Да ему место в музее, а не на какой-то там дворовой распродаже! С этого мерзавца шкуру живьем содрать мало!

Я расплатилась и вернулась к троице:

— Полностью согласна. Если это действительно оригинальное оборудование ФБР, зус даю, я сумею передать его нужным людям.

— Правда?

— Ну по крайней мере попытаюсь.

— Спасибо! — горячо поблагодарила Вера.

В ответ я кивнула и забрала со стола свой приз.

— Между прочим, — заговорила Мэдди, когда я уже уходила, — я прекрасно знала, что делаю. Но решила не придирааться к мелочам. Я ведь выше этого.

Тильда фыркнула, и ссора началась заново. Мне уже было жаль их сестру Эстер. Когда ее не станет, ей придется немало разгребать.

Перед тем как заскочить в офис, я решила оставить полиграф дома. Если мы с агентом Карсон все еще друзья, то я вручу его ей с подробными инструкциями передать ценный объект в нужные руки. Наверняка у ФБР где-то есть музей, а мне это когда-нибудь зачтется. В ответные услуги я верю всеми фибрами души. Они как сырные крекеры. Или шоколадные печенюшки. Ну или мокко латте. Такого много не бывает.

По пути домой прямо перед Развалюхой откуда ни возьмись появилась пожилая женщина. Мигом сработали рефлексy — я резко свернула правее, чуть не повалив целый ряд велосипедов и задев боком фонарь. Потом ударила по тормозам и приложила лбом о руль.

Женщина была в тонюсенькой голубой ночнушке под цвет волос. Видела я ее всего секунду, но этого хватило, чтобы разглядеть страх, отразившийся у нее на лице и сковавший худые плечи. На бабушку Лил она не была похожа ни капельки, но в голове волей-неволей они встали в один ряд. Если бы бабуля Лил заблудилась и перепугалась, я бы перевернула весь мир с ног на голову, лишь бы ее найти. И все эти мысли мне навеяла одна маленькая испуганная пожилая женщина.

К счастью, машин на дороге было мало, и никто не заметил, как я «поцеловалась» с фонарем. Я глянула на мистера Андрулиса, но тот все еще смотрел прямо перед собой. До окружающего мира ему явно не было дела. Я осмотрелась по сторонам, но женщины нигде не увидела.

Выбора не было. Я вырулила обратно на проезжую часть и двинулась в сторону дома. Однако буквально через пару секунд женщина появилась опять. Прямо посреди дороги. Понадобилась вся сила воли, чтобы не крутануть руль и не утопить педаль тормоза в днище Развалюхи. Съезжать на тротуар, попутно зацепив что-то твердое, не было ни малейшего желания. Я потихоньку затормозила и проехала прямо сквозь женщину. Проверила зеркала, въехала на пустую стоянку и вышла из машины. Женщина снова исчезла.

Ну уж нет, играть в эту игру целый день я точно не стану. Наверняка кого-нибудь

покалечу или убью. Поэтому я прислонилась спиной к Развалюхе, сложила на груди руки, скрестила ноги и стала ждать. Через пару минут женщина появилась прямо перед Развалюхой, затравленно осмотрелась, как будто не могла понять, что происходит, и опять исчезла. Я подошла к капоту и, когда женщина появилась, легонько взяла ее за руку.

Она поморгала, нахмурилась и прищурилась, явно испытывая дискомфорт от моей яркости.

— Привет, — тихо сказала я и буквально сразу же получила такой пинок по колену, что из глаз брызнули слезы. Отпустив ее руку, я схватилась за колено и запрыгала на одной ноге, ругаясь себе под нос. Придя наконец в себя, повернулась к женщине и смерила ее сердитым взглядом. — От такого должны пальцы заболеть. — В конце концов, дамочка была босиком. — Ну давайте, скажите, что вам тоже больно!

— Куда это ты его везешь? — злобно спросила она. От ярости морщинистое лицо, похожее на потрескавшийся фарфор, сморщилось еще сильнее. Она погрозила мне кулаком, напомнив Веру с распродажи.

— Вас случайно не Эстер зовут? — спросила я. Вдруг она та самая сестра, которую ждало трио моих новых знакомых?

— Как меня зовут, не твоего ума дело, потаскуха. Ты сейчас же отдашь его мне! Потаскуха?

— Хэштег «в замешательстве», — огрызнулась я. — А премию за вопиющее безумие на этой неделе получает рехнувшаяся дамочка с голубыми волосами.

— Никакая я не рехнувшаяся. Отдавай его сейчас же! Слыхала я о таких, как ты!

Она осмотрела меня с ног до головы таким взглядом, будто я нанесла ей личное оскорбление. Что ж, теперь я оскорблена до глубины души.

— Никого я вам не отдам, — процедила я сквозь стиснутые от боли зубы и угрожающе подалась ближе. — Фигушки. — А потом задумчиво нахмурилась: — О ком, кстати, речь?

— А то ты не знаешь!

На ум пришли тысячи ответов, но ни один не казался вменяемым. Вряд ли «Иди и пожалуйся мамочке» или «Заткни фонтан» впишутся в ситуацию. Так что я решила отказаться от своего хваленного остроумия.

— Значит, так, рехнувшаяся дамочка, я понятия не имею, о ком вы говорите.

Она уставилась на что-то у меня за спиной. Я обернулась и увидела мистера Андрулиса.

— Минуточку! — дошло до меня. — Мистер А? Так он ваш? — Даже я слышала, сколько надежды было в моем голосе.

Злость женщины как будто испарилась, пока она смотрела на моего голого покойного пассажира.

— Мы были женаты больше пятидесяти лет, а теперь я вижу его в машине с какой-то потаскухой! — Тут она не выдержала и разрыдалась в сжатые кулаки.

За каких-то шестьдесят секунд из злобной старушечки она превратилась в убитую горем женщину.

— Вы перед смертью лекарства не принимали? Может быть, какие-нибудь нейрорептиды?

Дамочка глянула на меня поверх кулаков и... снова рассердилась.

— А знаете, — начала я, положив руку ей на плечо, — он ведь здесь только потому, что ждал вас.

Конечно, я всего лишь озвучила догадку. Сам-то он никогда не говорил, почему здесь

застрял. Минуточку! А если он, наоборот, хотел сбежать от жены? Вдруг он пришел ко мне, чтобы я помогла ему спрятаться? Тогда хуже не придумаешь, потому что я буквально вручила его ей.

Я подвела дамочку к пассажирской двери и только теперь заметила, что за нами наблюдают. Поправочка: поскольку зрители видели только меня, то и наблюдали только за мной. Ну класс! Я открыла дверь и коснулась руки мистера Андрулиса. Может быть, сейчас, когда рядом его жена, он обратит на меня внимание.

И я не ошиблась. Очень медленно он повернул голову и посмотрел на жену.

— Чарльз? — неуверенным голосом протянула старушка.

Слава богу, я вовремя поняла, что это она не мне, а то бы точно что-нибудь ответила.

Она шагнула ближе, а я отошла, чтобы не мешать.

— Чарльз, зачем ты связался с этой потаскухой?

Держите меня семеро.

— Мы ведь с тобой столько пережили...

На лице мистера А отразилось узнавание, губы тронула ласковая улыбка. Он поднял руку и стер слезу с щеки жены. Больше никто ничего не сказал. Несколько минут они молча обнимались, а я рассматривала поцарапанный бок Развалюхи. И откуда только взялся этот гадский фонарь?! Повезло, что царапины были поверхностными. Может быть, удастся их просто заполировать.

Тем временем мои зрители — трое мальчишек на спортивных велосипедах — застыли с телефонами в руках. Явно ждали, когда я опять начну ругаться с воздухом. Меньше всего на свете хотелось попасть в интернет и набрать уйму просмотров. Надеюсь, что раньше они не додумались снять на сотовые мою ссору с миссис Андрулис, я сделала вид, что никого не замечаю. Сейчас мне предстояло заняться делом — дождаться, когда Андрулисы оторвутся друг от друга, и объяснить им, что они могут через меня перейти, если захотят. А значит, придется вытащить телефон и притвориться, будто мне звонят. Но ничего такого делать не понадобилось. Не успела я и глазом моргнуть, как они оба перешли.

Произошло это так быстро и неожиданно, что закружилась голова. Я даже упала на одно колено и зажмурилась от воспоминаний, быстрыми вспышками заполняющих мысли. Чарльз Андрулис родился в Чикаго и уже два месяца служил на военно-воздушной базе Киртленд^[11], когда по уши влюбился в рыжеволосую сотрудницу местного кинотеатра. Это была любовь с первого взгляда. Но он ужасно боялся пригласить ее на свидание, боялся, что она ответит отказом, поэтому стащил ее фотографию со стенда «Работник месяца». Через неделю его послали на войну, но фото повсюду было с ним. Проклиная себя за глупость, он каждый день клялся себе, что сделает ей предложение, как только увидит в следующий раз. Если вернется живым.

И все получилось.

Он вернулся с войны живым, хотя и хорошенько потрепанным. А когда выписался из больницы и вернулся в Нью-Мексико, оказалось, что рыжеволосая красавица в кинотеатре больше не работала. Но там у нее остались друзья, и уже на следующий день мистери Андрулису удалось ее найти в местной адвокатской фирме, где она работала секретарем.

Не теряя времени на лишние сомнения, он, во всем блеске военной формы, подошел (точнее прихрамал) прямо к ней, с трудом встал на одно колено и сделал предложение. В ответ злующая рыжеволосая ведьма вlepила ему звонкую пощечину. Но оказалось, что она тоже влюблена. Через неделю они поженились, а потом понеслась череда детей и внуков,

долгих рабочих дней и коротких семейных отпусков, борьбы за выживание и всепобеждающей любви даже в самые тяжелые времена.

Вернувшись в настоящее, я моргнула, ощутила прохладный воздух на мокрых щеках и внезапно поняла то, чего не понимала раньше. Жизнь коротка. По-настоящему коротка. Жизнь Андрулисов была богатой и красочной, даже когда им приходилось туго. Но они дорожили каждой секундой. Чарльз никогда не жалел о том, что женился... на Беверли. Да, ее звали Беверли.

И она мне ужасно понравилась.

Дотавив до квартиры тяжеленный полиграф, я поклялась при первой же возможности установить в доме лифт. Ну не может же он быть ужасно дорогим, правда? Едва я поставила аппарат на стол в кухне, зазвонил телефон. На экране высветился женский монастырь, в котором по выходным живет Квентин. Звонила сестра Мэри Элизабет — прелюбопытнейшая женщина, которая подслушивает ангельские разговорчики. Как только она заговорила, я сразу поняла, что что-то не так.

— Чарли? — раздался в трубке дрожащий голос.

— Привет, сестра. Как жизнь?

— С Квентином что-то случилось. Звонили из «Школы для глухих». Утром он ушел из кампуса, и его до сих пор нет. Раньше такого никогда не было. Вы его не видели?

— На сотовый писать пробовали? — встревожилась я.

— Конечно. Послала несколько сообщений, пыталась связаться с ним в видео-чате, но все без толку. Он не отвечает.

Тревога росла с каждой секундой. На Квентина это совсем не похоже. Он самый замечательный парень на всем белом свете. По крайней мере почти всегда. Квентин — блондинистый шестнадцатилетний красавец, с которым я встретила, когда в его физическом теле обитал демон. Демона порвала на кусочки моя суперпуперхранительница — ротвейлерша Артемида, и с тех пор мы с Квентином стали друзьями. Семьи у него нет, поэтому, когда в школе не идут занятия, он живет с сестрами в монастыре. Точно не знаю, как к этому относится католическая церковь, но пока все тихо и мирно. Выгонять его никто не собирается. И все же, если Квентин начнет вести себя странно, сомневаюсь, что ему позволят там жить.

— Ясно. Я подумаю, что можно сделать.

Как только я повесила трубку, на лестнице послышались быстрые шаги, и кто-то вломился в квартиру Куки. Я вышла в коридор, заглянула к Куки и увидела, как она мечется по углам.

— Что-то ищешь?

— Эмбер. — Она полезла в сумку за телефоном. — Я заезжала забрать ее из школы, но ее там не было. А у директора сказали, что не было весь день. Почему они мне не позвонили?!

Куки откровенно паниковала, а во мне приливной волной рос самый настоящий ужас. Ну не могли же они в самом деле на такое пойти?

Не успела я рассказать Куки о Квентине, как опять затрезвонил мой сотовый.

— Это Эмбер, — сказала я и приложила к губам палец, призывая ее к молчанию. Имелись у меня кое-какие подозрения о том, что происходит, и о том, почему Эмбер звонит мне, а не собственной матери. Отвечая на звонок, я не сумела удержаться: — Привет, детеныш. Как дела в школе?

— Тетя Чарли... — начала Эмбер. Ее голос дрожал еще сильнее, чем у сестры Мэри Элизабет, и росший внутри страх я ощутила с новой силой.

— В чем дело, солнышко?

— Мы наверху канатной дороги. Что-то случилось. Забери нас, пожалуйста.

— Вы целы?

— Да. Все... все в порядке. Только Квентин в ужасе. Ни с кем не хочет говорить, кроме тебя. Он очень-очень напуган. Мы должны были вернуться в школу до конца занятий, но Квентин слетел с катушек, как только мы поднялись сюда. Я очень переживаю, не знаю, что с ним делать.

Накатило такое облегчение, что я чуть не уселась на пол прямо там, где стояла.

— Не вешай трубку. Я уже выезжаю.

— Только маме не говори, пожалуйста.

Блин, так и знала, что она не просто так мне позвонила.

— Не скажу. Никуда не уходите.

Умирая от жажды получить хоть какие-то новости о дочери, Куки вцепилась мне в руку. Я прикрыла телефон, и мы вместе пошли ко мне за сумкой и ключами.

— С ними все в порядке, — тихонько сказала я Куки. — Они решили прогулять уроки и поехали на канатке на вершину Сандии^[12]. Но с Квентином что-то стряслось.

— Боже мой! Он не поранился?

— Нет. Эмбер говорит, он сильно испугался. Или он боится высоты, о чем не знал раньше, или произошло что-то еще. Что-то сверхъестественное.

Куки схватилась за висевшую на плече сумку:

— Я с тобой.

— Нет. Она не хотела, чтобы я тебе об этом говорила, так что придется притворяться, будто ты ничего не знаешь.

— Еще чего! Чарли, сейчас не самое подходящее время играть роль любимой тетушки. Она прогуляла уроки. Случиться могло что угодно! Она у меня будет сидеть под домашним арестом до конца своих дней на земле. Если, конечно, я позволю ей до этого дожить.

— Я уже пообещала, что ничего тебе не скажу. К тому же тебе надо готовиться к свиданию.

— К свиданию? — взвизгнула Кук. — Шутишь?! Не пойду я ни на какое свидание.

— Мне пришлось немало потрудиться, чтобы все устроить, так что не смей меня подводить. Это и Эмбер касается. Ты должна вести себя так, будто ничего не знаешь.

— Это еще зачем? Чтобы ты могла поиграть в героя? Я совершенно не против побыть в этой ситуации плохим парнем, Чарли. И она будет наказана за прогулы и опасные авантюры.

— Солнце, я все понимаю, — примирительно сказала я, положив руку ей на плечо. — Но сама увидишь, Эмбер поступит правильно. Дай ей шанс самой все тебе рассказать. Если она узнает, что я проболталась, то никогда больше не будет мне доверять.

— Не могу я сейчас переживать из-за ваших с ней отноше...

— Она все мне рассказывает, Кук, — многозначительно проговорила я, пытаюсь

достучаться до подруги. — Недавно спрашивала о методах контрацепции.

Учитывая, что нам приходилось работать с ограниченным объемом оперативной памяти, Куки обрабатывала информацию со скоростью приблизительно двадцать четыре байта в секунду. А потом вдруг заорала на меня:

— Ей двенадцать!!!

Я вздрогнула и сильнее прижала к груди телефон, надеясь, что Эмбер ничего не услышала. Вслух такие новости действительно звучали не очень.

— Я собиралась тебе рассказать, честное слово. — И тут я просияла: — Она мне сказала, что хочет подождать с сексом, пока не выйдет замуж. — Куки мигом успокоилась, а я добавила: — Вот только она не знает, когда хочет обзавестись детьми, поэтому и интересовалась, как лучше всего предохраняться.

— И ты купилась?

— В моем генетическом коде встроенный детектор лжи, или ты забыла? Ничего такого она не делала, клянусь. А если тебе интересно, Квентин тоже девственник.

— Даже думать не хочу, как ты это выяснила.

И все-таки я сочла нужным объяснить:

— Покопалась в ее телефоне, пока она спала. Мне нужно было знать наверняка, что причин для волнений нет. Квентина в вашу жизнь притащила я. И я точно не переживу, если с Эмбер что-нибудь случится, а ты на меня разозлишься.

— Чарли, у Эмбер своя голова на плечах. Я бы не стала обвинять тебя в...

Я расслышала голос Эмбер и подняла палец, перебив Куки.

— Я тут, — сказала я в трубку. — Уже еду.

Когда я снова прижала телефон к груди, Куки сказала только одно слово:

— Езжай.

Выскочив из квартиры, я помчалась к Развалюхе. Канатная дорога была в пятнадцати минутах езды от дома. Еще двадцать минут уйдет на подъем. Оставалось только надеяться, что Квентин меня дождетя.

В чем проблема и почему Квентин не хотел спускаться вниз, я поняла сразу. Вокруг не было ничего более жуткого, чем мертвая девочка в лохмотьях. Наверное, она поняла, что Квентин ее видит, потому что меня раскусила сразу. Она стояла прямо передо мной. Темные грязные волосы закрывали почти все лицо, но из-за прядей сверкали глаза. Не заметить их было невозможно, потому что она подобралась ко мне практически нос к носу, и в глазах не было ни намека на жизнь. Куда бы я ни поворачивалась, она оказывалась передо мной, нос к носу, и смотрела на меня своими жуткими глазищами. Зуб даю, в какой-то момент жизни (или смерти) она вылезла в мир прямо из экрана телевизора.

Но надо отдать Квентину должное. У него было полное право не хотеть залезать в вагончик канатки. Девочка была жуткая до невозможности. Мне тоже спускаться с горы резко расхотелось.

Я достала телефон и попыталась с ней поговорить, но она только молча смотрела на меня. Впрочем, как будто толком и не видела. Из-за нее я не могла даже насладиться

прекрасными видами. Стоило повернуться к широкому окну вагончика, она была тут как тут — парила снаружи, наводя еще больше жути.

— Послушай меня внимательно, — отчеканила я, еще крепче стискивая в руке телефон, — прекращай это непотребство и переходи уже через меня.

Пассажиры вокруг притихли и засучили ногами. Что ж, упрекнуть их не в чем. Мои разговоры в одни ворота с мертвецами часто со стороны кажутся странными. Даже с телефоном. Но сейчас ничего поделать с этим было нельзя.

— Ты пугаешь людей. Или ты делаешь это намеренно?

Ответа я не получила.

Мы приближались к остановке на вершине горы, и я уже всерьез сомневалась, что уговорю Квентина спуститься, пока жуткая девочка ошивается поблизости. Может быть, он согласится сесть в вагончик с закрытыми глазами. И все-таки было бы лучше, если бы она перешла.

Я опустила голову и стала накапливать энергию в ступок. Никогда раньше такого не делала, но, может быть, мне все-таки удастся заставить ее перейти, хочет она того или нет. Дождавшись, когда внутренняя сила успокоилась, я выпустила ее наружу — осторожно, ласково. Мне не хотелось принуждать девочку — только уговорить, завлечь. И, кажется, это сработало. Девочка подалась ближе. А потом вцепилась прямо мне в лицо.

Ну класс. Я стояла посреди набитого людьми вагончика с прилипшей к лицу мертвой девочкой. По-моему, это по всем статьям неправильно.

И нарисовавшийся рядом Ангел был со мной полностью солидарен:

— Как-то это стремно, *pendeja*^[13]. Аж жуть берет.

Девочка прилипла, как магнит. Стряхнуть ее и не выгладеть при этом в глазах остальных пассажиров маразматичкой и никак не могла. Не то чтобы это хоть когда-то меня останавливало, но все-таки.

— Добро пожаловать в клуб, — процедила я сквозь стиснутые зубы. — Ну и как мне от нее избавиться?

Ангел рассмеялся, явно наслаждаясь моими страданиями. Еще миллиметр, и правый глаз девочки коснулся бы моего левого. Я моргнула и почувствовала, как задела ресницами ее ресницы. Когда наклоняла голову я, наклоняла и она. Я пыталась отстраниться — она подавалась вперед. Даже не помню, когда в последний раз мне было так не по себе.

— Вы как сямские близнецы.

— Вообще-то их называют сросшимися, — поумничала я. — И ради кленового сиропа, отцепи ее от меня!

— Ни за какие коврижки к ней прикоснусь. Она как девчонка из того фильма.

— Из «Звонка»? — уточнила я, немало удивившись, что Ангел видел этот фильм. Он ведь умер до того, как киношка вышла на экраны.

— Нет. Из того, где одержимая девочка головой крутила во все стороны.

— А-а, «Изгоняющий дьявола».

— Не фильм, а редкостная муть.

— Ага, сходство есть. А теперь сними ее с меня!

Ангел с сомнением заозирался. Вагончик остановился, но народ как будто не спешил выходить. Понятия не имею, что их могло так задержать. Кондуктор явно ждал, когда я соизволю сойти:

— Мэм, вам помочь?

— Не могли бы вы дать мне минутку? — отозвалась я.

— Мне нужно впустить следующую группу пассажиров.

— Вот и славненько. Вы идите за ними, а я пока постою и повосхищаюсь прекрасным пейзажем.

От смеха Ангел рухнул на пол и даже подтянул к груди колени. Гаденыш.

— Клянусь, забью тебя до смерти сковородкой.

— Я тебя умоляю, *pendeja!* Нет у тебя никакой сковородки! — Утерев глаза, он попытался взять себя в руки. — У девчонки с головой проблемы. Возьми да исцели ее. Плюс ты можешь заставить ее перейти.

— Уже пыталась. А теперь у меня на лице целая девочка. Между прочим, сквозь нее не так уж хорошо виден окружающий мир. И как прикажешь дальше жить с таким вот подарочком на физиономии?

За все свои страдания я получила в награду очередной взрыв хохота. Пассажиры уже садились в вагончик. Мне надо было как можно скорее выйти. Я решила попробовать еще разок. Потянулась силой к девочке, к самой ее сути, спланировала свою энергию с ее и наконец нашла то, что искала. Нашла эту девочку, свернувшуюся в клубок в темном углу ее разума. Обернулась вокруг нее, покачала, обняла. А потом почувствовала ее боль. Ту самую, которая загнала ее так далеко.

— Мисс, если вы хотите остаться здесь, то самое время сойти, — строго проговорил кондуктор.

— Хочу, — еле слышно отозвалась я.

От мучительной боли девочки сводило легкие, но наконец она успокоилась и тихонько скользнула сквозь меня. Перешла. Когда такое случается, я вижу кусочки воспоминаний о жизни умерших. Например, как звали их домашних животных, или какое мороженое они впервые попробовали. Но от этой девочки я ничего такого не увидела.

— Мэм, я должен закрыть двери. У нас расписание.

Я как раз переживала ее переход. В мыслях вспыхивали яркие образы, прожигающие мозг. Ужасные. Кошмарные. То, что пережила эта девочка, даже представить сложно. Я чувствовала, как все это оставляло на ней шрамы. Сами ее воспоминания были шершавыми и несли боль. Над ней зверски издевалась мать, а отец вообще не обращал внимания. Никогда о ней не заботился и в конце концов бросил на произвол судьбы, наложив на себя руки. Точнее бросил в лапах чудовища. Даже родному брату не было до нее дела. Хотя, наверное, он и сам боялся навлечь на себя гнев матери и поэтому не защищал сестру, а присоединился к издевательствам. Смеялся, когда мать называла ее дурой, и закрывал глаза на побои. Притворился, что ничего не видит, когда мать толкнула дочь, и та упала с кастрюлькой кипятка в руках. Вода изувечила ей руки и лицо, и ожоги были видны даже после смерти.

Я не хотела, не хочу и никогда не захочу видеть такие вещи. Их нельзя смыть, даже если растираться мочалками до крови. Ее звали Миранда. И она была продуктом прогнившей системы. Как она умерла, я не видела. Но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: смерть она встретила от рук матери. И смерть эта была такой ужасной, такой невыносимой, что мой мозг взбунтовался, живот свело спазмом, а мир покосился.

Выходя из вагончика, я споткнулась. Ангел не дал мне упасть и прижал к себе. Хотя нет, это был не Ангел. Кто-то другой. Какой-то мужчина. В тот момент мне было наплевать. Я приняла помощь, потому что нуждалась в ней. Вцепилась в рукава коричневой куртки и изо всех сил постаралась не грохнуться. Через все пережитые ужасы Миранда пронесла

одно-единственное чувство, которое осталось с ней и после смерти. Глубокую и несокрушимую любовь к брату. Тому самому, который отвернулся от нее, когда мать-изверг ее погубила.

Постепенно образы становились не такими яркими, и я тяжело сглотнула. Нет, до конца из памяти они не сотрутся никогда, но мне нужно было найти Эмбер и Квентина. Если бы не мужчина, который меня поддержал, я бы точно вывалилась из вагончика. Кондуктор спешил закрыть двери, и я помахала ему на прощанье, а потом вырвалась из крепко держащих меня рук, метнулась в угол посадочной площадки и почти впустую вывернулась наизнанку прямо на деревянную платформу. Упав на колени, я едва не заработала гипервентиляцию, пока желудок всухую сокращался. Мне даже стало немножко стыдно.

Не меньше минуты я пугала деревяшки, потом вытерла рукавом куртки рот, достала телефон и набрала Эмбер.

Та ответила после первого же гудка:

— Ну где ты?

— Уже здесь, — выдавила я, глубоко вдыхая прохладный воздух на вершине Сандии.

Здесь всегда на пару градусов ниже, чем в городе, и сейчас это было как нельзя кстати. Желудок угомонился, мысли прояснились. Глаза наконец-то увидели с десятков тропинок, каждая из которых вела к «Капиталу» — ресторану на самой верхушке горы.

— Мы прямо за рестораном. Сидим у стены. Пожалуйста, тетя Чарли, поскорее. Что-то не так, а я его не понимаю. Он слишком быстро показывает.

Я вскочила на ноги:

— Я уже почти добралась, солнышко.

Мне протянули руку, и я подняла голову, чтобы поблагодарить за помощь. Передо мной стоял капитан Экерт. Значит, он за мной следил и здесь. Может быть, даже ехал в том же вагончике, хотя я его там не видела. На нем были коричневая куртка и вязаная шапка. Маскировки лучше не придумаешь. Но мне, наверное, простительно — все-таки у меня на лице сидела девочка.

Судя по разочарованному выражению лица, он не хотел, чтобы я его узнала. Возникло острое желание поругаться с ним, не сходя с места, но сейчас он был мне нужен.

— Идемте, — сказала я, опять хватая его за рукав, чтобы не упасть.

Все быстрее и быстрее мы бежали по тропинке, едва не сбивая с ног туристов, наслаждавшихся великолепными пейзажами Земли Очарования^[14]. Экерт поддерживал меня на каждом шагу, потому что я снова и снова спотыкалась. Разок даже поднял, когда я грохнулась на правое колено. Из-за воспоминаний Миранды перед глазами все плыло, и мчаться по неровной земле было не так уж просто. Мир постоянно кренился куда-то вбок. Всю дорогу я ждала, когда капитан спросит, где я успела так надраться, но он, слава богу, держал рот на замке.

Ангел все еще был рядом — шел прямо за нами. Наплевав, что обо мне подумает капитан, я попросила своего невидимого помощника:

— Найди их, солнце, а потом скажи мне, где конкретно они сидят.

— Уже сделано. — Он метнулся вперед и стал показывать дорогу, а потом добавил, когда мы поднялись по лестнице, ведущей к ресторану: — Вон там.

Заметив Эмбер и Квентина, я помчалась к ним.

— Тетя Чарли! — Эмбер с отчаянием повисла у меня на шее. — Прости меня, пожалуйста. Что-то происходит. Он больше со мной не разговаривает.

У задней стены ресторана сидел Квентин, опустив голову между коленей и накрыв себя руками. Миранда выглядела жутко, это я понимаю, но здесь было что-то еще. Я коснулась его руки, но он никак не отреагировал.

— Что с ним такое? — затараторила Эмбер. — Мы всего лишь собирались подняться на гору, посмотреть на виды и вернуться до конца уроков.

— Когда он стал так странно себя вести? — спросила я.

— По пути наверх. Отчего-то разнервничался и как будто закрылся. Не смотрел в окна и все махал мне отойти подальше. Какая-то леди спросила меня, боится ли он высоты, но он ответил, что нет.

— Он и не боится, солнышко.

Краем глаза я заметила, что капитан все еще здесь. Что бы он ни задумал, пусть поцелует меня в зад. Все еще борясь с отголосками воспоминаний Миранды, я потерла Квентину плечи, чтобы успокоить и вернуть в реальность. Пришлось крепко зажмуриться, чтобы отогнать подальше мучительные мысли о невообразимой боли, которая пожирала девочку. Несмотря ни на что, она обожала мать и никак не могла понять, почему женщина, подарившая ей жизнь, не сумела ее полюбить. Но успела поверить, что сама в этом виновата. Что сама стала причиной собственных страданий. Что заслужила всю эту боль.

Однако теперь это не имело значения. Сейчас о ней заботится кто-то получше, чем я. Тот, кто действительно знает, как исцелять. Уж он-то сумеет втолковать Миранде, что она ни в чем не виновата. А если он действительно такой, как я надеюсь, ее мать будет вечно гореть в аду за все свои злодеяния.

Вдруг я поняла, что слишком много навалилось сразу. Я пыталась перебороть боль, беспомощность и гнев. Хотя гнев был исключительно моим. Я так крепко стиснула зубы, что они разболелись.

Тяжело сглотнув, я сосредоточилась на Квентине.

— Ангел! — позвала я, махнув ему, чтобы подошел ближе.

— Мне очень жаль, Чарли. По поводу девочки. Я и подумать не мог...

— Я тоже, солнце. Как мне помочь Квентину?

— Не знаю. Он же еще живой. Не совсем моя специфика. — Я уже собиралась разочарованно отвернуться, как вдруг он добавил: — Но он как и девочка. Думает неправильно. Попробуй то же самое, что сделала с ней.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Как бы то ни было, попробовать действительно стоило. Погладив светлую макушку, я начала накапливать энергию. Собрала ее внутри, дала разрастись, как назревающей грозе, но выпустить на свободу не успела. Квентин поднял голову. В ясных голубых глазах отчетливо сияли страх и неуверенность. Он сдвинул брови, словно не сразу меня узнал, потом моргнул и... бросился мне в объятия.

Так мы и сидели у ресторана, покачиваясь в такт играющей внутри музыке. Точнее я покачивалась под музыку. Через несколько долгих минут я осмотрела собравшихся. Эмбер стояла в шаге от нас и мяла в руках вязаную шапку. Ангел сидел у стены рядом с нами, и по лицу было видно, что Квентин вызывает в нем нешуточное любопытство. И почему мне раньше не пришло в голову их познакомить? Капитан Экерт стоял у ярко-красных деревянных перил, окружавших ресторан по периметру. Место здесь невероятно красивое, а виды — никакими словами не описать.

— Что с ним случилось? — спросил капитан.

Я наградила его своим лучшим убийственным взглядом:

— С вами я потом разберусь.

Явно не привыкший к таким грубостям, особенно от какого-то там консультанта, капитан, тем не менее, не стал ни спорить, ни угрожать. Просто молча стоял, внимательно следя за происходящим, и, может быть, всерьез обдумывал вариант уволить меня по причине психической нестабильности.

Еще через несколько минут Квентин наконец-то отстранился и сказал мне, что не может сесть в вагончик. Не может вернуться домой.

— Из-за девочки? — уточнила я.

На его лице отразилось удивление, но только на секунду. Он знал, кто я такая, знал, что между нами много общего, и кивнул в ответ.

— Я тоже ее видела, — показала я. — Она была очень напугана.

У Квентина отвисла челюсть:

— Она? Напугана?!

— Да. Она перешла через меня. Поначалу не хотела, но я... я ее уговорила. Родные причинили ей много боли.

— Обижали?

— И очень сильно, — кивнула я.

— Били?

— Даже хуже. Она очень-очень боялась.

Квентин опустил глаза:

— Я это чувствовал. Чувствовал, каким темным и пустым был ее мир. Даже живот разболелся.

— У меня тоже. Но ты-то как это почувствовал? — До меня начинало доходить, что он не только видит призраков, но и способен на нечто большее.

— Я тебе еще не рассказывал.

— Ну так расскажи.

Я не удержалась и потрепала его по волосам. Квентин тут же спохватился, пригладил гриву, косясь на Эмбер, и с лукавинкой в глазах отплатил мне той же монетой. Мои шоколадные космы и так пребывали в полнейшем хаосе, поэтому я оставила все как есть.

— Если дух ко мне прикасается, я чувствую его эмоции, — показал он.

— Ничего себе! Дикость какая!

— Это стремно. И мне совсем не нравится. — Даже говоря об этом, Квентин весело съезжился.

— Мне очень жаль, солнышко. Иногда у покойников тот еще багаж за плечами.

— В смысле чемоданы? — запутался он.

— Пардон, — усмехнулась я. — Это образное выражение у слышащих. У призраков бывает куча проблем, которые давят на них и после смерти.

— Ага, понял. Как и у людей.

— Точно! А вообще обалденно, что ты такое умеешь. — Квентин смерил меня взглядом, полным сомнений, и я продолжила: — Попробуй на Ангеле.

— Да иди ты, *pendeja*, — подскочил тот, но я успела схватить его за руку, пока он не испарился, и дернула обратно вниз. — Знакомься, Квентин, это Ангел.

Ангел кивнул новому знакомому и протянул руку, которую Квентин спокойно пожал, а потом спросил:

— Ты знаешь амслен^[15]?

Ангел пожал плечами:

— Нет, чувак, извини. Но хотел бы.

Я передала его слова и добавила:

— Он научится.

Брови Ангела взлетели под бандану, но сам он согласно кивнул:

— Было бы круто.

— Ну ладненько, с этим разобрались. Ты что-нибудь почувствовал, когда пожал ему руку?

Квентин приподнял плечо:

— По-моему, он всем доволен. Это даже классно.

— А все потому, что у него есть я, — показала я и подмигнула обоим.

— Я хочу научиться этой фигне, — заявил Ангел, внезапно загоревшись идеей. — Ты меня научишь?

— Фигушки, — отозвалась я вслух и жестами. — Вали с ним в школу в Санта-Фе. Там всему и научишься.

— Тоже верно, — показал Квентин и глянул на Эмбер. Та тут же присела перед нами, а он сказал, глядя только на нее: — Мне очень жаль. Прости меня, пожалуйста.

— Не нужно извиняться, — показала она в ответ.

Я ею гордилась. За две недели после знакомства с Квентином она многому научилась. Дети, елки-палки. Впитывают знания, как чертовы губки.

— Я все понимаю. Ты видишь то, чего не вижу я. Я бы хотела... — Эмбер запнулась, вспоминая правильные жесты. — Я бы хотела быть как ты. Видеть то, что видишь ты.

Квентин помрачнел:

— Это вряд ли. Веселого тут ни капельки.

— Я знаю, что это непросто. С Чарли мы уже давно знакомы. Она всегда пытается помочь мертвым и попадает в неприятности. Жаль... — сказала она вслух, потому что не знала, как это показать, и начала предложение заново: — Я бы хотела ей чем-то помочь.

Я намеренно употребила незнакомый ей жест во фразе так, чтобы она точно поняла, о чем речь:

— Жаль, что мы все еще здесь. Потому что твоя мама прибьет меня сразу после того, как сестры из монастыря дружно растопчут. Они, кстати, ужасно волнуются.

Чувство вины, исходящее от них обоих, двинуло кулаком прямо под дых. Вот и хорошо. Пусть знают, чем чреваты их приключения.

— Минуточку! — осенило меня, когда мы поднимались на ноги. — И часто с вами такое случается?

— Это впервые, — со всей серьезностью отозвался Квентин.

— Я о прогулах. Сколько раз вы уже прогуливали школу?

Они переглянулись, и Эмбер поникла с виноватым видом.

— Квентин! — заорала я. Точнее очень-очень быстро показала. — Ей же всего двенадцать!

— На следующей неделе будет тринадцать! — напонила она.

— Мне тоже тринадцать, — вставил Ангел.

Я сделала вид, что не слышала:

— Квентин, тебе шестнадцать! Это неправильно.

Он в ужасе уставился на меня:

— Ты подумала, что мы... — опустил руки и покачал головой. — Она же ребенок. Мы просто друзья.

Оказалось, что я наступила на мозоль. Эмбер вздрогнула, как будто ее ударили. Слова Квентина причинили ей боль. Она определенно думала, что они с ним больше, чем друзья.

Я повернулась к ней и прикрыла лицо рукой, чтобы Квентин не прочел по губам то, что я собиралась сказать. Он пытался подсмотреть, но я говорила быстро:

— Он лжет. И ради всего святого, не говори маме, что вы целовались.

Может быть, Квентину и удалось бы это скрыть, но Эмбер — ни за что на свете. И опять от нее волнами пошло чувство вины.

С отвисшей челюстью я повернулась к нему:

— Ты ее целовал?!

— Что? Нет!

Эмбер поняла, о чем речь, и топнула ногой:

— Тетя Чарли! Ты меня провела!

Я никак не могла уделить ей внимание, поскольку была занята тем, что одаривала Квентина обалдевшим взглядом.

Боясь ляпнуть что-нибудь лишнее, он засунул руки в карманы.

— Вот и славненько, — похвалила я и демонстративно пошагала прочь.

Точнее попыталась. Мир опять пошатнулся, и я влетела головой в капитана Экерта. Что ж, лучше так, чем свалиться с горы. А с ним все будет пучком, как только заживут ребра.

У меня идеальное тело.

В багажнике.

Надпись на футболке

На обратном пути твердо стоять на ногах было все еще трудно. Капитан Экерт ни на шаг от меня не отходил, а под конец и вовсе обнял за талию одной рукой и прижал к себе. Тропинки тут вполне приличные, просто ноги совсем не держали. Нам с ним многое предстоит обсудить, но как-нибудь в другой раз.

Он проводил всех нас до Развалюхи, а потом спросил, хорошо ли я себя чувствую, чтобы сидеть за рулем. Наградив его в ответ гневным взглядом, я завела двигатель и рванула с места, подняв столб пыли.

Квентина мы завезли в монастырь. Как я и подозревала, навстречу выскочила толпа обеспокоенных монахинь, напоминавших стаю атакующих пингвинов. Единственный шанс выжить — упасть на землю и свернуться в клубок. Пингвинов это всегда сбивает с толку. Квентин моему примеру не последовал, но я не возражала, потому что была готова пожертвовать чувством собственного достоинства за нас обоих.

Чудом оставшись целой и невредимой, я отвезла Эмбер домой. Куки притворялась, будто готовится к свиданию и не замечает, что Эмбер опоздала на два часа. Кроме того, она ни капельки не сердилась. Похоже, страх и тревога полностью вытеснили гнев. Но наверняка чуть позже она все-таки рассердится. Надеюсь, когда это случится, я буду где-нибудь очень-очень далеко.

Мы с Эмбер вошли в комнату Куки, как раз когда она брызгалась духами.

— Привет, мам, — еле слышно пробормотала Эмбер.

— Привет, солнышко. Ты сегодня припозднилась.

Эмбер помолчала, а потом уставилась на свои ноги:

— Я была у Полы. Мы пекли печенье.

И в этот самый момент, как я и ожидала, в Куки вспыхнули эмоции. Но это был не гнев, а укол ослепительной боли. Куки было больно от того, что Эмбер ей солгала.

— Тогда садись скорее за уроки. Я собираюсь немного прогуляться.

— Хорошо.

Сказочная принцесса зашаркала к себе в комнату, изводясь тем, что наврала матери. Ну что ж, скоро она все поймет. Я лично всей душой в это верю. А вот у Куки до сих пор из-за обмана болело сердце, хотя я и не понимала почему. Я, например, вру ей постоянно.

Как только Эмбер оказалась за пределами слышимости, Куки закрыла дверь и развернулась ко мне:

— Что там случилось?

— Сначала присядь.

Как только она села, я рассказала ей все от начала до конца, не забыв упомянуть и о капитане Экерте. Ну и о том, что он что-то замыслил. Зуб даю, попрошайки и коп с камерой

— его рук дело.

— Что ему от тебя нужно?

— Сама не прочь выяснить. Но я хочу, чтобы ты имела в виду, Кук: Эмбер вела себя прекрасно. Не бросила Квентина в трудную минуту. И она уже так много жестов знает! Я ужасно ею горжусь.

— Она только что мне соврала.

— Есть такое дело, но, уверяю тебя, ей от этого еще хуже, чем тебе.

В глазах Куки засияла надежда.

— Правда?

— Даю ей день. Она сама тебе все расскажет. Ей ужасно хочется всем с тобой поделиться, Кук.

Уголки рта Куки чуть-чуть приподнялись. Ей стало легче, но на полноценную улыбку пока еще не было сил.

Я уже собралась уходить, как вдруг кое о чем вспомнила:

— Пока не забыла. Найди все, что сможешь, о девочке с канатки. Ее звали Миранда Нельмс. Хочу узнать, засудили ли ее мать и брата.

— И брат туда же?

— Долго рассказывать. А ты вряд ли захочешь это услышать.

— Ты права. — Куки подняла руку, чтобы не дать мне выложить все как на духу. — Я и так знаю больше, чем хотелось бы. Завтра первым же делом этим займусь.

— Супер. К свиданию-то готова?

С новой силой к ней вернулось нервное волнение.

— Не знаю, что надеть. — Куки бросила на пол штаны, которые держала в руках.

— Ну-у, я бы не советовала так запросто избавляться от штанов, но тебе, конечно, виднее. К тому же твой сегодняшний кавалер гей.

Лицо Куки озарилось удивлением, зато вся нервозность мигом испарилась.

— Замечательно! Теперь не надо волноваться, какое впечатление я на него произведу. В любом случае окажусь не в его вкусе, правильно?

— Ага. Он работает диспетчером в полиции, но сомневаюсь, что дядя Боб с ним знаком. Или в курсе, что он гей. Вот был бы отстой! — усмехнулась я. — Все наши усилия полетели бы псу под хвост.

— У вас ведь с Робертом назначена там встреча? Чтобы он точно увидел свидание?

Я глянула на часы:

— Ровно через час. А ты не будешь нервничать, что Эмбер остается одна?

— После случившегося? Еще как буду. С ней останется коп, которого прислал Роберт. И я попросила миссис Аллен за ней присмотреть.

— Кук, когда миссис Аллен в последний раз присматривала за Эмбер, Эмбер оказалась в больнице.

Куки кивнула, но все-таки возразила:

— Миссис Аллен тут ни при чем. Она всего лишь хотела проверить, как дела у Эмбер.

— Ага, в темноте, с бигудюшками и маской из скандинавской грязи на физиономии. Эмбер пыталась от нее убежать и врезалась лицом в дверную ручку. До сих пор не пойму, почему миссис Аллен не включила свет.

— Уже все в порядке, — Кук утешительно похлопала меня по колену. — Опухоль спала. А миссис Аллен я попросила стучать в дверь и ждать, пока не откроет коп в штатском.

— Думаешь, это решение всех проблем? — захохотала я, как матерый маньяк. Получилось не совсем так по-психопатски, как хотелось бы, но результат меня устроил. Я кивнула на шкаф: — В трусах, значит, пойдешь? Видишь ли, я совсем не против пары симпатичных панталончиков, но в большинстве ресторанов требуют прикрывать исподнее верхней одеждой.

Обняв на прощанье Эмбер, я пустилась в долгий и утомительный путь домой. Пяте шагов спустя, надавив изо всех сил плечом на дверь, я все-таки попала к себе в квартиру, едва не растянувшись на полу. Рейес временно починил дверь (теперь я могла ее запереть на замок), но дверную коробку придется устанавливать заново. Ну не умеет этот человек рассчитывать силу. Само собой, когда он сюда врывался, ему и в голову не пришло, что дверь не заперта. Выпрямившись и расправив плечи, я осмотрелась. Что-то тут было не так. Не что?

Ах да! Кто-то хорошенько покопался в моей скромной обители. Сукин сын! Все ящики и шкафчики, которые попадались на глаза, были открыты и выпотрошены, а все мои пожитки перевернуты вверх дном.

Я уперлась руками в бока:

— Мистер Вонг! Ну сколько можно об этом говорить? Вы худший сторож на свете!

Картинка перед глазами была до странности знакомой. Я походила по комнатам, но оказалось, что больше ничего не трогали. Перевернули только гостиную и кухню. Наверное, грабитель нашел, что искал, и...

Зевс!

Я бросилась в кухню и дернула на себя ящик с ножами. Точнее осторожно выдвинула. Там все-таки ножи. Мне казалось, что спрятать кинжал в ящике с кучей кухонных ножей — гениальная идея. Я ошибалась. Зевс пропал.

Похоже, некий мистер Дилер, он же Пожиратель Душ, решил заскочить в гости, пока меня не было. Вот ведь гад! Ну что ж, он за это заплатит. В буквальном смысле. Не собираюсь я убирать весь этот беспорядок. Найму кого-нибудь и заставлю Дилера за это заплатить. Черт бы его побрал!

Подхватив на ходу сумку, я решительно пошла ругаться с демоном в человеческом костюмчике.

Дождавшись, когда Артемида подвинется, чтобы мне хватило места за рулем, я завела Развалюху и вызвала Ангела. Ехала я туда, где в последний раз видела Дилера, а Ангела попросила узнать, где этот гадский даэва обитает. Мне почему-то казалось, что живет он неподалеку от того места, где проходила игра. Судя по тому, что выяснил Ангел, я была права.

Артемиде мои колени показались удобнее, чем сиденье, не так давно облюбованное мистером Андрулисом, по которому я уже скучала, поэтому по Сентрал и Сан-Матео я ехала со взрослой ротвейлершей под носом. Так мы доехали до жилого района в конце второстепенной улицы, где Артемида заметила кошку (о ужас!) и сиганула из Рахвалюхи, используя в качестве трамплина мои яичники — Улыбнись и Скотти. Должна признаться,

было больно.

Дом Дилера оказался совсем не таким, как я ожидала. Между стенами богатого терракотного оттенка и крышей шли толстые деревянные балки. Перед домом раскинулся небольшой садик с разбрызгивателями. Я подошла к резной двери из натурального дерева с бронзовым молоточком в форме головы оленя и уже собиралась постучать, но не успела — Дилер сам открыл дверь.

— Верни кинжал, — сходу потребовала я и приросла к месту от улыбки, которая заиграла на его губах.

Парень был восхитительно красив. Тут уж не поспоришь. Цилиндр висел на крючке, прибитом к стене прямо за дверь. Длинные черные волосы демона свободно струились чуть ниже плеч.

Он открыл дверь шире:

— Проходи. — Я даже не шелохнулась, и он добавил: — Пожалуйста.

Ладно, он сказал «пожалуйста». Пока ничего опасного нет. Решившись, я шагнула через порог.

— Я серьезно. Верни кинжал.

— Чтобы ты воткнула его мне в грудь? — спросил демон, закрывая дверь.

— Именно.

Не отвечая, Дилер двинулся в просторную и, мягко говоря, шикарную гостиную, где все было в бежевых оттенках с вкраплениями нежно-зеленого.

Трудно представить, что он был владельцем дома. Я, конечно, понимала, что он только выглядит на девятнадцать, но уложить такое в голове непросто. Он действительно выглядел на девятнадцать. Иными словами — как молодой парнишка, которому впору уплетать бургеры в «Мачо Тако». Точнее буррито. А на самом деле ему тысячи и тысячи лет.

— Дом твой? — поинтересовалась я.

— Не-а. — Отшвырнув в сторону подушку, Дилер жестом предложил мне сесть. — Владелец я убил, а души съел на завтрак. — Заметив каменное выражение лица, ловко мной состряпанное, он пожал плечами: — Дом я снимаю.

— Кинжал.

— С чего ты взяла, что он у меня?

— Я тебя умоляю! — насмешливо отозвалась я. — А если я пообещаю на тебя не нападать?

Он уселся в уютное на вид кресло напротив дивана, вытянул ногу и постучал снизу по столешнице красивого кованного журнального столика.

— Я бы предложил тебе что-нибудь выпить...

— А я бы сразу отказалась.

— Так я и думал. В плохих руках кинжал может быть очень опасен.

— А в твоих руках он опасен?

Дилер не ответил. Только молча изучал меня глазами, в которых сияло любопытство. Это напомнило мне, что у него есть определенная сила. Харизмы и очарования ему явно не занимать, но вдобавок он обладал таким магнетизмом, который и не снился обыкновенным сверхъестественным существам. Демоны, с которыми я сталкивалась раньше, были совсем не такими, как он. Для начала, у него не было зазубренных когтей, гладкой черной чешуи и острых как бритва зубов.

— Можешь не утруждаться.

— Ты о чем? — уточнила я, удивившись, что успела так надолго задуматься.

— Можешь не пытаться понять, что я за чудище.

— Я всего лишь думала, что у тебя нет когтей и зубов.

— Я бы не стал заявлять об этом так убежденно, — отозвался Дилер, и у него на щеке появилась ямочка.

— Как ты вообще сумел забрать кинжал? Демоны не могут даже прикоснуться к нему, чтобы не получить дозу яда.

— Значит, мне повезло, что я не демон.

Блин, точно. Технически он никакой не демон.

— Значит, ножик тебя не убьет?

Он приподнял одно плечо, как будто сомневался:

— Кто знает?

Значит, он в состоянии прикоснуться к кинжалу, но кинжал все-таки может его убить. То же самое можно сказать и о моих отношениях с ножами. И вообще с чем угодно. Хотя так о каждом можно сказать.

— Ты говорил, что кинжал сияет. Каким ты его видишь?

— Даже не знаю, как описать. От него исходит мягкое свечение, которое я увидел даже сквозь твои штаны. Очень похоже на человеческие души.

— Типа как аура? — спросила я.

— Да, но все-таки больше как сама душа.

— А-а.

Короче говоря, до меня не дошло, и Дилер это понял:

— Разве ты не видишь человеческие души?

— Не совсем. То есть не так, как ты. Точнее вообще не вижу, пока люди не умрут. А когда они переходят, вообще всю подноготную вижу.

Он выпрямился в кресле.

— Наверняка собственный ослепительный свет ты видишь.

— Да не особенно, — покачала головой я.

— Как же ты помечаешь души, если не видишь их?

Тут я капитально обалдела:

— Я как бы и не знала, что должна заниматься чем-то подобным.

Удивление Дилера в мгновение ока обернулось яростью.

— Шутишь?

Я опустила руку и щелкнула пальцами. Артемида появилась из-под пола и ткнулась головой мне в ладонь. Я рассеянно почесала ей макушку, внимательно следя за реакцией Дилера.

— Как тебя зовут? — сменила я тему. — Не Дилер же в самом деле.

— Ты сказал ей, что я дилер, Рейазиэль?

Только после этих слов я ощутила присутствие Рейеса. Он материализовался, и на меня хлынула волна обжигающего жара. Само собой, он был злой как черт.

В плаще, не снимая капюшона, Рейес встал прямо между мной и Дилером.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он холодным, как продрогший мрамор, голосом.

Я поднялась на ноги, но Рейес все равно возвышался надо мной самым подавляющим образом. В бесконечной клубящейся тьме, которая его окутывала, рассмотреть лицо было невозможно.

— Дилер забрал кинжал, а я хотела его вернуть.

— И ты пришла сюда, чтобы встретиться с этой тварью лицом к лицу? Одна? После всего того, о чем мы с тобой говорили?

— Как видишь. — Юмора моего он явно не понял. Я вздохнула: — Хочешь верь, хочешь — нет, но в этой ситуации помощи от тебя негусто. У меня было больше шансов вернуть кинжал без тебя.

— Здесь у тебя больше шансов потерять душу.

— Неужели ты не можешь хоть капельку в меня поверить, Рейес? Я ведь не круглая идиотка.

В водопаде дыма и черного тумана плащ исчез. Под ним оказались знакомые джинсы и синяя рубашка с закатанными рукавами, благодаря чему я в который раз могла полюбоваться сильными, крепкими руками. Выглядел Рейес замечательно. Как всегда. Он подошел ко мне, остановившись в паре шагов. Еще чуть-чуть — и вторгся бы в мое личное пространство.

— Это, дорогая моя, еще нужно доказать.

Рейес шагнул еще ближе и за секунду до того, как мы соприкоснулись, испарился в облаке черного дыма, обернув меня на мгновение своей сущностью.

Всю игривость как рукой сняло — я ужасно рассердилась и покосилась на Дилера:

— Ушам своим не верю!

И все-таки Рейес не ушел, а незримо остался рядом. Впрочем, я знала, что он никуда не денется. Но так он хотя бы давал мне иллюзорную возможность действовать самостоятельно.

Дилер изобразил полуулыбку:

— Ты ведь знаешь, что он прав.

Я снова села, хотя от напряжения внутри все звенело.

— Неужели ты на его стороне?

— В этом вопросе — однозначно. Ты слишком легкомысленно относишься к своей роли.

— К какой еще роли? — вздохнула я. — Поубивать монстров в подвале?

— Нет. Есть только один монстр, о котором тебе нужно думать. И сейчас самое важное — не дать тебе погибнуть.

— Сейчас самое важное — вернуть мне кинжал.

— Что я получу взамен?

Приплыли.

— Торгуешься, значит? За мою душу?

— Если бы мне нужна была твоя душа, я уже владел бы ею.

— Для начала я должна сама ее тебе отдать.

От его улыбки мне стало не по себе.

— О да, но ты с радостью это сделаешь. Это было бы слишком легко. Что меня как раз и беспокоит.

Все понятно. Никто в меня не верит. Как же мне всех убедить, что я могу за себя постоять? Может быть, надо перестать подвергаться пыткам и избиениям каждые несколько дней. Точно, с этого и начну. Я дала себе обещание налезть на рожон и не попадать в пыточную как минимум два (тут пришлось посчитать на пальцах)... нет, три месяца.

— Почему ты вообще хочешь в этом участвовать? — спросила я у Дилера. — Что ты имеешь против Люцифера?

— По-твоему, того, что он сделал меня рабом, недостаточно?

— Согласна, причина весома. Вот только с его рабами я уже встречалась.

— Ты имеешь в виду тех безмозглых созданий, что на тебя охотились? Разве я кажусь тебе безмозглым?

— Не очень. По крайней мере не казался, пока не вломился ко мне в квартиру. Кстати, за уборку платишь ты.

Он слегка пожал плечами:

— Я верну тебе кинжал, если ты кое-что для меня сделаешь.

— И что же?

— Позволишь мне участвовать в свержении Сатаны.

Ну-у, кажется, все не так уж сложно.

— Слушай, ты вроде бы много знаешь о том, что происходит. А мне бы не помешало подучиться. Я понятия не имею, что... что нужно делать. Рейес твердит, что я должна сама все выяснить, но...

— Рейазиэль тебя боится, — перебил меня Дилер. — Потому и не хочет, чтобы ты все знала. А значит, будет делать все, что в его силах, чтобы не давать тебе необходимых знаний.

— Он вообще никого не боится, — фыркнула я.

— Но ты не «никто». Ты даже не просто ангел смерти, о чем ясно свидетельствует твое наследие.

— Ладно-ладно, поняла.

На самом деле ничегошеньки я не понимала, но сообщать об этом Дилеру точно не собиралась. Зато твердо решила докопаться до истины и узнать от и до, о каком наследии идет речь. Если, конечно, оно действительно существует. Гаррет занимался пророчествами, но мне хотелось знать больше. И я догадывалась, как именно получить желаемое. Начну шантажировать своего почти жениха. Хочет мою руку и сердце — пускай все объяснит. Красавчик, сидевший напротив меня, явно знал уйму интересного, вот только я сомневалась, что могу ему доверять. А значит, доверять его словам тоже было нельзя.

— Ты мне не веришь? — поинтересовался упомянутый красавчик. — Спроси его, как тебя зовут.

— Кстати, тебя-то как величать? — вдруг вспомнила я.

— Об этом ты тоже можешь спросить у Рейазиэля, — бесстрастно отозвался Дилер.

Так я ничего добьюсь.

— Знаешь, меня уже капитально достали загадочные ответы Рейеса, неясные пророчества чувака по имени Клео и твои тонкие, елки-палки, намеки. Можешь ты дать мне один четкий ответ?

— Очень постараюсь.

От меня не укрылось, что никакой гарантии он мне не дал.

— Замечательно. Итак, что же я хочу узнать больше всего на свете? — Я задумчиво посмотрела в потолок, а потом решила: — Кое-кто... некоторые, скажем так, существа высказывали мнение, что Рейеса послали в этот мир именно за мной. Точнее убить меня. Это правда?

— Да.

В груди сдавило от боли. Что ж, ответ четкий и ясный, хотя ни капельки не приятный.

— Он мне сказал, что его послали за порталом. За любым порталом. Что его отцу был нужен путь на небеса.

— Он солгал.

В комнате стало жарко. Я притворилась, будто ничего не заметила.

— Он сказал, что ты законченный лжец, который так хорошо умеет пудрить мозги, что верят даже демоны.

— Верно. Но подумай вот о чем: зачем отцу принца искать проход туда, где его могут уничтожить?

Хороший вопрос.

— Не знаю. Может быть, чтобы попробовать занять там трон?

— Шансы, что Люциферу удастся завоевать небеса, астрономически малы, — усмехнулся Дилер. — Тебе когда-нибудь встречались на шоссе автопоезда?

— Само собой.

— Если такая фура столкнется с комаром, каковы шансы, что комар раздавит фуру?

— Астрономически малы.

— Вот именно.

— То есть ты хочешь сказать, что Сатана не представляет угрозы для небес?

Дилер тихо рассмеялся:

— Честное слово, я как будто с ребенком разговариваю.

У меня возникло точно такое же ощущение. Я встала и двинулась к двери. Он пошел за мной:

— Я не хотел тебя задеть. Просто я удивлен. Не только тем, как мало тебе известно, но и тем, насколько ошибочны крохи знаний, которыми ты обладаешь.

— Ты случайно не горишь желанием помочь мне разобраться?

— Могу попробовать. Что еще тебя интересует?

— Допустим, все, сказанное тобой, правда. Зачем я нужна Сатане, если не в качестве портала на небеса?

— Рейязиэль многое от тебя утаил. Что само по себе удивительно, учитывая, что у нас одна и та же цель.

— Ну и что это за цель?

— Как я и говорил, уничтожить Люцифера. Раз и навсегда.

— И ты думаешь, мне это по плечу?

— Нет, не думаю. Я знаю лишь одно: ты — ключевой игрок. Каким-то образом ты влияешь на события, и Люциферу об этом известно. Бог, как его называют люди, сделал то, что обещал. Изгнал Люцифера и его приспешников из рая. С тех пор идет игра на души. Как в шахматы.

— Люди не пешки.

— Для Люцифера они именно пешки. Но не для Бога. Это все равно что сравнивать материнские чувства к ребенку с чувствами серийного убийцы в адрес того же ребенка.

— Но ты точно не знаешь, какая роль во всем этом отведена мне?

— К сожалению, нет.

— Ясно. Что значит «помечать души»?

Дилер уставился на меня, словно я окончательно и бесповоротно спятила:

— В этом заключается твоя работа.

— Моя работа — помечать души?

— Да.

— Но ведь я портал. Я всегда думала, что моя работа — помогать людям перейти.

— Это лишь часть твоих обязанностей. Не просто так тебе дано видеть вину, коварство и дурные намерения, Шарлотта.

— То есть я должна отмечать лжецов и убийц, или как?

— Всему свое время.

— Я не имею права судить людей. Мало того, я уверена, что Большой Босс наверху очень расстроится, если я начну направо и налево осуждать его паству.

— Мы говорим не о том, чтобы выносить виновным приговор. Твоя задача — отсеивать их при переходе. Делить на группы и готовить к последнему путешествию. Представь, что ты машина, которая сортирует монеты по достоинству, отделяет четвертаки от десятицентовиков.

— То бишь я что-то типа сортировщика?

— Что-то типа, — сверкнул зубами Дилер.

— Ну уж нет, — решительно сказала я. — Раз начал, вываливай все и сразу. В чем конкретно заключается моя работа? И что конкретно я могу делать?

— Когда твое тело перестанет существовать, ты все узнаешь.

— То есть меня ждет экспресс-курс на тему «Как быть ангелом смерти»?

— Можно и так сказать.

— Ну а до того? Что я должна делать, пока еще хожу по земле?

— Насколько мне известно, единственная твоя задача — не погибнуть. Раньше с этой проблемой никто не сталкивался. Ни один ангел смерти не прожил так долго, как ты.

— Мне всего лишь двадцать семь.

— А это года на двадцать два дольше, чем удавалось прожить тем, кто был до тебя.

— Об этом мне и Рейес рассказывал. Большинство ангелов смерти слишком рано лишалось физических оболочек, после чего им приходилось по пятьсот, а то и больше, лет выполнять свою работу в нематериальном виде. Я никак не могла понять, откуда они знали, что делать. Даже не представляла, что после смерти мне загрузят все это в мозги одним махом.

— Значит, кое-что он тебе все-таки рассказывает. Утаивает только самое важное.

По комнате разлилась очередная жаркая волна.

Дилер глянул вверх:

— Намек понял.

— Выкладывай все как есть, — упрямо потребовала я. — Я должна помечать души, так?

Мой собеседник опять развалился в кресле.

— Я могу все тебе рассказать и тем самым взбесить Рейазиэля — существо, чья помощь нам однозначно пригодится, если мы хотим победить. С другой стороны, я могу последовать его примеру и позволить тебе узнать все самостоятельно.

— Голосую за первый вариант.

— Могу тебя заверить: ты сможешь видеть души, когда будешь готова. И к тому моменту сама поймешь, как их помечать. Ты уже знаешь, как переводить людей на другую сторону, когда помочь им, а когда заставить. Ты на правильном пути. — Несколько секунд он смотрел на свои руки. — Безусловно, ты — ключ ко всему происходящему, однако во многом на твою судьбу влияет Рейазиэль.

— Почему?

— Потому что он Тринадцатый зверь. Разве он об этом не упоминал?

Едва Дилер договорил, появился Рейес во все своей укутанной в плащ красе. Комнату

черным океаном ночи заполонила тьма. Блин. Я наконец-то получала хоть какие-то ответы! Чего мне точно не надо — так это чтобы Рейес сейчас вмешивался.

— Рейес не зверь. И уж точно не адский пес.

— Как сказать. В свое время он был не намного цивилизованнее Дюжины. Как ты думаешь, почему Люцифер послал его тебя убить?

— Ну и почему? Почему вообще Сатана так хочет моей смерти, если речь не о замке с ключом?

— О замке с ключом? — переспросил Дилер.

— Я думала, что все дело в этом. Нам сказали, что если ключ вставить в замок, то откроется прямой путь из ада в рай и все такое. А теперь ты говоришь, что все это чушь собачья?

Он задумчиво опустил голову. Мне удалось поставить его в тупик. Сдвинув брови, Дилер сидел и кусал ноготь, как мог бы кусать ноготь любой человек. Глядя на этого парнишку, было трудно представить на его месте могущественное создание. Но я по опыту знала, как сильно можно ошибиться, поддавшись первому впечатлению.

— Даже не знаю, что сказать, — наконец проговорил он, смерив меня взглядом с головы до ног. — Если ты — замок, а ключ у...

И тут он просиял. Я видела, как озарилось его лицо, и почувствовала, как в нем загорелась какая-то идея. Дилер был так поражен, словно ему двинули под дых.

Я быстренько глянула на себя. Шоколадно-коричневая футболка, черные джинсы, убийственно классные ботинки.

— В чем дело?

— Поверить не могу, что сразу не понял. Ты сказала, твой друг нашел пророчества. Речь о пророчествах Клеозария?

— Ага, а что?

— Если ты мне их покажешь, я отдам тебе кинжал.

— Договорились. Но серьезно, в чем дело-то? — повторила я, показав на себя рукой.

Подмигнув, он повел меня к двери, слегка подталкивая в спину. Но даже слегка было очень даже грубо.

— Между прочим, я не переворачивал вверх дном твою квартиру.

Я удивленно оглянулась.

— В этом не было необходимости, — продолжал Дилер. — Я чувствую кинжал, поэтому отыскал его сразу. Когда я пришел, квартира уже была в таком состоянии.

Гады. Надеюсь, у грабителей тяжелая форма сифилиса. Интересно, есть ли для такого специальный хэштег.

Иногда я вношу в список дел пункт «Выпить кофе».

Приятно знать, что хоть что-то я могу довести до конца.

Статус в соцсети

С чувством выполненного долга и чашкой кофе в руке я попала домой сразу после заката. Наверняка Рейес сумеет разглядеть в случившемся что-то хорошее. Душа ведь осталась при мне. Ну сколько он может злиться, что меня понесло к Дилеру? Решив не заикливаться на этих мыслях, я пошла искать Рейеса. Обыскала свою и его квартиры, а потом двинулась в офис. Оказалось, Рейес был в переулке между баром и домом. Его ноги торчали из-под передней части самого клевого черного мускулкара из всех, что мне доводилось видеть. Я пошла медленнее, чтобы во всех деталях рассмотреть произведение искусства. На эмблеме было написано, что шедевр зовут «Куда»^[16]. Кто бы ее ни произвел, она была сногшибательно красивой. И в тот самый миг я решила стать лесбиянкой.

— Твоя? — подойдя ближе, спросила я у Рейеса.

Он что-то делал с двигателем Куды. Причем сам двигатель был настолько чистым, что с него можно было есть, настолько блестящим, что перед ним можно было делать макияж, и таким большим, что от него наверняка дрожала земля.

Где-то вдалеке послышался грохот, и я посмотрела вверх. На темном небе собирались серые тучи.

Вернувшись мыслями к мистеру Злюке, я наклонилась над двигателем, чтобы увидеть, что с ним делает Рейес. В свете подвесного светильника мне удалось частично рассмотреть внизу его лицо. Не обращая на меня ни малейшего внимания, он продолжал что-то закручивать. Оставалось лишь надеяться, что это действительно нужно было закрутить, потому что Рейес, похоже, с головой ушел в дело. Знакомый жар обволакивал меня со всех сторон. Я поставила локти на что-то блестящее и уперлась подбородком в сложенные ладони.

— И долго ты будешь злиться?

Не желая встречаться со мной взглядом, Рейес продолжал свое дело. Поддавшись порыву, я покосилась на длинные сильные ноги, умопомрачительные узкие бедра и крепкий рельефный живот. Футболка чуть-чуть задралась, обнажив немножко совершенства над джинсами. От одного только вида у меня потекли слюнки.

— На что конкретно ты злишься? — поинтересовалась я, вдруг осознав, что причин у Рейеса может быть целая уйма. У меня вообще талант бесить людей.

Наконец он заговорил, и мне пришлось оторваться от созерцания обалденной красоты.

— Ты ведешь расследование. Причем уверена, что расследуешь мое похищение.

Так вот почему он бесится! Минуточку! Я ведь не ослышалась?

— Что значит «уверена»? То есть не ты был похищенным у Фостеров ребенком?

Отложив не то ключ, не то отвертку, Рейес взял другой такой же зловещий на вид инструмент.

— Я, но похищением это нельзя назвать даже с натяжкой.

Пытаясь рассмотреть его сквозь начинку под капотом, я наклонилась ниже:

— Что ты имеешь в виду? — Вспоминая детали дела о похищении, я никак не могла уцепиться за нужную мысль. — Не понимаю. Разве тебя не похищали?

— В тот раз — нет.

Он что-то сделал, и от давления машинка дернулась.

— Пожалуйста, Рейес, объясни мне. Тебя похитили у Фостеров или нет?

— Что бы я тебе ни рассказал, все без толку. С полученной информацией ты творишь, что хочешь, и никогда не думаешь о последствиях своих действий.

— Ты очень, очень ошибаешься. — Я опустилась на колени и заглянула под машину. Тонкая ткань футболки натянулась на крепких бицепсах Рейеса. — Как раз о последствиях я и думаю. И делаю все, что в моих силах, чтобы помочь...

— Незнакомцам, — перебил меня Рейес и так туго закрутил какую-то гайку ключом, что машинка опять дернулась вниз. — Людям, которых даже не знаешь. А о тех, кто рядом с тобой, совершенно не думаешь. Тебе плевать, как на них могут отразиться твои поступки.

Его слова потрясли меня до глубины души.

— По-твоему, мне наплевать на родных и друзей?

— Ты слишком многим пытаешься помочь, и на остальных не хватает сил. Слишком много ты на себя берешь и многим рискуешь. Поэтому тебе не победить.

Зуб даю, он намеренно сменил тему. Вспомнил наш старый спор, чтобы сбить меня со следа.

— Рейес, тебя похитили у биологической семьи или нет?

Тяжело дыша, он отложил ключ и наконец-то посмотрел на меня. В свете светильника его глаза мерцали.

— Да.

— Значит, Фостеры — твои биологические родители. То есть те, которых ты выбрал, чтобы родиться на земле. Так?

— Нет.

Он вернулся к работе, а я стиснула зубы, чтобы не взорваться.

— Значит, у Фостеров похитили ребенка, но это был не ты.

— Нет. И еще раз нет.

На несколько секунд я застыла, загипнотизированная его действиями. Тени между мышцами смещались каждый раз, когда Рейес напрягался.

— Попробую пойти от обратного. У Фостеров не похищали ребенка, — я помолчала, чтобы подыскать правильные слова, — но этим ребенком был ты. Ты был ребенком Фостеров.

— Теплее.

— Боже мой! — Я распласталась по асфальту со всем присущим мне драматизмом. Разумеется, аккуратно, чтобы не покалечиться. — Я тебе миллион долларов дам, если ты сам все расскажешь.

Рейес посмотрел на ключ, который держал в руке.

— Нет у тебя таких денег.

— Ну ладно. — Я перекатилась на спину, похлопала себя по карманам и вытащила все содержимое. Три однодолларовых купюры, мелочь и арбузную мармеладку. — Я дам тебе три доллара пятьдесят два цента и мармеладку.

Черты Рейеса смягчились, когда он снова удостоил меня взглядом.

— Я собирался отказаться, но раз уж ты предлагаешь мармеладку... — Он вылез из-под машины и помог мне встать на ноги. — Если я тебе расскажу, ты мне кое-что пообещаешь?

— Обещаю станцевать стриптиз на коленях, — отозвалась я, убирая с лица растрепавшиеся волосы. — У тебя на коленях.

— Договорились. Меня не похищали у Фостеров.

Я отряхивала задницу, но застыла, услышав его следующие слова:

— Фостеры сами меня похитили.

Пока я пыталась уговорить глаза вернуться в глазницы, Рейес достал из-под машины светильник и закрыл капот. Я и раньше пыталась поговорить с ним о том, как прошло его детство с Эрлом Уокером — монстром, который его вырастил. Рейес не хотел делиться подробностями. Сейчас речь шла о другом, но и тут я чувствовала, что он не горит желанием обсуждать эту тему. Он вытер руки о тряпку, словно и не замечая, что с ног до головы покрыт грязью и маслом. Да уж, для определения слова «сексуальность» в словарь можно запросто вклеить его фотку.

Шагнув ближе, я коснулась его руки, чтобы привлечь к себе внимание. Хотя нет, не так. Чтобы просто к нему прикоснуться, потому что, блин, не смогла удержаться.

— Я вообще ничего не понимаю.

— Я не ангел смерти, — начал Рейес, глядя на тряпку, — и не помню свою жизнь с самого рождения. Но мне удалось кое-что выяснить. Судя по всему, миссис Фостер похитила меня на стоянке в Северной Каролине.

— В Северной Каролине? — обалдела я.

Рейес кивнул:

— Я считаю, что преступление заранее не планировалось. Миссис Фостер недавно узнала, что не может иметь детей. В тот день они с мужем возвращались домой с приема у очередного врача. Машина моей матери перегрелась. Я спал на заднем сиденье. Мы заехали на стоянку. Мать заперла двери и отошла на пару метров за шлангом. Потом вернулась, чтобы укрыть меня одеялом, но заново запереть замки забыла. Все это из своей машины видела миссис Фостер, пока ее муж находился в уборной. Она сочла это знаком свыше. Будто сам бог сказал ей, что она должна меня забрать. Если мать может вот так бросить собственного ребенка, то не заслуживает быть матерью. Миссис Фостер считала, что это несправедливо. Моя биологическая мать стояла перед открытым капотом, заливала воду в радиатор. Миссис Фостер спокойно подошла к машине, открыла дверь и забрала меня. Все случилось очень быстро. Когда мать выглянула из-за капота, меня в машине уже не было.

Он говорил так, словно вычитал все из полицейского рапорта.

— Получается, ты знаешь, кем были твои биологические родители?

— Знаю. Постепенно возвращались воспоминания, хотя до тюрьмы многие из них были обрывочными. В какой-то момент я вспомнил их имена. Правда, больше ничего конкретного вспомнить не получилось.

— Как же тебе удалось узнать столько подробностей?

— Взломал базу данных ФБР и прочитал отчеты.

— Ты хакнул ФБР, сидя в тюрьме?!

Рейес надменно приподнял бровь, и мне оставалось только изумленно покачать головой. Вечно забываю, что он в этих делах профи.

— А что случилось потом? Если миссис Фостер тебя похитила, то почему... То есть

тебя опять кто-то похитил? — Картинка никак не хотела складываться. — Ерунда какая-то.

— Это один из тех случаев, когда все с самого начала катится к черту. Забрав меня, миссис Фостер убедила мужа, что так и должно было случиться. Однако возвращаться домой с трехмесячным ребенком на руках было бы глупо. Поэтому они уехали из штата, пожили то тут, то там и наконец обосновались в Альбукерке. Что само по себе странно.

— Почему?

— Потому что мои биологические родители тоже должны были сюда переехать. Потому я их и выбрал. Но даже после похищения я, так или иначе, оказался здесь.

Я прислонилась к фонарному столбу.

— Очень сомневаюсь, что это простое совпадение. Что дальше-то было?

— Прошло какое-то время. Фостеры познакомились с соседями, стали ходить в церковь, начали заводить друзей. Однако у семьи мистера Фостера появились подозрения. Родные хотели с ним увидеться. Его жена никогда им не нравилась. Мало того, они считали ее опасной. Поэтому решили приехать. Фостеры понимали, что родственники сложат два и два, когда увидят у них на руках ребенка того же возраста, что и похищенный мальчик в их штате. Поэтому они меня продали.

— В смысле... взяли и продали? Типа как на «ЕБэй», что ли?

— Этот кусочек головоломки для меня пока остается загадкой. Может быть, мистеру Фостеру кто-то помог. Не знаю. В общем, как мне кажется, они планировали продать меня и поставить на этом точку. Вот только соседка видела, как через черный ход меня выносит мужчина подозрительной наружности. И позвонила в полицию. Приехали копы, Фостеры запаниковали и подтвердили версию с похищением. Конец истории.

— Рейес, это какое-то безумие. А как насчет родственников мистера Фостера? Разве они ничего не поняли, когда узнали, что у него похитили какого-то загадочного ребенка?

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но они так ничего и не узнали. Детей постоянно похищают. Сколько их, по-твоему? Особенно по всей стране? Даже сегодня, в эпоху информационных технологий, мы не видим и сотой части лиц пропавших детей. Ты знала, что каждый день пропавшими без вести объявляют в среднем две тысячи человек? И скольких из них ты видела в новостях?

— И все-таки, — озадаченно возразила я, — как могли копы не увидеть связи? На тебе же были метки, в смысле карта к вратам ада.

— Да, но, когда я родился, они были едва заметны. Невооруженным глазом не разглядеть. По мере того, как я рос, они темнели. Когда Фостеры меня продали, метки были похожи на бледные родимые пятна. Совсем не такие, как сейчас.

Я уселась на коробку. С неба упали первые капли дождя.

— Все равно в голове не укладывается. По документам, Фостеры милейшие люди. — Вспомнив, что говорила мне Сачок, я потрясла указательным пальцем. — Агент Карсон говорит, у ее отца были дурные предчувствия, связанные с этим делом. Как будто в то время происходило что-то еще, но он никак не мог понять, что именно.

— Похоже, он был неплохим агентом.

— Значит, так или иначе, ты должен был оказаться здесь. Чтобы мы вместе росли и ходили в одну и ту же школу.

Рейес собрал инструменты и посмотрел в небо. От капель на его лице и руках оставались мокрые дорожки.

— Биологического отца должны были перевести в Альбукерке. Но после моего

исчезновения родители решили остаться в Северной Каролине. Надеялись, что рано или поздно полиция меня отыщет.

Я вскочила на ноги.

— Они и сейчас там живут?

— Да.

— Рейес, ты к ним ездил? — Под пристальным взглядом я шагнула ближе. — Говорил им, кто ты такой?

Заметив выражение его лица, я застыла на месте.

— Зачем?

— Как это зачем?! — Меня так ошарашил его вопрос, что на несколько секунд я потеряла дар речи. — Рейес, они должны знать, что с тобой все в порядке. Они имеют на это право.

— Они имеют право жить долго и счастливо и спокойно спать по ночам, ничего не зная.

Я ушам своим не верила.

— Ну почему, почему ты все эти годы держишь их в неведении?

От Рейеса волнами пошел сердитый жар, согревающий холодные капли.

— Их нельзя назвать моими настоящими родителями, Датч. И ты это знаешь.

— Но ты же сам их выбрал.

— Я выбрал женщину, чья утроба привела меня в этот мир. Вот и все.

Ничего подобного. Я чувствовала, какой клубок эмоций бурлит в Рейесе. Гнев, возмущение, сомнения...

— Это не вся правда, — тихо сказала я.

Его эмоции были слишком сильными, и я никак не могла их заблокировать. Рейес это понимал и злился еще сильнее.

Он отвернулся, чтобы взять ящик с инструментами, но я помешала. Взяла Рейеса за руку и положила его ладонь себе на щеку.

— Рейес, ты должен им все рассказать. Облегчить их боль. Избавить от неизвестности.

С неимоверно длинных ресниц капал дождь. Темные глаза сияли.

— Зачем я им, Датч? Что с ними будет, если они узнают, кто я такой?

Я была в корне не согласна, но в данный момент хотела только убедить его повидаться с родителями. Поговорить с ними. Об остальном можно было подумать позже.

— Необязательно рассказывать им, кто ты такой на самом деле.

— Я не это имел в виду. — Рейес отвернулся от меня. — Последние десять лет я сидел за решеткой.

Я встала перед ним, вынуждая смотреть мне в глаза:

— За преступление, которого не совершал.

— Тюрьма накладывает отпечаток. Бывшие заключенные отличаются от других людей, ведут себя иначе. Их социальные навыки далеки от нормы. Они все поймут.

— Ты ведь шутишь, да?

— Нет, не шучу. — Он схватил меня за руку и крепко сжал. В мгновение ока его поведение изменилось. — И я не хочу, чтобы ты им что-то рассказывала. Это моя жизнь, Датч. Не смей вмешиваться. Поняла?

Как бы мне ни хотелось сию же секунду сорваться на поиски этих людей, я должна была уважать решение Рейеса. Если он не хотел видеться с биологическими родителями, не мне

его заставлять. Он имел право на личную жизнь. Но от одной только мысли, что спустя столько лет его родители по-прежнему будут страдать, сердце обливалось кровью. Нужно было что-то сделать, чтобы закрыть эту тему. Оставить все как есть — все равно что оставить кровоточащую рану... кровоточить. Наверняка есть способ как-то решить этот вопрос, не наступая Рейесу на мозоль. Например, сообщить родителям, что их сын жив-здоров и дела у него идут весьма неплохо, но при этом не раскрывать его личность.

— Пообещай, — угрожающе потребовал Рейес, сжимая мое плечо.

Я уже открыла рот, чтобы дать ему обещание, как вдруг меня осенило:

— А как же второй сын Фостеров? Тот, который сейчас живет с ними? Он хоть им родной?

— Понятия не имею. — Отпустив мое плечо, Рейес сложил на груди руки. — Подозреваю, его они тоже похитили. Он блондин, а Фостеры брюнеты.

— Ядрен батон мне на алтарь! Но так же нельзя! Их надо остановить.

— Ты специально меняешь тему? Не хочешь давать обещание не совать свой нос в мои дела?

— Чего? Я? Ого! Ты только посмотри, какой ливень пошел!

— Датч.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глубокий будоражащий голос завибрировал у меня в костях.

Конечно, никакого ливня не было. Шел обычный мелкий дождик, но от него белая футболка успела промокнуть и прилипнуть к телу Рейеса. Как будто ее специально сшили с учетом широченных плеч и узкой талии.

— Будешь и дальше на меня так смотреть — пожалеешь.

Я тут же подняла голову и заглянула ему в глаза. Не помогло.

— Я никогда не пожалею о том, что смотрю на тебя.

Как будто не понимая, о чем речь, Рейес нахмурился и совершенно серьезно спросил:

— Почему?

И тут мое терпение лопнуло. В прямом смысле слова я прыгнула ему в руки, повисла на шее и прижалась к губам. Пару секунд он пытался подавить улыбку, потом с энтузиазмом ответил на поцелуй и прислонил меня спиной к машине. Одна рука уже лежала на Угрозе, которая тут же проснулась. Обжигающе горячие губы вдруг оторвались от меня и обдали жаром сосок. И только в этот момент я заметила, что Рейес успел расстегнуть на мне блузку и выпустить на свободу и Угрозу, и Уилл.

Мозг наотрез отказывался понимать, что мы на улице. Я с головой погрузилась в огонь, разжигаемый Рейесом. Угроза налилась, сосок заострился и затвердел так быстро, что было почти больно. Я едва сдержала рвущийся из груди стон. Удовольствие становилось непереносимым. Рейес занялся Уилл, потом снова вернулся к Угрозе. Каждый раз, когда он посасывал розовые вершинки, нарастающее возбуждение словно стегало меня кнутом изнутри. Я посмотрела вниз. Видеть на моей бледной коже красивые губы Рейеса было невыразимо приятно. Но, стоило ему прикусить твердый сосок, я полетела в пропасть. По венам одной мощной вспышкой разлился дурманящий, горько-сладкий оргазм, словно в урагане столкнулись лед и пламя.

С губ сорвался крик. Никогда в жизни я не испытывала оргазм от таких ласк. Тяжело дыша, я в полнейшем изумлении переживала искрящийся каскад наслаждения. Потихоньку экстаз ослабевал. У меня дрожали руки и ноги, но все равно хотелось еще. Я уже давно

поняла: если речь идет о Рейесе Александре Фэрроу, мне всегда мало.

Горячие губы прижались к моим. Я изо всех сил обняла Рейеса, а он осторожно уложил меня на капот. Но подняться я ему не дала — опустила руку и погладила через джинсы. Он резко втянул ртом воздух. Губы закололо от прохлады, и в тот же миг по мне прошла очередная волна ничем не замутненного желания. Не успела я и глазом моргнуть, как Рейес стащил с меня штаны. Как ему удалось повернуть этот фокус, понятия не имею. Одно было ясно наверняка: я, практически голая, лежала на капоте его машины и все еще пыталась отдышаться. А секунду спустя без предупреждения одним мощным рывком Рейес оказался внутри.

От нахлынувших ощущений я забыла, как дышать. Прижала его к себе так крепко, как только могла. Он замер, давая мне возможность привыкнуть к наполненности, но я уже растеряла весь свой хваленый самоконтроль — сгребла в кулаки его волосы, укусила за плечо и приподняла бедра, пытаясь вобрать его еще глубже.

Рейес зарычал мне в ухо, поднял одной рукой мое колено и снова и снова врывается в меня быстрыми сильными ударами. В животе росла, вихрилась, бурлила горячая волна. Напряжение нарастало, превращая меня в готовый взорваться в любую секунду вулкан. От недавних ласк соски все еще горели и терлись о грудь Рейеса, внося свою лепту.

На могучих плечах бугрились мышцы. Дыхание Рейеса стало отрывистым и тяжелым. Он держал меня так крепко, что я не могла пошевелиться. Зато сумела запустить ногти в его плоть, подгоняя, безмолвно умоляя не останавливаться. На лице Рейеса отразилась сладкая мука — он сдерживался, чтобы еще раз столкнуть меня в бездну. Я уткнулась носом ему в шею и задохнулась от очередного взрыва, накрывшего меня сокрушительной волной. Из груди Рейеса вырвался низкий стон, когда в нем тоже взорвался оргазм. Я чувствовала, как он дрожит вместе со мной, переживая такой же мощный экстаз, как и я всего секунду назад. Рейес так крепко меня держал, что было больно. Но от этого пик наслаждения стал еще выше. Я плыла на этой волне, упиваясь наполненным тело и душу восторгом. Бушующий ураган медленно, почти ласково стихал, пока наконец полностью не развеялся под аккомпанемент бешено бьющихся сердец.

Дыхание Рейеса становилось все медленнее. Дождь превратился в морось, капельками наигрывающую нежную мелодию. Мы лежали на Куде, спутавшись руками и ногами. Остатки одежды, которая все еще была на нас, превратились в нечто мокрое и невразумительное. Рейес навис надо мной и поцеловал. Глубоко, сильно, мучительно медленно. Словно хотел поблагодарить. Или показать, что я нужна ему не меньше, чем он нужен мне.

Когда он наконец встал, я провела пальцами по его щеке.

— Это было что-то невероятное.

В темноте блеснули белые зубы.

— Ты сама невероятная.

Как ему угодно. Я не стала возражать, потому что была слишком занята тем, что вглядывалась в мерцающие глаза. Наверное, я бы так целую вечность просидела, если бы не услышала какой-то звук. Как ненужная помеха, он зафиксировался где-то на задворках сознания. И только со второго раза я поняла, в чем дело.

— Блин, телефон звонит.

Рейес снял меня с капота и не отпускал, пока я не смогла стоять самостоятельно. Пара секунд ушла на то, чтобы отыскать мои штаны. Я полезла в карман, надеясь, что дождь не

угробил телефон, и проверила сообщения. На экране высветились такие ругательства, что повторить их вслух у меня не хватило бы смелости. Я взвизгнула, прикрыла рукой рот и прошамкала сквозь пальцы:

— Совсем забыла про дядю Боба!

*Путь к сердцу мужчины лежит
через дыру в грудной клетке.*

Надпись на футболке

Мокрая и помятая, я со всех ног бросилась в бар через заднюю дверь. У стойки уже ждал дядя Боб. Заметив, что Куки с «кавалером» сидят в темном углу, я начала волноваться. Там Диби мог их и не увидеть, и тогда гениальной задумке конец. По обе стороны от дяди Боба табуреты были заняты. Да и вообще в баре свободных мест было всего ничего. Я насчитала два. И ни одного, ну просто ни единого свободного столика. Пришлось сесть через табурет от Диби. Между нами оказался мужчина лет сорока в хорошем костюме, но явно переборщивший с одеколоном. Как только я уселась, он воспрянул духом, посмотрел на меня и, видимо, решил, что жидкость в стакане любопытнее моей скромной персоны. Впрочем, я все поняла, стоило взглянуть в зеркало за стойкой. Мало того, что вид у меня был, мягко говоря, не товарный, так еще и макияж размазался (на одном глазу), а хвост (который совсем недавно гордо красовался на макушке) съехал набок и висел, как сдутый шарик. Ах да! Блузка была надета шиворот-навыворот. Блузка на пуговицах, на секундочку. Неужели я ее снимала?

— Привет, дядя Боб, — поздоровалась я через сидевшего между нами мужчину.

Тот напрягся и отклонился немного назад, причем ему резко стало не по себе.

— Привет, милая. Где была?

— Да тут, за баром.

— Сексом в переулке случайно не ты занималась? Кто-то звонил в полицию.

От тревоги желудок подскочил к горлу. Я наклонилась к дяде Бобу, едва не растянувшись на коленях у мужика.

— Серьезно? Кто-то вызвал копов?

— Нет, — ответил в бокал Диби. — Просто догадался. Я вообще мастер догадываться.

— Дядя Боб! — еле слышно пискнула я.

Как бы то ни было, мне нужно было знать, видел ли он Куки, причем так, чтобы он не знал, что мне нужно это знать. Если бы он на меня посмотрел, то наверняка бы ее заметил. Она сидела справа от меня. Вот только Диби чересчур увлекся своим бокалом. Подозвав барменшу Тери, я откашлялась и заговорила так, чтобы не перекрикивать гул толпы:

— Что-нибудь узнал о женщине из программы защиты свидетелей?

— Почти ничего. Такой информацией запросто не делятся. Зато узнал кое-что о твоём парне.

— О моем парне? У меня есть парень? Можно мне кофе с кофе? — попросила я у Тери, когда та подошла ко мне.

— Само собой, солнце, — подмигнула она и поставила передо мной полную чашку.

В тот самый момент я в Тери немножечко влюбилась.

— Так что узнал? — поинтересовалась я у Диби.

— Он продает машины пачками.

— Ясно. Толку мне от этого негусто.

Дядя Боб до сих пор ни разу на меня не посмотрел. Я еще раз деликатно покашляла. Потом раскашлялась конкретно. Даже приступ изобразила. Клянусь, он специально пялился в бокал. И тут меня осенило: он специально ни разу ко мне не повернулся. Потому что видел Куки.

У Диби зазвонил телефон, и он ответил на звонок. Улучив момент, я обернулась к Куки. У нее было красноречивое выражение лица из оперы «Где тебя черти носили?». Я пожалала плечами. Она тоже. Я кивнула на дверь, ведущую в переулок, и поиграла бровями, а потом изобразила универсальный жест, означающий секс, — сунула указательный палец в кольцо из пальцев другой руки. Куки с «кавалером» рассмеялись, причем «кавалер» поднял вверх большие пальцы.

— Не хотите поменяться? — вдруг предложил мужчина, сидевший рядом со мной.

— С радостью, но вряд ли вам подойдет моя одежда. Наверное, вам нужен размерчик побольше.

И снова ему стало не по себе. Он уставился на меня крайне озадаченно. Все ясно. Человек страдает полным отсутствием чувства юмора.

— Я имел в виду табуреты. Не хотите поменяться местами?

— Вот оно что! — усмехнулась я. — Тогда да, давайте меняться.

Мы пересели, в результате чего я стала ближе к любимому дядюшке и не преминула отметить это радостное событие, глотнув у него виски. Чистый. Святые чесночные гирлянды! Жидкость прожгла мне весь пищевод. На этот раз закашлялась я по-настоящему. Приступ тоже был очень даже настоящий. Не отрываясь от телефона, Диби похлопал меня по спине. Сильно похлопал. Я даже вписалась носом в стойку. Какой он у меня все-таки милый!

Короче говоря, я решила не изменять кофе. Тем более что у нас с Джо давным-давно глубокая любовь. Если бы мы поженились, то устроили бы скромную свадьбу на пляже в компании самых близких друзей. А я бы втайне мечтала, чтобы мне подарили блендер. Ведь мог бы мне кто-нибудь подарить блендер?

Прямо за нами стоял столик, за которым сидели три женщины. Говорили они громче остальных посетителей, так что я волей-неволей слышала их разговоры, пока ждала, когда Диби отлипнет от телефона. Быстренько глянув через плечо, я узнала подруг Джессики, только самой Джессики с ними не было. А жаль. Я начинала по ней всерьез скучать.

— Представляете? Он на мускулкаре ездит, — сказала одна из них, явно имея в виду Рейеса.

С трудом верилось, что он по-прежнему местная достопримечательность. В конце концов, прошло уже две недели. Когда же им надоест?! Было у меня подозрение, что, даже если бы я ответила согласием на его предложение и надела ему на палец обручальное кольцо, они все равно ходили бы сюда толпами, лучась надеждами и мечтами. Мне ли их не понимать? Не будь он моим, я бы делала то же самое.

— За целый день мы с ней ни разу не созвонились, — услышала я голос второй подруги.

— Ну так напиши ей.

— Писала. Она, видимо, обиделась. Как всегда.

Если речь шла о Джессике, то они правы на все сто.

— Что ж, она многое пропускает, — промурлыкала третья.

Само собой, в баре появился Рейес. Как только он вошел в дверь, ко мне устремился жар.

— О боже... боже... боже мой! Он мокрый! — задыхаясь, воскликнула одна из подруг.

Как это часто бывает, при появлении Рейеса зал притих. Я оглянулась. Рейес шел напрямиком ко мне, и то, что мы оба промокли до нитки, не увидел бы только слепой.

— Мало, что ли, забегаловок в городе? — пробурчала я.

— Ты кое-что забыла. — Он сунул мне что-то в руки.

Лифчик. Мой лифчик!

Я пошевелила плечами, проверяя Угрозу и Уилл. Ну да, никакой поддержки.

Пару секунд Рейес смотрел мне в глаза, а потом спросил:

— Застегнуть?

— На тебе он вряд ли застегнется.

Подняв бокал с «огненной водой», я стащила у Дибби салфетку, чтобы стереть капли дождя с лица Рейеса. Он смотрел на меня из-под мокрых ресниц. Проницательные глаза цвета кофе сияли в приглушенном свете ламп. Уголок чувственных губ приподнялся, и на щеке появилась самая очаровательная на свете ямочка. Я застыла. Мне хотелось впитать его образ, каждую черточку, каждый нюанс. Несколько долгих секунд мы смотрели друг другу в глаза. Рейес пришел в себя первым:

— Что с твоим дядей?

— Чего? — Я все еще не могла отвести от него взгляд. Чтобы выйти из транса, пришлось хорошенько потряхнуть головой. — Кажется, он расстроен из-за того, что у Куки появился кавалер.

— Понятно. — Рейес погладил пальцем тыльную сторону моей ладони. — Когда он уже позовет ее на свидание?

— Не знаю, но если не позовет, клянусь, забью его до смерти вареными макаронами.

— А он об этом знает?

— Скоро узнает. Это будет долгая и мучительная смерть. Придется, конечно, хорошенько попотеть, но надеюсь, туннельный синдром мне не грозит.

Рука сама по себе легла на талию Рейесу. Пальцем я подцепила петлю для ремня и потянула. Рейес охотно подался вперед.

— Кстати, я видел, что творится у тебя в квартире.

— Поначалу я думала, что это комплимент от твоего Дилера. Теперь уже сомневаюсь.

— Почему?

— Он сказал, что это не его рук дело.

— Ну да, помню. И ты ему поверила.

Сказано это было утвердительно, но я все равно сочла нужным ответить:

— А зачем ему врать? Кинжал у него. И он признал это, ни секунды не колеблясь.

— Датч, они лгут потому, что такова их натура. И лгут даже тогда, когда сказать правду легче и приятнее. Ну так как? Можно мне уже разрубить ему позвоночник?

— Нет, нельзя. Он нам может пригодиться.

— Что он точно может, так это быть занозой в заднице.

Я наградила его укоризненным взглядом:

— Ты работать пришел, или как?

— Или как. Кухня сегодня на Сэмми, так что я свободен.

Ух ты!

— То есть мы можем побыть вдвоем? Как на настоящем свидании?

— Если на наших свиданиях постоянно будут присутствовать твой дядя и твоя лучшая подруга, тогда да.

Я рассмеялась, а потом спросила:

— Ну а серьезно, зачем ты пришел?

— Чтобы присмотреть за тобой.

— Рейес, не можешь же ты постоянно быть при мне нянькой.

— Хочешь поспорить?

— Я к тому, что у тебя есть личная жизнь. И у меня тоже. У нас обоих есть личная жизнь.

Он глянул на мужчину, сидевшего рядом со мной. Это был всего лишь один короткий взгляд, но мужчина тут же встал и, зачем-то извинившись, ушел. Рейес сел на его место и подтянул меня к себе. Со стороны наверняка казалось, будто мы — любовники, увлеченные флиртом. Однако его слова ничего общего с флиртом не имели:

— Видимо, я не очень доходчиво объяснил, что такое Дюжина.

— Да нет, очень даже доходчиво. Дюжина — это жуткие злобные твари, которые хотят скушать меня на завтрак.

— Ошибаешься. Скушать тебя на завтрак хочу я. А они хотят порвать тебя на куски и вручить твою душу на блюдечке моему отцу.

— Не понимаю. Твой отец заточил их в темницу. Зачем им делать ему одолжения?

— Понять мотивы Дюжины невозможно.

Рейес положил руку на стойку. Я придвинулась еще ближе к нему, и он задел пальцами сосок Угрозы, которая тут же проснулась под блузкой, требуя внимания. Точнее умоляя о том, чтобы Рейес еще раз к ней прикоснулся. Что ж, я понимала ее, как никто другой.

— Мы не одни.

Как только до меня дошел смысл его слов, я осмотрелась по сторонам. На нас глазела как минимум половина посетителей. Я уже собиралась сесть ровнее, как вдруг Рейес сказал:

— Я не о них, — и кивнул на дядю Боба.

Я тут же повернулась к Диби:

— Пардон. Мы тут обсуждаем, какой чудесный на улице идет дождь.

— Не сомневаюсь, — проворчал он в ответ.

Я с удивлением заметила, что Диби уже не пялится в бокал, а смотрит прямо на Куки. Причем вместо злости и ревности он испытывал только злость, и отчасти злость почему-то была адресована мне.

— Так что там с Бринкманом и его тачками?

— Похоже, автосалон он держит в качестве прикрытия для отмывания денег. Количество проданных машин никак не покрывает оборот. Хотя по документам он продает вдвое больше, чем на самом деле, потому что на каждую тачку у него по два договора.

— Но если это уже выяснили, то почему его не арестовали?

— Потому что, если бы его могли за это арестовать, необходимость в показаниях Эмили Майклз отпала бы автоматически. Как раз над этим и работает агент Карсон.

— Вы работаете вместе?

— В этом деле я скорее консультант. У нас есть план. Не хочешь поучаствовать?

— Еще как хочу!

Диби кивнул, но гнев никуда не делся и продолжал бурлить под привычной ворчливой

маской.

— Дядя Боб, у тебя все в порядке?

Он посмотрел прямо на Куки.

— Да. Мне пора на встречу.

Когда он ушел, я повернулась к Куки и пожала плечами. Она пожала плечами в ответ, поблагодарила своего «кавалера» и кивнула на заднюю дверь, давая мне понять, что собирается домой. Я пошла за ней на улицу, ежась от того, что ботинки все еще влажные.

— У твоего дяди был расстроенный вид, — сказала Куки, когда я ее догнала.

— Согласна, только расстроен он был как-то странно.

Мы прошли по переулку, где еще недавно стояла машина Рейеса. Интересно, куда он ее отогнал? Для меня любой мужчина, который ради интима с женщиной может пожертвовать краской на капоте, настоящий герой. Я решила заскочить к нему, перед тем как завалиться спать.

Следующее, что я запомнила, — это как Рейес смотрел на меня сверху вниз и улыбался. Спутанные волосы, все еще сонные глаза. В его квартиру уже прокрался солнечный свет. А я лежала и чувствовала, как замирает сердце. Только что с губ Рейеса сорвались те самые простенькие три слова, которые мечтает услышать каждая девушка. Сорвались легко и непринужденно, как будто он говорил мне их каждый день. Как будто они не значили для меня больше судьбы всего мира.

С чувственной и уже такой родной полуулыбкой он спросил:

— Кофе хочешь?

И в миллионный раз я упала в омут.

На самое дно.

Самое главное в жизни — не спалиться.

*Спросите того, кто уже спалился, и он скажет,
что самое главное в жизни — не спалиться.*

Проверенный факт

Как бы мне ни хотелось пуститься на поиски того, кто перевернул вверх дном мою квартиру, первым делом надо было нанести визит вежливости капитану Врунгелю. А еще связаться с Гарретом и устроить им с Дилером встречу, чтобы они могли заняться домашним заданием по совместному курсу «Основы понимания мутных пророчеств и гадких сверхъестественных двусмысленностей». Как по мне, то «Основы понимания МПГСД» довольно нудный предмет. Было бы куда интереснее сходу перенестись во второй семестр и заняться непосредственно «Переводом МПГСД на человеческий язык».

Между прочим, я так и не выяснила, откуда у Гаррета кинжал. Сам он говорил, что добыть кинжал было не самым приятным делом в его жизни. А подразумеваться тут могло что угодно. Например, кража из какого-нибудь музея, незаконные раскопки в Румынии или даже гнусный обман некоего престарелого дядюшки, раньше владевшего кинжалом. А может быть, Гаррет стащил его из какого-то храма. Ну, допустим, из Храма Судного дня. Вот было бы круто!

Из-за нарочитой таинственности, которую напускал Гаррет, мое любопытство постоянно росло. Можно подумать, он не знал, что так оно и будет. Гад. Кроме прочего, мне хотелось расспросить его о семье. В этом вопросе он тоже напускал немало тумана. Мы с Куки покопались у него за спиной и кое-что узнали. Оказывается, его прабабушка была самой настоящей принцессой вуду. Между прочим, очень даже знаменитой. Родилась она в Новом Орлеане и открыто занималась своим искусством, за что снискала славу самой известной в истории жрицы вуду.

А еще в ходе наших поисков выяснилось, что бабушкин дар передался тетке Гаррета и, очень может быть, его сестре. Сестре! Трудно представить, что у Гаррета есть сестра. И все-таки любопытно, не передалась ли частичка этого дара и ему? Слишком уж хорошо он отслеживает своих «клиентов». И довольно часто его методы не ограничиваются опросами свидетелей и поисками в интернете. Складывается впечатление, что в работе Гаррету помогает какое-то шестое чувство. Нечто такое, что вполне может быть свойственно самому натуральному принцу вуду.

О семье Гаррет говорил мало, но этот факт вовсе не мешал мне заниматься собственными исследованиями. Не мог же он всерьез думать, что после слов о восприимчивости его родственников ко всяким потусторонним делам я оставлю все как есть и не попытаюсь узнать все, что получится? А если и думал, то сам виноват. Не первый день мы с ним знакомы.

В участке сказали, что капитан на какой-то встрече, и усадили меня ждать в приемной. Ну и ладно. Даже если придется весь день тут просидеть, я никуда не уйду, пока не выясню,

что он задумал.

Усевшись поудобнее, я вытащила из сумки телефон. Раз уж все равно надо тут торчать, можно заняться чем-то полуполезным. Найдя нужную иконку, я подождала, пока загрузится моя любимая игрушка из оперы «три в ряд», и стала выбивать сияющие блестяшки.

Из гипноза, вызванного мультяшными драгоценными камнями, меня вывел чей-то голос:

— У вас очень яркая аура.

Я глянула на женщину, сидевшую напротив меня. Выглядела она вполне обычно. Светлые волосы, практичная обувь. Вот только далеко не всех, кто говорит об аурах, можно назвать обычными людьми.

— Спасибо, — отозвалась я и снова уставилась на экран с игрой.

— Никогда ничего подобного не видела, — продолжала женщина, явно игнорируя мой прозрачный намек на нежелание общаться.

— Правда? Странно.

— Вообще-то, — не унималась она, — я знаю, кто вы. У нас с вами много общего. Я тоже приехала сюда, чтобы помочь в раскрытии преступления.

Я молча кивнула.

— Иными словами, я знаю, что вы экстрасенс.

Тут я не выдержала, поставила игру на паузу и поинтересовалась:

— Вы меня разыгрываете?

— Вовсе нет. Я тоже экстрасенс.

— Вас Пари подослала?

Женщина подтянула сумку к груди.

— Нет.

— Тогда Куки? Не в ее духе кого-то разыгрывать, но я давно убедилась, что в глубине души все не прочь поразыгрывать друг друга, если подвернется такая возможность.

— Нет.

— Своупс, что ли?

— Нет. Я на самом деле экстрасенс.

— Значит, это...

— Нет! — сорвалась на крик женщина, и ее голос эхом отразился от стен. Симпатичная парочка, явно давно и основательно сидевшая на метамфетаминах, обернулась к нам, и женщина перешла на сердитый шепот: — Никто вас не разыгрывает!

— Ух ты! А вы вспыльчивая.

Она перестала так крепко держаться за сумку и одной рукой разгладила штаны.

— Мне подумалось, что мы с вами могли бы время от времени работать вместе, раз уж обе помогаем правоохранительным органам. Например, мы можем объединиться и вместе раскрыть дело, из-за которого меня пригласили.

Я решила выложить все начистоту, чтобы дать ей шанс либо во всем сознаться, либо предстать перед последствиями.

— Я тоже знаю, кто вы, мисс Джейкс. Видела ваше шоу.

Вайнона Джейкс становилась все богаче и богаче, пользуясь своими способностями. От одной только мысли об этом у меня волосы вставали дыбом.

— Вы видели мое шоу? — просияла она.

— Само собой. Вы из тех, кого я лично называю аферистами. То есть вы человек,

обладающий природным талантом понимать людей вкупе с прекрасными, чего греха таить, актерскими навыками.

— Ну что ж, — Вайнона села ровнее, давая мне понять, как оскорбительно прозвучали мои слова, — мне казалось, вы, как никто другой, сумеете понять, каково это — терпеть обвинения в обмане, когда ваш дар самый что ни на есть настоящий.

— Я-то как раз понимаю, а вот вы — точно нет. Видела я, что происходит, когда ваши «предсказания», — для пущей убедительности я изобразила в воздухе кавычки, — не сбываются. Помню, как одна молодая семейная пара лишилась дома. Они поверили вам, когда вы велели им вложить все сбережения в дурацкий проект их спятившего дядюшки.

— Вряд ли это можно...

— А еще я помню мать, которая благодарила вас на все лады, когда вы сказали, что ее сын, попавший в аварию на мотоцикле и лежавший тогда в коме, выберется. — Я наклонилась вперед и посмотрела прямо в глаза Вайноне. — Он умер, пока она сидела в студии и слушала вашу ахинею. Известно ли вам, что с ней было? Какое оглушающее чувство вины она испытывала? Как ей было стыдно? Как опустела ее жизнь?

Вайнона отвернулась, и ко мне летней жарой устремилось негодование.

— А знаете, — мягче сказала я, стараясь не чувствовать себя виноватой из-за того, что буквально обозвала ее мошенницей, — я все понимаю. Вам надо зарабатывать на жизнь. Каждый крутится, как может. Я бы злилась куда сильнее, если бы вы действительно обладали какими-то талантами и пользовались ими самым безнравственным образом. Но на ваш вопрос я отвечаю «нет». Объединяться с вами и... Минуточку! Вы сказали, вас пригласили помочь с делом?

— Да, — ухмыльнулась Вайнона, задрав нос. — Мне позвонил детектив Дэвидсон. Сказал, что видел мое шоу и хочет проконсультироваться со мной по поводу пропавших без вести людей.

— Детектив Дэв...

— Мисс Джейкс? — позвал дежурный, не дав мне договорить.

Она поднялась:

— Да.

— Детектив Дэвидсон готов вас принять.

У меня отвисла челюсть. До пола. Дежурный указал Вайноне путь к кабинету Дибби, а сам Дибби, он же бьющий ножом в спину дядюшка, вышел в приемную ее встречать. Обменявшись рукопожатиями, они пошли в кабинет, причем дядя Боб радушно положил ей руку на спину.

Я обзавидовалась. За себя и за Куки. В основном за Куки. К ней бы Дибби так запросто никогда не прикоснулся, потому что всегда слишком нервничал и сдерживался. И как, бога ради, ему пришло в голову позвать на помощь с делом эту женщину? Эту, елки-палки, шарлатанку?!

Ну уж нет. При живой-то мне?! Собираясь во что бы то ни стало доказать Дибби, что Вайнона Джейкс самая настоящая мошенница, я вскочила на ноги, и в эту самую секунду из конференц-зала вышел капитан. Заметив меня, он жестом велел следовать за ним и двинулся к себе в кабинет. Я бросила грустный взгляд на кабинет Дибби, глубоко вздохнула и поковыляла за капитаном к нему в берлогу. В очень мужественную и впечатляющую берлогу. Стены были увешаны наградами и дипломами. Те, что не уместились на стенах, стояли на всех горизонтальных поверхностях вперемешку с папками и стопками документов.

— Вам лучше? — спросил капитан, усаживаясь за стол.

— Не сказала бы.

— Жаль, потому что скоро станет еще хуже.

Жестом он предложил мне сесть напротив — на стул, обитый кожзамом. Я не сдвинулась с места.

— Я хочу знать, почему за мной следили ваши люди, кто они, и что вы собираетесь делать с фотографиями.

Капитан помрачнел и поджал губы, как будто собирался сообщить мне плохие новости. Потом встал, достал из верхнего ящика конверт, а из него — стопку фотографий. Одну он бросил на стол.

На снимке была я возле своего дома. Причем любой, кто взглянет на фотку, легко подумает, что я, например, покупаю наркотики. Кем бы ни был фотограф, он хорошо постарался. Бродяга на фотографии оглядывался, будто проверял, нет ли поблизости копов, и передавал мне нечто, что невозможно было опознать. Я же протягивала ему несколько купюр, которые было видно невооруженным взглядом.

— Это Крис Левин — подручный человека, которого в народе называют Чубаккой, а Чубакка — самый крупный в городе дилер мета.

Капитан бросил на стол вторую фотографию. На ней я сидела в Развалюхе и передавала через окно деньги бомжу. Это был тот самый парень, у которого я купила пластмассовую ромашку, вот только самой ромашки, ясное дело, на снимке не было.

— А это — Оскар Фуэнтес. Его личное дело в архиве полиции длиннее, чем моя левая нога, и даст фору любому бульварному детективчику. К тому же Оскар мой должник.

На стол полетела третья фотография. Здесь я как раз вылезала из Развалюхи и опять давала деньги какому-то мужику. Что называется, хотела как лучше, а получилось...

— Это...

— Все ясно, — перебила я капитана и подняла руку, чтобы положить конец этому идиотскому экскурсу в небывалое. — Никогда в жизни я не покупала наркотики, и вам это прекрасно известно.

— Разве? — На его губах заиграла приторно-сладкая улыбка. — У меня есть уйма доказательств, что покупали, и не раз. Кому, по-вашему, больше поверят?

— Я сдам все необходимые анализы. И результаты будут чистыми, как после хлорки, козел. — Что тут скажешь? Меня загнали в угол, и мне ни капельки это не понравилось.

Уголки губ капитана дрогнули.

— Я в курсе, что в вашей жизни наркотикам места нет. Но мне нужны гарантии.

— Гарантии чего?

— Вашего молчания.

— А просто попросить не судьба? Обязательно нужно меня шантажировать?

— В этом вопросе — да.

— Вопиющий бред.

— Согласен. Но... когда я вам все объясню, все-таки не забывайте, что у меня на вас кое-что есть. Если я сяду в тюрьму, вы отправитесь следом. Я всего лишь хочу, чтобы у нас обоих хватило причин держать язык за зубами.

— Слушаю вас внимательно, капитан, — процедила я, сдерживая бурлящий гнев под маской спокойствия. — Что вам нужно?

— Меня нельзя назвать хорошим человеком, — ответил он, как будто сожалел.

— Да ну?

— Когда я был совсем еще ребенком, мою сестру изнасиловал ученик из ее же школы. Она была умственно отсталой, а он этим воспользовался. Мальчик из хорошей семьи, которого все любили и баловали. Пользовался популярностью в школе. В общем, у него были все шансы выйти сухим из воды.

— И ему все сошло с рук.

— Не совсем. Об этом я расскажу позже. Сам я из небольшого городка в окрестностях Чикаго. Когда сестра обвинила этого мальчика в изнасиловании, в городе поднялась шумиха. Никто ей не поверил. Зачем золотому мальчику насилловать недоразвитую девочку, если он мог заполучить какую угодно? Весь город обернулся против нас. А сестре стало невыносимо в школе. Мелкие издевки превратились в полноценные издевательства.

У капитана болело сердце, но я не хотела ощущать его боль. Не хотела проникаться сочувствием к человеку, который так легко решил меня подставить. Поэтому поборола зачатки симпатии и похоронила их под курганом гнева.

— Несколько недель она терпела, а потом наложила на себя руки.

Меня ударило волной чувства вины. Вот только «на ощупь» вина эта была гладкой и чистой. Никаких колебаний. Никаких сомнений. Капитан считал, что виноват в смерти сестры, и питал к себе жгучую ненависть. В тот момент до меня дошло, что я ошибалась. Каждый раз, когда мне доводилось сталкиваться с капитаном, я ощущала от него странные эмоции и считала, что он просто-напросто меня не переваривает. Но оказывается, он ненавидел самого себя. Для меня это было чем-то совершенно незнакомым. Как правило, чувство вины человеческий мозг переносит плохо. Точнее не дает ему задержаться. И тогда люди ищут себе оправдания, которые действуют как целебный бальзам. Постепенно чувство вины сходит на нет, и настоящая проблема забывается. Например, когда муж бьет жену и говорит «Ты сама меня вынудила», он перекладывает свою вину на другого человека. Жена не встретила его с горячим ужином на столе — значит, сама виновата в том, что он ее ударил.

— Семья развалилась. — Капитан подошел к окну и стал смотреть на улицу. — Родители разошлись. Мать утонула в депрессии. Отца я видел раз в сто лет. За каких-то полгода весь мой мир встал с ног на голову.

— Мне очень жаль, капитан.

Он обернулся ко мне:

— Дальше — больше. И с этого момента пойдет то самое, о чем вы должны молчать.

— Иначе вы меня сдадите.

— Иначе я вас сгною. Вы просидите за решеткой много-много лет.

А ведь он только-только начал мне нравиться!

— Может, прекратите уже угрожать и перейдете к делу?

Вернувшись к столу, капитан уперся руками в столешницу и наклонился вперед, нависнув надо мной. Видимо, чтобы я уж точно поняла, кто тут главный. Несколько долгих-предолгих секунд он изучал мое лицо. Очень смущенное, надо признать, лицо. А потом сказал:

— Мне было семь, когда я выследил того мальчика и убил.

Я застыла. Капитан признался мне в убийстве. Его слова эхом отдавались в мыслях, но их заглушал тот факт, что капитану тогда было всего семь лет.

— А вы в курсе, что семилетние дети крайне редко становятся подозреваемыми? Меня

даже не допрашивали.

Наверное, по мне было видно, насколько я шокирована. Жизнь не раз доказывала, что в самые ответственные моменты мое лицо меня подводит. Зато реакция «дерись или беги» всегда срабатывает безотказно. Только что капитан признался в убийстве. Значит, из этой комнаты живой мне не уйти. Я с тоской покосилась на дверь.

— Вас никто не держит, — заявил капитан, кивнув на мой единственный шанс спастись бегством.

По этому поводу он, кажется, совершенно не беспокоился. Ну еще бы! У него имелись доказательства того, как я по всему городу покупаю наркотики. Попробуй он меня арестовать, и мои обвинения гроша ломаного не будут стоить. Да уж, он прекрасно все продумал.

И все-таки почему он так легко доверил мне свою самую сокровенную тайну? Никакой суд не признает фотографии стопроцентными уликами. Любому хорошему адвокату удастся снять с меня все обвинения. И капитан наверняка это прекрасно знал.

— Теперь вы, видимо, меня убьете? — поинтересовалась я.

Дурацкий вопрос. Конечно, после такого признания он меня убьет. Не даст же он мне выйти отсюда подобра-поздорову с такой информацией в голове. Интересно, что он скажет? Что я пыталась отобрать у него пистолет? Что мы боролись, и пистолет сам выстрелил? Лично я так бы и поступила.

— Нет. Как я уже говорил, у меня достаточно доказательств, чтобы надолго упечь вас за решетку.

— Ваши доказательства признают спорными, — возразила я. — Вам понадобятся показания свидетелей. Иными словами, вам понадобятся очевидцы. — И почему я возражаю? Чтобы он уж наверняка меня убил? Наверное, мне просто не хотелось, чтобы в какой-то момент он пожалел о том, что выпустил меня из кабинета. Если, конечно, мне действительно светит выбраться отсюда на собственных ногах. Как знать, может, я получу пулю в затылок в самый неожиданный момент. Волноваться об этом всю оставшуюся жизнь не было ни малейшего желания. — И эти очевидцы должны быть достойны доверия, — добавила я, ткнув пальцем в фотки. — Вряд ли кто-нибудь поверит тем отбросам, которых вы подсылали ко мне на улицах.

— Самые надежные свидетели уже давно куплены.

Понятно. Капитан на шаг впереди меня. Блин, даже зацепиться не за что! Надо отдать ему должное. Он прекрасно все спланировал.

— К тому же у меня имеется множество записей того, как вы разговариваете сама с собой. Ругаетесь с воздухом. Пожимаете руку невидимкам. Обнимаетесь с теми, кого видите только вы. Все вместе обеспечит вам длительное проживание в тюрьме или в дурдоме. Мне сойдет любой вариант.

Твою дивизию! Так и знала, что все это мне когда-нибудь аукнется. Черт!

Капитан подался ближе:

— Пока мне не грозит тюрьма, вам она тоже не грозит.

Все, игра окончена. Он победил. Я сложила руки на Угрозе и Уилл.

— Ну и к чему столько усилий? Почему именно сейчас вы признались мне в своем преступлении? Прошло много лет. А ведь я вам даже не нравлюсь. Мало того, вы мне ни капельки не доверяете.

— В некоторой степени очень даже доверяю. Я видел, на что вы готовы ради своих

клиентов. И это весьма благородно. Зачастую глупо, но все-таки благородно. Однако вы правы. Я склоняюсь к тому, что вы мне не нравитесь. Но я должен знать наверняка.

— Знать что? Нравлюсь я вам или нет?

— Действительно ли тот мальчишка виноват. Когда мне... когда я его убил, он клялся, что ничего не делал. Снова и снова повторял, что не трогал мою сестру. Но я видел на ней кровь и синяки. И видел отметину, которую она оставила на нападавшем. Она сказала, что укусила его за руку. Через несколько дней я видел на руке того парня укус. И все же я должен узнать правду.

Ну и как я могу выяснить, что там случилось, если капитан действительно убил того парня? Неужели ему обо мне что-то известно?!

— Мне нужно услышать это от мертвого мальчика. А вы его спросите.

Я поерзала на стуле. Мне стало не по себе. Точнее стало еще сильнее не по себе.

— И как же я это сделаю?

— Не знаю. Вызовите его. Установите с ним контакт. Иными словами, делайте то, что умеете.

— Бред какой-то. — Поддавшись порыву уйти сию же секунду, я приподнялась.

Капитан ни шага в мою сторону не сделал, зато положил руку на пистолет в кобуре.

— Я никогда не промахиваюсь.

Мой зад плюхнулся обратно на стул.

— Вы спятили. А я точно все расскажу дяде Бобу. Хотите, чтобы я поговорила с мертвым мальчиком? Ну и кого из нас упекут в дурдом?

— Не тратьте времени даром. Я знаю все. Абсолютно все.

Но это же невозможно! Минуточку...

— Вы меня прослушивали?! — обалдела я.

Он же постоянно за мной следил, так что ему мешало подсунуть мне пару-тройку жучков?

— Немножко.

Я вскочила на ноги.

— Это незаконно!

— Как и вешать на вас преступление, которого вы не совершали. По-моему, эту черту мы уже переступили.

Он прав. Но несмотря на все его слова, я не чувствовала ни намека на злобу в свой адрес. В капитане бурлил целый клубок эмоций, однако я сомневалась, что хоть одна из них была вызвана мной. А значит, все его действия были просто-напросто средством для достижения цели.

— Откуда вам знать, что я не солгу?

— Ниоткуда, поэтому мне понадобятся доказательства. Вы поговорите с мальчишкой, спросите, как я его убил, и только потом зададите главный вопрос — насильствовал он мою сестру или нет. — Он подсунул мне еще одну фотографию. Это был старый школьный снимок со светловолосым мальчиком лет четырнадцати. — Делайте то, что обычно делаете, когда хотите поговорить с мертвецами. Узнайте у него все, что мне нужно.

Сопротивляться больше не было сил.

— Понимаете, капитан, я не могу просто взять и поговорить с мертвым человеком.

Он наградил меня сердитым взглядом:

— Не вешайте мне лапшу на уши. Я закрою вас в КПЗ с таким букетом обвинений, что у

вашего адвоката голова пойдет кругом. Причем вы не успеете произнести слово «подстава». Может быть, даже подкину парочку обвинений в детской порнографии, чтобы вам уж точно жизнь малиной не казалась. Я приложу все усилия, чтобы разрушить вашу репутацию.

Все ясно. Отступать капитан точно не собирался. Хотя я чувствовала, что делает он все это крайне неохотно. Но, чтобы добиться цели, он пойдет до конца, и моей жизни конец.

Я ошарашенно моргнула:

— Это несправедливо.

— Жизнь вообще несправедливая дрянь. Его звали Кори. Делайте, что надо, или привыкайте к мысли, что лет десять проведете за решеткой.

Беда в том, что такое вполне могло произойти. Рейес — живое доказательство тому, что людей сажают в тюрьму за преступления, которых они не совершали. Вот только шансы, что этот Кори все еще на земле, то есть в нашем измерении, равнялись абсолютному нулю. А значит, у меня огромные проблемы. Если мертвецы переходят, поговорить с ними я уже не могу. Потому что здесь их просто-напросто нет.

— Вам придется дать мне время.

Капитан спокойно пожал плечами, а я вызвала Ангела.

— Какого хрена? — как всегда, начал жаловаться тот. — Я, между прочим, был занят.

— Мне нужно, чтобы ты сходил на другую сторону и кое с кем поговорил.

— Ну знаешь, Йоса^[17], я не могу так запросто взять и смотаться на ту сторону, чтобы с кем-то потолковать.

— Ангел, мне это очень нужно. Иначе я сяду в тюрьму за детское порно и хранение наркотиков. — Я показала ему фотографию. — Надо найти этого парня и задать ему парочку вопросов.

Все это время капитан пристально наблюдал за происходящим. Да уж, от этих глаз мало что скроешь. Ну а мне, если честно, было уже наплевать, как я выгляжу, когда разговариваю со своими невидимыми друзьями.

— Да не могу я скакать туда и обратно. Никто не может. — Ангел зачем-то стряхнул с футболки несуществующую пыль. — Кроме тебя.

— Я тоже не могу. Как по-твоему, Рейесу такое по плечу?

— Вряд ли сыну Сатаны будут рады на небесах. Даже если он сумеет туда попасть.

Я рухнула на стул. Ситуация складывалась тупиковая.

— А почему ты его просто не вызовешь?

— Ангел, если он уже перешел, вызвать его не получится.

— Вот никогда ты меня не слушаешь. — Он снял ботинок и вытряхнул из него песок прямо на ковер. Песок просыпался сквозь пол.

— Откуда у тебя песок в бо...

— Перешли мертвые или нет, не важно. В конце концов, ты, блин, ангел смерти.

Понятия не имею, знал ли капитан об этой маленькой детали. Демонстративно стиснув зубы, чтобы до Ангела дошло, как мне не понравились его слова, я заговорила тихо-тихо, чтобы капитан не услышал:

— Я знаю, что я, блин, ангел смерти. Но я не умею вызывать людей с другой стороны.

Ангел сунул ногу в ботинок, снял второй, высыпал песок, обулся, уставился на меня и сердито процедил:

— Еще как умеешь. Oh, mi Dios^[18], я тебе это целую вечность твержу!

— Не приплетай сюда Бога. Но ты серьезно? — Я встала и бочком придвинулась к

нему. — Я и правда такое могу?

— Ну конечно, — пожал плечами Ангел и так на меня глянул, словно я законченная идиотка. — Это я и пытаюсь вдолбить тебе в голову.

— Ну и как?

Он вывернул карманы, вытряхивая из них песок. Ну как такое может быть? Нематериальный песок?! Ей-богу, мне еще учиться и учиться.

— Что — как?

— Как мне вызвать кого-то с другой стороны?

— Qué demonios^[19], мне-то почему знать?

Ангел снял широкую бандану и тряхнул лохмами. Прямо на стол капитана посыпался песок. Я взяла Ангела за плечи:

— Ангел, сосредоточься. Моей свободе и круглосуточному доступу к кофеину угрожает серьезная опасность. Что я должна делать?

— Тебе виднее, — пожал плечами он.

Я посмотрела на капитана и беспомощно покачала головой:

— От него никакого толку.

— Мне плевать. Я уже говорил. Или делайте свое дело, или шуруйте в камеру.

— Уму непостижимо! Все это такая же чепуха, как и то, что у меня есть какие-то силы, что я могу помечать души и в состоянии спасти мир. — Я развела руками. — Видимо, я какая-то дефективная. Наверняка был какой-то ужасный сбой, и сюда отправили не ту барышню.

Ангел усмехнулся:

— Все равно не пойму, почему ты задаешь мне все эти вопросы.

Я ткнула пальцем в фотку Кори:

— Потому что мне надо поговорить с этим парнем.

— Ну а зачем тебе знать, как вызвать кого-то с другой стороны?

Я снова схватила его за плечи и хорошенько тряхнула. Для меня Ангел был очень даже осязаемым, поэтому с него опять посыпался песок.

— Потому что мне надо поговорить с этим мальчиком.

— Да понял я, понял. Только он еще не там.

Я замерла, три раза поморгала и уставилась на него с открытым ртом. Прошло секунд шестьдесят семь, не меньше. За это время Ангел успел покашлять, посутулиться и попереминаться с ноги на ногу.

— А десять минут назад ты не мог мне об этом сказать?

— Десять минут назад ты об этом не спрашивала. Ты спрашивала, как вызвать кого-то с другой стороны.

Он прав. Собрав всю силу воли в кулак, чтобы не слететь с катушек, я спросила:

— Раз этот парень все еще не перешел, как мне его вызвать?

— Que Dios me ayude^[20], Чарли! Ну что я только что говорил? Видишь? Ты никогда меня не слушаешь. Ты как ребенок, который тычет вилкой в розетку.

— Я никогда в жизни не тыкала вилкой в розетку.

— Вы так и будете трепаться? — раздраженно поинтересовался капитан.

Я обернулась к нему и одарила с ног до головы злым взглядом:

— Есть идеи получше?

В знак капитуляции он поднял руки.

— Попробуй так же, как со мной, — сказал Ангел.

— Но тебя-то я знаю...

— Ты всех знаешь. Ты ж ангел смерти, елки-палки.

Ну ладно. Попытка не пытка. Да и кому это повредит? Разве что моей и так уже осыпающейся гордости.

Я взяла фотографию, закрыла глаза и отчетливо проговорила:

— Призываю тебя, Кори.

Когда я открыла глаза, Ангел сложился пополам от хохота и держался за живот:

— Офигеть! И это все, на что ты способна?

— А что такого? — разобиделась я. — Что я не так делаю?

— Делай так же, как со мной. Сто пудов ты не говоришь «Призываю тебя, Ангел».

— Нет, конечно. Я говорю «Ангел, тащи сюда свою хулиганскую задницу!».

— Ничего подобного. — Я приподняла брови, и Ангел посерьезнел: — Нет, правда, ты ж так не говоришь?

Решив ничего не отвечать, я снова закрыла глаза и подумала о том, как призываю Ангела, Артемиду и даже (когда сильно припекает) Рейеса. Как правило, я просто представляю их рядом, взываю к их энергии и тащу к себе. Вот и сейчас я подумала о мальчике, искала его энергию и нашла. Где-то вдалеке, в крошечной тьме ярко сиял маленький огонек. «Нащупав» энергию, я потянула ее к себе.

А когда открыла глаза, передо мной, засунув руки в карманы, стоял испуганный парнишка. В груди и в штанине зияли дырки от пуль. От страха мальчик ссутулился, втянув голову в плечи. И, как бы мне ни хотелось испытывать хотя бы легкую неприязнь в его адрес, мое сердце потянулось к нему.

— Уже тогда вы были метким стрелком, — сказала я капитану.

Он настороженно осмотрелся и только потом спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Вы прострелили ему колено. Для такого даже с близкого расстояния рука не должна дрогнуть.

Капитана накрыло волной изумления.

— Я целился в голову.

— Ну тогда промазали вы капитально.

— Он... он здесь?

— Да.

— Он виноват? — заволновался капитан. — Точно виноват?

— До этого я еще не добралась.

— Вы Бог? — еле слышно спросил Кори.

— М-мм, нет, но за комплимент спасибо. Я Чарли.

Парнишка кивнул и осмотрел меня с головы до ног.

— Мне нужно кое-что знать, Кори. Ты обидел ту девочку?

— Синди, — подсказал капитан.

— Ты насильвовал девочку по имени Синди?

— Нет, — покачал головой Кори.

— На кой ты его спрашиваешь? — вмешался Ангел. — Сама посмотри, и все дела. Он может тебе соврать, но твои глаза увидят правду.

Посмотреть?

— Я вижу жизни людей, когда они переходят. Ты хочешь сказать, он должен перейти?

— Чтобы увидеть их жизни и поступки, тебе не надо ждать, когда они перейдут. Просто сделай свое дело.

— Какое дело?

— Ангелосмертское. Возьми и сделай.

Мне уже начинало надоедать, что все вокруг твердят одно и то же. Возьми и сделай. Ангел, капитан, Дилер, даже «Найк» в своих рекламах. Ну и кто следующий? Старый добрый Колобок? Колобка я, между прочим, с детства обожаю.

— Ответь мне честно, Кори. Ты насильвовал Синди Экерг?

Мальчишка совсем поник:

— Нет. Не знаю. Может быть.

— Что это значит?

— Мы увидели ее в парке после школы. Она была совсем одна, сидела на качелях. Все стали подначивать меня подойти и притвориться, будто она мне нравится.

— Приз зрительских симпатий тебе уже не светит, Кори.

— Дайте мне договорить. Я ничего такого... я же всего лишь прикалывался. — Он еще глубже засунул руки в передние карманы. — Она сказала, что я всегда ей нравился, ну а я просто повторил то же самое.

Пока Кори говорил, я передавала его слова капитану.

— Она сказала, что у нее есть особое место в роще за парком, которое она хочет мне показать. Все стали дразниться и брать меня «на слабо», чтобы я все-таки пошел с Синди.

Капитана захлестнуло яростью:

— В отчетах этого не было. Никто никогда ни о чем подобном не упоминал. Судя по рапорту, никто даже не видел их вместе.

— Значит, все солгали, — сказала я ему. — Ради Кори.

— Когда мы там оказались, — продолжал Кори, — она захотела... захотела показать мне...

— Не надо подробностей, — перебила я. — Я хочу знать, сделал ты это или нет.

— Она первая начала. — От стыда каждый раз, когда он начинал говорить, его передергивало. — Терлась об меня, уговаривала... — Кори замолчал, явно не зная, как все объяснить. — А потом ни с того ни с сего передумала. Попросила прекратить. А я... я закончил начатое. Она даже не сопротивлялась, только укусила за руку. Но да, я это сделал. Она сказала «нет», а я не остановился.

— Ты совершил ужасный поступок. Ты же это понимаешь?

— Я вовсе не хотел, чтобы все зашло так далеко. Когда она передумала, я уже был внутри. Оставалось подождать всего минуту. А потом она себя убила. Мне хотелось умереть. Я врал направо и налево. Все ведь считали меня таким крутым! Никто бы и не подумал, что я опущусь до секса с Синди Экерг.

— Потому что она была умственно отсталой?

Кори кивнул и повторил:

— Она наложила на себя руки из-за меня.

— И из-за того, как к ней все относились.

— Точно. Мне так и не хватило смелости во всем признаться. — Наконец Кори посмотрел мне в глаза. — Если бы я сказал всем перестать над ней издеваться, ее бы оставили в покое. Но тогда все они думали, что оказывают мне услугу. Теперь меня отправят

в ад, да?

Я покачала головой:

— Это вряд ли.

— Хватит, — сказал вдруг капитан. — Я услышал все, что хотел. Мне нужно было знать, того ли мальчишку я прикончил.

— А если бы это был не он?

— Тогда я нашел бы виновного. Но раз все уже сделано, можно идти дальше. Кстати, спасибо, — добавил он и бросил на стол конверт с фотографиями. — Мне это больше не понадобится.

— Минуточку, откуда вам знать, что я выполню свою часть сделки?

— А это уже не важно. Есть вещи, которых не избежать. Прошлое — одна из них. Не могли бы вы попросить своего дядю зайти ко мне? — Капитан сел за стол и стал аккуратно раскладывать документы.

— Зачем? — подозрительно сощурилась я.

Он поправил стопку папок, пока все они не легли уголок к уголку. И вообще на столе капитана царил идеальный порядок. Все лежало на своих местах.

— Я хочу во всем признаться.

— Чего? Зачем?! Когда это было? Тридцать лет назад?

— Тридцать пять. На прошлой неделе умела моя мать. Этот секрет я хранил только потому, что хотел защитить ее от переживаний. Теперь мне некого защищать, поэтому я наконец могу взять на себя вину за содеянное и оставить все в прошлом.

— Он не обязан это делать, — сказал Кори, сложив на груди руки и так крепко вцепившись себе в локти, что на куртке смялась вышивка с логотипом школьной спортивной команды. — Все равно уже ничего не изменить. — И тут он просиял: — Может быть, если я сделаю доброе дело, то смогу попасть в рай.

— В смысле?

— Наверное, я должен искупить свои грехи. Только раньше не было возможности. А теперь я могу не дать брату Синди совершить огромную ошибку. И тогда, может быть, меня отравят на небеса.

Я чуть было не сказала ему, что скорее всего его и так туда отправят, но решила промолчать.

— Он же из хороших парней? — спросил Кори.

— Ага, из хороших. Ну или был таким, пока не решил бросить меня под поезд липовых улик. — Я злобно покосилась на капитана, но всего на пару секунд. В конце концов, он вроде как решил отпустить меня с миром.

Но он убил человека. Есть ли у меня моральное право сдать его в руки правосудия?

Я не знала, что должна думать. И что должна делать.

Внезапно меня осенило.

— Может быть, вы уже расплачиваетесь за свой поступок, — сказала я капитану, который поправлял папки в очередной стопке. — Вы же каждый день помогаете людям, так? Может быть, это и есть ваш способ вернуть долг человечеству.

— А как насчет семьи Кори? — Капитан встал, надел пиджак и подошел к двери, явно собираясь прыгнуть в самое пекло. — Я принял решение, мисс Дэвидсон. Если вы не позовете своего дядю, это сделаю я. Пора положить всему этому конец.

— Ну же, делай свое дело! — гаркнул Ангел.

— Какое еще дело? — уточнила я в триллионный раз.

— Ангелосмертское. Если кому и известно, что на уме у живых чуваков, так точно тебе.

— Поверь мне, солнце, чего я точно не знаю — так это того, что у чуваков на уме. То есть я знаю, что им нравится секс. Вот и все.

— Да нет же, я про людей вообще. Ты можешь узнать, что они задумали, и пометить их.

Капитан открыл дверь, а я не могла пошевелиться и думала только об одном: он совершает огромную ошибку. И я знала это каждым своим атомом. То, что он собирался сделать, неправильно.

— Что мне делать? — уже на бегу в приступе отчаяния спросила я у Ангела. Капитан уплывал сквозь пальцы. Образно выражаясь.

— Спросите его про собаку! — крикнул мне вслед Кори.

Не задумываясь, я заорала:

— А как насчет собаки, капитан?

Тот остановился и медленно, очень по-военному, как на параде, молча повернулся ко мне.

Я покосилась на Кори:

— Так что там с собакой?

Кори пожал плечами:

— Ну не догоняю я, с чего он так заикнулся на том, чтобы сознаться. Он же ничего не сделал.

У меня глаза на лоб полезли. Пока все не вышло из-под контроля, я схватила капитана за рукав, глянула на Диби, который все еще разговаривал с псевдоэкстрасенсшей, и затащила капитана обратно в кабинет.

— Погодите, — сказала я, закрывая дверь. — О чем ты говоришь, Кори?

Тот опять пожал плечами:

— Не совершал он никакого преступления. Это я тогда сглупил.

— А подробнее?

Демонстративно вздохнув, Кори прислонился к подоконнику.

— Тот пистолет ему не принадлежал. Он был моим. Точнее моего отца. Я взял его из ящика в отцовском столе. Опять хотел всем показать, какой я невероятно крутой. А когда Вэн меня нашел...

— Вэн? — переспросила я, глядя на капитана.

Похоже, он верил всему, что здесь происходило, но все равно удивился.

— Короче говоря, он был злее гремучей змеи на охоте. Ударил меня со всей дури, а я наставил на него пистолет. Он хотел, чтобы я во всем признался. И кто? Какой-то мелкий пацан? Ноль на палочке? В общем, я отказался, и тогда он взбесился. Орал и трясся с ног до головы. Одним словом, вел себя, как мелкий кусок дерьма. — Кори смерил капитана взглядом. — Поверить не могу, что он так вымахал. Мы начали толкаться, и на нас прыгнула моя собака. Пистолет выстрелил. Прямо мне в грудь. Вэн хотел помочь мне добраться до больницы, но я послал его к черту. Если бы отец узнал, что я взял пистолет, он бы меня убил.

— Раз ты получил пулю в грудь, то откуда вторая рана? — спросила я, кивнув на колени Кори.

— Я пытался найти у нас в сарае место, чтобы спрятать пистолет. Мне было ужасно больно, даже голова кружилась, вот я и пальнул себе случайно в ногу. Вэн тут ни при чем.

Я повернулась к капитану. Ну кому, бога ради, придет в голову назвать собственного

ребенка Вэном?

— Теперь я точно знаю, что там произошло, — со всей серьезностью сообщила я.

— А его родные не знают. Я его убил. Поднял пистолет и...

— Кори помнит все совсем не так. Говорит, вы боролись за пистолет, и он случайно выстрелил. Случайно.

Капитан задумчиво уставился себе под ноги.

— Вам было всего семь, капитан. Уверена, все произошло так быстро, что вы и глазом моргнуть не успели. Но вы этого не делали.

Он посмотрел на меня, явно не собираясь менять свое решение:

— Я не собираюсь менять свое решение.

Как в воду глядела.

— И я не передумаю, что бы вы ни сказали, — продолжал капитан. — Его родные заслужили право узнать правду.

— Да к черту правду! — взвился Кори. — Если он все расскажет, мои родственники узнают, что я натворил.

— Но ведь ты виноват, Кори. Ты изнасиловал невинную девочку.

Он опустил голову и прошептал:

— Я знаю. Но они не знают. Они всегда мне верили.

— Значит, ее имя можно вывалить в грязи, а твое нельзя?

— А что от этого изменится? Вэн сядет в тюрьму за то, что я по-царски облажался. Вот и все.

Тут я вынуждена была согласиться. Даже если капитана не посадят, его карьере точно придет конец. А такие классные копы, как он, на дороге не валяются.

— Расскажи мне что-нибудь гаденькое, — попросила я Кори. — Чтобы было чем его шантажировать.

Капитан сложил на груди руки, всем своим видом демонстрируя, как ему скучно.

— Гаденькое? Да я его не знаю. Он был самым обычным костлявым пацаном.

— Ну блин! — Я в отчаянии уставилась на капитана, пытаюсь припомнить хоть что-нибудь, чем можно было бы его уломать. И вдруг кое-что всплыло в памяти. — Я вам помогу. Помогу с делом Лоретты Розенбаум.

Капитан ответил мне полным сомнений взглядом:

— Все следы уже десять лет как остыли.

— А я их подогрею. У меня есть связи. — Я поиграла бровями. — Я могу выйти на людей, на которых вам точно не выйти.

— Мисс Дэвидсон...

— Ладно-ладно! — Я подняла руки, когда он попытался пройти мимо меня. — Давайте поступим так, как вы и хотели. Расскажем все дяде Бобу и узнаем, что он обо всем этом думает. Идет?

Капитан кивнул:

— Так или иначе, я собирался все рассказать именно ему. Пусть лучше он меня арестует, лишь бы Марш. Марш тот еще убудок.

Я чуть не рассмеялась, услышав, как он относится к детективу, который никому в участке не нравился. Бедняжка.

— Согласна на все сто.

Выйдя в коридор, я махнула Диби. Липовая экстрасенсша испарилась. Ужасно хотелось

расспросить о ней дядю Боба, но у меня в баночке плавала рыбка покрупнее.

Внимание: изменения в принципиальную позицию вносятся без предварительного уведомления.

Надпись на футболке

Войдя в кабинет, дядя Боб вел себя крайне отчужденно, что совершенно на него не похоже. Мы обрисовали ему ситуацию во всех подробностях, не забыв упомянуть и о том, что капитан Экерт сфабриковал против меня улики и знал мою самую-самую сокровенную тайну. Ну ладно, если и не самую-самую, то уж точно подобрался почти вплотную. То бишь он был в курсе, что я общаюсь с мертвыми. Знал бы он, откуда взялись такие таланты!

Слушал нас дядя Боб молча и внимательно. Непроницаемое выражение лица ни разу за все время не изменилось. А потом он сказал нечто немислимое:

— Чарли, оставь нас на минуту.

Я уставилась на него с открытым ртом. Дибби словно говорил на иностранном языке. Правда, я знаю все языки, так что сравнение не самое удачное.

— Кажется, я тебя не расслышала.

— Дай нам с капитаном минуту поговорить наедине.

— Не поняла.

Дядя Боб никогда не просил меня выйти из помещения. Наоборот, независимо от обстоятельств всегда настаивал на моем присутствии.

— Нам нужно потолковать с глазу на глаз.

— Ну уж нет, — оскорбленно заявила я. — В эту дребедень меня втянул старый добрый Вэн, а потому я с места не сдвинусь.

Дибби поднял руку и позвал какого-то офицера в форме. Я его не узнала, но он был весьма внушительных габаритов, блондинистым и... большим.

— Проводите, пожалуйста, мисс Дэвидсон на улицу.

— Это все из-за липовой экстрасенсши? — заупиралась я. — Думаешь, она тебе дела раскрывать будет? Да она такая же поддельная, как и твои волосы!

Дибби смерил меня сердитым взглядом. Я ответила тем же до самого выхода из участка. Уже у двери чудом вывернулась из рук офицера, поправила на себе одежду и сказала ему:

— Это было совершенно ни к чему.

А он молча стоял и смотрел, как я ухожу.

Как только я залезла в Развалюху, зазвонил сотовый.

— Как дела? — спросила Куки.

— Лучше всех.

— А по голосу не скажешь.

— Лучше всех, говорю.

— Не верю.

— Все хуже некуда, ясно? — взорвалась я, превращаясь в комок кипящих нервов. — Хуже некуда! Дядя Боб какой-то странный. Кажется... кажется, он на меня злится.

— Роберт никогда на тебя не злится, — поразилась Куки.

— Я в курсе. Не знаю, что и думать.

— Я тоже. Зато ты можешь поговорить об этом со своим психологом. Тебе как раз туда надо через полчаса.

— Вся затея с психологом — полная ерунда. Этой женщине больше нужна помощь, чем мне.

— Большинству психологов нужна помощь, солнце, но тебе все равно надо к ней поехать. Пропустишь еще одну встречу — сестра тебя убьет.

— Кук, на мне дел висит вагон и маленькая тележка. Моей жизни угрожали. Квартиру перевернули вверх дном. Получеловек-полудемон спер бесценный кинжал и не отдаст его мне, пока я не сведу его с Гарретом, чтобы они вместе могли покопаться в пророчествах. А еще меня буквально только что чуть не арестовали за хранение наркотиков и детскую порнографию.

— Твоей сестре будет до лампочки.

— Моя сестра на конференции в Вашингтоне.

— И, по-твоему, это ее остановит?

Я развернулась и поехала в обратную сторону.

— Ладно, съезжу я к психологу.

— Вот и умница. В офисе кончились кофе и сливки.

— Хорошо.

— А еще мне нужен оранжевый лифчик и теннисная ракетка. Новые веяния в области самозащиты.

- Хорошо.

— И я подумываю заняться сексом с Гарретом у себя на рабочем столе.

— Хорошо. Как думаешь, почему Дибби на меня злится?

— Не знаю, солнце. Он тебя обожает. Не переживай, наверняка скоро отойдет.

— Представляешь? Он позвал в участок липовую экстрасенсшу. А ведь у него есть я! Чем ты собираешься заниматься? Где и с кем?

— Не бери лишнего в голову. Езжай на встречу с психологом.

— Ладно.

Я высидела очередной бессмысленный сеанс, посвященный трепу о моих чувствах. Хотя на самом деле думала только о Дибби. Надеюсь, ему удастся уговорить капитана не воплощать планы в жизнь. И все-таки я никак не могла понять, правильно ли поступаю. Мертвый парень никуда не делся. Это факт. Пускай он погиб тридцать лет назад, а его смерть была результатом несчастного случая, но разве не захотели бы его родные узнать, что тогда произошло на самом деле?

Я попросила Куки выяснить, где сейчас Гаррет, оставила Развалюху перед собственным домом и прошла полтора квартала до «Рубежа». Своупс сидел в кабинке в центральном зале причудливой кафешки и читал газету. На тарелке лежал гамбургер с зеленым чили и жареной картошкой, рядом стояла чашка чая со льдом.

Я села напротив Гаррета и решила сразу перейти к делу:

— Представь себе ситуацию. Ты узнаешь, что несколько десятков лет назад кто-то кого-то убил, хоть и по чистой случайности, а теперь решил сдаться и разрушить свою безупречную карьеру в правоохранительных органах.

Своупс даже не взглянул на меня:

— Тут, видимо, есть какой-то вопрос.

— Да. Что бы ты сделал? Точнее что бы ты посоветовал ему сделать?

— Говоришь, это была случайность?

— Ага, — отозвалась я, ставив с тарелки кусочек картошки.

— Сколько прошло с тех пор времени?

— Тридцать лет, плюс-минус. Тогда они были совсем еще детьми. И тот человек постоянно помогает людям. Он хороший парень. Но если во всем признается, то разрушит свою карьеру и сведет на нет все то добро, что творил годами.

— Хреновая ситуация. Если тот поступок съедает его живьем, то он, похоже, и правда хороший человек. А значит, может принести больше пользы в органах, чем в тюрьме. Если, конечно, его посадят.

— Вот и я о том же. Только мой моральный компас иногда выходит из строя. Как-то ты сказал (сразу после того, как я чуть не расшиблась в лепешку с пожарной лестницы), что мы могли бы помогать друг другу. Типа ты почешешь спинку мне, а я — тебе.

— А тебе опять надо почесать спинку?

— Мне надо, чтобы ты кое с кем встретился. У этого кое-кого уйма любопытной информации, и он хочет поработать с нами над пророчествами. Все, что от тебя требуется, — не поддаваться на уговоры попотчевать его твоей душой. Он в этом деле мастер.

— Сомневаюсь, что ему понравится моя душа.

— Ну ладно. Так чего ты от меня-то хотел?

Положив газету на стол, Гаррет откусил внушительный кусок от гамбургера.

— Короче говоря, дело у меня для тебя есть. Очень заковыристое.

Я поерзала.

— Вот и славненько. Я такое люблю. Заковыристость — мое второе имя. Хотя нет, мое второе имя — неприятности. Да, точно. Вот блин!

— Помнишь, я говорил тебе об одной женщине?

Так и знала, что когда-нибудь он к этому вернется. А мне просто до смерти хотелось узнать, что там и как.

— Которая воспользовалась твоим телом, а потом выбросила, как зубную щетку, которой пришлось почистить унитаз, потому что ершик куда-то запропастился?

— Ну да.

— А год спустя ты снова ее встретил, и у нее был ребенок с глазами, точь-в-точь как у тебя?

— Все верно.

— Нет, не помню, чтобы ты говорил о такой женщине. Кстати, закажи себе булочку. Они тут бесподобные. И буррито с тушеной в чили свининой.

Своупс раздраженно поджал губы:

— Может, и попить заказать?

— Да. Что-нибудь диетическое. Нет! Мокко латте! Нет! — Я подняла руку, чтобы не

дать Гаррету сбить меня с толку. Надо было хорошенько подумать. — Да. Нет. Да, мокро латте.

— Закончила? — Он встал, чтобы действительно пойти и сделать заказ.

Да уж, Гаррет явно голоден.

— Да. Нет! Да. Короче, я так целый день могу. После обеда у меня дел по горло, так что нужны все силы. И мне надо, чтобы ты побыл на подхвате.

— Должно быть интересно, — отозвался Своупс и двинулся в переднюю часть кафе с таким видом, будто заведение принадлежит ему.

А когда вернулся, вся картошка с тарелки исчезла. Вот ведь странность!

— Так что там по поводу той женщины?

— Ее зовут Марики, — напомнил Гаррет, садясь за стол. — Придется попотеть.

Я наклонилась вперед, проговорила с итальянским акцентом:

— Хочешь, чтобы я ее убрала? — и провела пальцем по горлу, изображая универсальный жест для убийства.

— Не совсем.

— Минуточку! — Я опять подняла руку, не давая ему продолжать. — Какой у тебя номер? Я послежу, чтобы заказ не остыл.

Своупс глянул на чек:

— Пятьдесят четыре.

— Поняла. А теперь вываливай свои потные подробности.

— Ты должна достать образцы ДНК Марики и ее сына.

Несколько долгих секунд я недоуменно смотрела на Гаррета. Тот смотрел на меня в ответ, правда, взгляд у него был куда спокойнее.

— Рехнулась, что ли? — наконец спросила я, прикидывая в уме, каковы шансы выполнить его просьбу. — Как, черт возьми, мне удастся взять у них образцы ДНК?

Своупс пожал плечами:

— Не мои проблемы.

Я сделала мысленную пометку не забыть спросить у психолога, каким макаром мне удастся влезть в такие ситуации, и обвинить ее в том, что профессионал она так себе, раз уж ничего в моей жизни не меняется.

— Ты хоть немного думал, как мне это проверить? — поинтересовалась я.

— Не-а. Так с чем я должен тебе подсобить?

— Мне нужно поговорить по душам с одним криминальным авторитетом. Я собираюсь обвинить его в том, что он подослал ко мне своих людей и пытался забить до смерти свою бывшую подружку. Которая, между прочим, является единственным свидетелем совершенного им убийства.

— Я успею гамбургер доесть?

— Наверное. Вот не пойму, почему их называют криминальными авторитетами? Почему не криминальными отморозками? На худой конец криминальными сволочами? Зачем подбадривать их крутыми прозвищами? — Я глянула на табло с цифрами. — Твой заказ готов.

Своупс опять встал и пошел за заказом. Честно говоря, на него было приятно смотреть.

— Поторопись, не то все остынет! — крикнула я вдогонку.

Он свернул за угол и показал мне средний палец. Что я говорила? Мужики тоже могут делать несколько дел одновременно. Меня раздуло от гордости за Гаррета. Короче говоря, я

осталась одна. Причем делать было нечего, разве что смотреть, как в соседней кабинке мужчина ругается с бутылкой кетчупа. Поэтому, не долго думая, я призвала Ангела. Рассказала ему о текущей проблеме, дала несколько вполне определенных поручений, а потом послушала, как он матерится на испанском и спрашивает, нельзя ли увидеть меня голой. Услышав в ответ «Только если ты сможешь повернуть время вспять и понаблюдать за моим захватывающим путешествием по материнским родовым путям», Ангел наконец испарился выполнять задание.

— Ну и почему я? — поинтересовался Гаррет, садясь за стол с подносом.

Я откусила у него кусок буррито и от восхищения закатила глаза:

— Обалдеть! Прекрасный выбор. Почему ты — что?

— Почему ты не позвала на помощь своего бойфренда?

— После обеда ему нужно работать. Сэмми снимают гипс.

Наш постоянный шеф-повар сломал ногу, когда пытался съехать на лыжах с крыши своего дома. Текила частенько заставляет людей пробовать невозможное. Вот только невозможное возможным не делает.

— К кому конкретно ты собираешься заскочить?

— К Филипу Бринкману.

— К продавцу машин? Разве он преступник?

— Похоже, что да. — Я замолчала и пораженно уставилась на Своупса. — Ты только что откусил булочку?!

— Я за нее заплатил.

— Ну и что?

Я схватила тарелку и отодвинула подальше от Гаррета. Правда, без толку. Размах у них просто непостижимый, поэтому он без всяких усилий стащил булочку и опять откусил целый кусок. Слава богу, булочки здесь достаточно большие, чтобы накормить маленькую страну.

— Раз уж мистер Лучший Продавец Машин Года посылает ко мне людей с «глоками» и глушителями, то как минимум пусть сделает мне скидку на «порше».

— Может, нам... ну не знаю, план обсудить?

— Думаешь, надо? Я вроде как всегда импровизирую.

— Да ладно! — притворно удивился Своупс.

Так я ему и поверила.

В автосалон я вошла с микрофончиком, который Гаррет прицепил мне к лифчику между Угрозой и Уилл. Слава богу, Рейес об этом никогда не узнает. Несколько минут попритворявшись, будто выбираю машину, я наконец отвязалась от лучившегося энтузиазмом продавца и направилась в кабинет Филипа Бринкмана. У мужика на носу обвинения в убийстве, а он торчит на работе, как будто ему все на свете по барабану. Крепкий, видимо, орешек. Вот только он так же был похож на криминального авторитета, как и моя двоюродная бабушка Лиллиан, и, честно говоря, больше смахивал на бухгалтера. Темные волосы, бледная кожа, слишком большие для такого лица глаза.

Я плюхнулась напротив него у стола. Бринкман оторвался от бумажек и так на меня глянул, будто слегка удивился. Хотя нет. В его глазах отчетливо сиял страх. Он был не просто удивлен, а капитально ошарашен. Или с кофе переборщил, или ожидал увидеть кого-то другого.

Воровато осмотревшись по сторонам, он спросил:

— Вам нужна помощь?

— Вообще-то, да. Если уж посылаешь мужиков в черных масках, которые тычут мне в голову пистолетом и требуют отыскать тебе подружку, то выбирай кого-нибудь посимпатичнее.

Я поставила его в тупик. Страх никуда не делся, но Бринкман явно был сбит с толку. Твою дивизию! Он представления не имел, о чем речь.

— Понятия не имею, о чем вы.

Значит, я опять там же, откуда начала. И все-таки Бринкману светят обвинения в убийстве. А мужики в масках хотели знать, где находится женщина, которая могла дать против него показания. По-моему, за уши тут притягивать нечего.

Если бы копы нашли труп, то дело сдвинулось бы с мертвой точки. Я мрачно воззрилась на Бринкмана и подалась вперед. Внутри него тут же выросла стена страха.

— Где тело, Бринкман?

— Вы из полиции?

— Это как посмотреть. Ты охотнее мне все расскажешь, если я окажусь копом?

— Нет.

— Ну тогда я не коп. Спрашиваю еще раз: где тело?

— Они ищут Эмили?

— Кто такая Эмили?

— Моя подруга.

— Точно! Тогда да, они ее ищут.

К страху прибавилось нечто очень похожее на приступ бешеной паники, и эта ядерная смесь огромной волной устремилась ко мне.

— Ты заговоришь, или мне пойти и...

— Почему они пришли к вам? — перебил меня Бринкман.

Блин, у меня же был шикарный план по запугиванию! С огненными муравьями, наждачной бумагой и бетономешалкой.

Я положила ногу на ногу.

— Не знаю. Может, у меня на лбу написано «Целься сюда». А может, все дело в том, что я имею доступ к информации через самые разные источники. Они могли решить, что я сумею найти адрес Эмили. Но речь о программе защиты свидетелей. Плевать на связи — такие сведения мне никто не даст.

Бринкман потер губы и на несколько секунд прикрыл рукой рот. По вискам у него тек пот, а в животе все переворачивалось в ответ на стресс.

— Послушай, Филип, — сменила я тактику, — ты совершил ошибку. Со всеми случается. Но убийством твоей подружки уже ничего не исправить.

Он кивнул и рассеянно проговорил:

— В одном вы правы. Я совершил ошибку. Множество ошибок. Но Эмили в их списке никогда не значилась. Она... с ней все в порядке?

Об Эмили он волновался искренне. И уж точно не принимал никакого участия в

попытке ее отыскать или, в чем я была почти уверена, убить.

— Насколько мне известно, да, но очень скоро все может измениться. Если ты расскажешь, что произошло и где найти тело, я сумею тебе помочь, Филип.

— А я думал, вы не коп, — насторожился Бринкман. — Как вы можете мне помочь? Вас он подослал? Это все подстава?

Похоже, слово «подстава» в последнее время стало очень популярным.

Я покачала головой:

— Никаких подстав. Я всего лишь пытаюсь помочь твоей девушке вернуться к нормальной жизни и не переживать по поводу козлов, которые хотят ее убить.

Бринкман открыл ящик стола, достал бутылку «Джек Дэниелс» и смачно отхлебнул. Смачно — это полбутылки в один присест. Я не стала его останавливать, потому что в пьяном виде он вполне мог оказаться более сговорчивым.

— Похоже, тебя на самом деле волнует ее благополучие. Если людей в масках подослал не ты, то кто?

Глотнув еще раз, он вытер рот трясущейся рукой и проговорил срывающимся голосом:

— Лучше вам уйти.

— Ага, поняла! Свои собаки дерутся, чужая не приставай. Колись: мне действительно угрожает опасность?

— Скажем так, — усмехнулся Бринкман, — вряд ли вам захочется попасть в список неугодных им людей.

— Ну а если я уже в списке?

— Смерть вам не грозит, если вы об этом. Но задолго до того, как они с вами закончат, вы будете умолять о смерти. Не понимаю, как так получилось. Все зашло намного дальше, чем мы планировали...

— Мы? — переспросила я и дала ему время глотнуть еще виски.

— Я всего лишь хотел выйти из игры.

Наконец-то разговор начинал обретать смысл.

— На тебя заведено дело по обвинению в мошенничестве. С этого все и началось?

— На меня заведено дело?

— Ну, как бы, да. Мошенничество и убийство, само собой.

Бринкман откинулся на спинку кресла и поскреб пальцами лицо. Он понятия не имел, как выбраться из этой передраги. А я и представить не могла, во что он вляпался. Может быть, Филип совершил убийство, защищая собственную жизнь. Или вообще все вышло по чистой случайности. Может быть, Эмили завралась.

— Филип, я тебе помогу, если ты дашь мне шанс.

— Мистер Бринкман, — в дверях нарисовалась симпатичная брюнетка, — все в порядке?

Страх, который я ощущала от Бринкмана раньше, снова вернулся во всей красе.

— Да, Лоис, — ответил он с самым безмятежным на свете видом. — Все прекрасно.

— Вам что-нибудь принести?

— Нет. Буду через минуту. — Брюнетка ушла, а Филип смерил меня сердитым взглядом: — Уходите. Сейчас же.

— Боюсь, не выйдет. Если я не выясню, где находится Эмили, те люди убьют кого-то из моих друзей. — Терпеть не могу переходить на тяжелую артиллерию, но он буквально сам вручил мне заряженную снарядом пушку. — Мне нужны ответы, Филип. Если ко мне снова

придут, а мне нечего будет дать взамен, я скажу, что вы с Эмили были заодно.

— Что?! — обалдел Бринкман. — Эмили тут совершенно ни при чем!

— Ага, только они об этом не знают. По-моему, ты очень не хочешь лезть на рожон.

Интересно, какие будут последствия, если кое-кто решит, что все это вы с подружкой задумали вместе?

Что «это», я, естественно, и не представляла.

Филип провел пятерней по волосам.

— Поговори со мной, — примирительно сказала я. — Клянусь, во что бы ты не вляпался, я помогу тебе выбраться. Я частный детектив. У меня есть связи.

Попялившись в бутылку, он наконец подал голос:

— Не здесь. Тут повсюду глаза и уши.

Значит, возможность с ним поговорить все-таки была. От нетерпения закололо кожу.

Нацарапав что-то на бумажке, Бринкман подсунул ее мне. Там оказались адрес и записка: «Встретимся здесь через полчаса. Приходите одна».

Я покачала головой:

— Чтобы меня постигла та же участь, что и человека, которого ты убил? И не надейся.

Филип наклонился ко мне и прошептал:

— Там живет мой друг. Его сейчас нет в городе.

— И это должно меня успокоить? — отозвалась я тоже шепотом.

— Я все вам расскажу.

— Увидимся через полчаса. — Я встала и вышла из кабинета.

Проходя мимо стола секретарши Лоис, я целиком открылась, чтобы считать всю ее подноготную. А получила только чистое и жгучее любопытство. Ей было интересно, кто я такая. Лоис взяла сотовый и сделала вид, будто пишет кому-то сообщение. Но я была уверена на девяносто процентов, что она меня сфоткала. Сама так сто раз делала и только сейчас поняла, как неубедительно это выглядит со стороны. Так эсэмэски никто пишет. Надо будет разработать новую технику.

Я залезла в пикап Гаррета.

— Все слышал?

— Да. Где у нас стрелка?

— Улица Канделарии, недалеко от проспекта Ломас.

Своупс завел грузовик:

— Почувствовала от него что-нибудь?

— Ага, точнее кое-чего не почувствовала. — Он вопросительно приподнял брови, и я объяснила: — Вины. Он невиновен.

*Боже мой! Какой чудесный на тебе сегодня
оттенок стержности!*

Надпись на футболке

Филипа мы ждали перед дверью. Он опаздывал уже больше, чем на пятнадцать минут, и я начинала волноваться, что нас обвели вокруг пальца. Однако спустя еще пару секунд он припарковался у самого угла здания, и мы вышли на улицу. Заметив Гаррета, Филип явно собирался дать деру и уже развернулся обратно к машине, но я успела его остановить:

— Это мой коллега, — и подняла руки в знак того, что ему нечего бояться. — Он тоже частный детектив и самый лучший на свете следопыт. Ему ты можешь рассказать то же, что и мне.

От Своупса ко мне понеслась теплая волна благодарности. Куда приятнее, чем раздражение и бешенство, которые обычно от него исходят в мой адрес.

— Это была ошибка, — пробормотал Филип и залез обратно в машину.

— Мне очень жаль, Филип, но если ты не поделишься со мной подробностями, то мне придется рассказать тем людям все, что они захотят услышать. — Я решила садануть по нему главным вопросом, чтобы оценить реакцию. — Ты убил того человека?

Бринкман решительно уставился на меня:

— Да.

Я ахнула и наградила его сердитым взглядом:

— Ложь. Никого ты не убивал.

Он прижал указательный палец к губам:

— Хотите, чтобы вас услышала вся округа? Из-за вас нас всех убьют!

Да что, черт возьми, происходит?

Взяв за руку, Филип потащил меня в квартиру на цокольном этаже.

Плеснув себе в стакан виски, он предложил выпить и Гаррету, но тот, слава богу, отказался. Не самое подходящее время для мужских посиделок.

Когда Филип наконец-то сел, я перешла к делу:

— Ну ладно, Бринкман, выкладывай. Почему твоя подружка утверждает, будто видела, как ты кого-то прикончил?

— Потому что мне нужно было выйти из игры, — с несчастным видом вздохнул Филип. — Все стало слишком непредсказуемо.

— Это как-то связано с тем, что через твой автосалон проходит больше денег, чем машин?

— Откуда вы знаете?! — встрепенулся он.

— Говорила же, связи. Ну так как?

Он развалился на диване и откинул назад голову. Да уж, чувак в пяти минутах от нервного срыва. Мне даже стало его чуточку жаль.

— Я отмываю деньги для семьи Мендоса.

Гаррет застыл. Имя явно ему о чем-то говорило.

— Для семьи Мендоса? — переспросила я, понятия не имея, о чем речь.

Однако ответить Филип не успел, потому что за него это сделал Гаррет:

— Мендоса — одно из самых крупных криминальных семейств. Из Мексики. На них висят сотни смертей. В том числе копов и судей.

Я глянула на Бринкмана:

— Как ты на них вышел?

— Они сами ко мне пришли. Предложили помощь, чтобы снова поднять бизнес на ноги. Обещали сделать меня богатым человеком. Собственно, все получилось, но Мендоса — не те люди, на которых во всем можно положиться.

— Все равно не понимаю, при чем тут убийство.

— Это была идея Эмили. Я надеялся, что сяду за решетку и они обо мне забудут.

— То есть это и был твой план? Сесть за преступление, которого ты не совершал? Но раз уж ты не боишься тюрьмы, то почему просто не расскажешь полиции о своих грязных делишках?

— Вы представляете, что со мной тогда сделают? И с моими детьми? Я перевез бывшую жену и детей на другой конец страны, только бы они были подальше от этих людей. Но их и там легко достанут. Чтобы я продолжал заниматься тем же, что делаю сейчас, моим детям без всяких колебаний причинят вред. Или даже убьют их. А так меня посадят за то, что никак не связано с семьей Мендоса. Я потеряю все, включая и свой бизнес. Стану совершенно бесполезным, а детям никто не будет угрожать.

— Значит, никакого убийства не было, и Эмили ничего не видела?

— Именно.

— Тогда кого они ищут? Кого ты вроде как убил?

— Своего лучшего друга со времен колледжа. Он согласился исчезнуть за определенную плату.

— Чувак, рано или поздно он все равно объявится.

— Нет. Здесь у него нет ни семьи, ни друзей. Кроме меня.

— И все-таки это огромный риск.

— Поверьте, я понимаю это куда лучше вас. К тому же у меня есть запасной план.

— Просветишь?

— Я договорился с одним человеком. Если придется, он спрячет мою бывшую жену и детей. Ради этой цели я уже отложил несколько миллионов.

— Кто об этом знает?

— Никто. Никто, кроме Джеффа, которого я якобы убил, и Эмили. А теперь знаете и вы. Черт! — Филип задумчиво пожевал губу. — Так и знал, что план не сработает. Не могу я так запросто рисковать благополучием Эмили. Она очень умная. И храбрая. Она знала, что за ней начнут охотиться. — Бринкман улыбнулся, думая об Эмили. — Никогда не встречал того, кто с готовностью рискнул бы ради меня всем, даже жизнью.

— Чья это квартира? — спросила я.

— Джеффа.

— Того самого, которого ты якобы убил?

— Его самого.

— Жутковато как-то.

— Серьезно? — невозмутимо поинтересовался Гаррет. — Вот это для тебя жутковато?

— В общем, Филип, дай мне время. Я все выясню и посмотрю, что можно сделать.

— Бесплезно, — вздохнул Бринкман. — Если они узнали, что я хотел нарочно потерять бизнес, то придут за всеми, кто мне дорог.

— Мы не позволим этому случиться.

— Послушайте, раз уж они к вам пришли, то, держу пари на собственную жизнь, наверняка знают о каждом вашем шаге.

— Ну уж точно знают, где я живу. Визит с тыканьем пистолетом мне в голову не очень меня порадовал.

— Нет. Я говорю о жучках, о видеонаблюдении. Они прослушивают вас, следят за передвижениями. Если вы повторите все это где-то в другом мес...

— Поняла. — Капитан тоже меня прослушивал. И тоже за мной следил. — Как бы то ни было, мне надо хорошенько прибраться в квартире.

По пути домой я звякнула Пари:

— Мне надо, чтобы ты поковырялась у меня в берлоге.

— Я не против твоей берлоги, но не так уж сильно она мне нравится, чтобы в ней ковыряться.

— Похоже, кто-то пытается влезть в мою личную жизнь.

— Прямо как ты сейчас лезешь в мою?

— Ну-у, можно и так сказать. Но я серьезно. У тебя сохранилось оборудование, которое находит жучки и все такое?

В трубке повисла долгая-долгая пауза, и только потом Пари проговорила:

— Нет. Сама знаешь, мне к таким вещам и на километр приближаться нельзя. Спасибо за предложение, но я строго придерживаюсь условий испытательного срока.

— Ясно, и все-таки...

— А-а! Ты о пшикалке от насекомых, которую недавно мне одолжила?

Я легко представила, как Пари мне подмигивает. Намек поняла, вот только отговорка получилась дурацкая. Ну кто одалживает подруге яд для насекомых и ждет, что она вернет баночку?

— М-мм, да, — все-таки подыграла я. — Ты еще не выбросила пшикалку от насекомых, которую я недавно тебе одолжила?

— Я поищу в подсобке, где у меня нет ни единого предмета, связанного с компьютерами и прочими электронными приборами.

— Тебе нельзя пользоваться даже электронными приборами? Да что, черт возьми, ты натворила?

— Кое-кого расстроила, — почти напрямую ответила она.

— Ну и кого же?

— Я вроде как ненароком специально взломала телефонную сеть в Белом Доме.

— Не может быть!

— Может.

— По-твоему, умный был поступок?

— Теперь-то я точно знаю, что нет. Можешь поставить на это собственную задницу.

Оказывается, к таким вещам относятся очень серьезно.

— Интересно почему?

Я повесила трубку и все внимание обратила на своего водителя, которого временно окрестила Фитцем, потому что имя Гаррет для водителя совсем не подходит:

— Ну, Фитц? Нашел еще что-нибудь о Дюжине?

— Немного, — отозвался «Фитц». — Попросил доктора фон Гольштейна поискать в пророчествах.

— И?

— Он все еще над этим работает, но уже нашел кое-что интересное. Оказывается, там упоминаются две разные Дюжины. А между ними — одна определяющая сила. Тринадцатый зверь.

Меня вдруг обуяло любопытство:

— Да ладно!

— Насколько я понимаю, существует Дюжина, она же тьма, а в противовес ей есть двенадцать разумных существ из света, посланных защищать тебя, то бишь дочь.

— Похоже, кто-то сильно расстарался. А что там с тринадцатым?

— Он — единственное существо, способное склонить чашу весов либо к свету, либо к тьме.

Да уж, шутки кончились.

Возле дома уже ждала Пари. Живет она всего лишь в квартале от меня, и это очень удобно, особенно если мне нужна ее помощь или срочно требуется потереть спинку. Руки у нее божественные!

Я пыталась дозвониться дяде Бобу, но он не брал трубку. А мне позарез надо было узнать, как дела у капитана. И действительно ли Дибби нанял псевдоэкстрасеншу. Зуб даю, она обесцвечивает волосы. Еще я успела связаться с Квентином в видео-чате. Чувствовал он себя неплохо и спрашивал об Эмбер.

— Сейчас главное — не маячить под носом у ее матери, — ответила я, — не то с тебя шкуру живьем сдерут.

Он вздрогнул и показал:

— Понимаю. Мне очень жаль.

— Я знаю, что тебе жаль, милый, но, если до тебя доберется Куки, станет еще жальче.

— Понял.

Послав ему воздушный поцелуй, я отключила чат.

Как всегда при виде меня, Пари напялила солнцезащитные очки. Она видит мой свет и вечно твердит, что он ее ослепляет. Заметив Гаррета, Пари немного обалдела, а потом поинтересовалась:

— Ну и что нам предстоит?

— Меня прослушивают все, кому не лень. От полиции до криминального семейства Мендоса.

— И почему тебе так нравится бесить людей?

— Да ничего я им не делала. Это у меня от бога.

— Что верно, то верно. — Пари «ласково» похлопала меня по спине. Хотя скорее намеревалась поменять мне местами легкие.

Я откашлялась и стала знакомить их со Своупсом:

— Пари, это Фитц, мой новый водитель. Я решила, что мне нужен водитель, а дешевле его не найти.

— Гаррет, — представился Своупс, пожимая Пари руку.

Пари осмотрела его с головы до ног.

— Фитц, это Пари — самый крутой на свете тату-мастер. Отмотала всего два срока.

— Я никогда не сидела в тюрьме, — заявила Пари, не в силах отвести от Своупса взгляд. — У тебя невероятная аура.

Все ясно. Меня опять усадили на скамейку запасных.

— Как поживает Тре? — обиженно спросила я.

Тре работал на Пари, и уже какое-то время они встречались. Ситуацию, конечно, легко можно было назвать сексуальным домогательством на рабочем месте, но эти двое казались счастливой парой.

— С его аурой все в порядке. А вот у Гаррета — весьма необычная.

— Правда? — Я изо всех сил сощурилась. Я ведь тоже вроде как вижу ауры.

— Ага.

— Может, займемся жучками? — напомнила я.

— Ну да.

Пари вывалила из сумки непонятные штуковины и взяла в руки какой-то приборчик. Видимо, он и должен отыскать прослушки. Хотя... Как знать, вдруг Пари окажется шарлатанкой?

— А еще я подумываю понатыкивать в квартире датчики движения и камеры видеонаблюдения. Жуть как надоело, что ко мне заходят на огонек без всякого разрешения.

— Любому другому я бы сказала, что камера — это уже чересчур, но в твоем случае советую как минимум две. И, может быть, взрывающуюся растяжку.

Включив прибор, Пари стала размахивать им над самыми очевидными местами, где можно спрятать жучок. И практически сразу же нашла один под подоконником. Выглядел он как маленькая черная пуговка.

— Прямо-таки последнее слово техники, — оценила Пари, передавая жучок Гаррету.

Тот согласно кивнул:

— Сомневаюсь, что этот подарочек оставил капитан. На такое дорожное оборудование правительство средств не выделяет.

— Значит, Мендоса? — прошептала я, чтобы меня не услышали через прослушку.

Своупс покрутил жучок так и эдак, явно восторгаясь одним его видом.

— Скорее всего.

Я повернулась к Пари:

— Засунь его туда же, откуда взяла. И проверь, чтобы он работал. Позже он мне понадобится.

Показав мне большой палец, она прошептала:

— Имей в виду, это очень крутая штуковина. С диапазоном действия... — Она

замолчала и посмотрела куда-то мимо меня.

— С каким диапазоном? — не выдержала я и вдруг поняла, что Пари заметила моего соседа.

— Это еще что такое? — спросила она, выпрямляясь.

— Мистер Вонг. Мой сосед по квартире.

Пари стала видеть мертвых, после того как в двенадцать лет пережила околосмертный опыт. Только для нее призраки — всего лишь едва заметная сероватая дымка в воздухе.

— Призрак? — уточнила она.

— Ага. Целыми днями висит у меня в углу. Совсем не выходит погулять.

Пари ничего не ответила, и я оглянулась. Она сняла очки и потрясенно замерла.

— Что случилось? — спросила я. — Ты же постоянно мертвецов видишь.

— Ты уверена, что он призрак?

Любопытство расцвело буйным цветом.

— В каком смысле? — Я шагнула к мистери Вонгу. — Он такой же, как и все призраки, которых я видела раньше. Разве что чуточку более одноцветный. — Честно говоря, мой сосед всегда был очень-очень серым.

— Ничего подобного. Он совсем не такой, как остальные призраки.

Гаррет следил за нашей беседой, но его явно больше интересовал жучок, чем сверхъестественные материи. Своупсу вообще нравится то, что он может увидеть собственными глазами, потрогать и объяснить. Для выходца из семьи практикующих вудуистов, который к тому же сгонял в ад и обратно, Гаррету до странности неловко обсуждать мир сверхъестественного.

Я снова прищурилась, стараясь увидеть то же, что и Пари.

— С чего ты взяла? Что ты видишь?

Но она продолжала молча стоять, с благоговением глядя на мистера Вонга сияющими глазами. Пари не из тех людей, кто готов благоговеть и выражать свое почтение направо и налево. С ног до головы покрытая татуировками, эта барышня может похвастать длинными темными волосами, уложенными в смелые локоны, и непоколебимой любовью к кричащей черной подводке и полупрозрачным черным юбочкам. Если бы меня попросили описать ее одним словом, я бы выбрала слово «непокорная».

— Ну? — снова спросила я и покрутила туда-сюда головой. — Что ты видишь?

— Ничего. — Пари поморгала, выходя из ступора. — Совсем ничего. — Просканировав оставшуюся часть квартиры, она указала на спальню и заявила: — Зато я, кажется, нашла одну из твоих проблем.

— Серьезно?

Я протиснулась мимо нее в дверной проем, пару секунд постояла, а потом вошла в свою комнату. Наверное, раньше я поторопилась с выводами, решив, что грабитель, перевернувший вверх дном мою гостиную, спальню не тронул. Там явно чего-то не хватало. Уперев руки в бока, я осмотрелась, пытаюсь понять, что тут не так. С комодом все было нормально. Со шкафом вроде бы тоже, с одной поправкой — это все-таки мой шкаф. Кровать никто не трогал. Одеяло с кроликами Багз Банни лежало так же, как я оставила его утром, — то бишь беспорядочным комком.

И все-таки что-то было не так.

— Рейес. Александр. Фэрроу! — отчеканила я.

Стоило мне произнести его имя, как секунду спустя он вошел в свою спальню. Я

установилась на него сквозь пустое пространство там, где раньше была стена между его комнатой и моей. Он молча ждал, что я еще скажу.

— По-моему, у меня в спальне чего-то не хватает.

На его щеке появилась ямочка.

— Не может быть.

— Ты, случайно, не в курсе, что именно пропало?

Рейес осмотрелся и пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Минуточку! — Я шагнула из своей спальни в его. — Припоминаю, тут было что-то такое... ну не знаю... стена, например?

Он посмотрел вверх:

— Может быть, ты права. Какая-то заслонка тут, кажется, была.

— Вот именно, — кивнула я, подходя ближе. — Точно помню, что между нашими квартирами имелось некое подобие стены. — Ответа я не услышала, зато увидела, как приподнялся уголок его губ. — Ну и когда ты успел утащить мою стену?!

Сложив на груди руки, Рейес прислонился плечом к дверному косяку.

— С чего ты взяла, что это я?

— Утром она была на месте.

— И это вовсе не говорит о том, что я причастен к ее исчезновению. Может быть, ты положила стену куда-то еще. Где именно ты видела ее в последний раз?

Я укоризненно поджала губы:

— Ты снес мою стену.

Улыбкой Рейес мог бы очаровать и монахиню. Ни капли не раскаиваясь, он сознался:

— Да, я снес твою стену.

Я шагнула еще ближе, и он обнял меня за талию.

— Моя квартира не самое безопасное место на свете, — предупредила я. — Туда вечно кто-то вламывается, время от времени появляются призраки, а еще квартира категорически не выносит коричневый шнапс. Долго рассказывать.

— По-твоему, снести стену — плохая идея?

— Сам посуди. Теперь, когда преграды больше нет, проклятие из моей скромной обители однозначно просочилось и в твою.

— Даже без стены граница непроницаема.

— Ну не знаю. На вид очень даже проницаемая.

— Думаешь?

— Ага. Плюс у нас теперь невероятно длинная кровать. — Я кивнула на кровати, стоявшие изголовьями друг к другу. Вот только изголовий не было. И тут до меня дошло, какие удивительные открываются возможности. Я просияла и взглянула на Рейеса: — Мы можем играть в «Твистер»!

— В «Твистер», значит.

— Ну да, а еще устраивать массовые подушечные побоища! Зуб даю, я надеру тебе зад.

— Серьезно?

— На что спорим?

— Думаю, ставок с тебя достаточно, — отозвался Рейес, намекая на мою жалкую попытку разжиться наличностью за покерным столом.

— Тогда я играла с демоном, который врет, как дышит. Нельзя винить меня за то, что я

проиграла любителю поужинать душами.

— Похоже, твоя подруга расстроена.

Я вырвалась из рук Рейеса и повернулась к Пари. Та снова находилась в ступоре, только на этот раз в ее взгляде не было того почтения, с каким она смотрела на мистера Вонга. На Рейеса она смотрела настороженно. Если не ошибаюсь, в ее глазах читалось нечто вроде смутения. О да, Пари была напугана до чертиков.

Когда Рейес на нее взглянул, она шагнула назад, потом еще раз и еще, пока не уперлась в Софи.

— Пари, — начала я, медленно приближаясь, — это Рейес Фэрроу. Мой, м-мм, сосед. — Я не знала, как его представить. Бойфренд? Любовник? Жених? Рейес мне не жених. Пока что. Любовник в нашей ситуации звучит как-то не очень. А бойфренд еще хуже. — Пари?

Она тут же куда-то засобиралась и стала складывать свои приборы в сумку.

— Надо как можно скорее заняться твоими проблемами.

Гаррет подошел к двери и стал осматривать новую планировку. Честно говоря, придраться тут было не к чему. Никто и не заподозрит, что здесь когда-то имелась стена. Все было сделано на совесть, покрашено в тон, и теперь казалось, что это просто-напросто одна большая и длинная комната. Своупс обернулся к Пари:

— Не переживай, Фэрроу всех пугает.

Проходя мимо, я наградила его мрачным взглядом и спросила у Пари:

— Ты как?

Но она даже не взглянула на меня:

— Лучше не бывает.

Вдруг я заметила, что она с трудом дышит. Вот только из Пари лился не один лишь страх. В ней клубилась такая смесь эмоций, что я не могла понять, из-за чего ей так плохо.

Я коснулась ее руки:

— Солнце, давай присядем.

Наконец она посмотрела на меня, поморщилась от света, напялила очки и только потом сказала:

— Нет, правда, все в порядке.

И все-таки я подвела ее к дивану, оглянувшись напоследок:

— А вы, мальчики, ведите себя хорошо.

Вряд ли, конечно, мои слова подействуют, но эти двое, мягко говоря, не всегда ладят.

Наконец мы с Пари уселись. Она не из тех, кого легко напугать. Я, например, и вовсе думала, что она ничего не боится.

— Что случилось? — тихо спросила я.

Прикусив губу, она наклонилась ко мне и прошептала:

— Кто он такой?

За последнее время она уже второй человек, кто меня об этом спрашивает. Пари знала, кто я такая, потому что видела меня, точнее мой свет. Интересно, что она увидела, когда посмотрела на Рейеса?

— А каким он тебе кажется?

— Он как... ну не знаю. — Пари рискнула заглянуть мне за спину. — Ты когда-нибудь видела ночное небо без единой звездочки? Но небо, хоть и черное, все равно кажется ясным и таким прекрасно глубоким, что в нем хочется утонуть?

Я с пониманием кивнула:

— Видела.

— Вот он такой же. — Она зажмурилась, как будто боялась снова посмотреть на Рейеса и поэтому представляла его мысленно. — Бесконечная, темная красота, за которую ты душу продашь, лишь бы в ней утонуть.

Ну и ну! А у Пари с воображением полный порядок.

— Даже спорить не буду.

— Никогда ничего такого не видела. В смысле такого, как он. И он сделан из огня. Из черного пламени, такого темного, такого мощного, что пламя это не отражает, а поглощает свет, подчиняет его воле. — Наконец она открыла глаза и посмотрела на меня в упор. — Значит, это и есть твой Рейес.

— Это и есть мой Рейес.

Откашлявшись, Пари тяжело сглотнула и поправила воротник.

— Могу понять, чем он тебя подкупил.

— Мне показалось, ты испугалась.

Она кивнула:

— Ага, испугалась. Я и сейчас боюсь. То есть... ты только пойми меня правильно, но, черт побери, в жизни не видела ничего более сексуального! Чтобы в одном человеке было столько красоты, загадочности и готовой в любой момент сорваться с цепи смертельной опасности... уму непостижимо! — Помолчав, Пари добавила: — Ну-у, это пока он не пытается меня убить.

Я тихонько рассмеялась:

— Ну ладно. Теперь-то можно вас нормально познакомить?

— Нет! — Она опять принялась бросать вещи в сумку. — В смысле нет, спасибо. Он слишком... он... он... не знаю, как сказать.

— Поняла, — кивнув, сказала я, но внутри просто сгорала от любопытства. Ужасно хотелось увидеть то же, что увидела Пари

Я оглянулась на Рейеса. Он стоял у своей двери, а Гаррет — у моей. Древнее, как мир, противостояние со времен пещерных людей, которые бросали друг другу вызов и с дубинками в руках дрались не на жизнь, а на смерть. Один из них должен был одержать верх, но никто не желал признавать превосходство другого. Глядя на Рейеса, я прищурилась, сосредоточилась изо всех сил. Без толку. Видела я только суперклассного парня, живущего по соседству. Никаких тебе беззвездных ночей, никаких черных огней.

— Кстати, твой телефон наверняка прослушивают. Заскочи ко мне, я дам тебе проверенный, без всяких жучков. Будешь пользоваться им, когда захочешь поговорить без лишних ушей. Но не забывай: тебя слышат, даже если ты не говоришь по телефону. Сотовые — это самый простой и дешевый способ слежки. Если понадобится поговорить без свидетелей, придется вынуть батарею. Не просто отключить телефон, а именно вытащить батарею. — Махнув на прощание Гаррету, Пари помчалась к выходу, пробормотав мне на бегу: — Позвони, когда освободишься.

Провожая Пари, я заметила, что Рейес за мной наблюдает. Впрочем, Пари так торопилась, что мне не пришлось закрывать за ней дверь, поэтому я вернулась к текущей проблеме. То бишь к отсутствующей стене. Ну кто, черт возьми, такое вытворяет?

Ткнув Гаррета локтем в ребра, я подошла к Рейесу и остановилась перед ним, сложив на груди руки.

— Слушаю вас внимательно, — игриво ухмыльнулся он.

— Мы еще не разобрались с фигней по поводу стены.

Зацепив пальцем пояс моих джинсов, Рейес потянул меня к себе.

— А есть какая-то фигня по поводу стены?

Я инстинктивно уперлась руками ему в грудь — в широкую, гладкую, надежную твердь.

— Еще как есть.

— Чарли! — послышался голос Куки.

— Я тут! — отозвалась я, загибнутая губами Рейеса.

Куки ворвалась в комнату с раскрасневшимися щеками:

— Как тебе наряд? — Она покрутилась, пока не заметила Гаррета, мимо которого только что пронеслась. — Ой, Гаррет! Привет.

— Привет, — поздоровался он.

Она собиралась на третье и последнее свидание в миссии под названием «Довести Дибби до белого каления». Если сегодня мы ничего не добьемся, то придется Куки сделать нечто невообразимое, но решительное. Например (и тут у всех дружно отвисают челюсти!), лично позвать Дибби на свидание. Но, честно говоря, выглядела она сногсшибательно. Если уж это не подействует, то дядя Боб идиот и не заслуживает такой женщины.

— Я тут собираюсь на свидание... Типа того. Свидание ненастоящее, но... — Внезапно она нахмурилась. — Где твоя стена?

Я уперлась кулаками в бока и наградила ее гневным взглядом:

— Вот и мне бы хотелось это знать, барышня. Кстати о птичках, — я развернулась к похитителю стен, — зачем, бога ради, ты снес мою стену?

Он пожал плечами:

— Ты живешь в соседней квартире.

— Согласна, — признала я вслух очевидный факт, — но стена-то тут при чем?

Рейес посерьезнел, смерил меня взглядом исподлобья и едва не по слогам повторил:

— Ты живешь в соседней квартире.

— А-а, в этом смысле... — Пусть медленно, но до меня наконец-то начинало доходить.

— Вот этого я и хочу, черт бы все побрал! — вздохнула Куки, указывая на нас, а потом спросила у Гаррета: — Ну разве я многого прошу?

Своупс был в ужасе уже только потому, что она сочла нужным именно ему задать этот вопрос.

— Итак, — я подошла к Куки и поправила на ней шарф, — этого парня я нашла по объявлению на последней странице бесплатного еженедельника.

— Минуточку! — ошарашенно воскликнула она. — Ты с ним не знакома?

— Нет, но он актер. А для сегодняшнего вечера нам как раз актер и нужен. Ну то есть человек, который сможет сыграть роль.

— Последствия могут быть самые ужасные, — проворчала Куки.

И она права, разумеется. Но мне было необходимо видеть чашку кофе наполовину полной. Не просто так мы все это затеяли. Значит, у нас все получится. А единороги переливаются в лунном свете.

Помни: хороша забава, пока кому-то не выбьют глаз.

А уж потом начинается настоящее веселье — глаз-то бесплатный!

Надпись на футболке

Дел было по горло — я вносила номера в телефон, который одолжила мне Пари. Хорошо хоть сегодняшний кавалер Куки не опоздал. Быстренько пробежавшись по сценарию, мы убедили парня, будто все это будет записываться скрытой камерой для нового телешоу, которое, вполне возможно, купит один из кабельных каналов.

— Если хочешь, чтобы это появилось в эфире, — сказала я, — придется как следует постараться.

Парень оказался высоким и хорошо сложенным. Правда, он был слишком молодой и слишком красивый для того, что мы просили его сделать, но все-таки согласился сыграть в нашей короткометражке и никак не возражал по поводу того, что мы собираемся погладить против шерсти одного конкретного человека.

— Жаль, что тебя там не будет, — сказала мне Куки.

— Мне тоже, но если Дибби меня увидит, то сразу нас раскусит.

Когда пришло время уходить, Куки с ног до головы покрылась зеленоватым оттенком.

— Выше нос, солнце. Это наша последняя попытка.

— Ну неужели все это необходимо? — жалобно спросила она, явно готовая в любой момент пойти на попятную. — Если бы он хотел позвать меня на свидание, то уже бы позвал, разве нет?

— Ты дядю Боба хоть раз видела?

— Ладно-ладно. Ты права.

Взяв кавалера под руку, Куки пошла с ним вниз, где уже ждал лимузин. Лично я рассчитывала на положительный результат.

Казалось, прошло всего несколько минут, как вдруг зазвонил мой новый телефон. Мы с Рейесом и Гарретом обсуждали пророчества и Дилера. Своупс согласился с ним встретиться и хотя бы попытаться выяснить, что происходит. Но сейчас было дело поважнее — меня звал телефон, который невозможно отследить.

Я провела пальцем по экрану:

— Привет, Кук. Как дела?

— Чарли! — практически завизжала Куки. — Срочно приезжай! Роберт его убьет!!!

Я вскочила на ноги.

— Что?! Где ты? Что случилось?

— Они дерутся. Роберт с нами поругался, а твой актер думает, что все это часть сценария! Роберт его убьет! Приезжай скорее!!!

Сама не поняла, как выскочила за дверь.

— Где именно вы находитесь? — спросила я, мчась по лестнице через две ступеньки за раз.

Рейес с Гарретом ни на шаг не отставали.

— Поедем на моей, — сказал Своупс и двинул к своему грузовику.

Мы бросились за ним и уже залезали в кабину, когда завелся двигатель.

— Куда ехать? — спросил Гаррет.

— Они за итальянским ресторанчиком возле театра.

— Какого театра? — уточнил он, выезжая со стоянки.

Я сидела между ним и Рейесом и пыталась успокоить Куки:

— Передай трубку дяде Бобу.

— Уже пыталась. Он меня не слушает. Думает, этот парень какой-то маньяк.

— Ты сказала ему все так, как мы договаривались?

— Да! Слово в слово! Позвонила и сказала, что у меня свидание с парнем с сайта знакомств. И что из-за него мне не по себе. Спросила, не может ли он приехать и забрать меня, вот и все! Больше я ничего не говорила. А Роберт примчался, ворвался в ресторан, схватил твоего актера за горло и выволок на улицу! А сейчас они дерутся. Пожалуйста, Чарли, поторопись!

— Мы почти на месте, — заверила я и мысленно поблагодарила создателя за то, что Гаррет не снимает ногу с педали. — Все-таки попробуй передать дяде Бобу трубку. Скажи, что это я.

— Хорошо, попробую.

Я услышала ругань, а потом голос Куки, когда она попыталась достучаться до рехнувшегося психа, которого все называют Робертом Дэвидсоном.

— Куки, не лезь, — зарычал он на нее.

А потом послышались звуки драки. Куки закричала, а я уронила лицо в ладони. Что же я натворила?!

— Чарли! — заорала в телефон Куки. — У него пистолет!!!

— Что?! — В голове не укладывалось, что все это происходит на самом деле. — Нет! Нет-нет-нет-нет-нет! Куки, ты должна сказать дяде Бобу, что это всего лишь игра! Куки?

В следующую секунду оглушительный грохот расколол воздух, и в трубке воцарилась тишина.

Гаррет еще не успел остановить машину, а я уже лезла к двери через Рейеса. Но он схватил меня за руку и не давал пошевелиться, пока сам не вылез из грузовика. Мы помчались к месту драки. Куки стояла под фонарем у торгового центра неподалеку от театрального комплекса. Собралась толпа зевак. Вдалеке выли сирены. Я резко остановилась возле Куки. Она плакала, опустив голову. Плечи тряслись от рыданий.

А потом я увидела дядю Боба. Он был весь в крови, а липовый кавалер Куки без

сознания лежал на земле. Я закрыла рот обеими руками, чтобы не закричать.

Видимо, Куки сыграла свою роль великолепно — сумела убедить дядю Боба, что боится этого парня, и Дибби отреагировал. Но мне и в голову не могло прийти, что он будет настолько ослеплен гневом.

Я бросилась проверять пульс парня. Под моими пальцами отчетливо ощущалась работа сердца. От облегчения я чуть не грохнулась в обморок, но нашла в себе силы распахнуть рубашку, чтобы осмотреть рану. В свете фонаря я увидела идеальную кожу без единой царапины. Никаких ран, никаких фонтанов крови. Ни единого намека на то, что здесь только что произошла драка, в которой чуть не погиб человек.

Дядя Боб наклонился ко мне и прошептал прямо в ухо:

— Он сдох, или мне всадить в него еще одну пулю?

Как только он замолчал, я ощутила какую-то явную, буквально лежавшую на поверхности эмоцию. Что-то тут было не так.

Я повернулась и пристально посмотрела на Дибби. Выражение его лица было мрачным. Чувства, лившиеся из него, полностью соответствовали виду. Но ощущала я что-то иное, совсем не свойственное дяде Бобу. В любой ситуации, когда зашкаливает адреналин, он реагирует настороженно, но всегда держит себя в руках. В конце концов, он матерый коп.

И пах он как-то странно.

Его рубашка была покрыта кровью, но мой нюх не уловил знакомого запаха меди. Зато уловил (я еще раз принялась) помидоры. Точнее кетчуп. И тут до меня дошло, что по венам Дибби текла не ярость, а возмущение. А парень на земле не испытывал ни намека на страх. И ни намека на боль, которую должен был почувствовать, когда его подстрелили. Так вот в чем дело!

Меня обвели вокруг пальца!

Я потерла ладонями лицо и воззрилась на Дибби:

— И когда ты все понял?

Он протянул руку и помог встать ухмыляющемуся «кавалеру».

— Если уж устраиваешь Куки липовые свидания, чтобы я ревновал, то выбирала бы натуралов.

Блин! Второй кавалер Куки, мой друг, был геем. И как только Дибби об этом узнал?

Я встала на ноги и отряхнулась. Куки поглядывала то на меня, то на дядю Боба и испытывала облегчение вперемешку с замешательством

— Значит, ты все это подстроил? — спросила я у Дибби.

— Да.

— Но как ты узнал, что мы тебя разыгрываем?

— Имей хоть немножко веры в меня, Чарли. Я все-таки детектив. Плюс никто из вас и пакет не обманет. — Он повернулся к Куки и наградил ее сердитым взглядом. — Походила бы на курсы по лжи, что ли.

— Да у нас по лжи черный пояс! — огрызнулась я, защищая нашу честь. — К тому же это была моя идея, дядя Боб. Куки вообще не хотела ввязываться.

Неужели я умудрилась испоганить единственный шанс сойтись для Куки и дяди Боба?

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но это я тоже понял.

— Как?!

— Куки в жизни бы не придумала настолько несуразный план.

Я сложила на груди руки:

— Я оскорблена до глубины души.

— И Куки никогда бы не зашла так далеко, чтобы нанять актера.

Трой, упомянутый актер, разулыбался еще шире и поинтересовался у Дибби:

— Как я справился?

— Тебя ждет слава, сынок.

— Между прочим, — с видом поруганного достоинства вмешалась Куки, — даже если Чарли и ужасная лгунья, то я уж точно профи.

— Продолжай себя в этом убеждать, красавица.

— Но как... то есть когда вы успели спеться? — спросила я, рисуя пальцем в воздухе линию между дядей Бобом и Троем.

— Запросил записи о твоих звонках и узнал номер, — самодовольно отозвался Дибби.

Я громко ахнула, чтобы до него уж точно дошло, как я возмущена:

— Это незаконно!

— Как и все, что ты делаешь чуть ли не каждый день. Но в этот раз я решил, что пора поставить тебя на место. Потому и позвонил Вайноне Джейкс.

— То есть липовая экстрасенсша — это розыгрыш? — Я была настолько ошарашена, что едва не онемела. Но все-таки не онемела. — Поверить не могу, что ты так меня подставил!

— Ну и как тебе? Понравилось?

Удар ниже пояса. Я опять едва не лишилась дара речи.

— Дядя Боб! Но мы-то все это затеяли ради твоего же блага! Тебе ведь позарез был нужен волшебный пендель! Пригласил бы Куки на свидание сразу, мы бы...

— Опять начинается лекция на твою любимую тему о том, как жертва оказывается виноватой?

Не имея ни малейшего желания отвечать на этот вопрос, я тут же заткнулась.

Дибби глянул на Куки, которая разрывалась между позором и унижением.

— Итак? — спросил он, протягивая ей руку.

— Итак? — в тон повторила она.

— Мы идем на свидание, или как?

Куки открыла рот и закрыла. Опять открыла и...

— Да! — ответила я за нее, подкравшись поближе к своему брюзгливому дядюшке. — Вы идете на свидание!

Куки тут же зарделась:

— Да, Роберт, мы идем на свидание. Прямо сейчас, пока ты не передумал.

Лицо Дибби выражало такую благодарность, что у меня потеплело на сердце. Куки пошла забрать сумочку у какого-то зеваки, а я взяла Дибби за руку и положила ему на плечо голову.

— Значит, все-таки сработало.

Дядя Боб поджал губы, встопорщив усы, и неохотно признал:

— Сработало. Но вы сильно расстарались из-за ерунды.

Подошла Куки, и я передала руку дяди Боба ей.

— Ничего подобного, — сказала она и, поднявшись на цыпочки, поцеловала его в щеку. — Это вовсе не ерунда.

Он густо покраснел, а меня в ту же секунду настиг страшный приступ тошноты. Видимо, пора отсюда уматывать.

После того как Гаррет подвез нас с Рейесом домой, я почистила зубы, умылась и надела любимую пижаму — нежно-голубые штанишки в маленьких пожарных машинках и яркий топ с надписью «Жизнь коротка — хватай быка за рога». Чмокнув мистера Вонга в щеку и пожелав ему спокойной ночи, я зашла в спальню и откинула одеяло с кроликами Багз Банни.

Комната казалась огромной. Будто под открытым небом. Даже как-то не по себе.

Забравшись под одеяло, я повозилась с подушкой, пока она не легла, как надо, а потом подтянулась выше, чтобы макушкой коснуться плеча Рейеса. Он лежал в точно такой же позе, только на своей кровати. То есть относительно меня — вниз головой. Несколько минут мы молча лежали, глядя друг на друга и ощущая, как смешивается наше дыхание. Запах Рейеса навевал мысли о лесном дожде. Я коснулась его лица, провела пальцами по щеке и губам. Большая ладонь убрала волосы с моего лица, длинные пыльцы пробежались по скулам.

— Стены между нами нет, но воспользоваться преимуществом тебе не удастся, — пошутил он.

— Ну что ты! И в мыслях не было!

Рейес уснул, так и не убрав руки с моей головы. Его жар омывал меня обжигающими волнами, и все же жарко мне не было. Чему я успела удивиться, перед тем как погрузиться в сон.

Наутро я почувствовала, как солнце встает над горизонтом, и всей душой воспротивилась естественному порыву проснуться с первыми петухами. Наверняка было еще очень рано. А значит, я вполне могла позволить себе поваляться как минимум полчаса, пока не позовет долг. Ну или природа — в комнатку для сеньорит. Но планы понежиться в постели рухнули — я отчетливо ощутила, как кто-то на меня смотрит. Дышит и сидит рядом, нагло вторгаясь в пузырь моего личного пространства.

Я открыла глаза и увидела улыбающееся личико.

— Она проснулась! — взвизгнула девочка, и я резко села, пытаюсь проморгать остатки сна.

В комнату вихрем ворвался мальчик и уселся на кровать рядом с сестрой.

— А что с твоей стеной? — спросил он, удивленно распахнув огромные темные глаза.

Вот только девочка больше не улыбалась. Она сидела, сложив на груди руки, и смотрела на меня обжигающе сердитым взглядом. О да, она желала мне долгой и мучительной смерти, но все равно выглядела восхитительно.

— И зачем тебе две кровати? — снова спросил мальчик, подпрыгивая на коленях. Ему явно не терпелось проверить матрас на прочность. — Ты кажешься старше, чем когда мы видели тебя в последний раз. И на голове бардак! — хихикая, добавил он.

— Боже мой! — В комнату влетела женщина и поспешно стащила детей с кровати на пол. — Извини, Чарли.

Я махнула, давая ей понять, что ничего страшного не произошло. Бьянка замужем за Амадором — лучшим (и единственным) другом Рейеса. А два карапуза рядом с ней, один из которых широко улыбался, а второй прожигал меня гневным взглядом, — их дети, Эшли и Стивен.

Появился Амадор и одобряюще мне кивнул:

— Привет, Чарли. Неплохая планировочка.

— Спасибо.

Я выбралась из постели и разгладила пижаму. Встречать гостей в исподнем — это же сущая ерунда!

Прочитав надпись на футболке, Амадор игриво приподнял брови:

— Рейес рассказал Эшли сама знаешь о чем.

Я обошла кровать и обняла его чудесную жену.

— Сама знаю о чем?

— Ну да. — Амадор подошел меня обнять, пока я не подняла на руки прыгающего вокруг меня хулигана. — О записке на стикере.

— А-а. — Я сочувственно глянула на Эшли.

— Ну уж нет, детка, — начала отчитывать дочь Бьянка, присев на корточки, — так смотреть на людей нельзя. Это очень-очень невежливо.

С двумя чашками кофе в руке пришел Рейес. Выражение его лица просто кричало о том, как веселит его все происходящее.

Амадор хлопнул его по спине и, оглядываясь по сторонам, заявил:

— Нет, правда. Мне нравится смешение двух культур. Есть даже очевидная граница между минимализмом и... ну... не минимализмом.

— Господи Иисусе! — закатила глаза Бьянка. — Тебя никогда не примут на работу в «Архитектурный дайджест», пока не выучишь термины. — Осмотрев мою часть одной большой спальни, она наконец кивнула, подобрав подходящее слово: — Минимализм и изящная чрезмерность.

— А что? Мне нравится, — тихо рассмеялась я.

Бьянка забрала у меня Стивена, чтобы я могла взять у Рейеса чашку кофе. Наверное, она знает меня лучше, чем я думала.

— Мам, а можно и наши кровати так поставить? — спросил Стивен. — Ну пожа-а-а-алуйста!

Пришлось прятаться за чашкой, чтобы не рассмеяться.

Эшли наградила меня укоризненным взглядом:

— Ты согласишься?

Присев рядом с ней, я заметила, что у нее подрагивает нижняя губа.

— Еще не решила. Думаешь, я должна согласиться?

— Думаю, нет. Все равно ты для него слишком старая.

— А сколько, по-твоему, мне лет?

— Прости, Чарли, — вмешалась Бьянка, нервно улыбаясь.

— Твоя? — спросила Эшли, показывая на маленькую куклу из веревочек, которую в детстве подарила мне Джемма.

— Ага.

Я взяла куклу, прислушиваясь к разговору мужчин. Они обсуждали тонкости декора — точнее их отсутствие — на половине Рейеса. Судя по всему, моя спальня затмила его спальню, и Амадору стало жаль друга. Вряд ли пройдет много времени, прежде чем мои пожитки плавно перетекут через невидимую границу. Бедняга Рейес! Хотя сам виноват. Снес стену — уничтожил единственное, что его защищало.

— Нравится? — спросила я у Эшли. Может быть, мне удастся ее подкупить. Ради того,

чтобы заслужить ее симпатию, я была готова пойти даже на подкуп.

— Наверное.

— А как ты помотришь на то, чтобы проиграть мне, *pendejo*? — предложил Амадор Рейесу.

Оглянувшись на меня, Рейес улыбнулся и повел Амадора к роскошному бильярдному столу в смежной с гостиной комнате. С того места, где я стояла, был виден только уголок стола. Темное дерево, сверху — ткань кремового цвета. Повезло Рейесу. Он лично знаком с владельцем здания. Обычно жильцы не жалуют шум от бильярдных столов.

Снова увидеться с друзьями Рейеса было очень приятно. Его жизнь постепенно становилась нормальной. Ну-у, настолько нормальной, насколько это было возможно. И именно «становилась», а не возвращалась к норме, потому что у Рейеса никогда не было нормальной жизни. Украдкой я смотрела на него и пыталась понять, что он счел бы нормальным. Семью, где есть два с половиной ребенка? Он был принцем, полководцем в аду, ребенком, над которым жестоко издевались, заключенным, в конце концов. Сумеет ли он когда-нибудь приспособиться к тому, что мы, люди, считаем нормальным?

Я села и похлопала рядом с собой. Эшли забралась на кровать и взяла у меня куклу.

— А если я скажу Рейесу «да», ты очень будешь злиться?

Она пожалала хрупкими плечиками:

— Немножко.

— Потому что он должен жениться на тебе?

— Да. Он же обещал.

— Ну что ж... Может быть, тогда я возьму его на время? А ты вырастешь, станешь такой же красивой, как твоя мама, и решишь, нужен ли тебе ворчливый старик по имени Рейес Фэрроу.

Уголки губ Эшли приподнялись.

— Зато он всегда будет красивым.

Тут мне возразить было нечего.

— Это точно. Он всегда будет красивым.

— Мальчики не бывают красивыми! — заявил Стивен, вырываясь из рук матери. Та поставила его на пол, и он помчался посмотреть, что задумали мужчины.

— Еще как бывают! — крикнула я ему вслед.

Усмехнувшись, Бьянка села рядом с дочерью:

— Понимаешь, детка, иногда Бог дарит нам нечто намного лучше, чем нам поначалу хотелось. Ты должна верить, что он обязательно пошлет тебе кого-то такого же красивого, как дядя Рейес.

Еще одно очко в пользу маленькой леди в розовом сарафанчике. А она не промах. Наверное, когда Эшли вырастет, у меня появится серьезная конкурентка.

После долгой и не очень продуктивной беседы с Эшли я заскочила в душ, напялила лучший свой наряд частного детектива и стала ждать, когда появится мой второй сосед — точнее соседка. Я ждала, ждала, ждала...

Потом сделала еще кофе, попрощалась с Санчесами и подождала еще.

— Переживаешь за нее, — без вопросительной интонации проговорил Рейес, взяв кофе на моей половине игрового поля.

Надо признать, на моей половине смотрелся он шикарно — в джинсах, белой футболке и ботинках, смахивающих на армейские. Темные волосы, все еще влажные после душа, падали на лоб и вились над ухом. Ужасно хотелось заправить прядь за упомянутое ухо, но я прекрасно понимала: это всего лишь очередное оправдание, чтобы прикоснуться к Рейесу, почувствовать, что он рядом, пусть даже кончиками пальцев.

А вот Куки официально опаздывала. Было уже восемь часов. Как правило, утром она появляется в половине седьмого. Самое позднее — в семь. Да и у Эмбер начинались занятия секунд примерно через пять.

— Зайди к ней сама, — предложил Рейес, возвращаясь на свою половину. — Скоро привезут продукты.

— Минуточку! — чуть-чуть резковато сказала я.

Он обернулся, вопросительно изогнув бровь.

— У тебя в руке — моя чашка, мистер.

Рейес пошел обратно ко мне, и я заметила на его щеках ямочки.

— Я дам тебе за нее доллар.

— Это моя любимая чашка.

Он шагнул ближе и, когда жар завихрился вокруг меня и просочился в кожу, шепнул прямо в ухо:

— Два доллара.

— Она у меня с детства.

Рейес глянул на чашку:

— Твоя чашка предсказала появление сериала «Аббатство Даунтон»?

— Как знать. Аббатство вполне может быть настоящим замком в Англии.

— На чашке логотип сериала.

— А может, это логотип самого замка. Герб! А создатели сериала просто использовали его аутентичности ради.

— Вместе с фотографией актерского состава?

— Это может быть кто угодно. Снимок размытый — лиц не разглядеть.

Рейес поставил чашку и положил ладони на стойку с обеих сторон от меня.

— Ты скажешь наконец, чего на самом деле хочешь?

— Поцелуя, — не подумав, выпалила я, но взять назад свою просьбу не успела.

Рейес опустил голову, и его губы прижались к моим.

— Я опаздываю!

В квартиру ворвалась Куки, которая явно одевалась и расчесывалась на ходу. Подбежав ко мне, она схватила мою чашку и осушила ее за три глотка. Кофе был все еще довольно горячим, так что не обалдеть от ее прыти я никак не могла.

Наконец она заметила, что на мне костюмчик из умопомрачительной мужской плоти:

— Ой, Рейес... привет.

— Я опаздываю! — За Куки примчалась и Эмбер.

Волосы не расчесанными локонами лежали на спине, а сама Эмбер была одета в нечто помятое и не сочетающееся.

— Боже мой! — сказала я Куки. — Дочь вся в тебя.

Рейес выпрямился, когда глаза Эмбер остановились на нем.

— Привет, тетя Чарли, — сказала она, лучезарно улыбаясь и не отводя от Рейеса взгляд. — Привет, Рейес.

— Для тебя — мистер Фэрроу, — строго проговорила Куки, понимая всю глубину ее чувств. — Иди за рюкзаком. Отвезу тебя в школу перед работой.

— Ладно, — поникла Эмбер.

Когда она ушла, я поинтересовалась:

— Еще не раскололась?

— Нет, — помрачнела Кук.

— Не переживай, солнце. Расколется. Я ее знаю. Этот секрет ей покоя не дает. — Куки кивнула, но перед тем, как она ушла, я успела спросить: — Как прошло вчерашнее свидание?

Она мигом покраснела.

— Неужто так классно?

— Ну... — Куки помолчала, подбирая слова. — Прошло все чудесно.

— Я рада. А вы, случайно... ну не знаю... не предавались плотским утехам? Это ведь странно. И неправильно. В конце концов, он мой дядя. И как мне после этого на тебя смотреть?

Куки направилась к двери и бросила через плечо:

— Не собираюсь я сейчас это с тобой обсуждать.

— Тогда потом я из тебя вытащу все подробности. Краснеть придется еще больше!

Рейес ухмыльнулся. Оставшись наедине, мы откладывали дела, как только могли, и разговаривали. Просто разговаривали. Смеялись над жалкими попытками Амадора выиграть в бильярд у Рейеса. Шутили о том, как настойчиво Эшли требовала, чтобы Рейес дождался, пока она вырастет. Ухохатывались над тем, как краснела Куки, и умилялись, вспоминая, с каким наивным восхищением смотрит на Рейеса Эмбер. И это было замечательно. Вообще все утро прошло замечательно.

Надолго это затянуться не могло. Отведенные мне сорок восемь часов закончились, а я все еще понятия не имела, где искать подружку Филипа. Само собой, у меня и в мыслях не было передавать ее в лапы плохих парней, но позвонить агенту Карсон очень бы не помешало. Заодно поделюсь тем, что успела выяснить, и расскажу о новом плане. Наверняка он сработает. Разве может быть иначе?

Короче говоря, проведя самое чудесное в жизни утро в компании любимого мужчины, я поняла, что время не ждет, и по пути в офис позвонила агенту Карсон. Правда, передать ей слова Филипа Бринкмана не могла. Для начала нужно поговорить с Эмили и узнать, что она думает о происходящем. Если ради ее показаний Карсон закроет глаза на все остальное, люди Мендоса узнают, что Бринкман пытался снять с себя ярмо. И тогда пиши пропало.

Меня поражало, что Филип готов сесть в тюрьму, лишь бы на них не стучать. Это лучше любых слов описывало, о каких людях идет речь. Видимо, с Мендоса шутки плохи.

Вот только шутки я люблю. Шутки — мое второе имя. Шарлотта Шутки Дэвидсон. Вот и пусть папаша Мендоса со мной поборется. Я готова. К тому же на моей стороне потрясающее сверхъестественное существо, которое в мгновение ока переполовинит ему позвоночник, если, конечно, до этого дойдет. Так что пускай рискнет.

— Карсон, — услышала я, и мне понравилось. Четко, ясно, по существу.

Я тоже решила попробовать:

— Дэвидсон.

В трубке раздался громкий вздох:

— Чарли, вы мне позвонили, поэтому не можете просто взять и сказать «Дэвидсон».

— Вы из ФБР или из полиции телефонных приветствий?

— У вас для меня что-то есть?

— Нет, ничего для вас у меня нет, — запаниковала я. — А что, мы уже обмениваемся браслетами, как подружки? Я могу прямо сейчас поехать и купить вам какую-нибудь симпатичную безделушку.

— Что у вас, Чарли?

— Когда-то был хламидиоз. Слава боженьке за антибиотики.

— С Бринкманом говорили? Что он вам сказал? Его люди с вами связывались? Угрожали вам снова?

Ух, какая серьезность!

— Да, я разговаривала с Бринкманом. Нет, мне больше не угрожали. Мне бы еще немножко времени. Поговорить с Эмили Майклз.

— Как я уже говорила, это невозможно.

— А помните последние два... нет, три дела, которые я помогла вам закрыть? Ну и куда подевалось доверие?

— Чарли, я безоговорочно вам доверяю. Но люди, которые хотят убить Эмили Майклз, доверия, мягко говоря, не вызывают. Так или иначе, сказать вам, где она находится, я не могу.

— Тогда организуйте нам встречу.

Пока Карсон думала, пауза в трубке затянулась.

— Хорошо, если это поможет делу. Подготовка займет пару дней.

— А у меня всего пара часов. Мне нужно встретиться с ней как можно скорее. Сейчас, например.

Она прикрыла трубку рукой, и, учитывая приглушенный бубнеж, мне оставалось только догадываться, какими ругательствами разразилась агент Карсон.

— Дайте мне тридцать минут. Посмотрим, умею ли я творить чудеса.

— Я в вас верю! — горячо сказала я, едва не подпрыгивая от внезапно обретенной надежды.

Как только узнаю мнение Эмили, очень постараюсь вразумить хотя бы ее, раз уж не получилось с ее бойфрендом. Незачем ему садиться в тюрьму за убийство, которого не было. Да, какое-то время он отмывал деньги, но с этим пусть разбирается Карсон.

Когда я спустилась вниз чем-нибудь позавтракать, появилась Куки. Вид у нее был измученный. Мы заняли кабинку в углу, хотя посетителей еще не было. Бар открывается в одиннадцать, а сейчас часы показывали половину девятого.

Официанты еще не пришли, поэтому еду нам принес суперсексапильный повар, чье появление, похоже, немножко успокоило Куки.

— Она созналась по пути в школу, — сказала Кук, и я отчетливо ощутила, как у нее болит сердце. — Этот случай с Квентином ее напугал.

— Меня тоже, — отозвалась я, помешивая кофе.

— Кажется, я не понимала, насколько все серьезно. Волновалась только потому, что она прогуляла уроки и уехала из школы, никому ничего не сказав.

— Я тоже удивилась. Но они и правда друг другу нравятся. И это меня немного беспокоит.

— Почему? — недоуменно спросила Куки. — Квентин чудесный мальчик.

— Он на четыре года старше Эмбер.

— На три. Через неделю ей будет тринадцать. — Куки покачала головой: — Поверить не могу, что она так быстро выросла.

— И все равно чуть-чуть странно, что ты так спокойна.

— В любой другой ситуации я бы, конечно, нервничала. Все-таки он старше ее. Но ты же знаешь Эмбер.

— Знаю, она сногшибательная. Потому и беспокоюсь.

— Согласна, но опять же, Квентин замечательный. И я никогда ее такой не видела, Чарли. Ну разве что когда она смотрит на Рейеса.

— Видимо, ей нравятся мальчики постарше. Кстати о Квентине. Ты что-нибудь узнала о Миранде — девочке с канатки?

Куки глянула в стакан с водой, отпила и только потом ответила:

— Все собиралась тебе сказать, но то одно, то другое... Я оставила папку у тебя на столе.

— И что там? — Любопытство зашкалило.

— Судя по всему, жизнь у нее была не сахар, Чарли. Узнать удалось немного, зато я достала копии документов о вскрытии Миранды, отчеты по расследованию дела о ее исчезновении и расшифровки стенограмм суда над матерью.

— И где сейчас мать Миранды?

— В исправительной колонии недалеко от Санта-Фе.

Я кивнула:

— Похоже, в скором времени у меня намечается поездка в Санта-Фе. Причину смерти определили?

Кук отпила еще воды.

— Вероятнее всего смерть наступила в результате удара тупым предметом по голове. Когда ее нашли, она была мертва уже больше месяца, поэтому точно определить причину смерти было сложно.

Говорить о Миранде Куки хотелось не больше, чем дать добро на выдираание собственных ногтей плоскогубцами, поэтому я сменила тему и вернулась к Эмбер:

— И все-таки я рада, что твоя хулиганка рассказала тебе правду.

Куки перестала терзать стакан с водой:

— Я тоже. Оказывается, она больше переживала из-за того, что солгала мне, чем из-за того, что я отругаю ее за прогулы с мальчиком.

— Говорила же, она вся извелась, — подмигнула я Куки.

— Ага. К тому же я все обставила так, будто она разбила мне сердце. Навсегда.

— И Эмбер купилась?

— Со всеми потрохами!

*Ты веришь в любовь с первого взгляда,
или мне еще раз мимо пройти?*

Надпись на футболке

Приняв доставку свежих продуктов, Рейес вернулся с улицы в зал. За ним попятам шла женщина. Очень-очень знакомая женщина с решительной походкой и горящими глазами. И, как только эти глаза меня заметили, я пулей метнулась под стол и положила голову на колени Куки.

— Скажи ей, что меня нет!

Откашлявшись, Куки затравленно осмотрелась по сторонам:

— Чего? Кому? В чем дело?

— Там миссис Гарса. Скажи ей, что меня нет.

— Она тебя уже видела, — сквозь зубы процедила Куки, — и идет прямо сюда.

— Тогда сделай вид, будто я упала в обморок, и звони в «скорую»!

— Не стану я звонить в «скорую», только чтобы тебя прикрыть.

— Ну пожалуйста! Это точно сработает.

— Чарли Дэвидсон, врачам и без тебя есть на что тратить свое время.

— Я вас вижу, мисс Дэвидсон, — строго проговорила миссис Гарса.

Из-под стола я ее тоже видела. Правда, только нижнюю половину. Миссис Гарса пришла с обалденной бирюзовой сумочкой на правом плече. Спереди на сумочке красовалось изображение женского лица, нарисованного в духе Дня Мертвых. На ногах были поразительно красивые сапоги, если не ошибаюсь, «Рокетбастер»^[21], один из которых нервно постукивал по полу.

Да уж, шмотки на женщине что надо. И, очень может быть, плачу за них я. А все из-за ее сына — по совместительству моего единственного детектива, то бишь из-за Ангела. Совсем недавно миссис Гарса узнала, что деньги ей на счет поступают от меня, и потребовала объяснений. В частности, почему я плачу ей каждый месяц по пятьсот долларов. Впрочем, пятьсот было до того, как Ангел шантажом вынудил меня дать ему прибавку. В последний раз я выслала ей, ни много ни мало, семьсот пятьдесят баксов, но, по-моему, Ангел того стоит.

Одна беда: он не хочет, чтобы миссис Гарса знала о том, что он все еще на земле. И так настойчиво требует держать язык за зубами, что у меня попросту нет выбора. Но он никак не может взять в толк, что его мать — далеко не глупая женщина. Как только мы с Ангелом выдумали несуществующего двоюродного дедушку, миссис Гарса сразу смекнула, что к чему. Но что еще я могла ей сказать? Ни за какие коврижки Ангел не хочет, чтобы она узнала правду. Говорит, она ужасно горевала, когда он умер, и потому он не имеет права заставлять ее снова через это пройти. Но лично мне кажется, что миссис Гарса справится с другим объяснением куда лучше, чем думает Ангел. Может быть, его настойчивость продиктована и другими причинами? С того самого дня, как миссис Гарса появилась у меня в офисе, эта

мысль не дает мне покоя. Прошло всего две недели. Долго отбредиваться нам не удастся. И сейчас я отчетливо это видела хотя бы по тому, как решительно она на меня смотрела. Миссис Гарса хотела ответов. Но дать ей ответы я могла, только предав Ангела.

В конце концов ей надоело ждать, и она заглянула под стол:

— Я с места не сдвинусь, пока не поговорю с вами.

Да уж, теперь не отвертеться. Сморщив нос, я просунула голову между столом и коленями Куки, представляя себе, как нелепо все это выглядит.

— Привет, миссис Гарса! А я вас и не заметила...

Демонстративно медленно она сложила на груди руки.

— В этом месяце вы послали больше денег.

— Ну да... Состояние вашего двоюродного дедушки оказалось больше, чем нам поначалу сообщили.

— То есть увеличилось каким-то волшебным образом?

От этой женщины захватывало дух. В свои пятьдесят она могла похвастать изумительной фигурой и потрясающими волосами. А если учесть заметный испанский акцент и глубокий хрипловатый голос, то миссис Гарса — буквальное воплощение того, что Гаррет называет «узреть и сдохнуть».

— Точно, увеличилось. Чудно, да?

— Вот-вот, — кивая, поддакнула Куки. — Чуднее некуда. Эксцентричной особой была ваша бабушка.

— Дедушка, — поправила я.

— Дедушка. Или бабушка. — Кук явно пыталась выкрутиться из неловкой ситуации. — По-моему, он был трансвеститом.

Ну что ж, неплохо.

Миссис Гарса присела на диванчик.

— Я здесь не для того, чтобы создавать проблемы, мисс Дэвидсон.

Добром это явно не кончится.

— Зовите меня Чарли, — предложила я. — А это Куки, моя помощница.

Миссис Гарса моргнула и уставилась на Кук:

— Вас зовут Куки^[22]?

Никто никогда не удивлялся тому, как зовут Куки, но миссис Гарса права. Странное имечко. И все же Куки оно подходит идеально.

— Так точно, — отозвалась Куки и протянула руку, которую тут же пожала миссис Гарса.

— Меня зовут Эванджелина.

— Да-да, мы знаем, — опять закивала Куки. — Каждый месяц выписывает вам чек...

— Итак, — вмешалась я, пока ее не понесло, — что привело вас в наше захолустье?

— Вы. Деньги. И этот *tío de tu imaginación*^[23].

А это она зря сказала.

— У меня действительно есть пара-тройка воображаемых друзей, но мой дядечка очень даже настоящий.

— Не ваш — мой.

— А он знает, что вы считаете его воображаемым?

По идее, тут она должна была взбеситься и пулей вылететь из бара, но надежды не оправдались. Миссис Гарса застыла и наградила меня тяжелым взглядом:

— Я всего лишь хочу задать ему несколько вопросов. Ангелу.

Имя «Ангел» она произносила как «Ан-хель».

— Извините, но никакого Анхеля я не знаю.

В полном шоке, как и я, Куки покачала головой. Само собой, она уже привыкла к тому, что рядом то и дело появляются призраки, поэтому ее эмоции были исключительно правдивыми. Ангела она, конечно же, никогда не видела, но несколько раз я ей описывала этого хулигана. И, когда речь заходила о нем, лицо Куки приобретало выражение полнейшего обожания. Ей нравился Ангел. Мне тоже. По крайней мере почти всегда.

Эванджелина махнула рукой:

— Не утруждайтесь. Я знаю, кто вы и что вы делаете.

Я все ждала, когда же явится объект нашего внимания. Казалось, он всегда в курсе, что на уме у его матери. Ужасно хотелось все ей рассказать. Чтобы она знала, какой чудесный у нее сын. И что у него все хорошо. Но решимость Ангела была непоколебима, и я не знала, что делать.

— Чарли, — подалась ко мне миссис Гарса, — я настаиваю.

Может быть, если объяснить ей, почему я ничего не рассказываю... Хотя это лишь подтвердит ее подозрения. А я нутром чуяла, что она — как питбуль с плюшевой игрушкой в зубах, который не выпустит добычу, пока наружу не полезут ватные кишки.

Впрочем, было одно место, куда «Анхелю» путь заказан.

— Идемте, — сказала я и повела его мать в женскую уборную.

— Он здесь? — слегка ошеломленно спросила миссис Гарса.

— Нет, потому мы сюда и пришли. Ему запрещено появляться в женских туалетах.

Эванджелина замерла. Только что подтвердились все ее подозрения, все надежды. Кому не хотелось бы получить шанс поговорить с потерянным ребенком? Представить не могу, через что ей пришлось пройти, когда погиб Ангел. Сам он говорил, что миссис Гарса была безутешна. Сомневаться в этом не приходилось. Но, глядя сейчас на нее, я с трудом справлялась с болью в груди, которую вызывала одна только мысль о мучительных страданиях матери, потерявшей сына.

Лицо Эванджелины выражало все эмоции, известные человечеству.

— Значит, все, что о вас говорят, правда.

— Всему подряд я бы не верила. Тот случай с командой по шахматам — одно большое недоразумение.

Отвлечь ее мне не удалось. Миссис Гарса плавала в океане собственных мыслей, надежд и страхов, гнездившихся в глубине души.

— Но вы умеете разговаривать с мертвыми.

— Умею, но только если они сами хотят со мной поговорить. Эванджелина... — неуверенно начала я, зная, что пожалею о каждом слове. Ангел точно меня убьет. — Он не хочет, чтобы вы знали, что он... что он все еще с нами.

Рука с безупречным маникюром взметнулась ко рту. Боясь, что не устоит на ногах, миссис Гарса прислонилась к стене. Я дала ей время переварить услышанное, обдумать мои слова и заново пережить все ужасы прошлого.

Наконец она заговорила:

— Почему... — но голос подвел. Тяжело сглотнув, Эванджелина продолжила: — Почему он не хочет, чтобы я знала?

— Бойтесь, что вы снова будете горевать.

— Снова? Я никогда и не прекращала. — Немного помолчав, она спросила: — Как у него дела?

Я прикусила губу, опасаясь ляпнуть лишнего.

— Хорошо. Но, как я и сказала, он очень-очень не хочет, чтобы я хоть что-то вам рассказывала. И если узнает, то сильно на меня разозлится.

Голова Эванджелины приподнялась.

— Я имею право знать, мисс Дэвидсон. Мало того, у меня на это куда больше прав, чем у вас.

— Нет-нет, я целиком и полностью согласна. Дело вовсе не во мне. Честное слово, я не знаю, почему он не хочет...

Но договорить не удалось — раздался юный мужской голос, решительный и расчетливый:

— Наверняка я ошибаюсь, и здесь происходит не то, что я думаю.

Он появился прямо передо мной — у закрытых кабинок. Ну и что мне делать? Если я с ним заговорю, миссис Гарса поймет, что он здесь. До предела злющий, Ангел метнулся ко мне и, схватив за горло, припер меня к стенке. В спину больно вдавился диспенсер для бумажных полотенец, но я была согласна терпеть что угодно. У Ангела было право злиться. Я дала ему слово. Дала слово ничего не рассказывать его матери. Никогда.

— Ты обещала ничего ей не говорить.

Я слышала голос Эванджелины, но сквозь шумящую в ушах кровь слов не разобрала. Гнев Ангела вышел из-под контроля. Я почувствовала Рейеса, но, вопреки моим худшим опасениям, он не материализовался в одно мгновение, кипя от ярости. Он появился медленно, постепенно. Угрожающе.

Я понятия не имела, что он может сделать с Ангелом, да и выяснять не собиралась.

Обхватив пальцами руку, сжимавшую мне шею, я заговорила тихим, успокаивающим тоном:

— Солнце, я знаю, что ты злишься. Но она сама все узнала. Я ведь говорила тебе, что рано или поздно так и будет.

Рейес приблизился, но я подняла руку, без слов умоляя не причинять Ангелу вреда. Ангел его почувствовал. Глянул в сторону и, еще сильнее сжав напоследок мне горло, отпустил меня. Потом отвернулся и отошел на шаг, пытаясь подавить приступ ярости.

— Все в порядке, — сказала я, чтобы успокоить Рейеса, но он все равно никуда не ушел. Остался рядом, пусть и в нематериальном виде.

Наблюдая за происходящим, Эванджелина пыталась справиться со вспышкой ужаса. Вцепившись в шею, я покачала головой:

— Ничего страшного. Просто поперхнулась.

— Не врите мне, пожалуйста, мисс Дэвидсон.

Поникнув, я сделала несколько глубоких вдохов и покосилась на Ангела. За все годы нашего знакомства он ни разу не поднял на меня руку. Ни разу.

Однако теперь кота достали из мешка, и притворяются, будто ничего не произошло, я не собиралась. Возьму на себя всю ответственность, но мириться с подобным обращением точно не буду.

— Почему ты так упираешься, Ангел? — спросила я его. — Какого, блин, черта?

— Мой сын? Анхель? — Глаза Эванджелины излучали все надежды мира. — Он здесь?

— Скажи, что нет! — рявкнул Ангел, мрачно глядя на меня. — Скажи, что его здесь

нет. И никогда не было.

— Не скажу. Она уже все знает. — Я шагнула ближе к Ангелу. — Солнце, она умная женщина. Как ты и говорил.

— Слишком умная, — зло процедил он сквозь зубы. — Она все поймет.

Я положила ладонь ему на плечо.

— Что поймет? Что ты здесь?

Миссис Гарса прижала обе руки к сердцу.

Взгляд, которым меня наградил Ангел, был таким ядовитым, таким тяжелым, что у меня сдавило в груди.

— Что я не ее сын.

Пришел мой черед удивляться. От его слов земля ушла из-под ног. Я застыла, пытаюсь осознать сказанное, понять, что все это значит.

— Не понимаю, — наконец проговорила я. — Если это правда, то кто ты?

А через мгновение почувствовала, что он на все сто процентов готов испариться. Я, конечно, могу призвать его в любой момент, но так запросто ему не уйти. Пока он не исчез, я крепко взяла его за руку и, не обращая внимания на его попытки вырваться, снова спросила:

— Так что все это значит?

Внезапно Ангел смутился, словно его поймали за поеданием конфет. Он долго молчал, но я, даже сгорая от нетерпения, просто ждала. В конце концов, на этот раз ему с крючка не сорваться.

— Ангел — мое среднее имя. И первое имя ее сына. Но фамилии у нас с ним одинаковые — Гарса. Нам казалось, это знак судьбы, что мы должны были быть братьями. Я любил его больше всех на свете. Я жил в приюте для сирот. — Когда он посмотрел на меня, в его глазах сияла такая боль, что у меня разболелось сердце. — Точнее для отбросов, которые оказались не нужны собственным родителям. Миссис Гарса всегда была ко мне добра, и мы притворялись, будто она и моя мама. Мне нравилось бывать у них в гостях. Нравилось, что она смотрела на меня, как на любого другого ребенка, а не как на пацана из приюта. — Ангел снова отвернулся. — Ну и как, по-твоему, она будет на меня смотреть, если узнает, что я убил ее сына?

Я была полна решимости ничем не выдавать своей реакции, но не вышло — я уставилась на Ангела с открытым ртом. Эванджелине очень хотелось узнать, что происходит, но ей хватило сообразительности еще немного помолчать.

— Ангел, что в тот день произошло?

Он засунул руки в карманы.

— Мы подрались с мальчишками из соседнего района за пару пачек мороженого. Ангел — другой Ангел — решил их немножко попугать. Угнал мамину машину и спер пистолет, который она хранила под матрасом. Мы поехали искать тех пацанов. Я был за рулем, потому что водил лучше. Когда мы их нашли, Ангел начал стрелять. Но там были и другие дети, совсем еще маленькие. Я попросил его прекратить, но он не послушал. Или даже не услышал. Честное слово, он не пытался никого подстрелить. Хотел только попугать, но я переживал, что он нечаянно подстрелит кого-то из детей. Поэтому специально разбил тачку.

Я подошла к Ангелу, коснулась раны у него на груди и, пытаюсь понять, проговорила:

— Это пулевое ранение.

Много-много лет назад он рассказал мне, что пытался отобрать у приятеля пистолет, и

пистолет случайно выстрелил. Но никогда не говорил, что в тот день погиб кто-то еще. И уж точно никогда не говорил, что «кем-то еще» был он сам.

— Нет. Я вылетел из машины и упал на что-то острое, вроде арматуры. Но вместе со мной погиб и Ангел. Я понятия не имел, что все выйдет так хреново. Думал, разобью машину, нас чуть-чуть покалечит, но... я убил нас обоих. Убил своего брата.

— Он все еще здесь, как и ты?

— Нет. Перешел в тот же миг, как погиб. Я собственными глазами видел, как он ушел. Сначала я думал, что сразу попаду в ад за то, что убил его. Но ничего не произошло. Я остался здесь. И был совсем один, пока не появилась ты.

Я прикрыла рот дрожащей рукой:

— Ангел...

— А потом я решил, что могу хоть как-то искупить вину перед его мамой. Когда ты предложила мне работу, я подумал, что мог бы ей помогать.

— А как же все эти дяди, тети, братья и сестры, о которых ты постоянно рассказываешь?

— Все они его, не мои. У меня никогда никого не было. Я всего лишь хотел хоть как-то искупить свою вину. Перед ней. Перед каждым из них.

Мое сердце рассыпалось на миллион крошечных осколков. Он погиб, пытаюсь совершить правильный поступок, и все это время его терзало чувство вины.

— Как на самом деле тебя зовут?

— Хуан. Хуанито Анхель Гарса.

Я прижала его к себе. Поначалу он упирался. Отказывался от моего прощения. Но несколько секунд спустя сдался и расплакался мне в волосы, а я еще крепче обняла дрожащие плечи.

Эванджелине мы все рассказали вместе.

— Ваш сын на небесах, где ему и положено быть, — осторожно сказала я. А вдруг миссис Гарса разозлится на эти слова? Ведь единственным ее желанием было поговорить с сыном.

Но она ни капельки не рассердилась. Как только я замолчала, лицо ее прояснилось, а глаза засияли от переполняющих Эванджелину эмоций.

— Прошу вас, скажите ему, что я никогда его не винила. Я знаю своего сына, Хуанито. Не смей думать, что хоть как-то виноват в случившемся. Мы знаем, что ты сделал. Знаем, что ты пытался поступить правильно.

Ангел закрыл глаза рукой.

— Ангел, — тихонько начала я, — ты хочешь ей что-нибудь передать?

— Я всегда хотел, чтобы она была моей мамой.

Я все передала, и по щекам Эванджелины потекли горькие слезы. Но она была рада услышать эти слова.

— А я всегда хотела, чтобы ты был моим сыном, — прошептала она.

Впервые в жизни я пожалела, что призраки не могут прикасаться к живым людям. Этим

двоим точно не помешало бы хорошенько обняться. Поддавшись порыву, я крепко-крепко обняла их обоих.

— Между прочим, я сюда не просто так пришел, — заявил Ангел, когда ушла миссис Гарса.

Как бы он ни храбрился, мне казалось, ему все еще не по себе.

— Мне и дальше называть тебя Ангелом? — спросила я.

Он кивнул:

— Меня так и до смерти звали.

— Ладненько. Так почему ты пришел?

— Нашел я твою Марику и ее мелкого. Они в «Таргете»^[24] на пересечении Ломас и Юбэнк. Подгузники покупают.

Я глянула на часы:

— Они и сейчас там?

— Ага. Зашли несколько минут назад. У нее там какие-то дела.

Призраки не всегда ориентируются во времени, поэтому оставалось лишь надеяться, что Ангел прав.

Я коснулась его щеки:

— Я тобой ужасно горжусь.

Явно испытывая неловкость, Ангел отодвинулся:

— С чего вдруг? Говорю же, я убил лучшего друга. И сто лет тебе врал.

— Ты его не убивал, Ангел. Это был несчастный случай. И, если ты не забыл, все случилось потому, что ты пытался совершить правильный поступок. Я горжусь тобой, нравится тебе это или нет.

— Значит, можно увидеть тебя голой?

— Почему это я должна показаться тебе голой?

— Потому что я весь исстрадался.

Я расхохоталась:

— Исстрадаешься еще больше, когда я до тебя доберусь!

Он опустил голову:

— Извини, что столько лет тебе врал.

— Да ничего страшного. Я тебе тоже врала. Я никогда не спала с Сантаной.

Карлос Сантана был для Ангела кумиром, поэтому, разумеется, когда-то я ляпнула, что переспала с ним после очередного концерта.

— Ну ты вконец оборзела!

— Чувак, ты десять с лишним лет прикидывался другим человеком. Так что еще разобратся надо, кто из нас вконец оборзел.

— Ничего подобного! Ты перешла все границы. Нельзя говорить о Карлосе Сантане так, будто он какой-то кусок мяса!

Ну да, облажалась.

В магазинах должна быть отдельная очередь для тех, кто затаривается тоннами.

Проверенный факт

Первым же делом я помчалась в «Таргет». Точнее — к местным полкам с подгузниками. Ни Марики, ни любой другой женщины с ребенком там не было. Гаррет описывал мне Марику, но сама я никогда ее не видела. Видимо, отсюда они уже ушли. Я понятия не имела, как добыть их ДНК. С ребенком проблем не будет — можно свистнуть его бутылочку, когда мама отвернется. Но с ней-то что делать?

Да уж, придется помудрить.

Магазин я обошла три раза. Звать на помощь Ангела не хотелось — ему нужно время. Наверняка уж как-нибудь сама сумею выследить одну-единственную маму с ребенком. Или не сумею. Так или иначе, мы, похоже, разминулись. Уже по пути к выходу я краем глаза заметила в маленькой кафешке на территории магазина русоволосую женщину с ребенком. Она пила газировку и читала книгу, а мальчик сидел в коляске и кушал из бутылочки.

Я направилась в кафе и заказала кофе, то и дело поглядывая на женщину. Она была очень красивой, но почему-то я все равно не ожидала, что такие барышни Гаррету по вкусу. В смысле выглядела она именно как мама. Может быть, потому, что у нее был ребенок. Наверное, в этом все и дело. Образ домашнего Своупса мой мозг переваривать наотрез отказывался.

Заметив, как женщина заправляет длинный локон за ухо, я уселась за соседний столик к ней лицом. Вкус у нее явно прекрасный, потому что читала она исторический любовный роман. Я люблю исторические любовные романы. И паранормальные любовные романы. И любовные романы для подростков. Короче говоря, вообще любые любовные романы.

— Интересно? — спросила я и, когда женщина на меня взглянула, кивком указала на книгу.

— Очень. — Она закрыла книгу, и мне представился шанс получше рассмотреть собеседницу.

— Похоже, книга классная. Мой любимый жанр.

Мальчик в коляске заагукал, и мама повернулась к нему.

— И мой.

— У вас прелестный малыш.

Ее лицо засияло от широкой улыбки.

— Спасибо.

Я чуть-чуть приподнялась, чтобы заглянуть в коляску. Гаррет был прав. В жилах мальчика текла кровь нескольких рас. Мне хотелось рассмотреть его глазки, и я уже собиралась попросить разрешения взглянуть поближе, но тут к столику подошел управляющий.

— Привет, приятель, — сказал он мальчику и сделал вид, будто пытается стащить

бутылочку. Малыш рассмеялся, а мужчина повернулся ко мне.

От сходства с Гарретом Своупсом я даже немножко обалдела. Темная кожа, серебристые глаза.

— Здравствуйте, — сказал он мне, коснувшись невидимой шляпы, поцеловал Марику в щеку и сел за стол вместе со своей семьей.

По пути домой я позвонила Гаррету.

— Короче говоря, видела я твою бывшую и ее прелестного малыша. Зуб даю, он не твой.

Но Своупса почему-то моя уверенность не впечатлила:

— Образцы добыла?

— Нет. Было бы странно пройти мимо и «ненароком» засунуть ватную палочку в рот малыша. А еще страннее было бы совать палочку в рот самой Марике. Что я должна была сказать, Своупс? «Прошу прощения, я беру образцы ДНК для своего страдающего паранойей друга»?

— Ты на него хоть посмотрела?

— Посмотрела. Ты прав. Мальчик мулат, и глаза у него как у тебя. Но угадай, в чем прикол?

— В чем?

— У ее бойфренда точно такие же.

— Что?!

— Говорю тебе. Бойфренд ужасно на тебя похож. Цвет кожи, глаз, черты лица... У тебя случайно нет брата, о котором ты ни разу не рассказывал?

— Нет.

— Ну тогда... не знаю, как ты, а я готова поставить последний доллар на то, что ребенок его.

— Ты не видела, как она в тот день на меня смотрела, Чарльз. Это мой сын, я точно знаю.

Что ж, если кто и разбирается в людях, то точно Гаррет Своупс.

— Ладно, допустим, так оно и есть. Ну и что с того? Марика явно помешана на темнокожих парнях с сексуальными серебристыми глазами.

— А если в этой истории кроется нечто еще? — упирался Своупс.

— Например?

— Не знаю. Но смотрела она на меня так, словно боялась, что я все пойму. Какое впечатление они на тебя произвели?

— Нормальное. По-моему, они довольно близки. Когда парень появился, Марика оставалась абсолютно спокойной. Мне показалось, они вполне счастливы.

— Что-то тут не так. Нутром чую. И не думай, что с тебя взятки гладки.

— Как это? — заныла я. — Тебе все равно нужны образцы их ДНК?

— Вот именно. И лучше раньше, чем позже. Теперь мне еще больше хочется узнать, что она скрывает.

— Может быть, она скрывает, что считает тебя параноиком с отборными глюками.

— Вряд ли. Когда мы с ней встретились, я никаких таких флюидов не ощутил.

— Я прямо сейчас посылаю тебе флюиды. Ощущаешь?

— Это невежливо, Чарльз, — отчитал меня Гаррет и повесил трубку.

Никогда раньше мне не приходилось красть образцы ДНК, но я была уверена, что в этом деле я полный отстой. А значит, Своупсу придется дать мне чертовски вескую причину, чтобы пойти на такой риск.

Не успела я добраться до дома, как опять зазвонил сотовый. Это была агент Карсон.

— Ну как там? — взволнованно спросила я, надеясь услышать хорошие новости.

— Через полчаса встречаемся в мотеле «Перекресток».

— Что? Вы ее держите в этой дыре?!

— Нет. В этой дыре мы встретимся с вами. Не думаете же вы, что я открою вам, где она скрывается?

— Пардон, поняла. В общем, буду вовремя.

Как только я подъехала к мотелю, из припаркованного неподалеку джипа вышла агент Карсон.

— Мы многим рискуем, Дэвидсон. Если завтра утром Эмили не даст показания, Филип Бринкман выйдет сухим из воды.

— Понимаю, — как можно серьезнее отозвалась я, притворяясь, будто у меня на уме то же самое — успешно сшить дело на бойфренда Эмили.

Мы поднялись по лестнице в номер 217. Карсон воспользовалась ключом. Я-то ожидала, что она как-то по-особенному постучит, ну или пароль скажет, но она просто-напросто открыла дверь ключом, и меня затопило разочарованием по самую макушку.

Когда все сели за стол, Эмили, заливаясь слезами в три ручья, начала объяснять, что произошло. А я сидела и понимала, что круче просто некуда — барышня врет как дышит. Даже стало любопытно, не брала ли она уроки актерского мастерства.

— Он ужасно рассердился, — всхлипнула Эмили, сморкнувшись в платок, — и, наверное, забыл, что я там. Кто-то из подчиненных его разозлил, и Филип забил его до смерти монтировкой, пока остальные стояли и смотрели. То есть им, конечно, было очень не по себе, ведь каждый мог оказаться следующим. Филип сказал, что с отгрузкой пошло что-то не так, и слетел с катушек. Я... я никогда его таким не видела.

С огромным трудом мне удалось усидеть на месте — жутко хотелось поаплодировать стоя.

Чтобы уговорить агента Карсон дать мне возможность побеседовать с Эмили с глазу на глаз, пришлось пустить в ход весь мой просительно-умоляющий словарный запас. Радости по этому поводу Карсон явно не испытывала, и было у меня ощущение, что Эмили с ней целиком и полностью солидарна.

— Ну что ж, Эмили, я разговаривала с Филипом, поэтому знаю, что происходит на самом деле.

Ни капельки мне не доверяя, Эмили покосилась на дверь, за которой находились агенты ФБР. Наверное, думала, что я пытаюсь как-то ее подставить.

— Мне сказали, — продолжала я, — что кого-то из моих друзей держат в заложниках.

Насколько мне известно, все мои друзья в целости и сохранности, но рисковать я не стану.

— Мы не знали, что еще можно сделать. Его убьют, мисс Дэвидсон.

— Я знаю, солнце. И считаю, что ты поступаешь очень храбро, рискуя своей жизнью ради жизни Филипа.

— Я люблю его, Чарли. Он, конечно, бестолочь, но все-таки моя бестолочь. Ему и в голову не приходило, что все пойдет так далеко.

— Понимаю. Но если выяснится, что ты солгала под присягой ...

— О себе я не беспокоюсь.

— Значит, придется побеспокоиться кому-то из нас. Ты можешь потянуть время? Не давать завтра показаний, но и не идти на попятную. Например... — Я замолчала, понятия не имея, что еще придумать.

— Заболеть? — предложила Эмили. — Если я заболею, то не смогу давать показания. Так?

Идея на миллион, но поверят ли ей?

— Болезнь должна быть серьезной и предельно правдоподобной.

Губы Эмили сложились в кривоватую ухмылку.

— Поверьте, все будет именно так. У меня великолепный рвотный рефлекс.

Я кивнула. Если ее навыки выворачиваться наизнанку по желанию хотя бы вполовину так же хороши, как актерский талант, то она справится.

— Ладненько. Если считаешь, что все получится, валяй. Но во что бы то ни стало постарайся завтра не попасть в зал суда. И ни от чего не отказывайся. Если мой план сработает, тебе вообще не придется давать показания. А ФБР мы скажем, что тебя вынудили заварить всю эту кашу. Я попробую сделать так, чтобы тебе не выдвинули никаких обвинений.

— О себе я не беспокоюсь, — повторила Эмили, и до меня наконец дошло, как сильно она любит Бринкмана. — Я выдержу все, что мне уготовано. Помогите Филипу выбраться из этой передраги. Мне нужно, чтобы он был цел и невредим. Остальное меня не волнует.

— Ты хороший человек, Эмили.

— Нет, — покачала она головой. — Филип хороший человек. Просто прыгнул выше головы. Сказал «да» не тем людям. Но он на самом деле замечательный.

— Понимаю. Порой «не те люди» бывают очень убедительны.

Благодаря Эмили у меня появилось немного времени. Теперь можно было заняться уликами против Мендоса, не подвергая опасности ни саму Эмили, ни Бринкмана.

— Нашли что-нибудь по делу, которое я просила вас просмотреть? — поинтересовалась агент Карсон, провожая меня до Развалюхи.

Вот только я не знала, что ей сказать. Или точнее — что ей можно сказать, учитывая, как настаивал Рейес, чтобы я не совала сюда нос.

— Вы говорили, ваш отец считал, что с этим делом что-то нечисто.

— Говорила.

— По-моему, у вашего отца были невероятные инстинкты.

Она остановилась и пристально уставилась на меня:

— Что вам удалось узнать?

— Я пока в процессе, но у меня есть просьба.

— Слушаю.

— Не могли бы вы выяснить, где и когда у Фостеров родился сын, который сейчас с ними живет?

— Зачем? — подозрительно сдвинула брови Карсон.

— Точно не знаю. Но, по-моему, странно, что он ни капельки не похож ни на отца, ни на мать.

— Разузнаю, что смогу.

Отъехав от «Перекрестка», я развернулась, припарковалась на другой стороне улицы и стала ждать. Через несколько минут после моего отъезда из мотеля вышли агент Карсон с Эмили, которую охраняли, на секундочку, трое мужчин в костюмах. Для меня очень много значило, что Карсон все-таки мне доверилась и позволила встретиться со своей главной свидетельницей, жизни которой, между прочим, угрожала нешуточная опасность. Зато теперь, после встречи с Эмили, я была уверена, что вполне сойду за нее издалека. Всего-то и надо — блондинистый парик и очень-очень большие солнцезащитные очки.

Насколько я понимала, если мы исключим из уравнения Эмили, необходимость в ее показаниях отпадет, и они с Филипом окажутся в безопасности. Хотя для этого мне придется не просто заставить кое-кого сознаться, но еще и записать его признание. И признание это должно быть по-настоящему железобетонным, чтобы окружной прокурор сам отказался от показаний Эмили и не вынес ей обвинений в лжесвидетельстве. В конце концов, она пыталась спасти Филипа. А тот, в свою очередь, был готов отмотать очень долгий срок, лишь бы положить конец криминальному образу жизни. Но будут ли эти факты что-то значить для прокурора? Примет ли он их во внимание, когда Филипа обвинят в отмывании денег? Я была почти уверена, что окружному прокурору понадобятся показания Филипа, и очень на это рассчитывала. У Бринкмана не было шанса выложить все как на духу, не подвергнув опасности бывшую жену и детей. Лидеры преступных группировок смотрят на мир не так, как все остальные. В их глазах люди — всего лишь средство для достижения цели. А цель — богатство и власть.

Когда на горизонте стало чисто, я зашла в мотель и сказала портье, что потеряла ключ от своего номера. Стоило показать удостоверение частного детектива, и ключ от номера 217 был у меня в руках. Большинство людей и не догадываются, что мое удостоверение, по сравнению с теми же полицейскими жетонами, гроша ломаного не стоит. Оставалось только позвать Гаррета, чтобы он прицепил мне микрофон, и предупредить Рейеса. Когда люди Мендоса со мной свяжутся, я буду готова на все сто.

На всех парах я помчалась домой, чтобы начать подготовку для воплощения моего гениального плана в жизнь. По пути позвонила Куки. Как я и думала, ко второму этапу упомянутого плана она была целиком и полностью готова. Оказавшись у себя в квартире, я

засунула батарею обратно в телефон, села в кухне за стол и стала ждать, когда позвонит Куки.

Припарковавшись напротив мотеля возле поликлиники, я в широченном свитере, парике и темных солнцезащитных очках направилась в оплаченный федералами номер. Куки позвонила мне, прикинувшись специальным агентом Карсон. Убедительности ради я несколько раз за всю беседу назвала ее Сачок. Если люди Мендоса прослушивали наш разговор, то наверняка решили, что Эмили Майклз держат в номере 217.

Скоро должен был появиться Гаррет в характерном костюмчике. Когда нагрянут прихвостни семейства Мендоса, он сыграет роль моего защитника из Бюро. Роль, прямо скажем, опасная, однако Своупс не просто согласился, но и настаивал на том, чтобы ее сыграть. Если нам придется работать вместе, то пусть привыкает, что я частенько использую саму себя в качестве наживки. И это почти всегда приносит ожидаемый результат. Я звякнула в бар, но Рейеса там не было. По сотовому он не отвечал, но я решила, что в любой ситуации смогу призвать его в мгновение ока. Если, конечно, не получу сотрясение, меня не накачают наркотиками, или я не буду обильно истекать кровью, что, как правило, мешает как следует сосредоточиться. К тому же наверняка пройдет несколько часов, пока Мендоса соберут свою армию и пошлют ее за мной.

Как только моя нога оказалась на первой ступеньке, позади раздался визг покрышек. Вспыхнула тревога, и меня захлестнуло волной адреналина. Слишком рано. Гаррета еще не было.

Какой-то мужик крайне невежливо затолкал меня в машину. Оказавшись на заднем сиденье темного седана, я все пыталась понять, верят ли эти люди, что я Эмили Майклз, и никак не могла решить, что опаснее — продолжать притворяться Эмили или снова стать самой собой.

План заключался в том, чтобы заманить людей Мендоса в мотель, повязать и заставить сдать босса. То есть с самого начала все пошло не так, как было задумано, но надежда все еще теплилась. Если придется, я успею вызвать своего почти жениха, которому хреново удастся держать себя в руках, зато замечательно удастся рубить позвончики. Наверняка успею.

— Сняли бы этот смехотворный парик, — услышала я голос с густым мексиканским акцентом, но не могла понять, кто конкретно со мной заговорил.

Благодаря темным очкам в машине с тонированными стеклами разглядеть хоть что-нибудь было очень трудно. Но одно я знала точно — я сидела спиной к направлению движения.

Машина была странной — длинной, с двумя задними сиденьями, повернутыми друг к другу. Не успела я понять, что происходит, как кто-то сорвал с меня очки и парик. И какая, спрашивается, муха его укусила? Оставалось лишь гадать, кто передо мной сидит. Видимо, Мендоса собственной персоной. Поразительно, что он явился лично.

— Зря старались, мисс Дэвидсон, — сказал мужчина, срезая конец сигары.

На нем был безупречно сшитый белый костюм, который, тем не менее, смотрелся

совершенно не к месту. Мужик явно страдал избыточным весом и носил такое количество золота, что по городу наверняка катался в бронированном автомобиле с охраной. Да и вообще вид Мендосы наводил на мысли о дешевом одеколоне на миллиардере. Словно он был не в своей тарелке. Все в нем так и дышало штампами, будто он четко следовал подсказкам из фильмов восьмидесятых годов о наркобаронах.

Я пригладила волосы. Едва ли не половину моей шевелюры сорвал вместе с париком один из амбалов, сидевших с обеих сторон от меня. Видимо, чувак никогда в жизни не слышал о том, что парики крепятся к голове шпильками. А я, между прочим, лепила на себя парик на совесть — думала, ему придется немало просидеть у меня на макушке.

Мендоса явно не собирался рисковать. Оба его прихвостня тыкали мне под ребра пушками. В одной из них я узнала ту самую, из которой целились мне в голову, и смерила злым взглядом ее хозяина. Тот в ответ ухмыльнулся.

Машина свернула на шоссе I-25.

— Должен признать, с вами пришлось повозиться. Но после всего, что я о вас слышал, ничего другого ожидать и не приходилось.

— Возиться со мной — одно удовольствие, — отозвалась я, исключительно чтобы сосрить.

В сложившейся ситуации я вполне могла себе это позволить. Тем более что терпеть не могу, когда меня против воли заталкивают в машину. Или тычут под ребра пистолетами. Одна кочка, один нечаянный рефлекс — и увернуться от пули, когда пушка так близко, не удастся, даже если я сразу остановлю время. Может быть, пора вызывать подкрепление. И все же ничего на Мендосу у меня пока не было. И не будет, потому что все записывающее оборудование осталось в номере мотеля. Вот бы добраться до сотового! Тогда можно было бы записать разговор. Но как, когда с обеих сторон от меня Тупой и Еще Тупее? Может, ткнуть пальцем в окно и крикнуть «Смотрите-ка! Птичка!»?

Нет, так я выиграю полсекунды, а этого мне точно не хватит. Надо отвлечь их чем-то посерьезнее. Ну почему, когда это нужно позарез, не появится какая-нибудь застрявшая посреди дороги фура? В фильмах плохие парни всегда сознаются во всех грехах прямо перед тем, как убить хороших парней, а у меня ни единого шанса все это записать!

— И все же... — продолжал Мендоса, прикурив сигару. Я сморщилась. Вообще-то мне нравится запах сигар, но ему об этом знать необязательно. — Вы привели нас прямо к ней. Я и не мечтал, что вы обладаете таким влиянием.

Я застыла. Прямо к ней? О чем, черт возьми, речь?

— По всей видимости, у вас есть некие рычаги давления на ФБР, раз уж они согласились организовать вам встречу. Мне казалось, это невозможно.

Земля ушла из-под ног.

— Мало вы в меня верите, босс, — проворчал громила справа от меня. Тот самый, который целился мне в голову.

Напрочь лишившись дара речи, я думала только о том, что нужно предупредить агента Карсон. Сама того не зная, я всех подставила.

— И никаких остроумных комментариев? — насмешливо поинтересовался Мендоса. — А я думал, это ваша фишка. Ты же говорил, это ее фишка, — мрачно покосился он на второго громилу.

— Так и есть. Она, мать ее, не знает, когда надо заткнуться. Наверное, вы ее удивили.

— Наверное, — согласился Мендоса, выдохнув здоровенное кольцо дыма.

У меня защищало глаза, но не от дыма. Что же я натворила?!

— К сожалению для вас, мы приняли кое-какие меры, чтобы вы гарантированно со всем вниманием отнеслись к возложенной на вас миссии. Жаль только, что меры эти оказались ни к чему. Теперь нам придется устранить всех, кто вовлечен в эту маленькую авантюру.

Мы ехали на юг и, на очередном повороте свернув на проспект Бродвей, двинулись в промышленную зону. Несколько минут я лихорадочно пыталась придумать, как добраться до телефона в сумке, и только чудом заметила, что мы оказались на территории зернохранилища с тремя высокими цилиндрическими силосными башнями и еще несколькими постройками то тут, то там.

Машина остановилась перед вооруженным охранником. Еще двое мужиков с оружием стояли в тени элеватора.

Мендоса опустил стекло:

— Где Рикардо?

— Все наверху, босс. Мы не знали, что вы хотите с ними делать.

С ними? От беспокойства закружилась голова.

— Ладно, сойдет. Скажи Барро попридержаться коней. Я хочу это увидеть.

Охранник рассмеялся и по-испански велел кому-то по рации не торопиться.

Амбалы поволокли меня в элеватор. За нами пришел и Мендоса, и все мы поехали на подъемнике наверх. На последний уровень пришлось подниматься по лестнице. Когда мы оказались на конусообразной крыше самой большой башни, у меня подкосились ноги. Не потому, что было очень высоко. И не потому, что по мне хлестал ветер, подгоняя к краю. Кроме бандитов, на крыше было еще двое людей — Джессика Гуинн и Рейес Фэрроу. Мой Рейес Фэрроу. Но ведь это невозможно! Или он притворяется, чтобы усыпить бдительность этих гадов?

Оба были в крови. У Джессики по обеим сторонам рта виднелись следы от веревки. Под глазом расплылась жуткая гематома. Джессика сидела на коленях со связанными за спиной руками. Волосы трепались на ветру. От нее шел такой мощный страх, что сквозь него я едва видела окружающий мир. Но больше мужиков с пистолетами и больше того, что ее связали и взяли в заложницы, она боялась высоты. Причем сидела на самом краю металлического выступа. Один хороший порыв ветра — и она сорвется вниз.

Рейеса привязали к металлической лестнице, которая вела на самую верхушку башни. И он, кажется, был без сознания. Сильные руки опустились, широкие плечи поникли над веревками. Мой мозг отказывался воспринимать то, что видели глаза.

Заметив, как я ошеломлена, Мендоса решил объяснить:

— Несколько моих парней сидели с ним в тюрьме. Они знают, на что он способен. Вот и подсказали, как с ним справиться.

Как с ним справиться? Даже я не знаю, как с ним справиться. Как, бога ради, им это удалось?!

Я недоверчиво покачала головой, и Мендоса тут же предложил ответ:

— Дротики с транквилизатором. Для слонов. — Подойдя к Рейесу, он схватил его за волосы и дернул вверх. Все мои инстинкты разом взвились, и я нечаянно вызвала Ангела. — Нормального человека доза бы убила, а этому хоть бы хны. Хорошо хоть хватило, чтобы его дезориентировать. Второй дротик наконец-то его свалил, но до такого состояния довел только третий. Понятия не имею, из какого такого теста его сотворили, но факт остается фактом — убить его все-таки можно.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что хорошо меня знаешь, — сказала я Мендосе. — Мы с Джессикой не друзья. Скорее даже враги.

Во взгляде Джессики засквозил дикий страх.

— Тогда вы не будете против, если мы сбросим ее с крыши?

Я прикусила губу, боясь сказать что-то не то. Боясь рисковать ее жизнью.

— Что мне делать? — спросил Ангел, взяв меня за руку, будто так мог уберечь от беды.

Не зная, что ответить, я покачала головой, но все-таки посмотрела на него:

— Мне нужен Рейес. Ты можешь его вернуть?

Ангел взглянул на Рейеса:

— Не знаю. Он в отключке. То, чем они его накачали, сработало.

— Он мне нужен, Ангел.

Тот кивнул и осторожно шагнул к Рейесу, борясь с собственным страхом.

Мендоса с интересом наблюдал за моей беседой с воздухом.

— С ней такое постоянно, — буркнул один из его людей.

— А знаете, вы мне нравитесь, — вдруг заговорил Мендоса. — Так и быть, позволю вам выбрать. Кто из них умрет, а кого нам оставить в живых?

В глазах потемнело. Я бы наверняка упала, если бы меня не держали амбалы. От моего выбора не зависело ровным счетом ничего. Нас всех убьют. Если бы только у меня было хоть чуточку больше времени! Если бы только Рейес смог прийти в себя и покончить с этим кошмаром!..

Дрожа с головы до ног, я тяжело сглотнула и кивнула на Рейеса:

— Его.

Бросив на меня довольный взгляд, Мендоса легонько пнул Джессику. Я и ахнуть не успела, как та полетела вниз. Я рванулась за ней, как будто еще могла ее поймать, но громилы меня повалили.

Джессика даже не пискнула. Я думала, она будет кричать, но ничего не слышала. Даже звука падения. Только гул ветра, гуляющего по металлу.

— Наверняка вы не расстроились, — слащаво проговорил Мендоса с самодовольным видом. Клянусь, его лицо показалось мне воплощением зла на земле. — В конце концов, вы ведь были врагами, верно? Так или иначе, вы получите желаемое. Развяжите его.

Когда с Рейеса стали снимать веревки, я попробовала встать, но меня все еще прижимали к крыше. Нет, только не он! Сможет ли он выжить после падения? Башня была высотой приблизительно в семь этажей. Рейес переживал вещи и похуже. Но тогда он был в сознании, а значит, мог подготовиться, мог себя защитить.

Не успела я и рта раскрыть, как два бугая подтащили Рейеса к краю крыши и, не встретив ни малейшего сопротивления, сбросили вниз.

Страдать лучше в компании.

Вот почему сейчас моя популярность зашкаливает.

Надпись на футболке

Увидев, как упал Рейес, я, кажется, закричала, но самого крика не услышала. Потому что ждала, что он что-нибудь сделает. Как-то отреагирует. Спасется. Твою дивизию, это же Рейес! Он может все! Взлететь, дематериализоваться, за что-то схватиться при падении, как бывает в фильмах. Но ничего такого не произошло. Только ветер шумел внутри и снаружи никому не нужной постройки.

Как и я, Ангел был в шоке. Стоял на краю крыши и смотрел вниз огромными от ужаса глазами.

— Ангел, — еле слышно позвала я.

Он повернулся ко мне, всем видом выражая сожаление.

— Нет, — покачала я головой. Не может быть. Не может, и точка.

— Не стоит так переживать, — медоточивым голосом пропел Мендоса. — Скоро вы к нему присоединитесь.

Он кивнул своим людям, и меня потащили к краю крыши. Внизу я увидела два как будто ненастоящих тела. С такой высоты они казались поломанными куклами. А я отказывалась верить, что все это на самом деле.

Мендоса что-то сказал, но я не расслышала. После такого падения выжить невозможно. Даже для сверхъестественного существа. Даже для сына Сатаны. Не шевелясь, он лежал на земле, а я никак не могла осознать, что только что произошло.

— Готовы? — наконец просочилось мне в уши.

Мендоса был из тех, кто наслаждается убийствами. И ощущением собственного могущества, которое получает, лишая людей жизни. Но больше всего ему нравилось то, что предшествует смерти. Психологические пытки. Ядовитые насмешки.

Я посмотрела на него и... сделала свое дело. Осудила как недостойного уйти на небеса.

Ему не понравилось то, что он увидел в моих глазах. Он ожидал страха, а наткнулся на отвращение. Шагнув ближе, Мендоса снова развернул меня лицом к краю и, перед тем как толкнуть в спину, шепнул:

— Свидетелей не оставляем.

От толчка я шагнула вперед, но крыши под ногами больше не было. Я падала. Он толкнул меня, как Джессику. Как Рейеса. И мы все здесь умрем. Вместе.

В последний раз пытаюсь возразить судьбе, я перевернулась в воздухе, чтобы посмотреть на этих сволочей, и махнула рукой. В эту секунду, между сном и реальностью, я пометила их души для Дилера. На груди каждого из них ярко засиял древний символ. Пусть кушает, мне не жалко.

А потом я увидела Ангела. Перевернулась, задержала ногами, и он успел схватить меня за ботинок. Но помочь не мог. Я слишком много весила. Вот только оказалось, что у

хулигана имеется план. Моя нога за что-то зацепилась. На боковой поверхности башни торчала металлическая скоба, и Ангел втиснул под нее мою ногу. Одна беда — я продолжала падать. От резкой остановки ногу пронзило болью, а кость в лодыжке наверняка сломалась, когда я со всей дури врезалась в башню, сильно ударившись лбом. Я схватилась руками за голову, боясь, что раскроила череп.

Несколько секунд я висела вниз головой, пытаюсь прийти в себя, и смотрела на крышу башни. Очень скоро бандиты поймут, что я не упала. А если не смогут вытолкнуть из скобы мою ногу, то попросту пристрелят меня. Однако никто на краю крыши не появился, и я еще раз посмотрела вниз. Рейес все так же лежал на земле, ни на миллиметр не сдвинувшись. Внутри поднялась волна невыразимого горя. Из глаз по лбу, смешиваясь с кровью, потекли слезы. Я глянула на свой ботинок. Смогу ли я сдвинуться всего на сантиметр левее, чтобы освободить сломанную ногу и завершить падение?

Думать я могла лишь об одном. Какой будет моя жизнь без Рейеса? Мне такая жизнь не нужна. И в тот момент до меня дошло, почему Эмили Майклз решила рискнуть собой, и откуда у нее взялись на это силы. Она защищала любимого мужчину. Лучше тюрьма, чем смерть. Потому что невыносимо терять того, кого так отчаянно любишь.

Нога болела ужасно, но мысли о жизни без Рейеса причиняли еще больше страданий. Нет, я не хочу без него жить. И, как только эта мысль оформилась в голове, я начала вытаскивать ногу из скобы. Никогда в жизни я не отличалась склонностью к самоубийству, но и никогда в жизни не испытывала таких мучений. По крайней мере душевных.

— Ты что творишь? — рявкнул Ангел, выглядывая из-за края крыши.

— Помоги мне вытащить ногу.

Он покачал головой:

— Да иди ты! — и исчез. Гаденьш.

Боль от лодыжки током била по всему телу. Я стиснула зубы, и вдруг сверху послышались звуки драки и выстрелы. Я замерла, а потом наступила жуткая тишина, от которой будто загустел воздух. Кровь прилила к голове, боль становилась все сильнее, мешая сосредоточиться. Из-за края показалась темноволосая голова. Но это был не Ангел.

— Рейес! — выдохнула я и обеими руками потянулась к нему.

— Извини, красавица, — отозвался мужчина, — но это всего лишь я.

Я поморгала, чтобы прояснить зрение. Дилер. Что он здесь делает? Неужели я призвала его, когда пометила Мендосу и его людей? Такое вообще возможно?

Дилер улыбнулся, показав белые зубы, и кивнул за плечо:

— Спасибо за перекус.

Я расслабила мышцы живота и опустила верхнюю часть тела, чтобы еще раз взглянуть на ужасную сцену подо мной. Рейес по-прежнему не шевелился. Дилер крепко обхватил мою ногу, и мне всеми фибрами души захотелось выскользнуть из его пальцев. Я решила, что если пну его свободной ногой, то он меня выпустит, но сделать ничего не успела. Дилер зло уставился на меня и угрожающе покачал головой.

— Говорил же, — он потянул меня за ногу наверх, словно я ничего не весила, — ты нужна нам живой. Так что забудь о самоубийстве. Тот факт, что твой идиот отбросил копыта, ничего не меняет.

Сердце зашлось такой нечеловеческой болью, будто меня в грудь ударил каменный великан. Этой муки мне точно не пережить. Да, Рейес по-прежнему мог быть со мной в нематериальном виде, но это совсем не то. Он мне нужен. Мне нужен Рейес Александр

Фэрроу — теплый, плотный, настоящий.

Дилер осторожно поставил меня на крышу, и, едва я почувствовала опору под ногами, боль взорвалась с новой силой. Правая нога подвернулась, но Дилер не дал мне упасть. Прикусив губу, я оттолкнула его и попробовала дойти до двери, ведущей на лестницу, но не справилась с собственным весом. Не успела я сделать и двух шагов, как споткнулась. Дилер опять меня поддержал. И в этот самый момент я увидела трупы.

Дилер пожал плечами:

— Сбросив тех двоих и тебя, они переругались и поубивали друг друга. Кто бы мог подумать, что они такие болваны?

— Меня устраивает, — процедила я сквозь стиснутые зубы, злобно глядя на тело Мендосы. — Отнеси меня вниз, пожалуйста.

Дилер взял меня на руки, отнес по лестнице в подъемник и проговорил:

— Ты нужна нам живой, крошка. Поэтому прекращай думать о том, чтобы присоединиться к своему остолопу. Carisce^[25]?

От его слов будто прорвало плотину. Наружу вырвались рыдания, которые я до сих сдерживала. Я плакала, кричала, пыталась вырваться. Дилер еще крепче прижал меня к себе, и я ощутила от него искреннее сочувствие. Кто бы мог подумать, что демон, даэва, способен сочувствовать?

Оказалось, что внизу тоже все мертвы.

— Ты могла пометить их души, — сказал Дилер, подходя со мной туда, куда я показывала.

Освободившись из его рук, я упала рядом с Рейесом. Выглядел он идеально. Само собой, он был в крови от побоев, но все равно выглядел идеально. Словно безмятежно спал. От длинных ресниц на щеках лежали тени. Я попробовала отыскать пульс на шее. Подождала несколько секунд. Сдвинула пальцы и подождала еще. Но ничего не почувствовала.

— Рейес, — еле-еле выдавила я, умоляя его открыть глаза. — Рейес, пожалуйста...

Чтобы хоть немного утешить, Дилер положил руку мне на плечо, но я не обратила на него внимания. Растянувшись возле Рейеса и стала бездумно водить пальцами по его лицу. Внезапно рука Дилера у меня на плече сжалась, а я тут же почувствовала присутствие кого-то еще. Вокруг тела Рейеса разливалась и поднималась тьма. Непроглядно-черное облако обрело форму, похожую на человека, но с какими-то не совсем правильными пропорциями. И, только когда образ полностью сложился, я поняла, что это Рейес. Но лишь отчасти. Передо мной была его демоническая сущность. И она казалась огромной. В ту же секунду между нами встал Дилер.

Я поднялась на колени. Появилась Артемида. От низкого рычания вокруг раздавалось эхо. Я прижала ее к себе, а Дилер медленно, чтобы не делать резких движений, достал из ботинка кинжал. Каждый раз, когда он двигался, Рейес издавал нечеловеческие звуки, похожие на рычание неизвестного мне зверя. Черные-черные глаза смотрели то на меня, то на Артемиду, то на Дилера. И каждый раз, когда этот жуткий взгляд обращался ко мне, я с огромным трудом удерживала Артемиду. Она не узнавала в Рейесе человека, под боком у которого спала неделями.

Существо передо мной в полной мере обладало поразительной красотой Рейеса. Гладкие, текучие линии, точные движения. Только глаза были чернее. И зубы, как у тех демонов, что мне доводилось видеть, — острые, смертоносные. Может быть, именно это и должно было случиться, когда из его физического тела ушла жизнь. Может быть, именно об

этом меня предупреждали все, кому не лень.

Очень-очень медленно, с бесконечной осторожностью Дилер передал мне кинжал и тихо, неторопливо проговорил:

— Убей его, иначе все умрут. — Все так же медленно он повернулся ко мне. — Он уничтожит мир, красавица, и все, что в нем есть.

В памяти всплыло предсказание Рокета. Он говорил, что я убью Рейеса. Предупреждал, что этого не изменить, не вызвав ужасных последствий. Неужели об этом и шла речь? Если я не убью Рейеса, то обреку мир на неизбежную гибель?

Но хорошенько все обдумать было некогда. Сбив Дилера с ног, Рейес метнулся ко мне. Я замедлила время, чтобы остановить Артемиду и даэву. Они оба уже бросились на Рейеса. Кое-как встав на ноги, я поразилась. Время остановилось, но и Дилер, и моя хранительница продолжали двигаться вперед, превратившись в размытые пятна. Они были невероятно быстры, но я все-таки быстрее.

Подойдя к Рейесу, образ которого тоже был размытым, я коснулась прекрасного лица. Даже сейчас, будучи на сто процентов демоном, он казался невероятно красивым. Только темнее и загадочнее, чем раньше. Стряхнув мою руку, он продвинулся еще на несколько сантиметров вперед, и показались острые как бритва зубы, готовые разорвать меня на куски. Не думая, я подняла кинжал к сердцу Рейеса и надавила, слегка проткнув кожу.

Рейес застыл. Посмотрел на лезвие. Потом снова на меня. И на его лице отразилось узнавание. Но нож уже отравил его ядом, чье действие мог почувствовать только демон. Вокруг ранки появилась чернота, которая расползлась во все стороны, а Рейес смотрел только на меня.

Образ демона уступил образу привычного Рейеса. Он отшатнулся и потрянул головой, как будто пытался избавиться от сковавшего его ступора. Я отпустила время и прижала к себе Артемиду, чтобы та не бросилась снова в атаку. Поняв, что я сделала, Дилер тоже остановился. Но, когда на меня обрушилось время, вернулась и боль. Ноги подкосились, я рухнула на тело Рейеса, но не могла отвести взгляд от его нематериальной сущности. Он упал на колени, еще раз потрянул головой и уперся руками в землю, пытаясь прийти в себя.

— Вернись ко мне, — еле слышно прошептала я, а потом приказала: — Рейазиэль, вернись ко мне!

Наши взгляды встретились, и он сделал то, что я просила. Вернулся.

Мгновение спустя он оказался передо мной, но Артемиде уже успокоилась. Когда Рейес коснулся моей щеки, ротвейлерша заскупила и ткнулась носом ему в ладонь. Он потрепал ее по макушке, а я посмотрела вниз, на его тело, и нахмурилась:

— Сейчас же вернись ко мне, говорю!

Когда я снова подняла голову, Рейес ухмыльнулся:

— Ты должна меня поцеловать, как во всех этих ваших сказках.

— Поцеловать? — недоуменно переспросила я.

— Сначала сказать «да», а потом поцеловать.

Вдалеке послышались сирены. Неужто кто-то вызвал полицию?

— «Да»?

Рейес присел рядом со мной и кивнул.

— И на что я должна согласиться?

— Это простой вопрос, на который можно ответить «да» или «нет», Датч.

Понятно, опять он со своим предложением.

— Ты меня шантажируешь. — Ну не смогла я удержаться и немножко обиделась. Но все равно было ужасно приятно.

Он пожал плечами:

— Если без этого никак, то да, шантажирую.

Я посмотрела вниз, на его лицо. Даже в ранах, оно было настолько прекрасным, что у меня защемило сердце.

— Да, — сказала я, понимая, какой была душой, пока заставляла его ждать ответа.

Шутки шутками, но я всегда знала, что рано или поздно скажу ему «да». Без него мне не жить. Это все равно что подсолнуху жить без солнца. Ни секунды не медля, я прижалась губами к его губам.

Едва слышно Рейес сделал вдох, и я тут же выпрямилась. Его нематериальное тело вернулось туда, где ему и положено быть.

— Замечательно выглядишь, — сказал он.

— Странно, потому что ты выглядишь кошмарно.

Рейес рассмеялся и тут же поморщился от боли.

— С тобой и правда все в порядке? — спросила я.

— Все с ним нормально, — разочарованно проворчал Дилер.

А потом я услышала еще один голос. Женский и слегка брюзгливый.

— Ну? — спросила Джессика. — И что ты теперь собираешься делать?

Я в ужасе уставилась на ее тело. Нет. Ни за какие коврижки я не стану терпеть эту ведьму до конца своих дней.

— Могу поплакать, — предложила я.

— Я ведь мертва?

— Похоже на то.

— Это все твоя вина!

Звуки сирен приближались. Ну и как я буду объясняться с копами?

— Послушай, Джессика, — сказала я, чтобы ее поторопить, — ты должна перейти, но я не хочу тебя заставлять.

— Перейти? Через тебя? — фыркнула Джессика. — Да лучше умереть!

Я уставилась на нее, пытаясь одним взглядом указать на очевидный факт, но она исчезла раньше, чем я успела сказать что-то еще. Да уж. Если меня будет преследовать призрак бывшей лучшей подруги, которая стала врагом номер один, мне точно несдобровать.

Я глянула на Дилера. Он стоял неподалеку, скрестив на груди руки. Цилиндр съехал набок.

— Что там с душой мистера Джойса? — напомнила я о нашей изначальной договоренности.

Дилер пожал плечами и приподнял цилиндр:

— Она в его полном распоряжении.

Накатило облегчение, но тут же испарилось — к нам приближались служебные машины. За джипом агента Карсон ехали еще три. В корпусе ее тачки было полно дырок от пуль. Карсон резко затормозила, обдав меня столбом пыли. Маневр сомнительный, зато появился шанс спрятать кинжал в ботинке на здоровой ноге.

Когда агент Карсон вышла из машины, я расправила штанину и пожаловалась:

— Зуб даю, вы это нарочно.

Из джипов посыпались федералы, а Карсон бегом помчалась ко мне. Рейес поднялся на

ноги. Кто-то велел ему не двигаться, но он не послушался. Упрямец.

— Карсон, — позвала я, когда та проверяла пульс Джессики.

Как ни старалась, посмотреть еще раз на Джессику я не могла. Падение было долгим, и, судя по состоянию тела, в этом не оставалось никаких сомнений. Я осмотрелась по сторонам. Разумеется, Дилер испарился.

— На крыше тоже есть трупы, — добавила я, когда один из агентов помог мне встать.

Я старалась не наступать на сломанную ногу. Через несколько дней от перелома не останется ни следа, а лишнее внимание меня только взбесит. Поэтому я старалась не подавать виду, что мне больно.

— Я слышала выстрелы, после того как сбежала от них.

Раздав команде приказы, Карсон повернулась ко мне:

— Смею надеяться, у вас найдется всему этому объяснение. — Она перевела взгляд на Рейеса, потом снова посмотрела на меня.

Я прикусила губу и пожала плечами:

— Над этим еще надо поработать.

На территорию зернохранилища уже въехала целая вереница патрульных машин с мигалками и воющими сиренами.

— Советую поторопиться, — предупредила Карсон и велела одному из своих людей ввести копов в курс дела. — Мы за вами следили. Опасались, что с вами случится какая-то беда.

Как бы между прочим, Рейес прижал меня к себе, чтобы никто не заметил, что я стою на одной ноге, и раздраженно процедил:

— Значит, вы опоздали.

Появился дядя Боб. Сразу за ним — капитан. А вдруг он захочет поиграть на нашей стороне? Дибби, наверное, было бы полезно иметь возможность с кем-то поговорить. Раньше он все обсуждал с папой, но в последнее время они, к моему большому огорчению, друг от друга отдалились. Может быть, теперь, когда капитан знает о призраках, дяде Бобу будет полегче.

Дибби примчался к нам, но еще ничего не успел сказать, как Рейес поднял меня на руки и понес к его джипу. Похоже, никого особенно не волновало, что Рейес выглядит так, будто только что упал с башни высотой в семь этажей. То есть так выглядела его одежда. На смуглой коже не было ни царапинки. Вот только я не знала почему — из-за нашего поцелуя или из-за его способности исцеляться со скоростью света.

— Полагаю, в данный момент вам есть чем заняться, — сказал Рейес агенту Карсон.

Та открыла рот, чтобы возразить, но передумала, заметив решительное выражение его лица.

— Мне понадобятся ваши показания...

— Ей нужно домой, — сказал Рейес дяде Бобу тоном, не терпящим возражений.

Дибби кивнул, сказал что-то Карсон и пошел открыть дверь в машину. Очень осторожно Рейес посадил меня на сиденье. Его профиль был таким сильным, таким невозможно прекрасным, что я не могла насмотреться. Интересно, привыкну ли я когда-нибудь к его исключительной, ослепительной красоте? Вряд ли.

— Да, — повторила я на случай, если он не расслышал с первого раза.

Пару секунд он никак не реагировал, а потом на его щеках появились умопомрачительные ямочки.

— Ты уже говорила.

— Знаю. Хотела убедиться, что ты меня слышал.

— Запомни, как ты сейчас себя чувствуешь.

— Зачем? — подозрительно поинтересовалась я.

Но он не ответил, зато жестом подозвал Дибби:

— Не закроете нас от лишних глаз? — Дибби беспокойно нахмурился, и Рейес объяснил:

— Она начнет исцеляться прямо сейчас. Нужно кое-что исправить.

Поняв, что он говорит о моей ноге, я ахнула. По ощущениям ногу будто засунули прямо в огонь, но я терпела раны и пострашнее. И все-таки от мысли о том, что Рейес будет вправлять кость, — точнее что мне вообще надо что-то вправлять, — буйным цветом расцвела паника.

Дядя Боб кивнул и встал так, чтобы нас не видели другие офицеры.

Пока Рейес снимал с меня ботинок, я схватилась за руку Дибби и чуть не сползла с сиденья. Дядя Боб забрал ботинок, а Рейес осмотрел мою ногу. Лично я не могла себя заставить даже взглянуть на перелом.

В глубоких карих глазах плескалось сочувствие.

— Стисни зубы.

В мозгу ядерным взрывом вспыхнул страх.

— Может, нам все-таки...

Раздался громкий щелчок. От боли у меня вырвался крик, и все головы повернулись к нам. Но Рейес уже прижал меня к себе, а я вцепилась в него и уткнулась носом ему в плечо, переживая ужасную острую боль, от которой едва не потеряла сознание. Когда она стала переносимой, а я поняла, что точно больше не заору, я чуть-чуть отодвинулась и только сейчас заметила, что крупные пальцы дяди Боба все еще крепко сжимают мою ладонь.

*Как вы оцениваете свою боль
по шкале от одного до «наступил на кубик»?*

Плакат в больнице

Через два дня после события, ставшего известным в мире... ну, как минимум в офисе под названием «Ужасная трагедия в силосной башне» я, жалко хромая, вошла в административное здание Исправительной женской колонии Нью-Мексико. В одной руке я держала трость, в другой — папку. Куки сумела выяснить, что произошло с Мирандой, и даже добыла копию ее дела. Теперь было ясно, почему девочка решила остаться в вагончике канатки, и как сложилась судьба ее матери.

Чуть позже мне предстояло пойти на похороны, но утро сегодняшнего дня я специально посвятила одной-единственной женщине — матери Миранды. Женщине, которая так жестоко издевалась над собственной дочерью, что бедная девочка не избавилась от психологической травмы даже после смерти.

Миссис Нельмс творила с дочерью непостижимые вещи, и я должна была узнать, испытывает ли она хоть каплю раскаяния. Взяла ли на себя ответственность за свои поступки. Знала ли, как сильно повлияли ее действия на замечательного во всех смыслах ребенка. Было ли ей хоть чуточку не наплевать. У меня в голове не укладывалось, как мог кто-то творить столько ужасов. Нужно ли для этого быть социопаткой? Или просто конченной мразью?

Пришлось потянуть за кое-какие ниточки. Точнее за одну по имени дядя Боб. Он позвонил в женскую колонию и договорился о встрече. Сказал, что мне как консультанту полиции нужно допросить миссис Нельмс по одному старому делу, чтобы иметь возможность продвинуться в раскрытии нового преступления. Потому-то я и сидела сейчас перед огромным стеклом и ждала, когда появится мать Миранды.

За убийство дочери ее, слава богу, посадили за решетку, но она так ни в чем и не созналась. Из расшифровок стенограмм стало ясно, что она настаивала на своей невиновности, даже когда суд присяжных счел ее виновной. Даже когда судья приговорил ее к пятнадцати годам лишения свободы. Скорее всего через несколько лет она получит условно-досрочное освобождение. Если сегодня она провалит мой тест, я буду с нетерпением ждать, когда она окажется на свободе.

В комнату вошла, мягко говоря, упитанная женщина. Я поразилась. На фотографиях, сделанных при аресте, миссис Нельмс была болезненно худой, с заострившимися и высохшими чертами лица, напомилавшими трещины в земле в богом забытой пустыне. Как оказалось, в казенном доме она набрала вес и обстригла обесцвеченные до невозможности волосы. Теперь миссис Нельмс носила короткую стрижку, совсем не походила на отъявленную наркоманку, а выглядела, как весьма довольная жизнью дородная директриса института благородных девиц в России.

Сев по другую сторону стекла и с любопытством на меня взглянув, она подняла трубку.

Я сделала то же самое и, чтобы получить четкое и ясное представление о ее эмоциях, произнесла одно-единственное слово:

— Миранда.

Миссис Нельмс лишь моргнула и стала ждать, когда я перейду к делу. Но внутри вся ощетинилась. Ее пульс подскочил, мышцы напряглись.

— Вы ее убили? — продолжила я.

Женщина с такой силой поджала губы, что они побелели. А когда наконец заговорила, я чуть не отшатнулась от того, с какой горячностью прозвучали ее слова:

— Я ее не убивала.

Я едва усидела на месте, переживая волну капитального шока. Она не лгала. По крайней мере не лгала, отвечая на вопрос. Однако, когда Миранда перешла через меня, я видела, как ужасно и непростительно издевалась над ней сидевшая передо мной женщина. Я быстренько вспомнила все, что читала в отчетах по делу. Тело Миранды нашли в горах, прямо под канатной дорогой. Останки сильно разложились, поэтому точно установить причину смерти было невозможно. И все же эксперты склонялись к тому, что смерть наступила в результате удара тупым предметом по голове. На черепе Миранды было две трещины. Каждая могла привести к появлению субдуральной гематомы. А значит, любая из них могла стать причиной смерти. Кроме того, на щиколотках и запястьях Миранды были характерные борозды, свидетельствовавшие о том, что ее связывали. Многочисленные участки депигментации кожи говорили о побоях.

Разумеется, это не доказывало вину миссис Нельмс. Более того, все эти свидетельства доказывали обратное — Миранду мог похитить кто-то другой, кто связал ее, избил, а затем и убил. Но следствие установило, что миссис Нельмс солгала о том, как долго Миранды не было дома. Она утверждала, что дочь пропала за две недели до того, как обнаружили ее тело. Однако экспертиза дала заключение, что труп пролежал в горах не меньше месяца. Несовпадение времени в экспертной оценке и показаниях миссис Нельмс вкупе с другими косвенными уликами (такими, как многочисленные переломы и регулярные визиты в травмпункт в течение короткой жизни Миранды) убедили суд присяжных, что миссис Нельмс виновна в жестоком обращении с детьми, которое могло привести к смерти. Стороной обвинения было принято решение согласиться с присяжными, поскольку доказать непосредственную причастность женщины к смерти Миранды было невозможно.

— К ее смерти я никакого отношения не имею, — добавила миссис Нельмс.

От нее шла огромная волна гнева, но в глазах не было ни намека на чувство вины. Как такое возможно? Я ведь почувствовала, когда переходила Миранда, что мать стала причиной ее гибели.

Намереваясь во что бы то ни стало докопаться до истины, я наклонилась вперед:

— Тогда кто ее убил?

— Вы поэтому приехали? Допросить меня по моему делу? Мне сказали, вас интересует другое дело. Я думала, речь пойдет о моем сыне.

— О Маркусе? У него какие-то проблемы?

Миссис Нельмс смерила меня таким злым взглядом, что стало ясно — говорить и дальше она не собирается.

Может быть, она действительно социопатка, а я не ощутила ни намека на чувство вины только потому, что она ни капельки не чувствовала себя виноватой. Но она отреагировала, когда я назвала имя Маркуса. Едва заметно вздрогнула, и из нее полились эмоции. Вот

только не те, которых я ожидала. На долю секунды мне показалось, что это был страх. Так бывает, когда кто-то делает что-то плохое и не хочет, чтобы об этом кто-нибудь узнал. Впрочем, в таких вопросах опыта у меня маловато.

Зато я поняла, что нужно побывать кое-где еще.

— Ну что ж, — сказала я, положив локти на стол, — может быть, вы и не виновны в смерти Миранды напрямую, но уж наверняка поспособствовали. Теперь она в другом месте. Там, где такие чудовища, как вы, никогда не смогут причинить ей вреда.

На лице миссис Нельмс не дрогнул ни единый мускул. И больше ни слова она мне не сказала. Ну и пусть. Я получила то, за чем пришла. Увидела то, что должна была увидеть. Миссис Нельмс совершенно не раскаивалась в своих действиях. Убила она свою дочь или нет, все равно она была чудовищем. И я намеревалась лично убедиться в том, что она сгорит в аду.

На случай, если в будущем кто-то допустит ошибку и после смерти ее пошлют не туда, я положила ладонь на стекло, выбросила все из головы и шагнула в другое измерение. Здесь я уже бывала. Отсюда я видела пламя Рейеса. Видела, как оно ласково льнет к его коже. И в этом измерении я по-настоящему видела сидевшую напротив меня женщину. И ее душу — холодную, темную и пустую, как бездонная пропасть.

Сдвинув пальцы по стеклу, я полоснула миссис Нельмс своей энергией и отметила ее душу. Энергия обрела форму и впиталась чернотой в женщину. Я такое уже видела. На Рейесе. Не на его душе, а на коже. Из этой черноты создана карта к вратам ада. Из нее были сделаны его татуировки. И я точно знала, что отправила душу миссис Нельмс по правильному адресу.

Улыбнувшись, я заговорила в трубку спокойным и решительным тоном. И женщина мне поверила. Я чувствовала, что каждое мое слово она принимает как данность.

— Вы будете очень долго гореть в аду.

В ней вспыхнул страх. Несколько секунд она смотрела на меня, лишившись дара речи, а потом бросила трубку и встала. Подмигнув ей на прощание, я тоже повесила трубку. Здесь мне делать больше нечего.

Оказавшись в Развалюхе, я набрала Куки и сказала, как только она ответила:

— Найди адрес. Маркус Нельмс. Мне нужно знать, где он сейчас находится.

По шоссе I-40 я добралась до Мориарти — маленького городка в тридцати минутах езды на восток от Альбукерке — и сразу нашла центральную улицу. Маркусу Нельмсу было двадцать с хвостиком. По словам Куки, с двенадцати лет он то и дело сидел в тюрьме за разные мелкие преступления. Но чаще всего — за хранение наркотиков. Несколько раз свернув и пару раз умудрившись заблудиться в трех соснах, я наконец-то подъехала к маленькому райончику для трейлеров. Стоило мне остановиться, как пиликнул сотовый. Куки прислала фото Маркуса в профиль и анфас со времен последнего ареста. Маркус оказался симпатичным парнишкой, который уже хлебнул жизни.

От Развалюхи я прошла по молочаю и амброзии до шатких ступенек, а дальше, вверив собственную жизнь собственным же ненадежным рукам, поднялась до входной двери. Ни

машины, ни мотоцикла, ни какого-нибудь другого транспорта возле трейлера не было. Свет внутри не горел. Все указывало на то, что дома никого нет, но я все-таки постучала. После третьей и более решительной попытки сквозь тонкие, как бумага, стены трейлера я ощутила волну раздражения, а несколько секунд спустя на пару сантиметров приоткрылась дверь.

Из образовавшейся щелочки на меня смотрела пара темных глаз, принадлежавших, насколько я понимала, некоему мистеру Маркусу Нельмсу.

Показав удостоверение, чтобы выглядеть поофициальнее, я поинтересовалась:

— Мистер Нельмс, не могли бы мы с вами поговорить о деле, над которым я сейчас работаю?

— Я занят, — хриплым голосом отозвался он. Понятно. Я его разбудила.

— Маркус, — снова сказала я, пытаюсь наладить контакт, — меня зовут Чарли Дэвидсон. Я частный детектив. Наша встреча не грозит тебе никакими неприятностями. Мне всего лишь нужно задать тебе парочку вопросов, а потом я уеду. Так как? Можно войти?

Несколько секунд Маркус раздумывал, потом громко вздохнул и распахнул дверь. Он оказался по пояс голым, в одних джинсах, которые так низко висели на бедрах, что было очевидно: трусов под ними нет. Жуткая худоба и нездоровая кожа ясно говорили о том, что с наркотиками Маркус имеет дело давным-давно. Волосы выглядели так, словно не мылись как минимум неделю, хотя от самого Маркуса ничуть не воняло. Когда я вошла в гостиную, он включил единственную лампочку, света от которой хватило ровно настолько, чтобы я смогла без травм дойти до опасного на вид кресла.

Пару мгновений я впитывала ощущения, чтобы лучше понять хозяина трейлера. От жесткости, которую я ощущала в его матери, здесь не было ни следа. Мягким и пушистым Маркус тоже не был, но и назвать его холодным и расчетливым язык бы не повернулся. Мне он показался... уязвимым.

— Так в чем, собственно, дело? — спросил он, открыл банку энергетика и от души глотнул.

Кадык поднялся и опустился. Складывалось ощущение, что в его организме вообще нет жировой ткани, а я смотрю на обтянутой кожей скелет. Маркус уселся в еще одно такое же древнее кресло. Всего их было два. Правда, то, в котором сидел Маркус, было набито поплотнее. Сложив скрещенные ноги на ящике из-под молока, который служил здесь журнальным столиком, он внимательно посмотрел на меня.

— Соседи есть? — поинтересовалась я, осматриваясь по сторонам, чтобы меня не застали врасплох.

— Сейчас нет. Пару недель назад меня бросила девушка. — Маркус посмотрел на банку, которую вертел в руках. — Сказала, у меня проблемы с обязательствами. Вас Джонни прислал?

Он сделал еще один глоток, и я решила, что пора переходить к делу:

— Понятия не имею, кто такой Джонни, но хочу задать тебе несколько вопросов о твоей матери.

Маркус перестал пить, слегка закашлялся, а потом сказал:

— Это сука мне не мать. А вы явно не по адресу, раз решили, что я буду о ней говорить. Да и не видел я ее уже лет сто.

От него шла ощутимая жгучая ненависть, но было что-то еще. Боль. Острая, разъедающая боль, от которой у меня пересохло в горле. Или так, или в задней части трейлера у Маркуса лаборатория, где он варит мет, а я прямо сейчас дышу токсичными

парами. Вот это было бы по-настоящему хреново.

Потирая пальцем нижнюю губу, Маркус уставился в грязное окно.

Я ждала, пока он справится с эмоциями, а потом ударила по больному:

— Она говорит, что не убивала Миранду.

Следующее, что я ощутила, было таким мощным, будто кто-то врезал мне под дых, но Маркус даже бровью не повел. Ужасно захотелось согнуться пополам — настолько удушливой была боль, которую он испытывал. Но сам он не шелохнулся. Выражение лица не изменилось ни на йоту.

— Врет, — только и сказал Маркус.

— Я тебе верю. Не мог бы ты рассказать, что ты помнишь с того времени, когда пропала Миранда? Любая информация может помочь в деле, над которым я работаю.

— И что это за дело такое? — Помрачневшее от ненависти лицо повернулось ко мне. — Она в тюрьме. О чем еще тут говорить?

— О справедливости. Ради Миранды.

Однако мои слова ни к чему не привели. Маркус уже делал все, чтобы не отвечать на мои вопросы. Сейчас он сидел и изучал меня взглядом с ног до головы, словно раздумывал, на какой тарелке я буду выглядеть аппетитнее. Вот только никакого интереса ко мне он вообще не испытывал. Так он всего лишь пытался сменить тему. Загнать меня в угол.

— Как, говорите, вас зовут?

Я подалась чуть-чуть вперед, боясь его спугнуть, и спокойно заговорила, оценивая реакцию Маркуса на каждое мое слово:

— Меня зовут Чарли, и я была бы очень рада, если бы ты рассказал мне, что помнишь о сестре.

Когда прозвучало слово «сестра», обжигающее, рвущее душу на части горе Маркуса опять ударило меня в живот. Словно Миранда умерла только вчера. И до меня внезапно дошло, почему он принимает наркотики. Рана все еще кровоточила, а чувство вины каждый день все большее ее разъедало. Только накачивая себя препаратами, Маркус мог хоть немного притупить эту боль. Но существуют способы куда лучше наркотиков. В тот самый миг я дала себе торжественное обещание, что сделаю все, чтобы показать Маркусу путь к другим вариантам.

— До того как нашли ее тело, дома Миранды не было уже месяц. Ты помнишь, что произошло до ее исчезновения?

Отпив из банки, он опять уставился в окно, крепко стиснув зубы под натиском чувства вины.

— Мать ее была?

Громко фыркнув, Маркус мрачно уставился на меня. В его глазах поблескивали невыплаканные слезы.

— С чего вы взяли, что я хоть что-то вам скажу, если даже копам ни хрена не сказал?

— Я не из полиции. И занимаюсь этим делом исключительно ради Миранды.

— Она умерла. И ни черта вы тут поделать не можете.

От его мучений было трудно дышать. Да и видеть я стала плохо. В ответ на воспоминания о напуганной маленькой девочке из вагончика, о ее отчаянии мои глаза тоже наполнились слезами. Безнадежно и непоколебимо она верила, что ничего не стоит.

— Ты был на пару лет старше, — осторожно сказала я. — Может быть, по каким-то причинам ты чувствуешь себя ответственным за то, что произошло.

На губах Маркуса медленно появилась холодная улыбка. Он наклонился вперед, преодолев оставшееся между нами расстояние, и, практически уткнувшись носом мне в волосы, тихо сказал прямо в ухо:

— Я рад, что она умерла. — Я услышала, как у него перехватило дыхание. Несколько секунд он пытался взять себя в руки и только потом добавил: — Лучше бы она вообще не появлялась на свет.

Как бы жестоко ни прозвучали эти слова, я услышала в них совсем не то, во что он пытался заставить меня поверить. В нем не было ни капли ненависти, ни грамма презрения. Маркуса переполняли благоговение и отравляющее изнутри чувство вины. Что-то частенько в последнее время мне встречаются эти эмоции.

Отодвинув меня вместе с креслом, Маркус ушел по коридору. Я дала ему минуту, чтобы самой прийти в себя, и пошла за ним. Из него удушающими потоками лилось отчаянное горе. Без стука я открыла дверь в крошечную ванную. Маркус плескал водой в лицо и внешне выглядел абсолютно спокойным. Но внутри корчился в самой настоящей агонии. Сбоку на умывальнике стоял пузырек выданных по рецепту таблеток. В личном деле было сказано, что у него много лет наблюдались суицидальные наклонности. Я предположила, что в пузырьке было очень мощное болеутоляющее. Чтобы хоть немного ослабить боль, с которой жил Маркус, нужно что-то очень серьезное.

Когда он стал вытирать полотенцем лицо, я вошла в ванную и так мягко, как только могла, сказала:

— Маркус, ты же понимаешь, что не виноват в ее смерти?

В ответ он игриво подмигнул:

— Ясен пень.

Открыв бутылку, он высыпал на ладонь две здоровенные пилюли и проглотил. Немного подождал, а потом уселся на пол, не в силах справиться с грузом собственной вины. И только в этот момент меня окончательно осенило. Вот почему он подсел на наркотики. Он чувствовал себя виноватым за то, что не помогал сестре, когда еще была возможность. Он любил Миранду, и теперь я уловила эту любовь четче всего остального.

— Прошу вас, скажите, что эта тварь еще долго просидит за решеткой, — тихо попросил Маркус.

Я присела рядом. Как и сестре, ему слишком рано преподали жуткий урок — он ничего не стоит ни как человек, ни как личность.

В груди больно сдавило, но я все-таки сумела наклониться к нему.

— Маркус, ты можешь рассказать мне, что тогда произошло?

— Почему вас вообще это заботит? — спросил он. — Всем было наплевать. Даже мать написала заявление о ее пропаже только потому, что соседка начала задавать вопросы. А ее не было уже две недели. — Он посмотрел на меня. — Представляете? Прошло две, мать их, недели, пока ей не стукнуло в голову позвонить копам!

Я тихонько положила ладонь ему на колено. В руках он держал полотенце и скручивал его с такой силой, что побелели суставы пальцев. Вспоминать те времена Маркусу было нелегко. Взяв пузырек, он поднес его к губам, проглотил еще как минимум одну таблетку и закрыл глаза рукой.

— Нас выселили, и мы тогда жили в доме у тетки, который был выставлен на продажу. Тетка вышла замуж за какого-то толстосума из Калифорнии и сказала, что мы можем там пожить, пока дом не продадут.

Теперь понятно, почему Миранду нашли в той части города. Жилье там стоит нешуточных денег, а миссис Нельмс не показалась мне человеком, у которого хотя бы изредка водились в карманах приличные суммы.

— Что-то пошло не так, — продолжал Маркус, сжимая в кулаке полотенце. — Мать стала вести себя по-другому. Все говорила и говорила, что хочет теткин дом, но не может его себе позволить. А потом нарисовался мужик в деловом костюме, и я подслушал их разговор. Мать покупала страховку. На наши жизни. — Он убрал с лица руку и поднял голову.

В ванной было светлее, чем в гостиной, и мне наконец удалось рассмотреть цвет его глаз. Они были темно-зелеными.

— Она собиралась убить Миранду. Я это сразу понял. С того дня каждый раз, глядя на Миранду, мать улыбалась. — Маркус вытер мокрые от слез щеки. — Нет, не улыбалась. Скорее ухмылялась. Начала рассказывать мне, что мы сделаем с домом. Она хотела выкопать бассейн, устроить бар и купить огромный телик. Говорила, если у ее сестры могут быть красивые вещи, то и у нее тоже. А потом как-то ночью пришла в нашу комнату и велела нам одеваться. Сказала, что мы едем на озеро. Посреди ночи в январе ей, видите ли, приспичило съездить на озеро. — Его взгляд стал рассеянным. — Она собиралась ее убить.

Я сидела и слушала, стараясь никак не реагировать. Маркусу нужно было рассказать эту историю — историю Миранды — до конца.

— Но оказалось, что мы собирались слишком медленно. И она ударила Миранду. Сильно ударила. Помню, была кровь. В итоге мать мне сказала, чтобы я забыл об озере, потому что она везет Миранду в больницу. Но я знал, что и тут она врет. Взял Миранду, и мы сбежали через заднюю дверь. Мы собирались прятаться до утра, пока я не сумею позвать кого-то на помощь, но было очень холодно. А мы даже курток не взяли. К тому же было жутко темно. Мы ходили по округе, пытаюсь найти теплое местечко, и вдруг пошел снег. Миранда сказала, что устала, поэтому мы дошли до ближайшего валуна и уселись прямо возле него. — Маркус зажмурился и по впалым щекам опять потекли слезы. — Она уснула у меня на руках. И больше не проснулась. — Чтобы не разрыдаться, он закрыл руками лицо, тяжело сплотнул и сдавленно добавил: — Я пытался ее нести, но она была очень тяжелой. И я оставил ее где-то там. Как будто она какая-то вещь.

Вопреки всем усилиям, рыдания вырвались на свободу, и Маркус опустил голову на колени.

— Неправда, — давясь огромным комком в горле, возразила я и погладила его по голове. — Тебе было всего девять лет.

— Я заблудился и нашел теткин дом только на следующий день. Мать даже не поинтересовалась, где нас носило. — Маркус поднял голову, и в его взгляде я прочла горячий гнев. — И не спросила, где Миранда. Ни разу! Шли дни, а мы о ней так ни разу и не заговорили.

Я прикусила губу, раздумывая о том, смогу ли отобрать у него таблетки, потому что Маркус всыпал в рот еще несколько штук. А значит, не собирался выходить из ванной. Вообще.

— А потом соседка стала спрашивать о Миранде? — тихо спросила я, подбираясь ближе.

— Ну да. Тогда-то мать и поняла, что скрывать ее отсутствие больше нельзя. Вот и написала заявление. А мне велела соврать. Сказать, что ночью Миранда еще была в своей

постели, а наутро исчезла.

Я не могла винить его в том, что он солгал. В конце концов, он жил с чудовищем и наверняка боялся за собственную жизнь. Но прямо сейчас жизнь Маркуса волновала меня куда больше, чем его самого. Таблетки наконец сделали то, на что он и рассчитывал. Маркус откинул назад голову и расслабился.

Воспользовавшись шансом, я потянулась за пузырьком.

— Прошу вас, не надо, — вяло проговорил Маркус. Выглядел он уставшим, словно его покинули все жизненные силы. — Все равно вы ничего не добьетесь. — Он снова взял пузырек, и я ощутила, как его обволокло печалью. — Все в порядке. Скучать по мне некому.

— Ошибаешься.

В крошечной комнатке раздался невеселый, наполненный невыносимой безнадежностью смех.

— А вы не парьтесь. Это не какая-то там жалкая попытка прикинуться суицидником, пока кто-то есть рядом, чтобы вовремя звякнуть в неотложку. — Маркус поднял пузырек и встряхнул, показывая, что там осталась одна таблетка. — Это моя собственная версия русской рулетки.

— В смысле?

— В одном из этих колес (и я понятия не имею, в каком именно) смертельная доза цианида. Время от времени я ем по одной пилюльке.

Обалдев, я отобрала у него пузырек и прочла этикетку. Оксикодон. Вот только понятия не имела, соответствует ли этикетка тому, что было в пузырьке. С отвисшей челюстью я снова глянула на Маркуса. Он точно не лгал.

— По-моему, если я достоин жизни, то не проглочу смертельную таблетку. А если нет... — Он пожал плечами и снова запрокинул голову.

Я лихорадочно похлопала себя по карманам, но сотовый был в сумке, которая осталась в гостинной.

— Уходите, — печально улыбнулся Маркус. — Чему быть, того не миновать.

*Благодаря хреновым решениям
рождаются классные анекдоты.*

Надпись на футболке

На похоронах мы с Куки стояли в заднем ряду. Я была рада, что она пошла со мной. Нас со всех сторон обволакивало настолько осязаемое горе, что я едва дышала. Еще и нога разболелась.

Обычно я закрываю ту часть себя, которая впитывает чужие эмоции, как некоторые впитывают витамин D из солнечных лучей. Иначе пришлось бы ежедневно и непрерывно отбиваться от чужих трагедий. Чтобы выстроить такую «стену», нужна энергия, но со временем это стало получаться машинально. Каждое утро, выходя из дома, я первым делом «закрываюсь».

Но сегодня, на похоронах чудесной трехлетней девочки, чья любовь к двум отцам все еще ощущалась в воздухе, мои защитные механизмы дали сбой. Оставалось надеяться, что похороны Джессики, на которые меня пригласили, не будут такими болезненными.

Слава богу, на этой неделе мне не придется идти еще и на похороны Маркуса Нельмса. Вызвав «скорую», я рассказала врачам о цианиде. Маркусу сразу промыли желудок, но врач сказал, что цианид убил бы его почти мгновенно, даже несмотря на то, что «скорая» приехала вовремя, чтобы предотвратить передозировку оксикодоном. Оставшуюся в пузырьке таблетку проверили в лаборатории. Ею оказалась та самая, со смертельной дозой яда. И в ту же секунду я поверила в чудеса.

Маркусу понадобится помощь, и я уже спланировала все, чтобы он ее получил. Даже позвонила одному из друзей. Нони Бачича не только согласился взять Маркуса на работу к себе в мастерскую, но и обещал тщательно за ним приглядывать. Плюс будет отзваниваться мне и сообщать, как у Маркуса дела. Заручившись поддержкой Нони, я поговорила с сестрой, и та согласилась бесплатно консультировать Маркуса. Я всей душой надеялась, что эти меры помогут нам вытащить его из той убогой жизни, которую он до сих пор вел. Если все получится, впереди его ждет гораздо лучшее будущее. Сердце у него золотое, и он, как никто другой, заслуживает еще одного шанса. Судя по всему, так думала не я одна.

К сожалению, чудес на всех не хватает. Пришлось собрать в кулак всю силу воли, чтобы пережить похороны и не сломаться. Со всех сторон от друзей и родных Изабель Джойс ко мне неслись эмоции. У меня отчаянно кружилась голова, когда мы встали в очередь, чтобы принести соболезнования двум горюющим мужчинам. Они так сильно любили свою дочь, что подходить к ним все ближе и ближе было все равно что ломиться сквозь кирпичную стену.

Кажется, Куки поняла, что я вот-вот расклеюсь, и взяла меня за руку. Один за другим люди обнимали отцов Изабель, выражая искренне сочувствие. Смерть девочки все присутствующие воспринимали как личную утрату, оставившую дыры в их сердцах. Шмыгнув носом, Куки пожала руку Пола — мужа мистера Джойса. Он оказался крупным

мужчиной с теплыми глазами и крепким рукопожатием. Последнее я выяснила, когда подошла моя очередь. К счастью, он не стал спрашивать, как мы узнали о его прекрасной дочери. Мы с Куки заранее придумали более или менее правдоподобную историю, но так ею и не воспользовались.

— Спасибо, что пришли, — сказал Пол. Глаза у него были покрасневшими и полными слез.

Я чувствовала, с каким трудом ему удастся держать в узде удушающее горе. Произносить слова было для него пыткой. Ему хотелось лишь пойти домой и предаться скорби. У меня сжалось сердце. Захотелось сказать ему, что церемония скоро кончится, и они с мужем смогут вернуться домой, чтобы оплакать потерю и постепенно с ней справиться. Вместе. Но для таких слов время было неподходящее. Здесь собрались люди, чтобы выразить свое почтение Изабель. Вмешиваться было бы по отношению к ней крайне несправедливо.

Куки коснулась моего плеча, и я поняла, что все еще держу Пола за руку. Но он будто бы и не замечал. Потому что изо всех сил старался устоять на ногах и не рухнуть на землю. Мистер Джойс крепче обнял его за плечи. Они оба тяжело сглотнули, сдерживая рвущиеся наружу слезы.

И только теперь мистер Джойс понял, кто перед ним стоит. Беспokoйно покосившись на партнера, он посмотрел на меня раскрасневшимися глазами. Взяв его за руку, я подалась ближе и прошептала:

— Вы будете вместе. Ваша душа при вас. Не потеряйте ее снова.

Когда я начала отстраняться, он обхватил меня обеими руками и, уткнувшись носом мне в плечо, разрыдался. Положив руку ему на затылок, я из последних сил держалась, чтобы не разреветься вместе с мистером Джойсом. Ненавижу похороны. Ненавижу все обряды, которые подчеркивают, насколько хрупка и мимолетна жизнь на земле. Ненавижу, когда умирают дети. Даже зная все, что мне известно о жизни и жизни после смерти, и понимая, что на землю люди приходят лишь на краткое мгновение, все равно ненавижу. Я знаю, что по ту сторону лучше — об этом мне много раз говорили призраки. Но несмотря ни на что, я всеми фибрами души ненавижу смерть.

И, чтоб вы знали, слова о том, что любимые оказываются в лучшем месте, редко помогают оставшимся в живых. Если что и может помочь, то только время. Но и так нет никаких гарантий. Одни справляются с горем, другие — нет. По крайней мере не до конца.

После похорон у меня осталось еще одно дело. На вечер я планировала только одно — дать отдых ноге. Например, поваляюсь в ванне с пеной. А если добавить к этому свечи, бокал игристого вина и уже настоящего жениха по имени Рейес, то можно было надеяться, что вечер сложится прекрасно. Вот только жених по имени Рейес до сих пор выздоравливал после падения. Я понятия не имела, насколько серьезны его повреждения, потому что уснула, как только мы оказались дома. Но Рейес оставался рядом. Его жар пропитывал простыни и обволакивал меня блаженным, исцеляющим теплом. Спала я крепко, а когда проснулась, Рейеса уже не было. В комнате витал свежий аромат после душа, и мне до

смерти хотелось хоть одним глазком увидеть своего жениха. Но я боялась опоздать на похороны, поэтому так и не заскочила в бар перед отъездом.

Припарковавшись у забора, я покосилась на Куки. Заброшенную психушку чуть-чуть подремонтировали, территорию расчистили и обнесли новехонькой сияющей рабицей. Достав ключ, я спросила у Куки:

— Ты точно к этому готова?

Она никогда не видела сестру Рокета — Синюю Незабудку. И никогда не знакомилась с сестрой офицера Тафта — Ребеккой, которую мне нравилось называть Сахарной Сливой. Отчасти потому, что она умерла в пижаме, на которой были нарисованы сахарные сливы, а отчасти потому, что называть ее Сливой было приятнее, чем всеми теми именами, которые приходят на ум, стоит на нее взглянуть. Слива — та еще головная боль. С уймой проблем.

Глядя огромными глазами на здание, Куки кивнула, повернулась ко мне и, прикусив губу, нервно сказала:

— Тебе придется переводить.

— Не переживай, все сделаю, — отозвалась я.

Пройдя через ворота и поковырявшись в замках главного входа, мы осторожно вошли в дурдом. Куки осторожничала, потому что не очень-то любила заброшенные психушки. Особенно те, что с призраками. Я осторожничала, потому что вовремя последней встречи с Рокетом вела себя не очень-то вежливо. И это слабо сказано. Он мне сообщил, что Рейес умрет. А мне эти новости, мягко говоря, не понравились. Если честно, никогда в жизни мне не было так стыдно. В тот день я не нашла ничего лучше, чем угрожать пятилетней девочке — то бишь сестре Рокета — жуткой расправой.

Едва подумав об этом, я съежилась. Куки заметила, потому что ковыляла я прямо рядом с ней.

Снаружи убирали и тщательно следили за порядком, но внутри психушка напоминала руины после бомбежки. На полу вперемешку с мусором и черт знает чем еще валялись куски осыпавшейся штукатурки. Здесь не раз праздновали торжество жизни. Одного взгляда хватало, чтобы понять, как часто сюда вламывались любители потусоваться вдали от чужих глаз. Стены были разрисованы аэрозольной краской. Повсюду валялись пустые банки из-под пива и колы. То тут, то там на глаза попадались использованные презервативы, при виде которых хотелось вывернуться наизнанку. Да уж, было бы неплохо хорошенько здесь прибраться.

— Раньше он никогда на тебя не злился? — спросила Куки, прекрасно зная, как тогда все закончилось с Рокетом.

— Нет, но теперь наверняка злится. А если не злится, то мне будет еще хуже, чем сейчас.

— То есть ты хочешь сказать, что заслужила его гнев?

— Ага.

Но возразить Куки не успела. Я вздрогнула, услышав оглушительный крик, от которого по коридорам пронеслось эхо. Юный голос действовал на меня, как звук от ногтей, царапающих по школьной доске. Такое не каждый день услышишь.

— Где, бога ради, тебя черти носили?!

Передо мной появилась Слива. Как обычно, длинные волосы растрепанными локонами висели вокруг симпатичного личика. Когда она утонула, пижама измазалась, но по-прежнему была розовой и выглядела очень миленько. В отличие от самой Сливы.

Отвечать я не торопилась. Она видела, как меня в тот день прорвало, и я понятия не имела, злится она на меня до сих пор или нет. Призраки могут долго и нудно хранить обиды.

— Привет, детеныш, — в конце концов сказала я.

Краем глаза я видела, что Куки смотрит туда же, куда и я, хотя и не могла по-настоящему увидеть прелестную девочку, вставшую у нас на пути. Честное слово, Куки славнее всех на свете! И с ней куда удобнее, чем с тростью. Вместо того чтобы таскать повсюду металлическую палку, я могла опереться на Куки. А Куки наконец побывала там, где живет Рокет. То есть все остались в выигрыше.

— Ну так как? — спросила Слива. — Где тебя носило? Он очень расстроен.

— Сердится на меня?

Она сложила на груди маленькие ручки:

— Никак не хочет прекращать. Работает не покладая рук. Говорит, что опаздывает.

Работой Рокет называл свое призвание. И работа эта заключалась в том, чтобы выцарапывать на стенах дурдома имена всех, кто когда-либо умер, что немало способствовало тому, в каком плачевном состоянии находились упомянутые стены. Каждый сантиметр внутри психушки покрывали тысячи и тысячи имен. Куки только сейчас это заметила. Она медленно повернулась вокруг своей оси, и мне, чтобы не упасть, пришлось перемещать руку с одного ее плеча на другое. Было крайне неловко, когда я нечаянно схватила ее за грудь, но она не возражала.

— Невероятное место! — благоговейно выдохнула Куки.

— Вот и я о том же.

— Жуткое, но одновременно обалденное.

— Есть такое дело.

Уперев кулаки в бока, Слива раздраженно повторила:

— Ну?!

Когда Куки снова взяла меня за руку, я посмотрела на Сливу:

— Чего он не хочет прекращать, солнце?

Она с вызовом задрала нос:

— Не могу сказать.

Я уже начинала привыкать к тому, что эта прелестная заноза в заднице никогда не отвечает напрямую.

— А показать можешь? — спросила я.

Она приподняла плечики и глянула на Куки так, будто только что ее заметила:

— Это еще кто?

— Ой, прости. Это Куки. Куки, это...

— Ее зовут Куки?

— Да, а перебивать невежливо.

Пока Слива изучала взглядом мою лучшую подругу, в уголках ее глаз заплясала довольная улыбка.

— Мне она нравится.

— Мне тоже. Так ты покажешь, чем занят Рокет?

Еще раз пожав плечами, она куда-то нас повела, по пути засыпая Куки вопросами. Пробираясь по опасным для жизни коридорам, я светила фонариком и передавала подруге слова Сливы. К тому моменту, как мы нашли Рокета, СС знала о Куки все, что только можно было знать. В том числе и то, что у нее есть дочь. Тут же восплавав желанием познакомиться

с дочерью Куки, Слива взяла с меня обещание как-нибудь обязательно привести Эмбер сюда.

Еще раз свернув за угол, мы казались в коридоре, ведущем в палаты, и увидели Рокета, который выцарапывал на стене очередное имя. Рокет — как большущий колобок в человеческом обличье. Выше меня сантиметров на тридцать, если не больше, с добрыми пытливыми глазами, которые редко замечают, что происходит вокруг.

— Он опаздывает, — повторила Слива, указывая на стену, над которой трудился Рокет.

Но меня волновали не имена, а сам Рокет. И то, что я натворила. Ей-богу, я пойму, если он больше никогда со мной не заговорит. Хорошо, что Рейес купил дурдом. Теперь Рокету и Незабудке есть где жить. Будучи призраком, Рокет, тем не менее, наносил зданию весьма ощутимый урон. Если лечебница когда-нибудь рухнет, представить не могу, куда ему идти.

— Рокет, — тихонько приближаясь, позвала я.

Он остановился, посмотрел в пол и вернулся к работе. В левой руке он держал осколок стекла, которым царапал стену. Постепенно на поверхности оставались следы, превращаясь в букву. Вот только буква была не из нашего, не из английского алфавита. Я не обратила на нее внимания, оглядываясь в поисках его сестры. Чтобы увидеться с ней, мне понадобились годы. А в последний свой визит сюда я напугала ее до смерти. Образно выражаясь. Наверное, она больше никогда мне не покажется.

Даже понимая, что я здесь, Рокет продолжал работать. Отпустив Куки, я шагнула ближе.

— Рокет, мне очень-очень жаль. Прости меня за то, как я себя вела. Я не имела права злиться на тебя и угрожать твоей сестре. Мне нет оправданий.

— Все в порядке, мисс Шарлотта, — отозвался Рокет, так и не удостоив меня взглядом. — Но ему тут не место.

Он говорил о Рейесе.

— Он вчера умер, — сказала я. — И вернулся. Поэтому ты написал на стене его имя?

— Он опаздывает, — опять вставила Слива. — Люди умирают и умирают, а он их не записывает.

— Слива, он работает как сумасшедший. Видишь эти имена? — кивнула я на шедевры Рокета.

— Да нет же, — раздраженно заявила Слива. — Это не те люди, которые умерли. А те, которые должны умереть.

Я недоуменно моргнула. Мы стояли в комнате, которую Рокет до сих пор не трогал. Только в этой комнате стены раньше были чистыми. Без единой царапинки. Без единого имени. Однажды он мне сказал, что держит эту комнату про запас. А точнее — для того дня, когда наступит конец света. Для того дня, когда Рейес уничтожит мир, если достаточно долго пробудет на земле. Рокет говорил, что присутствие Рейеса на земле нарушает правила, нарушает естественный порядок вещей.

Рокет оглянулся:

— А ведь я вам говорил не возвращать его, мисс Шарлотта.

Я отошла, чтобы лучше рассмотреть стену. Слива права. Имена здесь были совершенно новыми.

— Не понимаю, — сказала я Рокету.

Наконец он перестал царапать стену и повернулся ко мне. А когда заговорил, его слова в маленькой комнатке были едва слышны:

— Я говорил, ему здесь не место. Он нарушает правила. — Он приложил к губам палец, как будто призывал меня к молчанию. — Правила нарушать нельзя, мисс Шарлотта.

— Кто все эти люди? — спросила я и, подойдя к стене, провела пальцем по неровным линиям.

— Люди, которые скоро умрут.

Я покачала головой и повторила:

— Не понимаю.

— Вы его не убили. А должны были убить. Вы не виноваты, но все равно должны были его убить. А теперь все они погибнут.

— Сколько погибнет людей?

Рокет посмотрел на результат своей работы и поджал губы:

— Все.

— Этого не может быть.

— Вы нарушили правила, мисс Шарлотта. Вы его вернули.

— Чужь собачья, — процедила я, опять начиная злиться на Рокета.

Он испуганно шагнул назад, а я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Извини, милый. Но я никак не могу понять. Почему Рейес принесет смерть всем этим людям?

— Не почему. Не когда. Только кто.

Единственное, что он мог мне сказать, — это кто умер. И никогда не говорил, как это произошло, когда и почему. Только кто.

— Нельзя нарушать правила, — дрожащим голосом добавил Рокет.

Я сощурилась. Гнев уже прогрызал себе путь сквозь воздвигнутую мной в душе стену.

— Я создаю правила, Рокет. Каким образом Рейес может стать причиной смерти... — я осмотрелась по сторонам, — ...тысяч людей?

— Не тысяч, мисс Шарлотта. Погибнет семь миллиардов двести сорок восемь миллионов шестьсот двадцать тысяч сто тринадцать человек.

Я ошеломленно покачала головой и еле выдавила сквозь крепко стиснутые зубы:

— Почему? Это же все, кто живет на земле. И это невозможно. Как это должно случиться?

Рокет нахмурился и задумчиво глянул под ноги.

— Или умрет один.

— Что? — недоуменно заморгала я.

— Если умрет один, то выживут все.

— Кто, Рокет? Рейес?

— Нет, мисс Шарлотта. На этот раз — нет.

— Минуточку! То есть я изменила судьбу? Я вернула Рейеса, но теперь должен умереть кто-то другой. — Рокет молча кивнул, и я опять спросила, теряя терпение: — Кто?!

Мы это уже проходили, и все закончилось очень и очень плохо. Рокет не хотел отвечать, но после нашей предыдущей встречи кое-чему научился. Теперь он знал, что лучше сказать мне правду, чем пытаться ее скрыть.

Тяжело сглотнув, он прошептал ответ. Слова прозвучали так тихо и казались такими хрупкими, что я боялась, они осыплются в воздухе раньше, чем я успею их расслышать. Но ничего такого не произошло. Слова просочились в мой разум и бились в мыслях оглушительными раскатами грома.

Рокет глянул на меня огромными глазами и чуть громче повторил:

— Вы, мисс Шарлотта.

Вот так-то.

Срочно еще кофеина!

Мне предстоит разрушить уйму жизней!

Надпись на футболке

Мы с Рейесом лежали лицом друг к другу. Каждый на своей кровати. Между нашими лицами оставались считанные сантиметры. Дыхание смешивалось, лаская кожу. Было уже за полночь, но Рейес только что вышел из душа. Под сандаловым ароматом мыла легко угадывался его уникальный земной запах. Завиток еще влажных волос упал на щеку.

Добиться хоть чего-нибудь еще от Рокета мне так и не удалось, но, если придется умереть, чтобы спасти мир, да будет так. Жаль только, если это случится в ближайшем будущем. Так или иначе, я собиралась наслаждаться каждой отведенной мне секундой вместе со своим женихом.

— Не хочешь зайти в гости? — спросила я.

В его глазах засияли веселые искорки.

— Даже не знаю. Ты живешь за тридевять земель.

Я пискнула, когда Рейес потащил меня на свою кровать, успев поцеловать в живот. Я тоже поцеловала его в живот, перевернулась и легла рядом.

Мы решили остаться на его половине двойной кровати. Все равно она была намного удобнее моей. Понятия не имела, что сон на хорошем матрасе настолько улучшает самочувствие. К такому легко привыкнуть.

У меня есть удивительная способность — сколько угодно жить в блаженном отрицании. Пока не умру, буду проживать каждый день так, будто впереди их еще миллион. И начну здесь и сейчас.

— Если мы когда-нибудь разведемся, — сказала я, выщеловывая дорожку по пульсирующей жилке у него на шее, — я заберу все твои матрасы. Заметь, предупреждаю заранее. Может, теперь ты захочешь заключить брачный договор.

— Ты собираешься со мной развестись?

— Ну-у, не прямо сейчас. У меня, видишь ли, есть парочка возлюбленных среди звезд кино. Я все еще лелею надежды на их счет. Так вот, если кто-нибудь из них когда-нибудь позвонит, ты сразу станешь вчерашним днем.

— А знаешь, это даже печально, как неожиданно порой умирают кинозвезды.

Я ахнула и, приподнявшись, уставилась на Рейеса с открытым ртом:

— Ты убьешь моих любимых звезд?

— Только тех, кто в тебя влюбится.

— Ну и ладно, — вздохнула я, закатив глаза. — Скажу Брэду перестать мне названивать. В конце концов, он женат.

— Мудрое решение. — Рейес прикусил мочку моего уха, и меня пронзило вспышкой удовольствия.

Я убрала прядь волос с его глаз.

— Ты купил мне новый джип.

Столкновение с мистером Разъяренным Психом случилось всего две недели назад. Ну не могла после этого Развалюха стать такой, будто ее только что спустили с конвейера.

— Я надеялся, ты не заметишь.

— Ну еще бы.

— Нони сделал все, что мог. Но ездить в твоей машине, не заменив все целиком, было бы опасно. Стоило бы дороже, чем купить новую, а проблемы не заставили бы себя ждать.

Честное слово, я все понимала.

— Спасибо. Все равно это Развалюха. Я чувствую ее дух.

Рейес погладил меня по голове, словно утешал расстроенного ребенка:

— Пусть так. Лишь бы тебе спокойно спалось по ночам, Датч.

Я рассмеялась, но все равно должна была наказать его за наглость, поэтому укусила за плечо. Больно укусила. Резко втянув воздух сквозь стиснутые зубы, Рейес навис надо мной и убрал челку с моих глаз.

— Говорят, тот, кто знает настоящее имя ангела смерти, обладает над ним властью. В нашем случае — над ней.

Я тут же протрезвела — разговор заинтересовал меня несколько больше, чем вкусные плечи.

— Серьезно? — спросила я, раздумывая, что за имя он имеет в виду.

— Да.

— И ты знаешь мое настоящее имя?

Он подпер голову кулаком и посмотрел на меня сверху вниз:

— Вообще-то, знаю. Слышал, как его шептали все ангелы на небесах, когда тебя отправляли сюда.

— И? — с надеждой вырвалось у меня. В этом смысле я о себе почти ничего не знаю.

— Ты не должна его узнать, пока живет твое физическое тело.

— То есть пока я не умру? — уточнила я. Это может случиться гораздо раньше, чем мы оба думаем.

— Да, пока ты целиком и полностью не станешь ангелом смерти.

— Но ведь ты уже знаешь мое имя. Мог бы и сказать.

Рейес опустил голову:

— Я не знаю наверняка, что произойдет, когда ты узнаешь свое имя. Как я и говорил, за ним кроется огромная сила.

— Как может какое-то там имя скрывать в себе силу?

— Твое имя не «какое-то там». Запомни одну вещь, Датч. Ты не из этого мира. Никогда ему не принадлежала и никогда не будешь принадлежать. Человеческое существование — всего лишь микросекунда твоей истинной жизни. Необходимое состояние, которое привело тебя в это измерение. Поначалу я думал, это и есть первопричина, почему отец хотел, чтобы я тебя дождался. Поймать ангела смерти можно только в человеческой форме. Иных способов пленить портал не существует. Это все равно что пытаться схватить руками дым.

— Ты сказал «поначалу».

— Да. И тут я согласен со Своупсом. Думаю, Люцифер солгал нам обоим. Скорее всего здесь есть что-то еще, но я не знаю, что именно. Так или иначе, когда твое физическое существование прекратится, ты по-прежнему должна будешь заняться работой. Которая продлится веками.

— А узнав свое имя, я стану еще сильнее? — озадаченно спросила я.

— Да, это входит в процесс преобразования. Поскольку твоя семья сама по себе очень могущественная, а ты и подавно, я представить не могу, что произойдет, когда ты узнаешь свое имя.

— Почему ты сейчас мне все это рассказываешь? — Я месяцами умоляла его рассказать мне хоть что-нибудь, но он постоянно отмахивался.

— Я у тебя в долгу, — сухо отозвался Рейес.

— Правда? Круто! И за что ты у меня в долгу?

Он заглянул мне в глаза, и меня поразила серьезность его взгляда.

— Ты сказала «да».

Я удивленно моргнула:

— То есть, по-твоему, раз я согласилась выйти за тебя замуж, то ты мне чем-то обязан?

- Ты не понимаешь, что это значит. Ты в буквальном смысле из королевской семьи. Тебя произвели на свет король и королева вашего народа. Наша с тобой женитьба все равно что женитьба всеми любимой принцессы и уличного оборванца.

Я фыркнула, но выражение его лица оставалось предельно серьезным.

— Опять же, даже среди своего народа ты совершенно особенная. Сильнее, чем все остальные. Я начинаю понимать, что твоя миссия намного важнее, чем мне когда-либо казалось. И наша с тобой свадьба... Скажем так, твои небесные, за неимением другого слова, родственники никогда этого не одобряют.

— Я бы хотела узнать о них побольше, — рискнула попросить я, но сразу стало ясно, что Рейес больше ничего не расскажет, поэтому сменила тему на его собственную семью: — Ну а как насчет твоих родителей? Ты планируешь с ними связаться? Я все еще считаю, что они были бы рады узнать, как у тебя дела. Что ты жив и здоров.

— Может быть. Наверняка твои родители хотят того же.

Я приподнялась на локте:

— В каком смысле?

— Они принесли огромную жертву. Как только их дитя избрали для этой миссии, они утратили все связи до тех пор, пока живет физическое воплощение ангела смерти. Они понятия не имеют, ни как у тебя дела, ни какой была твоя жизнь.

— Ничего себе! У наших родителей много общего. А ты помнишь, как родился? — ни с того ни с сего спросила я.

Мне всегда было интересно, как он появился на свет. И там, в сверхъестественном мире, когда его создал отверженный небесами отец, и здесь, на земле.

— Мои воспоминания о человеческом существовании не похожи на твои. Кое-что я помню, но многое — нет.

— А о своем создании ты что-нибудь помнишь? Помнишь, как Люцифер тебя сотворил? Рейес лег на спину и накрыл лоб согнутой рукой.

— Во всех подробностях.

— Расскажешь? — попросила я, пристроив подбородок у него на плече.

Он обнял меня, прижал к себе и рассеянно проговорил:

— Помню боль в процессе создания. Жар от огня. Цвет своей тлеющей кожи. Помню, как формировались и крепились под кожей мышцы и сухожилия. И помню существо, которое меня создало, — своего отца. Едва сделав первый вдох, я уже знал, что он не испытывает ни толики любви к своему созданию, а на уме у него только одно — скрытые намерения. У него

имелся некий план, а я был частью этого плана. Но сначала я должен был доказать, что чего-то стою. И начались испытания. — Вернувшись в реальность, Рейес поцеловал меня в нос. — Скажем так, сказочным мое детство не назовешь.

— А я бы с радостью послушала.

— Тогда вынужден тебя разочаровать, потому что рассказать ничего не могу.

— Почему?

— Потому что, если в твоём сердце живет хоть крупица любви ко мне, все это мигом исчезнет.

— Рейес...

— Датч, — перебил меня он, — пожалуйста, никогда об этом не проси. Этим мраком я делиться не стану. Иначе потеряю тебя навсегда. А единственное, чего я когда-либо хотел, — это ты. Ты в прямом смысле слова — свет в непроглядной тьме моего существования. Искупление за все прошлые грехи. Много столетий я ждал, когда ты родишься на земле. Чтобы обрести хотя бы призрачный шанс погреться в твоём свете. Ты как сила земного притяжения, которая манит меня все ближе и ближе с каждым твоим вдохом.

От его слов я напрочь лишилась дара речи.

— Представь себе холст, который окунули в черную краску. На нем только черное, и ничего больше. Ни единой линии. И нет у него никакой цели, кроме как нести тьму. И вдруг на него брызгают ослепительно-белым. Добавляют красного и синего. Желтого и зеленого. Теперь холст что-то значит. У него появляется смысл существования. Вот что ты сделала с моим миром — дала мне цель. Подарила свет и краски, чтобы заполнить наконец пустоту забвения. Без тебя... существует только тьма.

Я еще ближе прижалась к Рейесу и поцеловала в шею. Он пропустил сквозь пальцы мои волосы.

— Это будет моим тебе подарком на нашу свадьбу.

Приподнявшись, я смерила его пытливым взглядом.

— Имя, которое я слышал, когда тебя передавали этому миру. Все, каждый до единого, ангелы шепотом его произносили. Но лишь единожды. Им запрещено произносить его снова, пока ты не перейдешь из этой жизни в прежнюю. И только одному-единственному ангелу предоставят эту почетную обязанность — передать тебе твое имя. А я пока буду бережно его хранить и подарю тебе в день нашей свадьбы. Вместе с силой, которая кроется в твоём имени. Вместе со светом, который оно все в себе таит.

— Я... я не знаю, что сказать.

— Думаю, нам надо стать напарниками.

— Чего?!

В глазах Рейеса засверкало веселье.

— Раз уж на нас охотится Дюжина, я решил нанять в бар управляющего и работать с тобой на полную ставку.

— Ну, я, как бы...

— Понимаю, — Рейес потрепал меня по волосам, — кроме твоей благодарности, мне больше ничего не нужно.

— Рейес...

— Возражения не принимаются. Оставлять тебя одну теперь очень опасно. Да и кто станет задавать вопросы, если мы будем работать вместе?

Обалдеть. В последнее время желающие со мной работать размножаются, как кролики

на «Виагре». Наверное, трех напарников я все-таки осилю — бабулю Лил, Гаррета и Рейеса.

Мы могли бы назваться Чертовой Четверкой!

Или нет.

— Но у меня один вопрос, — заявил Рейес, прижимая к груди мою голову и демонстративно наглаживая мне макушку, чтобы дать понять: он знает, как я ему благодарна, что он снизошел до работы со мной. Какой он у меня все-таки скромняга!

— Всего один? — смеясь, спросила я, выглядывая из-под его ладони.

— Пока один. Почему все-таки ложковилка?

Пару секунд я лихорадочно соображала, о чем речь, пока не вспомнила о своем вопросе по поводу столовых приборов.

— Потому что! — Ей-богу, странно, что он вообще спросил. — Ложковилки многозадачные. Выглядят скромненько, но цели у них ого-го! Они как швейцарский нож, только пользы от них поменьше.

— Ясно, — с пониманием кивнул Рейес.

— А само слово какое классное! Разве найдется на свете человек, который против хорошенько положковилить?

Расхохотавшись, Рейес уже собирался меня поцеловать, как вдруг в дверь постучали. Судя по всему, стучал какой-то сумасшедший. Кто еще осмелится мешать сыну Сатаны?

Кроме меня, само собой.

Наспех напялив халат Рейеса, я помчалась открывать дверь в его же квартиру. В коридоре стоял взъерошенный Гаррет Своупс, только колотил он в мою дверь. Увидев меня, он тут же ринулся в квартиру к Рейесу, по пути оттолкнув меня в сторону.

— Я ошибался, — сказал он, подсовывая мне стопку бумажек. — Извини, что так поздно, но я во всем был не прав!

Все понятно. Его определенно нужно успокоить. А я, видимо, как раз из тех женщин, которым по плечу такие задания.

— Своупс, рано или поздно все ошибаются. Может, тебе поносить радужные вязаные гетры? Был у меня тяжкий период, когда только они и спасали.

Пока он ломился ко мне, проснулась Куки. Я жестом позвала ее зайти, изо всех сил стараясь не смеяться при виде ее волос. Ну или от того, что у нее на лице была зеленая минеральная грязевая маска. Зуб даю, об этом Куки просто-напросто забыла.

Она сонно прошла мимо меня, и поводов посмеяться стало больше — розовые пижамные штаны затолкались ей между ягодицами. Но я все-таки сдержалась.

Обернувшись, Гаррет пару секунд разглядывал Куки, но в конце концов решил никак не реагировать. Ведь знала же, что он не просто так мне нравится. Причина, правда, только одна. Ни к чему направо и налево разбрасываться здравым смыслом.

Из спальни вышел Рейес, бросил мимолетный взгляд на гостей и молча направился в кухню. Пока я просматривала бумажки Своупса, Рейес включил кофеварку, прекрасно зная, что для нас с Куки позднее время не проблема, и достал из холодильника две бутылки пива. Даже обычный быт в его исполнении выглядел по-мужски. Господи, как же я его люблю!

— Так в чем ты ошибался? — спросил он у Гаррета.

Тот помрачнел, глядя то на меня, то на Рейеса.

Я оторвалась от бумажек:

— Все это ты уже рассказывал. Это пророчества твоего фон Гольштейна.

— Нет, доктор фон Гольштейн всего лишь переводчик. Ему пришлось неслабо попотеть,

потому что пророчества написаны на мертвом языке, еще и шифром. Вполне объяснимо, что в нескольких местах он допустил ошибки. А вот я неверно истолковал его тексты. Этот твой новый друг, Дилер, оказался весьма полезным.

— Это хорошо. — Я плюхнулась рядом с Куки на диван Рейеса.

Она зевнула. Видимо, сегодня они с дядей Бобом засиделись допоздна. Даже думать об этом не хочу. Надеюсь только, что намазалась она уже после его ухода.

Глубоко задумавшись, Гаррет мерил шагами комнату и время от времени отпивал из бутылки, которую дал ему Рейес.

Рейес сел на подлокотник рядом со мной и сказал:

— Кофе будет готов через две минуты. — Потом раздраженно глянул на Гаррета и подначил: — Ты расскажешь наконец, в чем дело?

Я ткнула жениха локтем под ребра и предложила:

— Своупс, ты бы присел.

— Речь о тебе. О дочери, — нервно отозвался Гаррет, причем было заметно, что его беспокойство растет. — Поначалу мы с доктором фон Гольштейном думали, что все упоминания о дочери в пророчествах касаются тебя. Что именно тебе предстоит сразиться с Люцифером.

— Ясно. — Меня больше волновал тот факт, что я вот-вот начну пускать слюни от запаха готовящегося кофе. Аромат бил по нервам, как крестильная вода по коже. Что до папаши Рейеса... Ну, это я могу. Могу с ним подраться. В конце концов, мне и так скоро умирать.

— Но упоминания в пророчествах, — продолжал Своупс, — можно поделить на два типа. Потому что они касаются двух разных временных отрезков.

— У меня уже голова кружится, — пожаловалась Куки, глядя, как Гаррет мечется из угла в угол.

Она потерла лоб, и я краем глаза заметила, как до нее стало доходить. Медленно-медленно она опустила руку, и усталость с примесью любопытства на ее лице сменилась полнейшим ужасом. На пару секунд Куки замерла, а потом поднялась, поглядывая в сторону ванной Рейеса.

Понадобилось все мое хваленое самообладание, чтобы не рассмеяться. Тем более что у меня и в мыслях не было смеяться над Куки. Ну разве что совсем чуть-чуть. Мне хотелось посмеяться не над ней, а вместе с ней. Но на этот раз опять пришлось сдержаться, чтобы не возникло неловких двусмысленностей.

Не успела Куки сделать и двух шагов к ванной, как в дверь опять постучали. Наши с ней взгляды встретились. Думали мы об одном и том же. Эмбер осталась одна. Может быть, она проснулась и испугалась?

Мы обе ринулись к двери, но Рейес нас опередил. Черт бы побрал сверхъестественных существ! Но, когда он открыл дверь, на пороге стояла не Эмбер, а целая группа монахинь. Что само по себе странно, особенно если учесть, что на дворе стояла ночь.

— Церковь теперь по гостям ходит? — хромая к двери, проворчала я и встала рядом со своим мужчиной.

Одеты мои аскетичные друзья были вполне нормально. Лишь покрытые головы выдавали, что перед нами монахини. Дамы разделились, пропуская кого-то вперед. В квартиру буквально внесли одну из моих лучших подружек — сестру Мэри Элизабет. В руках своих соратниц она в прямом смысле слова висела. На лбу поблескивал пот. Глаза рассеянно

смотрели в никуда.

Я бросилась на помощь. За мной — Гаррет. Вместе мы затащили сестру внутрь, и Рейес запер дверь. Сестра Мэри Элизабет упала на колени, схватилась за голову и запричитала что-то о том, что их слишком много.

— И так уже несколько часов, — сообщила мать-настоятельница, присев рядом с нами. В коротком покрове на голове и в обычном платье она выглядела не так устрашающе, как обычно.

Следом заговорила еще одна — если не ошибаюсь, сестра Тереза:

— Сначала она и вовсе кричала.

— Да, — подтвердила мать-настоятельница, глядя сестру Мэри Элизабет по голове.

Впервые я видела ее волосы, и они оказались короче, чем можно было ожидать. Наверное, в обычные дни простое каре смотрелось неплохо, но сейчас локоны спутались, словно сестра только что проснулась, а во сне всю ночь пыталась снять с себя скальп. Подозрения подтверждались еще и тем, что между пальцами у нее виднелись целые пряди.

— Она то и дело стонет от боли и твердит, что все они говорят одновременно, — сказала третья сестра, которую я не узнала.

— Ангелы? — уточнила я, прижимая к груди голову сестры Мэри Элизабет. Она тут же успокоилась, но все еще раскачивалась в моих руках.

— Да, — ответила мать-настоятельница. — По ее словам, они чем-то крайне расстроены.

— Чем? — спросила Куки. На зеленом лице отражался шок. — Что могло так расстроить ангелов?

Прежде чем кто-то успел ответить, сестра Мэри Элизабет замерла. Потом вдруг выпрямилась и встала на ноги. Я помогла ей, а Рейес — мне, потому что нога все еще побаливала. Взяв сестру за плечи, я попыталась привлечь к себе внимание.

Когда наполненные страхом глаза сосредоточились на мне, ужас на ее лице уступил шоку, а затем и невыразимой печали. Коснувшись моей щеки, сестра посмотрела вниз и тихо, испуганно проговорила:

— Чарли, что же вы натворили?

— Чего? — Я глянула на остальных сестер, но они, похоже, тоже ничего не понимали. — А что я натворила?

Вдруг сестра Мэри Элизабет рухнула на колени и положила руки мне на живот. Потом одной ладонью прикрыла рот и, глядя то на меня, то на Рейеса, приглушенно повторила:

— Что же вы наделали?!

И тут меня осенило. Потрогав живот, я все поняла. Мгновенно, словно в голове ярко вспыхнула молния. В животе разливался теплый свет, наполняя меня до краев необъяснимой пылкой радостью, невообразимой безоговорочной, самоотверженной любовью.

Первым все понял Рейес. На его лице, как и на лице сестры Мэри Элизабет, отразился полнейший шок. Рейес подошел ближе и положил руку мне на живот, накрыв одновременно обе наши с сестрой ладони. В ответ я ощутила теплую пульсацию, словно новая жизнь приветствовала его, словно между нашими телами образовалась невидимая связь.

Я глянула на Гаррета. Он тоже все понял.

— Дочь, — с благоговением выдохнул он.

Он знал. Пророчества о дочери света касались меня, но те отрывки, в которых речь шла просто о дочери... Я устала на свой живот. Бережно обняла его, как будто уже держала

ее в руках. Из Рейеса на меня волнами лился водопад счастья и замешательства.

И вдруг я ощутила присутствие кого-то еще. Кого-то, кто в буквальном смысле наслаждался происходящим. Почувствовав то же, что и я, Рейес напрягся. На улице перед домом стоял Дилер. Я практически видела, как он улыбается в темноте, пока все мы постепенно осознаем истину. Но он уже знал. И всегда знал.

Господи, что же я натворила?!

Бонус: Глазами Рейеса

Я разделся и залез в постель, стараясь не думать о последних открытиях, касающихся Чарли Дэвидсон. Напрасно. Беспокойство не отступало, и я ни черта с этим поделать не мог. Она никогда меня не слушает. Давно пора это понять. Впрочем, стоит признать, что упрямство составляет львиную долю ее очарования. К сожалению, рано или поздно это ее убьет. Разумеется, я сделаю все, что смогу, чтобы не дать этому случиться, но она снова и снова отказывается прислушиваться к моим советам и предупреждениям, а это весьма затрудняет достижение цели.

Но она расплачивается за свое упрямство. Еще как, черт бы все побрал, расплачивается. Учитывая все, через что она прошла, любой на ее месте хотя бы постарался избегать рискованных ситуаций. Я не раз слышал, как она вскрикивает по ночам. Чувствовал, как по ее венам течет холодный страх, когда сны становятся мрачными. Этот страх проникает сквозь разделяющую нас стену и острым лезвием врезается мне в кости.

Стоило об этом подумать, как снова разожглась ярость. Я тяжело сглотнул, чтобы взять себя в руки и не дать ей вырваться на свободу. О других Датч беспокоится несоизмеримо больше, чем о самой себе. И это никак не вписывается в то, что мне известно об ангелах смерти. На людей им плевать. Они делают свою работу и живут как ни в чем не бывало.

Датч совершенно другая. Уникальная. Всякий раз, думая об этом, я против воли испытываю прилив гордости. Если бы она имела хоть какое-то понятие, на что способна, мне бы светили серьезные неприятности. С ангелами смерти не шутят. И однажды она все поймет.

Я почувствовал, когда она легла в постель. Не считая гипсокартона, наши кровати стоят изголовьями друг к другу. И наличие стены, честно говоря, все больше и больше меня бесит. Надо что-то с ней делать, и поскорее. Но даже со стеной между нами чувствовать Датч так близко все равно что смазать рану бальзамом. Она успокаивает вечно бушующие во мне моря. Освещает тьму, в которой я существую. Что бы я ни делал, я не могу ею насытиться. И никогда не смогу. Даже в детстве я постоянно о ней мечтал. Знай я тогда, что она не просто плод моего воображения, пустился бы на ее поиски во плоти гораздо раньше, чем это произошло на самом деле. И все же я снова и снова ходил к ней во сне. Живая, ни с чем не сравнимая энергия ее ослепительно яркой души манила меня каждый раз, когда я закрывал глаза. Но мне удавалось держаться на расстоянии и обнаруживать себя, только когда Датч угрожала опасность, что случалось не так уж редко.

И все же в самые одинокие, самые тяжелые моменты, когда боль становилась невыносимой, я искал ее намеренно. Жил только благодаря ей. Если бы ее свет не освещал мой путь, я бы заблудился много лет назад. Наверняка бы наложил на себя руки и, очень может быть, прихватил бы по пути еще несколько жизней. Такова простая истина.

Какое-то время спустя я снова ее почувствовал. Почувствовал, как она осторожно, неуверенно прошла сквозь преграду между нами. Нервы зазвенели. Что она задумала? Всего пару недель назад ее серьезно ранили, и я поклялся дать ей время прийти в себя. Может быть, она потихоньку исцелялась. Учитывая, чем она лучилась прямо сейчас, ей уже было намного лучше.

Энергия набирала силу. Датч тянулась ко мне разумом, играя в игру, в которой я

преуспел давным-давно. Естественно, меня это развлекало, поэтому в ответ я послал к ней свою сущность. Вышел из тела и просочился сквозь барьер, словно его и не было.

Датч прижалась ладонью к стене. Ей хотелось ко мне прикоснуться. Так же, как я сейчас прикасался к ней. Я специально не материализовался. Провел пальцами вниз по ее руке. Погладил по щеке и шее и лег сверху. Датч втянула носом воздух, и от легкого движения что-то сдвинулось в самом центре моего естества. Я накрыл ладонью упругую, дразнящую своей податливостью грудь. У Датч вырвался тихий стон, спина изогнулась. Она терлась об меня, и я во всех смыслах стал тверже. Ей-богу, она — самое сексуальное создание из всех, что я видел. А повидать довелось немало.

Но внезапно она остановилась. Открыла глаза, и золотистые омуты засияли, как вода в лунном свете. Начала бороться, атаковала меня разумом, чтобы поменяться местами. Не раз и не два я покидал физическое тело, чтобы прийти к ней, и в нематериальном виде получал в награду не меньшее удовольствие, чем во время физической близости. Но от одной только мысли, что она хочет сделать то же самое, к члену прилила кровь, и я содрогнулся от вспышки удовольствия, когда по мне вихрем промчалась энергия Датч.

Ее сущность отделилась и жаром обдала меня с ног до головы, словно пробовала на прочность каждый сантиметр моего тела. Я ощутил, как Датч провела пальцами по моему животу, а потом с намеком на робость обхватила член. Стиснув челюсти, я сжал в кулаках простыни, отчетливо чувствуя, как по мне вверх и вниз скользят губы и язык и как оставляют дорожки на чувствительной коже зубы. Но еще я чувствовал, что ей хочется чего-то большего. Однако зайти дальше, забраться глубже позволить не мог. Иначе она увидит то, что я не хочу ей показывать.

И я ее остановил. Выстроил высокие стены, чтобы скрыть лежащее на поверхности. Но это же Датч — самое могущественное создание среди ей подобных. Она напитала энергию силой, сделала ее острее, забралась ногтями под кожу, в самую плоть. Я с трудом не выругался, но все-таки процедил:

— Датч.

Чтобы предупредить. Только бороться с ней было бессмысленно. Она слишком сильна. Поэтому одним быстрым ударом сокрушила все мои щиты.

В кости и мышцы проник жар и взорвался внутри. Ничего подобного я никогда не чувствовал. Что-то горячее, как лава из пробудившегося вулкана, сжигало меня изнутри, текло по венам, опаляло нервы. Рывком, одной сокрушительной волной Датч разлилась во мне, и от вспышки наслаждения меня чуть не снесло с кровати.

Наши энергии столкнулись, посыпались искры. С каждым ударом ее сердца мой голод рос. Мы ласкали друг друга снова и снова. Она туго обернулась вокруг меня и мучительно медленно поднималась и опускалась. Я не выдержал — подмял ее под себя и подверг тем же мучениям — медленно и сильно. Я чувствовал, как в ней приливной волной вихрится и нарастает экстаз. Целовал, впитывал ее суть, врвался в нее быстро и неудержимо, пока она не взорвалась каскадом мерцающих огней. Когда ее настиг оргазм, кончил и я. Вот только я не был по-настоящему внутри нее, не лежал по-настоящему на ней, поэтому, стиснув зубы и чувствуя, как в такт пульсу сокращаются мышцы, забрызгал себе к черту весь живот.

Когда оргазм наконец сошел на нет, я накрыл рукой лицо и стал прислушиваться к собственному тяжелому дыханию. Ничего невероятнее со мной в жизни не случилось.

Я снова потянулся к манящей загадке, которую во вселенной зовут дочерью света:

— Приходи ко мне спать.

Она не ответила, но я слышал, как тяжело она дышит в подушку. Я встал и пошел помыться, зная, что она на меня смотрит. Кажется, я улыбнулся. Датч дождалась моего возвращения. Снова ложась в постель, я чувствовал себя уставшим, как никогда, но все-таки повторил:

— Приходи ко мне спать.

Точно не знаю, ответила она или нет, потому что сразу уснул, как будто трахался по-настоящему — жестко и быстро. Больше я ничего не помнил, пока не проснулся от дикой паники, хлынувшей ко мне из квартиры Чарли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных изданий.

Любое коммерческое использование данного перевода запрещено.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Трикстер (англ. *trickster* — обманщик, ловкач) — архетип в мифологии, фольклоре и религии; божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или не подчиняющееся общим правилам поведения. Для трикстера важна суть игрового процесса, а не сама игра.

«Ветераны зарубежных войн США» — одна из самых влиятельных общественных организаций Америки. В разные годы её действующими, а не почётными членами были восемь президентов США, известные спортсмены, астронавты. По инициативе ветеранской организации в стране принят действующий гимн США. День ветеранов объявлен национальным праздником, принят ряд законодательных актов по защите военнослужащих и ветеранов Второй мировой войны, войн в Корее и Вьетнаме.

Escalofriante — (исп.) жуткий; ужасный; зловещий.

(Исп.) У меня от него мороз по коже.

Песня из мюзикла «Оклахома!», впервые поставленного на Бродвее 31 марта 1943 года.

Фул-хаус — (англ. full house — «полный дом») комбинация карт в покере между каре и флэшем, состоит из одной тройки (три одинаковых по рангу карты) и одной пары (две одинаковых по рангу карты).

Pendejo — (исп.) придурок, дурак; чувак.

Декстер — вымышленный серийный убийца, главный герой одноименного сериала, снятого по мотивам романа Джеффа Линдсея «Дремлющий демон Декстера».

Фигурки «Чи́а-Пе́т» — по сути, цветочный горшок в форме животных, в котором прорастают семена чиа и других трав. По задумке, зелень «превращается» в колючки ежика, панцирь черепашки, «шубку» животного и под.

Федеральное шоссе в округе Берналильо, штат Нью-Мексико.

Расположена в Альбукерке, штат Нью-Мексико.

Сандия — название горы, от подножия на вершину которой ведет самая длинная в США канатная дорога.

Pendeja — (исп.) дура; чувиха.

Официальное прозвище штата Нью-Мексико.

Амслен — основной жестовый язык в сообществах глухих США и англоговорящих частей Канады.

«Плимут-куда», он же «плимут-барракуда» (англ. Plymouth 'Cuda, Plymouth Barracuda) — двухдверный автомобиль производства Plymouth, подразделения Chrysler Corporation. С 1964 по 1974 годы сменилось три поколения.

Лоса — (исп.) полоумная, психически больная; шальная, безрассудная; дура.

(Исп.) Боже мой!

(Исп.) Черт побери!

(Исп.) Боже, помоги мне!

«Рокетбастер» (англ. Rocketbuster) — торговая марка ковбойских сапог ручной работы. Стоимость от тысячи долларов и выше.

Cookie — (англ.) булочка; печенье; коржик.

(Исп.) Этот ваш выдуманный/воображаемый дядечка.

Target Corporation — американская компания-ритейлер, управляющая сетью магазинов розничной торговли, работающих под марками Target и SuperTarget. Штаб-квартира расположена в городе Миннеаполис (штат Миннесота, США).

(Ит.) Поняла?